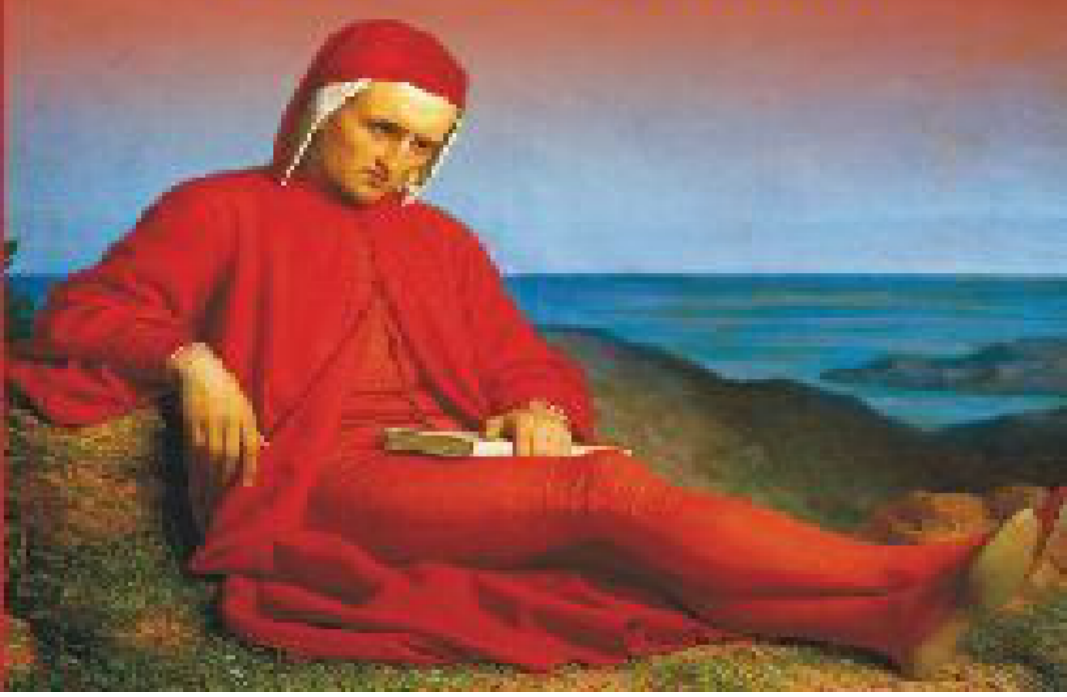
100 ВЕЛИКИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гомер открыл Европе и всему человечеству Литературу; талантливый художник слова Данте Алигьери создал настоящие шедевры художественной литературы; а из-под пера одного из самых великих писателей мира Сервантеса вышел самый главный положительный герой – Дон Кихот… Сто великих имен, сто непростых судеб. Их творчество определило пути развития национальной и мировой литературы, а произведения вошли в ее золотой фонд. Автор новой книги из серии «100 великих» В.М. Ломов повествует о жизни и судьбе великих зарубежных писателей и их ближайшего окружения в контексте исторических событий.

- Виорель Михайлович Ломов
  - ОСТАВШИЕСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
  - ДРЕВНИЙ МИР
    - ГОМЕР
    - ГЕСИОД
    - ЭЗОП
    - ЭСХИЛ
    - СОФОКЛ
    - ЕВРИПИД
    - АРИСТОФАН
    - ВАЛЬМИКИ
    - КВИНТ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ ВЕРОНСКИЙ
    - ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН
    - ГОРАЦИЙ КВИНТ ФЛАКК
    - ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН
    - АПУЛЕЙ
  - СРЕДНИЕ ВЕКА
    - ВАН ВЭЙ (МО-ЦЗЕ)
    - ХАКИМ АБУЛЬКАСИМ ФИРДОУСИ
    - ОМАР ХАЙЯМ
    - СААДИ ШИРАЗИ
    - ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ
    - ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА
    - ДЖОВАННИ БОККАЧЧО
    - ХАФИЗ
  - РЕНЕССАНС
    - ФРАНСУА ВИЙОН
    - ФРАНСУА РАБЛЕ
    - МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ

- МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС САВЕДРА
- ФРАНСУА ДЕ МАЛЕРБ
- УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

- XVII ВЕК
  - ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН
  - ЖАН БАТИСТ МОЛЬЕР
  - МАЦУО БАСЁ
- XVIII ВЕК
  - ДАНИЭЛЬ ДЕФО
  - ДЖОНАТАН СВИФТ
  - СЭМЮЭЛ РИЧАРДСОН
  - ЦАО СЮЭЦИНЬ
  - ПЬЕР-ОГЮСТЕН КАРОН ДЕ БОМАРШЕ
  - ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ
  - ИОГАНН КРИСТОФ ФРИДРИХ ФОН ШИЛЛЕР
- XIX ВЕК
  - ВАЛЬТЕР СКОТТ
  - ЭРНСТ ТЕОДОР ВИЛЬГЕЛЬМ (АМАДЕЙ) ГОФМАН
  - СТЕНДАЛЬ (АНРИ МАРИ БЕЙЛЬ)
  - ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН
  - ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
  - АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ
  - ВИКТОР ГЮГО
  - ЖОРЖ САНД
  - ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН
  - ЭДГАР АЛЛАН ПО
  - УИЛЬЯМ МЕЙКПИС ТЕККЕРЕЙ
  - ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС
  - СЕСТРЫ БРОНТЕ
  - ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ
  - ШАРЛЬ БОДЛЕР
  - ГЮСТАВ ФЛОБЕР
  - ЖЮЛЬ ВЕРН
  - ГЕНРИК ИБСЕН
  - ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ (ЧАРЛЬЗ ЛЮТВИДЖ ДОДЖСОН)
  - МАРК ТВЕН (СЭМЮЭЛ ЛЭНГХОРН КЛЕМЕНС)
  - МАШАДУ ДЕ АССИЗ
  - ЭМИЛЬ ЗОЛЯ
  - ФРИДРИХ НИЦШЕ
  - АНАТОЛЬ ФРАНС
  - ГИ ДЕ МОПАССАН
  - РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН

        - ОСКАР УАЙЛЬД
    - XX ВЕК
        - ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ
        - АРТУР КОНАН ДОЙЛ
        - РАБИНДРАНАТ ТАГОР
        - РЕДЬЯРД КИПЛИНГ
        - РОМЕН РОЛЛАН
        - ГЕРБЕРТ УЭЛЛС
        - ДЖОН ГОЛСУОРСИ
        - ЭДМОН РОСТАН
        - ТЕОДОР ДРАЙЗЕР
        - ТОМАС МАНН
        - ДЖЕК ЛОНДОН
        - ХУАН РАМОН ХИМЕНЕС
        - ДЖЕЙМС ДЖОЙС
        - ЯРОСЛАВ ГАШЕК
        - КАРЕЛ ЧАПЕК
        - РЮНОСКЭ АКУТАГАВА
        - ДЖОН РОНАЛЬД РУЭЛ ТОЛКИЕН
        - ФРЕНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД
        - ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА
        - БЕРТОЛЬД БРЕХТ
        - ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК
        - ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ
        - ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
        - АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
        - ГРЭМ ГРИН
        - ЖАН ПОЛЬ САРТР
        - ЭЖЕН ИОНЕСКО
        - УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ
        - ЭРВЕ БАЗЕН
        - ХУЛИО КОРТАСАР
        - РЭЙ БРЭДБЕРИ
        - КОБО АБЭ
        - ЮКИО МИСИМА
        - ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ
        - КАРЛОС КАСТАНЕДА
        - ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС
- notes
    - 1

Виорель Михайлович Ломов
100 великих зарубежных писателей

ОСТАВШИЕСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Задержаться в литературе удается немногим, но остаться – почти никому.

К.И. Чуковский

Выбрать «100 великих зарубежных писателей», т. е. в таблицу вроде Менделеевской вставить сто имен, – все равно что решить уравнение из трех неизвестных. Слова «великий – превосходящий общий уровень», «зарубежный – заграничный», «писатель – человек, который занимается литературным трудом» – ни о чем не говорят. Они расплывчаты, как вообще всё, что имеет отношение к искусству и литературе в частности. Несогласных со мной прошу ответить на три вопроса. Насколько «общий уровень» времен Эзопа или Монтеня отличается от «общего уровня» времен Флобера или Акутагавы, и можно ли сравнивать этот уровень в Древнем Риме с уровнем современной Колумбии? Известен ли вам хоть один зарубежный представитель какой угодно профессии республики Зимбабве или Островов Зеленого Мыса? А ведь их там не мало. Тьма. И, наконец, является ли писателем раб Эзоп, сочинявший всякие побасенки; математик Хайям, в минуты отдыха «царапающий» на полях своих трудов несколько строк рубай; градоначальник Монтень, разработавший жанр эссе; шутник и выпивоха Гашек, смешавший юморески с чешским пивом и породивший бессмертного Швейка? Да даже число 100, казалось бы вполне достойная величина, – на самом деле бесконечно малая в континууме национальных литератур. И каков он, этот континуум мировой Литературы? Сегодня в мире занимаются литературным трудом десятки, если не сотни тысяч человек. А если оценить их количество еще и во времени – то будет под миллион.

В первую очередь меня интересовали авторы, чье творчество определило пути развития не только национальной, но и мировой литературы. Рассказать удалось не обо всех, но о многих. Увы, в «золотую» сотню не попали многие достойные писатели: Ж. Расин, Д. Мильтон, Ж.Ж. Руссо, А. Стриндберг, А. Линдгрен, М. Пруст, А. Камю, Я. Кавабата, Т. Уильямс, У. Эко…

Сразу же, для ясности, договоримся – коли книга предназначена для российского читателя, в книге рассказано о тех, чьи имена он слышал хотя бы раз в жизни, а представителей Зимбабве или Островов Зеленого Мыса нет. Так же как и

некоторых казалось бы достойнейших лауреатов Нобелевской премии по литературе, а также тысяч других не менее достойных премий, забытых из-за невостребованности.

Очень кратко, я бы сказал, болезненно кратко (поскольку стеснен рамками проекта) я говорю о жизни и судьбе каждого из избранных и его ближайшего окружения (семья, друзья, враги) в контексте исторических событий. Анализ же творчества оставляю за скобками рассказа, в лучшем случае он идет неким фоном.

Сразу же успокою недовольных выбором персоналий: в книгу вошли писатели, уже закончившие свой земной путь, т. к. основной критерий выбора имен, как и вообще всего на свете, – это время. Несколько десятилетий – достаточный срок, чтобы все встало на свои места и места достойных заняли достойные. Исключение составили двое ныне живущих авторов – Р. Брэдбери и Г.Г. Маркес – их имена известны во всем мире и не связаны с популистской шумихой.

Большинство авторов приходится на последние два века. От прошлых столетий осталось не так уж и много имен. Что характерно, через два века, а может, даже и раньше, из предлагаемого перечня в лучшем случае также останется десяток имен. Хотя, может, я и ошибаюсь, и к ним прибавится кто-то, кого сегодня не знают даже специалисты. Пожалуй, тут стоит прислушаться к мнению известного критика Валентина Курбатова: «Книга может "вырасти", как из "пустяка" вырос стерновский "Тристрам Шенди" или из "светской хроники" Прустовское «Утраченное время». А может и провалиться в забвение, как недавний роман Гроссмана «Жизнь и судьба», принятый было за «Войну и мир». Посмотрите на одного Толстого – каких хлопот наделал читателю – вот уж где "великое" с "невеликим" сцеплено – не разорвать». Можно добавить: а Петрарка – всю жизнь он гордился своей книгой о географии, а мир взял лишь его сонеты; Кэррол, писавший Алису для забавы девочек, а им зачитываются все – от первоклашек до академиков. Оставим же нашим внукам и правнукам право выбора «великих» из дней вчерашних и дней сегодняшних. Если им, конечно, будет до этого хоть какое-то дело.

Если же все-таки кто-то не одобрит наш выбор и воскликнет: «Кого выбрали – чё попало!», ответим словами несравненного Сервантеса: «Совершенно невозможно написать произведение, которое удовлетворило бы всех читателей!»

Выражаю искреннюю благодарность за бескорыстную помощь в подготовке данного издания Виктору Еремину, Сергею Дмитриеву, Валентине Ластовкиной, а также моей жене и дочери Наиле и Анне – тем, без кого этой книги просто не было бы.

ДРЕВНИЙ МИР

ГОМЕР
(VIII в. до н. э.)

Хотя Гомер и первый в сотне «великих», он вне этой системы счисления. Ему место в пантеоне богов, да еще и на троне. Ведь он не просто богоравный, он победил само Время.

Гомер открыл Европе и всему человечеству Литературу. Достаточно прочитать несколько его строк, чтобы почувствовать мощь времени и героев, мощь поэта, говорящего с богами на равных.

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» – этой строкой «Илиада» начинается. «Так воителя Гектора Трои сыны погребали» – этой заканчивается. А между ними еще 15 691 строка, каждая являющаяся самостоятельным, часто пронзительным стихом. Да хоть эти:

> С громом упал он, копье упадавшему в сердце воткнулось,
> Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко!..

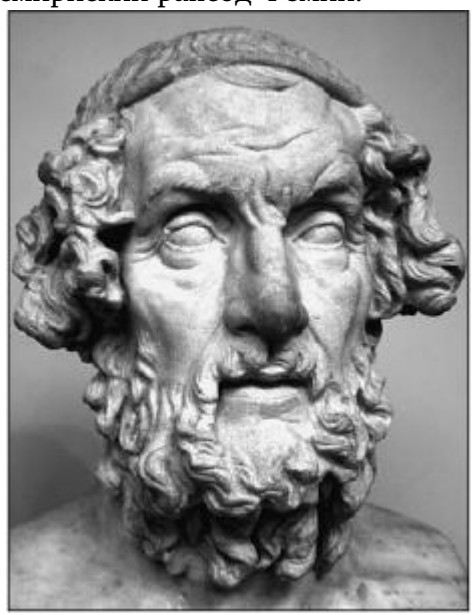
Исследователи его творчества отмечают, что описать, как колеблется торчащее из тела копье в ритме проколотого им умирающего сердца, за всю историю поэзии на такое оказался способным один лишь великий Гомер, но для этого он просто должен был видеть. И не в своем воображении, а наяву. Это идет в разрез с традицией считать поэта слепым. Когда читаешь Гомера, будто смотришь кинохронику. Гомер – зрелище, в лучшем смысле этого слова. И если вспомнить слова Ивана Карамазова, бросаемые им в зале суда: «Хлеба и зрелищ!», которыми он (и Ф.М. Достоевский) подводит черту под двумя вечными ненасытными желаниями человечества, то грек вполне удовлетворяет одно из них.

Поэма, воспевающая ратные подвиги, стала своеобразным воинским уставом многих полководцев и воинов. Недаром Александр Македонский всегда имел при себе список «Илиады», который хранил под подушкой вместе с кинжалом.

Другая поэма, «Одиссея» (12 110 строк), повествует о странствиях царя Одиссея по пути на родину.

В античности было известно девять жизнеописаний Гомера. Ни места, ни времени рождения Гомера античная традиция не знала. «Спорили семь городов о рождении мудром Гомера.» – так начинается одна из античных эпиграмм (посвятительных

надписей); далее называются эти города. В разных источниках они разные. Всего набирается около двух десятков городов, претендовавших называться родиной Гомера. Раньше и чаще всего встречается Эолийская Смирна, расположенная на берегу Малой Азии на Элейском заливе и остров Хиос, на котором и поныне существует род Гомеридов. Время жизни Гомера одни греческие писатели относили к эпохе Троянской войны (1194–1184 гг. до н. э.), другие датировали от 1130 до 910 г. до н. э., третьи называли эпоху спартанского легендарного законодателя Ликурга или время вторжения киммерийцев (VII в. до н. э.). Критики новейшего времени относят гомеровскую поэзию к VIII или к середине IX в. до н. э. Согласно смирнскому сказанию, отцом Гомера был бог реки Мелет, матерью – нимфа Кретеида, воспитателем – смирнский рапсод Фемий.



Как бы то ни было, где-то в ионийских колониях традиционное искусство аэда усвоил юноша, наделенный от природы поэтическим гением, какой не проявлялся до того и проявился с тех пор всего несколько раз на протяжении всей истории человечества. Имя его – Гомер. Поскольку греки той поры не проявляли особого интереса к личности и к обстоятельствам жизни даже популярных авторов, это имя, скорее всего, подлинное, хотя многие исследователи высказывали сомнения на этот счет. Оно не принадлежит к числу греческих имен; греки толковали его то как «заложник», то как «слепец», а то и как «сказитель», «рапсод», «поэт» и даже одержимый божеством «прорицатель, колдун и паяц». Судя по имени, гениальный поэт мог быть даже и не греком по происхождению, а

«варваром» или «полуварваром», но разве так это важно, когда он стал мировым достоянием?

Короче, ничего не знаем ни о рождении, ни о жизни, ни о смерти великого поэта. Разве что строку Аполлодора: «Богоравного Гомера голод тяжкий уморил».

Критическое отношение к авторству Гомера возникло уже в Античности. Одни считали, что «Илиада» и «Одиссея» принадлежат двум различным поэтам, а другие, что обе поэмы принадлежат Гомеру. В 1795 г. с появлением исследования немецкого филолога Вольфа этот «гомеровский вопрос» расколол филологов на два лагеря: сторонников Вольфа и их противников, доказывавших единоличное творчество Гомера. Много сломано копий, но и по сей день этот спор так и не решен в пользу какой-либо одной версии.

Гомеру в древности приписывались также «эпический цикл», поэма «Взятие Ойхалии», 34 гимна, шуточные поэмы «Маргит» и «Война мышей и лягушек», эпиграммы и эпиталамии. До наших дней из них дошли гимны, эпиграммы и поэма «Война мышей и лягушек».

До середины XIX в. в науке господствовало мнение, что «Илиада» и «Одиссея» неисторичны. Однако в результате раскопок, начатых Генрихом Шлиманом, были открыты руины большого города, в том самом месте, где в соответствии с описаниями Гомера должна была лежать Троя-Илион, на холме, носящем ныне название Гиссарлык.

Успех гомеровских поэм сразу после их создания был колоссален. Их знали всюду (многие наизусть), где только звучала эллинская речь. Влияние гомеровских поэм можно усматривать практически во всех произведениях античной литературы. Многие поэты пытались развить главные темы поэм, однако никто и не думал серьезно соперничать с Гомером. Даже Эсхил, «отец трагедии», именовал свои произведения «крохами от великих пиров Гомера».

История переводов гомеровских поэм насчитывает более двух тысяч лет. Открывает ее латинское переложение «Одиссеи», сделанное в III в. до н. э. римским поэтом Ливием Андроником. В Византии Гомер был хорошо известен и тщательно изучался. Эпоха Возрождения заново открывает для себя Гомера. Первое его издание было выпущено в 1488 г. В XVIII в. он вновь был признан непревзойденным гением.

В России Гомера переводили М.В. Ломоносов и Ермил Костров. Перевод «Илиады» Николая Гнедича (1828) был выполнен с оригинала с особенной тщательностью и, по отзывам Пушкина и Белинского, очень талантливо.

Не менее восторженно говорил Н.В. Гоголь о переводе «Одиссеи», законченном В.А. Жуковским в 1849 г. «Это не перевод, но скорей воссоздание, восстановленье, воскресенье Гомера». В 30—40-е гг. XX в. переводы «Илиады» и «Одиссеи» делает выдающийся русский писатель и переводчик В.В. Вересаев.

Гомеровские поэмы предвосхитили основные направления в жанровом развитии всей европейской литературы от гривуазного анекдота до военно-исторического романа. Причем Гомер задал сразу такой высокий уровень мастерства, который дался иным литературам лишь после многовекового развития.

Воздействие Гомера на мировую культуру огромно. Он вдохновляет скульпторов, художников и композиторов на создание образов, служащих каноном красоты и совершенства человеческого тела, но самое сильное влияние оказал на поэзию и на прозу. За Гомером следовали Вергилий, Катулл, Гораций, Овидий, Данте, Лессинг, Гёрдер, Гёте. Лев Толстой явно учитывал опыт Гомера, создавая «Войну и мир», а Джеймс Джойс – роман «Улисс».

Гомер самый здоровый поэт мировой литературы, и если человечество не потеряет интереса к его поэмам, то именно этот интерес должен рассматриваться как надежный признак здоровья всей человеческой культуры.

ГЕСИОД
(ок. 730 – начало VII в. до н. э.)

Гомер дал людям зрелища, ну а хлеба им дал другой великий эпический поэт архаического периода – Гесиод. От его стихов, по признанию многих, исходил запах земли и хлеба.

> Если священную почву засеешь при солновороте, —
> Жать тебе сидя придется, помалу горстями хватая;
> Пылью покрытый, не очень-то радуясь, свяжешь колосья
> И понесешь их в корзине; никто на тебя и не взглянет[1].

Из подобных строк поэт вязал сноп своей лучшей поэмы «Труды и дни».

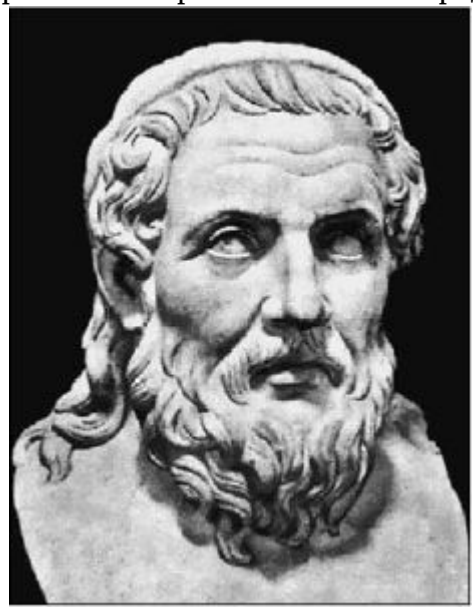
Гесиод – первая достоверно известная личность в европейской литературе. Биография Гесиода – в его трудах, и в первую очередь в этой поэме. В ней он выступает как простой крестьянин, рассказывающий таким же крестьянам о том, как надо жить и в чем, на его взгляд, истина.

Отец Гесиода был купцом в Киме в Малой Азии, разъезжал «в поисках добрых доходов на легких судах», доходов не обрел, забросил свое пустое занятие и осел близ Геликона «в деревне нерадостной Аскре, тягостной летом, зимою плохой, никогда не приятной». Занялся земледелием, а перед смертью завещал свое имение сыновьям Гесиоду и Персу.

Корыстолюбивый Перс подкупил судей-«дароядцев» (читай: дармоедов) и втянул брата в дорогостоящий судебный процесс за новый раздел имущества, и таки оттягал у Гесиода большую часть имущества. Гесиод едва не умер от голода, какое-то время жил вдали от родного дома, в Навпакте, потом вернулся на родину и вновь стал пастухом и земледельцем. Когда Перс промотал свою долю, то пришел к брату за вспомоществованием. Гесиод не дал ему ничего, зато преподнес поэму «Труды и дни». Знал бы Перс, что брат тем самым обессмертил его! В ней Гесиод преподал своему непутевому брату и заодно всем крестьянам урок, как надо вести хозяйство, чтобы прожить жизнь безбедно и честно. В заглавии поэмы, собственно, вся жизнь поэта.

Всю жизнь Гесиод провел в трудах и, как говорят сейчас, «в качестве хобби» выступая перед народом как поэт. Только однажды он ездил на поэтическое состязание в Халкиду на Эвбее, где, по его словам, «гимном победу стяжав, получил… ушатый треножник». Этот бронзовый треножник он принес в дар Музам

Геликона, когда-то обучившим его «звонкому пенью». Он и умер в Аскре. Был похоронен на агоре в беотийском городе Орхомены.



Гесиод был первым и, вероятно, единственным греческим поэтом-земледельцем, на удивление профессионально усвоившим дактилический гекзаметр и гомеровский диалект, а также поэтическую технику бродячих рапсодов, а с тем и само поэтическое мастерство. Сам поэт рассказывает, что однажды он пас овец на склонах Геликона и узрел сходящих к нему Муз. Музы вырезали из пышного лавра жезл (знак отличия рапсода), вручили его и объявили Гесиода поэтом. В напутственном слове они приказали прославлять богов и петь о том, «что было и что еще будет». О себе же Музы поведали, что они говорят много лжи, похожей на правду, но если захотят, то могут открыть и истину, скрывающуюся не в героическом эпосе, а в чем-то ином. И благодарный Гесиод создает это иное: новый дидактический эпос и его разновидность – эпос генеалогический.

Первым по времени произведением Гесиода считается «Теогония», своеобразная «родословная богов», в которой Гесиод попытался собрать воедино и упорядочить все греческие представления о сотворении мира, богах и героях. В то время греки воспринимали эти истории, как документальные, хотя через несколько веков они рассматривали эту поэму уже как предвестие древнегреческой философии, первую попытку греков систематизировать не только родословную богов, но и историю происхождения мира.

В «Трудах и днях» поэт дает убедительную картину деградации человеческого рода, для чего рассказывает миф о

смене пяти веков: золотого, серебряного, медного, века героев и, наконец, железного, о котором с горечью восклицает, что уж лучше умереть, чем жить в нем, когда: «Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью. Скорей наглецу и злодею станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право. Стыд пропадет. К вечным богам вознесутся. Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет».

Гесиод апологет труда. Он изобретает даже вторую Эриду – богиню трудового соревнования (у Гомера Эрида – богиня раздора). Обязанностью человека является добросовестный труд. Не труд позорит человека, но бездеятельность. Таков ведущий принцип Гесиода, названный в более поздние времена нравственным императивом труда. Эти поучения дополняет календарь земледельческих работ. Основываясь на собственном опыте, Гесиод перечисляет работы, устанавливая их порядок и время, когда их надо производить.

От Гесиода греки узнали о Прометее, подарившем людям огонь, похищенный им у Зевса, и о Пандоре, первой женщине, «всеми одаренной» – прелестной, но с двуличной, лживой душой. От нее произошел не только «женщин губительный род», но и все человеческие несчастья. Любопытная Пандора заглянула в сосуд, где были заключены беды, и выпустила их на волю. Захлопнув крышку, она удержала в сосуде одну лишь Надежду. С тех пор Надежда и служит людям маяком в безбрежном море бед.

О неправедных царях-судьях Гесиодом написана первая в европейской литературе басня о животных (ястреб и соловей), предостерегающая неправедных судей справедливым возмездием Зевса, наказывающего злых и дарящего благосклонность честным. Она входит в текст «Трудов и дней».

В древности Гесиоду приписывались и другие поэмы (почти полностью утраченные), в том числе «Каталог женщин»; «Наставления Хирона»; «Большие труды» (продолжение «Трудов и дней»); «Орнитомантия» («Птицгадание») и «Меланподия» (перечисление ясновидцев и прорицателей). Приписывается Гесиоду и сочинение «Щит Геракла», изображавшее борьбу Геркулеса с Кикном.

Древние ставили Гесиода рядом с Гомером и считали обоих поэтов учителями эллинов. В анонимном произведении «Состязание Гомера и Гесиода» Гомер и Гесиод встретились на Эвбее на состязании рапсодов в честь погибшего царя Амфидема. Брат покойного Амфидема царь Панид присудил награду Гесиоду за описание труда земледельца, говоря, что поощрения заслуживает тот, кого влечет труд, а не тот, кто восхваляет войну.

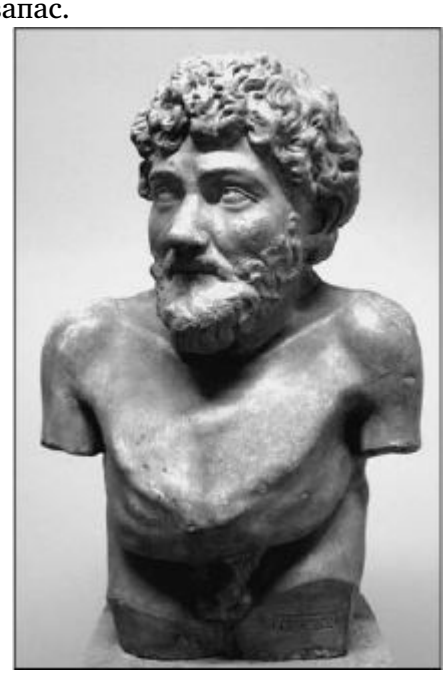
Аристократическая аудитория, однако, высказалась за Гомера, который представил боевую сцену из «Илиады». Они высмеяли мнение брата Амфидема, и отсюда выражение «голос Панида» стало означать глупое решение. В Спарте тоже считали Гесиода поэтом, который хорош лишь для илотов (рабов). Однако позднее Гесиод был популярен всегда и везде.

Гесиод нашел ряд последователей и продолжателей в области как «каталогического», так и чисто «наставительного» эпоса, и его дидактика является предшественницей наставительной лирики и философской поэзии VII–VI вв. до н. э. Цепную композицию его поэм унаследовали александрийские поэты, на него ориентировались и авторы дидактических поэм, как например Вергилий. В новейшее время Гесиод стал символом реалистического взгляда на античный мир, растущего интереса к повседневной жизни простых людей. Этот альтернативный образ античности получил название «гесиодов аспект древности».

Первое собрание сочинений Гесиода вышло в Милане в 1493 г. На русском языке в 1807 г. вышли «Творения Гесиода» в переводе П.И. Голенищева-Кутузова, в 1885 г. «Гесиод. Вступление и примечания» в переводе Г.К. Властова. В XX в. поэмы Гесиода перевел В.В. Вересаев.

ЭЗОП
(ок. 620 – ок. 560 г. до н. э.)

Говорят же: «страшён, да умён». По описаниям сочинитель басен Эзоп (или Эсоп) был урод: голова как котел, лицо обезьяны, нос курносый, губы толстые, руки короткие, ноги разные, спина горбатая, кожа темная, брюхо вспученное. К тому же еще и неуч. Собственно, таким и должен быть во мнении древних греков варвар и раб. Вот только в голове его был такой острый ум, а с языка слетало такое острое словцо, которое и не снилось записным умникам и острякам. (Похоже, только Кола Брюньон был такой же шутник и острослов.) Сколько Эзоп сочинил басен – сегодня точно не скажет никто. Может, все, которые известны нам под именами Лафонтена, Крылова и иже с ними. А сколько их просто разошлось на пословицы и поговорки, на шутки и прибаутки. Разумеется, Эзоп не записывал свои историйки. Его трудно представить с горящими глазами раздумывающим над словом. Порой кажется, что и изъяснялся-то он одними только баснями, что для его положения было вполне естественно. Вообще-то говоря, он сам – басенный персонаж. Во всяком случае, ему приписывались все побасенки, которых в народе, понятно, неисчерпаемый запас.



Да и когда какой-нибудь серьезный писатель брался за сочинение басен, он свое имя ставил вслед за Эзопом: «Эзоповы

басни писателя имя рек». Читатель открывал книгу, и на страницах оживала вся фауна и начинала вдруг говорить человечьим языком – да еще как остроумно!

Басенные традиции возникли задолго до Эзопа, и, очевидно, он начал не с сочинения басен, а с их собирания, что помогло ему, в конце концов, стать самым изощренным баснописцем из когда-либо живших на земле. Не исключено, что и все басни, автором которых он считается, в течение долгого времени передавались изустно. Он не искал славы, слава сама нашла его. Басни Эзопа и их персонажи принадлежат уже не ему, но всему человечеству.

Да хоть вот эти две, пересказанные на сотни ладов: «Голодная лисица заметила на одной лозе висящие гроздья винограда. Она захотела их достать, но не смогла и ушла, сказав про себя: они еще зелены».

«Волк увидел однажды, как пастухи в шалаше едят овцу. Он подошел близко и сказал: "Какой шум поднялся бы у вас, если бы это делал я!"»

Рассказывая увлекательную, зачастую комическую историю, Эзоп преподает читателю серьезный нравственный урок. В чем же сила басен? Прежде всего в том, что человек учится простым и великим истинам на простых и сильных существах – героях басен. Как заметил Честертон: «Учится тому, что текущая река не может загрязнить свой собственный источник и что всякий, кто утверждает это, – деспот и лжец».

Эзоп был родом из малоазийской Фригии, родины сатира Марсия, с которого победивший его в музыкальном состязании Аполлон ободрал кожу, и прекрасного виночерпия на божественном Олимпе Ганимеда, сияющего ныне с небосвода созвездием Водолея. Судьба Эзопа не была столь ужасна и столь прекрасна, но ему в жизни также перепало немало и плохого, и хорошего. Это можно утверждать и без всяких доказательств, так как Эзоп был раб априори – Фригия была одним из поставщиков рабов для Греции. Правда, на право называться родиной Эзопа помимо Котиэя во Фригии претендовали также Самос, Сарды и Месембрия во Фракии.

Версий, кто он таков, много.

Согласно Геродоту – главному, хоть и скудному источнику сведений об Эзопе, – баснописец жил во времена египетского царя Амасиса (570–526 гг. до н. э.) и был рабом некоего Иадмона, жителя Самоса, который дал ему свободу. Сто с лишним лет спустя Гераклид Понтийский утверждал, что первого его хозяина звали Ксанф. Плутарх, Алексид и Лисипп приводят Эзопа в Сарды, ко двору лидийского Креза, у которого он был советником

и якобы участвовал в пире семи мудрецов, а затем в Афины, в период правления тирана Писистрата. Один из египетских биографов I в. н. э. утверждает, что Эзоп в Вавилоне встретился с легендарным спартанским законодателем Ликургом и загадывал ему загадки. Аристофан сообщает подробности о смерти Эзопа в Дельфах. Можно найти сведения и о посмертных перевоплощениях души Эзопа. Все эти мотивы стали звеньями последующей эзоповской легенды, получившей название «Жизнеописание Эзопа», или «Повесть о Ксанфе-философе и Эзопе, его рабе, или Похождения Эзопа».

В средние века была сочинена в Византии анекдотическая биография Эзопа – перифраз одной из древнееврейских легенд времен царя Соломона, которая долго принималась за источник достоверных сведений о нём. Эзоп в ней раб, постоянно обижаемый и товарищами-рабами, и надсмотрщиками, и хозяевами, умеющий удачно мстить своим обидчикам, а зачастую отпускающий просто удачную шутку. Вот, например, когда Эзоп был в Самосе рабом у «философа» Ксанфа, тот послал его за покупками. Навстречу самосский градоначальник. «Куда идешь, Эзоп?» – «Не знаю!» – «Как так не знаешь? Говори!» – «Не знаю!» Рассердился градоначальник: «В тюрьму упрямца!» Повели Эзопа, а он оборачивается и говорит: «Видишь, начальник, я тебе правду сказал: разве я знал, что в тюрьму иду?» Рассмеялся начальник и отпустил Эзопа.

Со страниц этой книги шагнул в мир Европы краснобай, иносказательно поносивший сильных мира сего, человек сварливый и злобный, только не «отрицательный», а «положительный» герой.

Увы, не все истории закончились для Эзопа благополучно. Находясь в Дельфах, он обличал жрецов в том, что они не сеют, не жнут, а тунеядствуют от приносимых эллинами жертв. Все это, может, и сошло бы ему с рук, но он вдруг вздумал заняться богоборчеством: принес жертву Музам и посвятил им храм, где были их статуи, а посредине – статуя Мнемозины, а не Аполлона. Жрецы объявили всем, что Аполлон разгневался на Эзопа, как некогда на Марсия, а сами тем временем подбросили ему в котомку золотую чашу из храмовой утвари, а затем схватили «вора». Как святотатца, его побили камнями (по другой версии, сбросили в пропасть). Перед смертью Эзоп обратился к жрецам: «Не к добру вы обидели Муз! – и рассказал им последнюю свою басню, а в конце призвал: – Не обижайте слабых, дельфийцы!»

Недальновидные дельфийцы не послушались Эзопа, за что их город по божественному провидению вскоре постигла чума, а через много лет вдруг оказалось, что Эзоп невиновен, и потомки

его убийц были вынуждены уплатить виру, за получением которой явился внук того Иадмона, который был его господином.

Эзоп сам себе напророчил, когда сказал: «Если тебе не спастись от смерти, умри по крайней мере со славой».

Под именем Эзопа сохранился сборник из 426 басен. В конце V в. до н. э. в Афинах был известен письменный сборник Эзоповых басен, по которому учили детей в школе. «Ты невежда и лентяй, даже Эзопа не выучил», – говорит у Аристофана одно действующее лицо. Это были прозаические пересказы, без художественной отделки.

Позднее имя Эзопа стало символом. Деметрий Фарерский (ок. 350 – ок. 283 г. до н. э.) составил собрание басен в 10 книгах, утраченное после IX в. н. э. В эпоху Августа Федр осуществил переложение этих басен латинским ямбическим стихом, а Флавий Авиан (IV в.) переложил 42 басни латинским элегическим дистихом. Около 200 г. н. э. свои басни (на сюжеты Эзопа) о животных на холиямбе слагал по-гречески Бабрий. Его сочинения включил в свою коллекцию монах Максим Плануд (XIV в.), предпослав им жизнеописание Эзопа. Эта коллекция оказала значительное влияние на всех позднейших баснописцев.

Если древность не сомневалась в историчности Эзопа, то уже начиная с эпохи Возрождения этот вопрос был поставлен под сомнение (впервые великим немецким церковным реформатором Лютером в XVI в.) и только XX в. стал вновь склоняться к допущению исторического прототипа образа Эзопа.

Басни Эзопа были переведены (часто переработаны) на многие языки мира, в том числе знаменитыми баснописцами Лафонтеном, Лессингом и Крыловым. М.Е. Салтыков-Щедрин блестяще перенял мастерство древнегреческого баснописца. Его сказки «Премудрый пескарь», «Карась-идеалист», «Орел-меценат», «Медведь на воеводстве» и другие – прекрасный образец Эзопова мастерства.

На русском языке полный перевод всех басен Эзопа, около 500 греческих и латинских, был опубликован в серии «Литературные памятники» в 1968 г. (перевод и комментарии филолога-классика М.Л. Гаспарова).

ЭСХИЛ
(525/4—456/5 гг. до н. э.)

Эвфорионова сына Эсхила афинского гроб сей
Меж хлеборобных полей Гела останки хранит.
А Марафонская роща да мидянин длинноволосый
Могут про доблесть славную всем рассказать.

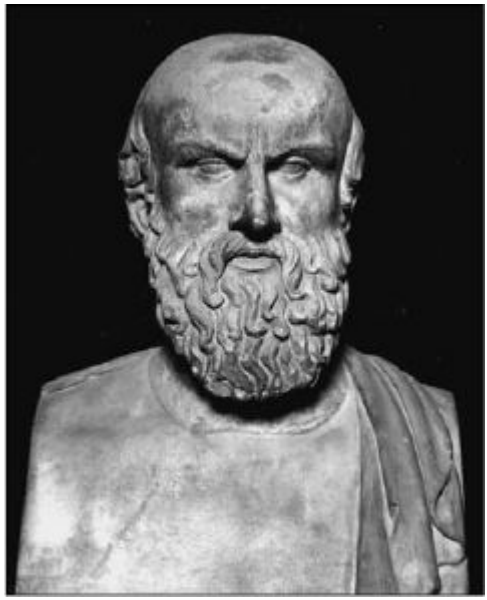
Из надгробной надписи в сицилийском городе Геле мы узнаем не только родословную и место рождения Эсхила, но и что для него воинская слава была куда важнее литературной – и не просто славы трагика, а славы «отца трагедии».

Как Гесиод был поэтом-земледельцем, так Эсхил был трагиком-воином, и для обоих важнее была вторая часть сложного слова и не менее сложной профессии. В ту пору искусство все еще играло подчиненную роль, что, кстати, лишний раз свидетельствовало больше о здоровье общества.

Слово трагедия переводится как «песнь козлов», поскольку в примитивной, так называемой «сатирической драме» хор обычно изображал козлообразных лесных демонов-сатиров, воплощавших сладострастие, и соответственно песни и пляски исполнителей были весьма грубыми и непристойными. Несколько позже трагедия стала представлять собой диалог актера с хором, с явным преобладанием лирических партий. И лишь со временем, во многом благодаря Эсхилу и еще двум великим афинским трагикам Софоклу и Еврипиду, это слово стало означать серьёзную трагедию. И хотя каждое из этих имен знаменует исторический этап в развитии аттической трагедии, Эсхил в этой троице все же первый – и по времени и по тому, что воспел самую высокую и потому самую трагическую эпоху становления афинского демократического государства и греко-персидских войн.

Наши сведения о жизни Эсхила восходят главным образом к жизнеописанию, предпосланному его трагедиям в рукописи XI в. Согласно этим данным, Эсхил родился в 525/4 г. до н. э. в аттическом городе Элевсине, его отцом был Эвфорион, принадлежавший к старинной афинской аристократии, эвпатридам. Затем Эсхил жил в Афинах, и ему довелось сделаться свидетелем свержения тирании и выдвижения родного города на ведущее место в греческом мире, что произошло после греко-персидских войн. В борьбе с персами вместе со своими братьями

Эсхил, уже зрелый муж и прославленный трагик, с копьем в руке защищал свою отчизну, сражаясь при Марафоне (490 до н. э.), Саламине (480) и Платеях (479). Первые же свои трагедии он написал совсем молодым.



Впервые (по выражению Пушкина) «Эсхила Гений величавый» проявился на состязании трагиков около 500 г. до н. э., но первый приз ему удалось выиграть только в 484 г., в конце первого юношеского периода его творчества. Трагедии этого периода не сохранились. Позднее Эсхил занимал первое место 13 раз.

Известно, что именно в эти годы он разработал свой собственный трагический стиль, осуществив принципиальные нововведения: ввел второго актёра, примирил драматические формы – серьёзную аттическую драму и игривый пелопонесский сатирикон, а также внес в трагедию героический эпос Гомера. К концу жизни Эсхил с легкостью управлялся двумя или даже тремя персонажами одновременно и вел основное действие и развитие сюжета посредством диалогов. Эсхил объединял свои трагедии в трилогии, посвященные общей теме. Как и все трагики до Софокла, он сам исполнял роли в своих драмах, хотя нанимал также и профессиональных актеров.

Во втором периоде творчества (до 470 г. до н. э.) Эсхил – первый на аттической сцене. До нас дошли две его трагедии того времени, они и ныне поражают своей строгостью и простотой, – «Просительницы» и «Персы». Первая с мифологическим сюжетом; вторая (единственная сохранившаяся историческая драма во всей греческой литературе) имеет содержанием историческое событие – поражение персов при Саламине и бедственное отступление их

войска в Азию.

В это время слава Эсхила как поэта стала распространяться повсюду; она проникла и в Сиракузы, которые незадолго до того героически выдержали нападение карфагенян. Сиракузский царь Гиерон в 476 г. до н. э. пригласил Эсхила принять участие в празднике, данном по этому случаю; для него Эсхил написал (потерянную ныне) трагедию под заглавием «Этнеянки». После 472 г. до н. э. поэт поставил в Сиракузах своих «Персов».

Второе путешествие в Сицилию завершает второй период деятельности Эсхила. В Афинах он застает уже зрелым и самостоятельным человеком своего ученика – Софокла. В 468 г. до н. э. оба поэта выступили одновременно на афинской сцене. Софокл, бывший на 30 лет моложе своего учителя и соперника, ставил своего «Триптолема», Эсхил – неизвестную нам трилогию. Трагедия Софокла привела зрителей в восторг, и ему была присуждена победа. С этих пор оба трагика совместно владели афинской сценой, что вовсе не испортило их отношения друг к другу.

Эсхил поспешил воспользоваться нововведением Софокла (тот ввел трех актеров) и в 467 г. до н. э. поставил фиванскую трилогию, из которой сохранилась только последняя трагедия, «Семь вождей», при участии уже трёх актёров. Величавый замысел Эсхила понравился афинянам; ему была присуждена победа.

Тогда же была поставлена и трилогия «Прометей», из которой сохранился лишь «Прикованный Прометей». Это – единственная дошедшая до наших времен божественная трагедия древности.

Последней трилогией Эсхила, о которой мы знаем (458 г. до н. э.) была его «Орестея», удостоенная первой премии. Она сохранилась целиком – трагедии «Агамемнон», «Хоэфоры» (приносительницы возлияний) и «Евмениды». Содержание этой трилогии – судьба рода Атридов, в лице его славных представителей, Агамемнона (одного из главных героев «Илиады») и его сына Ореста.

Вполне вероятно, что именно эта «человечность» его последних трагедий поссорила Эсхила с афинянами. Трагик покинул родной город и в третий раз отправился на Сицилию, где и обрел в 456/5 г. до н. э. вечный покой.

Согласно греческой традиции, ставились только драмы живых авторов, но после смерти Эсхила по специальному постановлению его трагедии были допущены к трагическим состязаниям наравне с новыми пьесами других поэтов. Так его слава и влияние были обеспечены на много поколений, а также обеспечена сохранность его пьес.

Эсхил был поэтом огромной, почти невероятной творческой

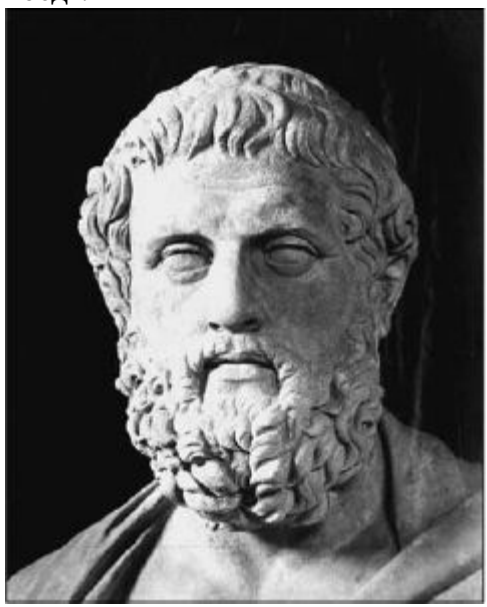
энергии. Об этом говорит уже одно количество созданных им драматических произведений – чуть ли не девяносто. А ведь в его время создать драму означало не только написать ее, но и поставить – обучить хор пению и ритмическому исполнению стихотворного текста, подготовить актеров и сцену. Названия 79 произведений поэта нам известны; из них 13 – сатировские драмы, которые обычно ставились как дополнение к трилогии. Во времена Александра Македонского знали еще все трагедии поэта, но уже в римский период (II в.) была сделана выборка семи пьес, которые дошли до нас – их можно считать лучшими или наиболее типичными плодами поэтического дара Эсхила. В византийскую эпоху три из них («Персы», «Прометей» и «Семь вождей») были выбраны для школьного чтения. Сохранение остальных четырёх следует, по-видимому, приписать счастливой случайности.

Образ Прометея, созданный Эсхилом, оказал огромное влияние на поэзию (Кальдерон, Гёте, Байрон, Шелли), музыкальное искусство (Лист, Скрябин), скульптуру и живопись нового времени (Тициан, Рубенс, Бёклин).

На русский язык Эсхила переводили Д.С. Мережковский, В.О. Нилендер, С.К. Апт.

СОФОКЛ
(496–406 до н. э.)

Современники усматривали в его жизни сплошную череду удач. «Блаженный Софокл, – прозвучало буквально через несколько дней после его смерти со сцены Афинского театра. – Он умер, прожив долгую жизнь, он был счастлив, умен, сочинил множество прекрасных трагедий и скончался благополучно, не изведав никаких бед».



Великий трагический поэт родился во второй год 71-й Олимпиады в небольшом селе Колон, в получасе ходьбы от Афин, к северу от Акрополя. Софокл был сыном состоятельного человека – владельца оружейной мастерской и получил прекрасное по тому времени образование. К 16 годам он стал замечательным кифаристом и певцом. Кроме того, он брал призы на атлетических состязаниях. Когда греки праздновали победу над персами при Саламине (480 гг. до н. э.), Софокл, руководил хором юношей, исполнявших гимны. А еще он отличался необычайной красотой. Греки считали Софокла идеалом гармоничного человека, являвшего собой физическое, духовное и нравственное совершенство. Ему приписывали также и необычайные способности. Когда из храма Геркулеса был похищен тяжелый золотой кубок, Софокл увидел во сне бога, сообщившего ему имя похитителя. Молодой человек сообщил о сновидении в ареопаг. Арестованный вор во всем признался и

вернул украденное.

Время жизни Софокла падает на годы правления его друга Перикла (461–429 гг. до н. э.). Софокл принимал деятельное участие в общественной жизни. В 443 г. он занимал ответственную должность председателя Комиссии казначеев эллинской, то есть союзной, казны, а в 441 г. в должности стратега участвовал в походе против острова Самоса. Поэт всегда был сторонником традиционного уклада жизни и отрицательно относился к новым политическим и идейным течениям, он принял даже участие в неудавшемся антидемократическом перевороте 411 г. Однако прославился Софокл не как политический деятель, а как замечательный драматург. Каждая его новая пьеса становилась событием для афинян.

В 468 г. до н. э. на празднике великих Дионисий 27-летний Софокл состязался с самим Эсхилом – победила его трагедия «Триптолем». С этого момента и до самой смерти Софокл оставался наиболее популярным афинским драматургом: он участвовал в 30 драматургических состязаниях, 24 раза был первым, в остальных случаях – вторым (участников было всегда по три).

Не было ему равных и по объему написанного – 123 драмы, не считая созданных им со своим сыном Иофонтом, также ставшим победителем состязаний. Раз в два года Софокл выступал с тетралогией (три трагедии и драма сатиров). До наших дней дошло только семь из них, относящихся к позднему периоду его творчества: «Аякс», «Трахинянки», «Антигона», «Царь Эдип», «Электра», «Филоктет» и «Эдип в Колоне». Писал он также элегии и пеаны, прозаические сочинения о хоре.

Пьесы Софокла были следующим шагом в развитии греческого театра: каждая являла собой самостоятельное целое, были сокращены масштабы драмы за счет отказа от формы трилогии, а также появился третий актер.

В историю мировой литературы Софокл вошел как создатель трагического образа мудрого царя Эдипа, принадлежавшего к роду, над которым за грехи предков тяготело проклятие богов. Ни один драматург, ни до, ни после него, не был способен так героизировать мощь человеческого духа, и ни одно произведение античной драматургии не оставило столь значительных следов в истории европейской драмы, как «Царь Эдип».

Тему всесилия судьбы Софокл разрабатывает и в других трагедиях. В частности, в «Антигоне», утверждающей нравственное величие человека: «В мире много сил великих, Но сильнее человека Нет в природе ничего!» Сюжеты для них он черпал из сказаний о Троянской войне, мифов о подвигах Геракла

и странствиях аргонавтов.

Афиняне очень любили творения Софокла, любили также его самого и его семью. За сладость его стихов трагик был прозван пчелой.

Говорят, Софокл совершенно не интересовался житейскими благами, мало тратил на себя и в такой же строгости содержал своих сыновей. Усердие его было столь велико, что сохранился даже античный анекдот о том, как в своих трудах он совсем забросил дом и свое имущество. Обеспокоенные тем сыновья вызвали отца в суд, чтобы отстранить безумца отца от владения домашним имуществом. Старик сказал судьям: «Если я Софокл, то я не слабоумен, если же я слаб умом, то значит, что я – не Софокл», после чего продекламировал отрывок из только что написанного «Эдипа в Колоне». Стихи вызвали такое восхищение, что старца проводили из суда, словно из театра, рукоплесканиями и восторженными возгласами. Сыновья же устыдились, и последние годы жизни Софокла уже не были омрачены семейными распрями.

Известно, когда скончался Еврипид, третий великий трагик той поры, на генеральной репетиции своей драмы Софокл вышел вперед в черном гиматии (плащ, или римская тога), а хор и актеров вывел без праздничных венков – народ плакал.

Уже в весьма преклонном возрасте, когда для Афин началось время череды поражений и отчаяния, Софокла избрали одним из десяти «пробулов» («советников»), которым были вверены судьбы Афин.

Перед смертью Софокл «вернулся в детство», посвятив родному селу трагедию «Эдип в Колоне». Умер он девяностолетним. Говорили, что во время представления последней трагедии, одержав победу в состязании, в сильнейшей радости он упал и умер из-за этого. Хотя Аполлодор рассказывает, что, «поперхнувшись виноградом, испустил свой дух Софокл».

Спартанский царь Лисандр, осаждавший в те дни стены Афин, снял на время осаду, чтобы афиняне могли похоронить великого трагика всей Греции в семейном склепе на дороге из Афин в родной Колон. Всего несколько лет не дожил Софокл до поражения Афин в Пелопоннесской войне. Погибло все то, что он так любил. И только его трагедии пережили века.

Поэт был любимцем современников; после смерти он был причислен к лику «героев», и на его могиле ежегодно приносились жертвы. Был принят закон о сооружении бронзовых статуй поэтов Эсхила, Софокла и Еврипида, о хранении их списков в государственном архиве и о канонизации текстов.

Афиняне после смерти соорудили ему святилище и прозвали Дексионом («Принявшим») – из-за того, что он якобы принял у себя бога Асклепия.

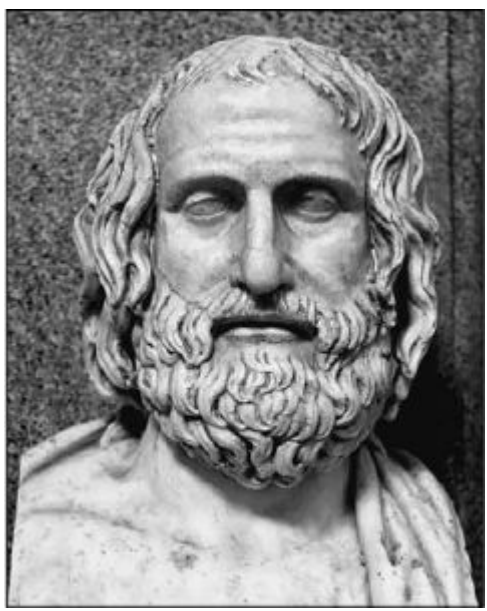
Еще в античности Софокл считался классиком. Начиная с XVI в. его «Антигону», «Электру» и «Эдипа-царя» ставили в театрах Европы и всего мира несчетное число раз.

На русский язык Софокла переводили Д.С. Мережковский, Ф.Ф. Зелинский, С.В. Шервинский.

ЕВРИПИД
(485 или 480–406 гг. до н. э.)

Тиран в Ферах Александр Ферский прославился в 70-е гг. до н. э. на всю Грецию своими зверствами: врагов он живыми закапывал в землю или бросал на растерзание львам. Но на спектакле «Троянки» он плакал, как ребенок. А простодушные (даже по древнегреческим меркам) жители приморского фракийского городка Абдеры после постановки «Андромеды» натурально помешались. Бледные, худые, они неделями носились по улицам, громко крича и декламируя монологи из пьесы, пока не началась зима и наступивший сильный холод не остудил их и не прекратил поэтический бред.

А ведь это были не самые лучшие пьесы великого греческого трагика Еврипида. О Еврипиде обычно говорят как о третьем сыне – третьем по значимости в ряду трех великих драматургов, трагедии которых главным образом и составили славу Афин в V в. до н. э. И это при том, что античная литература сохранила больше отрывков из Еврипида, чем из Эсхила и Софокла вместе взятых.



Достоверных сообщений о жизни Еврипида немного, и те противоречивы. Видимо, любой талант рождает множество интерпретаций, в т. ч. и биографических. По одним сведениям, он родился на острове Саламин (в 16 км к западу от Афин) в день Саламинской победы 27 сентября 480 г., по другим – в 484 г. до

н. э. Аристофан утверждает, что матерью Еврипида была торговка зеленью, а другие источники сообщают, что поэт происходил из знатного рода землевладельцев и одно время даже служил при храме Аполлона. Известно, что он получил хорошее образование: учился у философов Протагора и Анаксагора, дружил с философами Архилаем и Продиком, был владельцем первой частной обширной библиотеки. С детства занимался гимнастикой, выиграл соревнования среди мальчиков, хотел стать участником Олимпийских игр, но не попал на них по молодости. Какое-то время занимался рисованием, брал уроки в ораторском искусстве и литературе.

Над трагедиями Еврипид начал работать уже в восемнадцатилетнем возрасте. Однако впервые в состязании драматургов принял участие в 455 г. до н. э., когда ему было около тридцати. Его трагедия «Пелиады» тогда заняла третье место. Судьи вообще не баловали Еврипида. Любимец Мельпомены за свою жизнь поставил 22 тетралогии, но сумел одержать только пять побед, причем последнюю – посмертно. Всего же он написал до 98 пьес.

Еврипид, в отличие от Эсхила и Софокла, сам на сцене не выступал и не писал музыки, перепоручая это музыкантам. И вообще сильно отличался от своих коллег по драматическому цеху. Был затворником, одиноким мыслителем-книголюбом, нелюдимым и одиноким, хотя и дважды женатым человеком. Семейная жизнь Еврипида складывалась неудачно. От первой жены, Хлоирины, имел он 3-х сыновей, но развелся с ней из-за её супружеской неверности. Вторая жена, Мелитта, оказалась не лучше первой.

Раз только Еврипид участвовал, и то, как признанный всей Грецией поэт, в посольстве в Сиракузы на Сицилии. Он не примыкал ни к одной из общественных группировок, но был целиком захвачен волной критики старых ценностей, которая вылилась в так называемое «софистическое» движение, крайне отрицательно относившееся к наследственной аристократии и ее привилегиям. Острые вопросы современности, как иголки, торчали из его пьес и, понятно, ранили и раздражали многих афинян. Равный ему по таланту комедиограф Аристофан весьма ревниво относился к творчеству великого трагика и при всяком удобном случае пародировал и высмеивал его трагедии, задевая при этом и личную жизнь, намекая на неверность его жены и т. п.

В то же время Еврипида знали и почитали во всем Средиземноморье. Вот что рассказывает Плутарх о поражении афинян на Сицилии в 413 г. до н. э.:

«Их (афинян) продавали в рабство и ставили на лбу клеймо в

виде лошади. Некоторых спас Еврипид. Дело в том, что сицилийцы. чтили талант Еврипида. Когда приезжающие доставляли им небольшие отрывки из его произведений, сицилийцы с наслаждением вытверживали их наизусть и повторяли друг другу. Говорят, что в ту пору многие из благополучно возвратившихся домой горячо приветствовали Еврипида и рассказывали ему, как они получали свободу, обучив хозяина тому, что осталось в памяти из его стихов, или как, блуждая после битвы, зарабатывали себе пищу и воду пением песен из его трагедий».

Вокруг Еврипида сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Не понятый афинянами и обиженный ими, поэт в конце жизни покинул родной город. Он поселился в Македонии, где встретил радушный прием царя Архелая и завершил свою великую трагедию «Вакханки». Еврипид и умер на чужбине в 406 г. до н. э.

Афиняне испросили разрешения захоронить драматурга в родном городе, но Архелай пожелал оставить могилу Еврипида в своей столице, Пелле. Афины же поставили в театре статую Еврипида и пустую гробницу (кенотаф), воздав ему почести после смерти. Плутарх передал легенду: в гробницу Еврипида ударила молния, великое знамение, которого удостоился из знаменитых людей только Ликург. Сплетни не оставили поэта и после его смерти. Некоторые клялись именем Аполлона, что его растерзали собаки, а то и вовсе – женщины, отомстившие «женоненавистнику».

Что же так раздражало в Еврипиде его сограждан? Если в начале Пелопоннесской войны он писал патриотические пьесы, прославлявшие Афины («Гераклиды», «Просительницы»), то в 415 г. он выступал с резким протестом против войны вообще («Троянки»). К тому же в ряде трагедий Еврипид развивал мысль о том, что рабство есть несправедливость и насилие. Использовал поэт и запретную до него в трагедиях тему эротики. Но главное и, быть может, единственное, что никак не могли принять афиняне – его изображение человеческих характеров. Аристотель отмечал в своей «Поэтике», что Еврипид вывел на сцену людей такими, какие они бывают в жизни, жалкими и ужасными, что вызывало у неподготовленных, неискушенных в перипетиях психологических переживаний зрителей сложную гамму чувств – от сопереживания до ужаса, и, соответственно, неприятия и отторжения пьес, как таковых. Невежественные и глупые люди, сгорающие в пламени необузданных страстей, жадные, честолюбивые и жестокие, губящие себя и своих близких – такие герои-монстры зрителей не только пугали, они им были не нужны. Трагедии Эсхила

воспитывают людей, утверждал Аристофан, а произведения Еврипида «портят» их. Собственно, Еврипида постигла участь гения, опередившего свое время.

Сохранились, помимо одной сатировской драмы и множества драматических фрагментов, 17 трагедий Еврипида. Лучшие, по оценке древних, драмы потеряны; из уцелевших увенчан был только «Ипполит». Самая известная драма Еврипида – «Медея» (431 г. до н. э.). В ней поэт одним из первых обратился к изображению любовного конфликта в драме и сделал любовную страсть движущим мотивом событий.

В Средние века творчество Еврипида было забыто. Новая волна интереса к его драматургии возникла в эпоху Возрождения, и, как следствие, европейская драма стала развиваться двумя путями: в сторону трагедии сильных страстей (через древнего римлянина Сенеку к великому французу XVII в. Расину) и в сторону бытовой драмы (от древних римлян Менандра и Плавта к сопернику Расина – Мольеру). Влияние драматургии Еврипида отчетливо заметно и в творчестве Вольтера, Гете, Шиллера, Верхарна и многих других.

Главная заслуга в переводе драм Еврипида на русский язык принадлежит И.Ф. Анненскому. Переводили его также Д.С. Мережковский, П.Д. Шестаков, В.А. Алексеев, Н.П. Котелов, В.Г. Аппельрот.

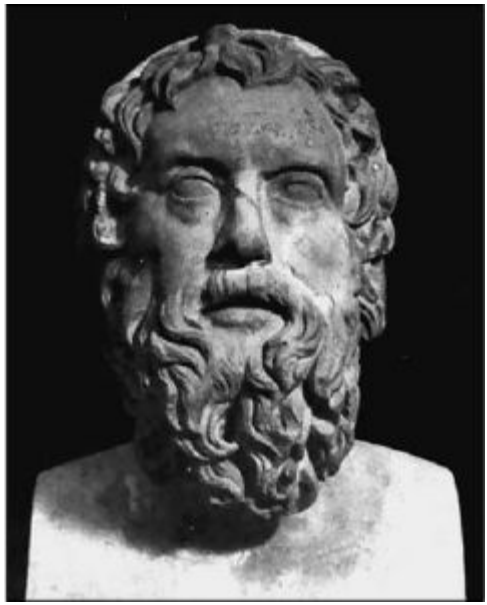
АРИСТОФАН
(между 444 и 450 – между 387 и 380 гг. до н. э.)

В 406 г. до н. э. афинский театр потерял сразу двух великих поэтов – Софокла и Еврипида. Ушла целая эпоха великой аттической трагедии. Общественность активно обсуждала, кто из трех трагиков: Эсхил, Софокл или Еврипид – лучший. Комедиограф Аристофан свой ответ дал на следующий год в пьесе «Лягушки». Герой пьесы бог вина Дионис, опечаленный тем, что афинский театр осиротел, надумал вернуть Еврипида. Вход в Аид был запрещен даже богам. С трудом, но Дионис со слугой все же попали туда. Несмотря на «адскую» тематику, действие шло под нескончаемый хохот зрителей над остроумными диалогами. «А видел ты здешних грешников, и воров, и лжесвидетелей, и взяточников?» – спрашивал один актер. «Конечно, видел, и сейчас вижу», – второй показывал на ряды зрителей.

«Лучший – Эсхил!» – решил в конце концов Дионис, забирая Эсхила с собой. А подземный бог напутствовал: «Такому-то политику, и такому-то мироеду, и такому-то стихоплету скажи, что давно уж им пора ко мне.» Театр умирал со смеху.

В этой пьесе Аристофан пародировал не только Еврипида, но и любимого им Эсхила. Пародия была у него в крови, и он выбирал мишенями для пародий соразмерных своему таланту личностей. Любил он нападать и на Сократа, высмеивая его новации в области образования, хотя по свидетельству Платона был его приятелем. Все пьесы Аристофана отличала воистину гусарская бесшабашность, изящная выдумка, искрометный юмор, острая злободневность; особенно радостно принимали зрители непристойности и грубые личные и политические выпады против сильных мира того.

Жанр древней комедии Аристофан довел до совершенства. Греки были очарованы его пьесами. Платон говорил, что «музы устроили себе в нём приют», а все древние называли его попросту Комиком.



По убеждениям Аристофан был государственником, и во всем, что, по его мнению, колебало государственные основы, видел объекты для сатирических стрел. Себя он называл «очистителем, отвращающим беды от своей страны».

Он резко критиковал разбогатевшую на войне городскую демократию и тиранию, обвинял афинский демос в малодушии, легкомыслии, в падкости до льстивых речей, глупой доверчивости, заставляющей его вечно питать надежды и вечно разочаровываться. Афиняне повторяли за ним вслед, что в Совете 500 «заседает оболваненный народ».

И в то же время Аристофан с уважением относился к политическим деятелям, выступавшим за мир; особо благоволил к полководцам: «Нет благородней смерти Фемистокла». Сочувствовал он и бывшим храбрым воинам, честным судьям-старикам (по современному, пенсионерам), получавшим за свои труда нищенские три обола, и их бедственному положению.

Даты рождения и смерти Аристофана точно не известны. Его родителями были Филипп и Зенодора. Из нескольких версий о его происхождении – греческая колония на Эгине, Родос, Египет, Афины – предпочтение стоит отдать Афинам, да и афиняне всегда считали драматурга «своим». Вероятно, Аристофан нес военную службу, как все граждане. У него было два сына, Филипп и Арар, оба комические поэты, но поговаривали, что у него их трое и даже четверо. Всю жизнь он провел в Афинах и был в курсе всех новостей и слухов об известных общественных деятелях. Прекрасно знал он и правила судебной процедуры, и быт своих сограждан.

Сочинять комедии Аристофан начал молодым человеком с богатой шевелюрой («Пирующие», 427 до н. э.), за сорок лет сочинительства потерял все волосы, зато поставил сорок четыре пьесы, из которых до нас дошло одиннадцать комедий, не считая девятисот фрагментов. Аристофан – единственный комедиограф Греции, чьи произведения дошли до нас целыми.

Обычно рассматривают три периода его творчества. В первый, ранний период – с 427 до 421 г. до н. э. («Вавилоняне», «Всадники», «Облака», «Осы», «Мир») – поэт был безудержен в политической сатире, пользовался полной свободой слова, и никто не был огражден от его поношений. Правда, ставил пьесы он под именем Каллистрата, так как был неизвестен и не имел возможности оплачивать хор.

Когда в 426 г. до н. э. он осмеял в «Вавилонянах» могущественного демагога («народного вождя»), кожевника Клеона, тот обвинил его перед Советом 500 в оскорблении народа и его представителей перед союзниками, а также в незаконном присвоении тем звания афинского гражданина. Подробности суда неизвестны, по-видимому, Аристофан достаточно легко отделался от обвинений. Молодой поэт жестоко напал на Клеона в следующей своей комедии «Всадники», сделав его одним из главных героев пьесы. В этой пьесе Аристофан необычайно ярко явил миру социальную природу демагогии. В страхе перед реальным Клеоном актёры отказались от этой роли. Говорят, Аристофан сам сыграл ее, раскрасив себе лицо. Это вызвало ярость со стороны Клеона, и чем бы все закончилось, неизвестно, если бы Клеон не умер в 422 г. до н. э. Надо отметить, что удача не всегда сопутствовала Аристофану. Так, постановка пьесы «Облака» (423 г до н. э.) провалилась, и он несколько лет переделывал текст.

С 421 до 414 г. до н. э. мы не имеем о поэте никаких сведений. В эти годы он поостыл, стал более сдержан и осторожен, хотя и не потерял своего блеска и остроумия. К тому же в 415 г. был проведён закон, ограничивавший необузданную свободу осмеяния личности. С 414 г. начался второй период его творчества («Птицы», «Лисистрата», «Женщины на празднестве Фесмофорий», «Лягушки»): продолжался он до 405 г. до н. э. В наиболее известной пьесе «Лисистрате» («Распускающей войско»), поставленной в год олигархического переворота (411 г. до н. э.), яростных выпадов против личностей не было, хотя в ней Аристофан убийственным смехом разоблачил кровожадность военной партии. Заодно он оправдывал прежний крепкий политический строй и осуждал современную ему разжиревшую демократию с ее пустыми страстями и декламацией.

В последние годы жизни Аристофан разочаровался от бессилия что-либо изменить в общественном устройстве Афин. Из пьес ушел политический заряд, но в них по-прежнему был силен пародийный элемент («Женщины в народном собрании», «Богатство» и др.), разбавленный, правда, утопическими идеалами. Две пьесы «Аэолосикон» и «Кокал»

Аристофан подарил сыну Арару, чтобы составить ему имя в театральных кругах.

Прошел век, и от афинской демократии и свободы слова не осталось и воспоминаний. В IV в. до н. э. комедии такого рода уже не писали – и Аристофан ушел в забвение. Лишь во II в. н. э. сатирическое направление продолжил Лукиан. Византийская эпоха признала за Аристофаном первенство в жанре комедии. С XVI в. начались постановки Аристофана в Западной Европе. Сюжетами «отца комедии» пользовались Расин, Гёте, Фейхтвангер. Творчество Аристофана вдохновляло Э. Роттердамского и Рабле, Свифта и Филдинга.

В России произведения древнегреческого драматурга переводились много раз. Гоголь называл Аристофана образцом поэта-сатирика. Герцен, Белинский, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Маяковский подхватили и развили основные мотивы его творчества. В советское время был издан новый перевод комедий Аристофана, выполненный А.И. Пиотровским.

ВАЛЬМИКИ
(XII–XI или V–IV вв. до н. э.)

Недвижно простоять несколько тысяч лет покрытым муравьями – это слишком даже для индуса, продвинутого в йоге. А вот легендарный древнеиндийский поэт простоял. Его так и прозвали Вальмики – «Покрытый муравьями». Впрочем, в стране Будды и не такое случалось. Поэму Вальмики «Рамаяна» знает каждый индиец, а ее автор для всех – Первый поэт, «адикави». Жил он не позже V–IV вв. до н. э. (по мнению некоторых ученых, даже в XII–XI вв. до н. э.), и индийцы по сей день глубоко чтят память своего поэта. В октябрьское полнолуние вся Индия отмечает его день рождения.

Кто такой Вальмики, можно выяснить только из текста самой поэмы. В незапамятные времена, когда все еще почитали закон, разбойник Вальмики (при рождении ему было дано имя Ратнакара) занимался грабежом и разбоем и, будучи брахманом – представителем наивысшей касты, не останавливался даже перед убийством своих собратьев, брахманов и аскетов, – самым тягчайшим, по индусским понятиям, преступлением. Судьба свела его в лесу с поэтом Шри Нарадой, музыкантом и весельчаком. Вальмики услышал чарующую музыку и увидел человека, играющего на музыкальном инструменте. Угрожая мечом, он стал требовать от него ценности.

– Мои богатства внутренние, ими я могу поделиться с тобой, – сказал музыкант. – Других ценностей у меня нет. Да и что они по сравнению с духовными? Ты такой сильный человек, скажи, зачем ты это делаешь?

– Ради моей семьи – моей матери, моей жены и детей. Если я не принесу им денег, они будут голодать, а я ничего другого делать не умею, – ответил Вальмики.

– А нужна ли им такая жертва? Ты спроси у них: готовы ли они разделить ответственность за твои прегрешения перед Богом?

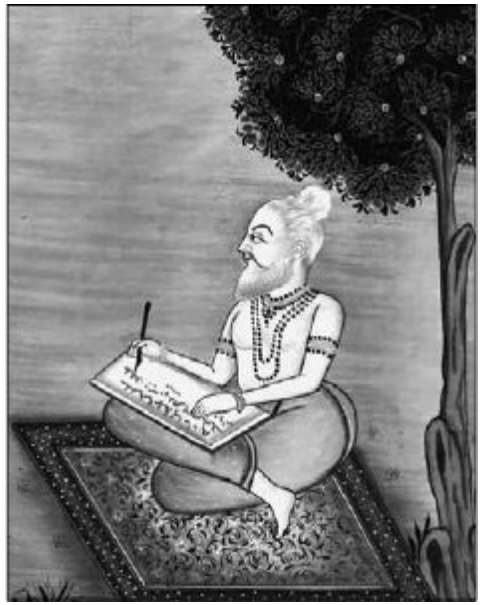
Разбойник привязал музыканта к дереву и отправился домой. Мать ответила ему:

– Почему я должна делить с тобой ответственность за твои преступления? Я – твоя мать, твоя обязанность – кормить меня.

И его жена тоже сказала:

– С какой стати я буду отвечать за твои грехи? Я ничего такого не совершила и чиста перед Богом. Я не знаю, как ты добываешь хлеб, это твое дело.

Озадаченный Вальмики вернулся и отвязал музыканта:



– Никто не хочет делить со мной ответственность. Что бы я ни делал ради семьи, за все буду отвечать сам. Наставь меня на путь истинный, чтобы я однажды смог почувствовать ту же музыку, ту же радость, что вижу на твоем лице.

И Шри Нарада попросил его произнести слово «Рама». Вальмики не смог.

– Если ты не можешь повторять имя Рамы, – сказал Нарада, – повторяй ма-ра, ма-ра, ма-ра – смерть, смерть, смерть.

– Это привычно, – ответил Вальмики и стал повторять: – Мара, мара, – пока не убедился, что произносит слово «Рама». После этого Шри Нарада поведал разбойнику историю о доблестном царе Раме, в которого воплотился сам бог Вишну, о его походе на остров Ланка для спасения своей возлюбленной Ситы, похищенной царем демонов Раваной, и его справедливом и мудром правлении в течение одиннадцати тысяч лет. Перед расставанием Нарада призвал Вальмики очиститься и восславить жизнь и подвиги Рамы.

Вальмики раскаялся в своих преступлениях и искупил содеянное зло суровой аскезой. Очистившись, он стал мудрым и просветленным. Однажды в лесу он заметил пару куликов-краунча, занятых любовными играми. И тут просвистела охотничья стрела и поразила самца. Его подруга горестно закричала. Сердце Вальмики преисполнилось состраданием. Разгневанный бессердечием охотника, он произнес: «О охотник, убив эту птицу в момент ее супружеского счастья, ты никогда и нигде не найдешь покоя!» – и вскоре осознал, что это стихи неведомого прежде размера. Их он назвал «шлокой, родившейся

из моего горя».

Позже Вальмики впал в глубокую медитацию, и ему явился сам Брахма. Создатель мира велел Вальмики поведать историю Рамы, услышанную им от Нарады. Следуя веленью Брахмы и разуменью собственного сердца, Вальмики сложил «Рамаяну». Семь книг на санскрите содержат 24 тысячи двустиший – это в три раза больше, чем в «Илиаде». Название ее образовалось из двух слов: Рама – имя героя и аяна – сказание.

По другой версии, не Нарада, а семь мудрецов, на которых напал Вальмики, раскрыли ему в мудрых речах эфемерность человеческой жизни и гуманитарных ценностей и предложили несколько раз произнести вслух «мара». Услышав, как из его уст вылетает имя бога Рамы, Вальмики застыл в изумлении и простоял так много тысяч лет, повторяя слово «мара»; его тело облепили муравьи, и он превратился в муравейник. Когда мудрецы снова прошли этой дорогой, они остались довольны аскезой бывшего разбойника и разрешили ему выйти из муравейника. С тех пор Вальмики возвысился настолько, что смог в состоянии духовного транса увидеть бога Вишну в образе Рамы и затем описать его в своей «Шри Рамаяне Вальмики».

Став мудрецом, Вальмики заимел толпы последователей. Дожив до глубокой старости, он ушел в горы и, любуясь закатом, застыл в едином совершенном знании. Его бренное тело было сожрано муравьями, что еще раз подтвердило семантику его имени.

Был ли покрыт Вальмики муравьями на самом деле, установить сложно, но то, что он покрыл себя неувядаемой славой, не сравнимой ни с чьей славой в мире – это бесспорно. В Индии влияние сказания о Раме выражается не только в духовном, а и в материальном плане: в употреблении имен, в названиях предметов и растений, в названиях городов и поселков, в ритуальных праздниках, в атрибутах, формирующих мировоззрение и нравственность. Даже при встрече индийцы приветствуют друг друга: «рам-рам!» Во всей истории человечества нет другого литературного произведения, которое сформировало бы и облагородило обычаи, взгляды и образ жизни многих поколений людей, как это сделала «Рамаяна» в странах Южной и Юго-Восточной Азии.

Первыми исполнителями поэмы стали ученики Вальмики сыновья Рамы – царевичи Куша и Лава. За ними последовали тысячи сказителей-кушилавов. Легенда о Раме и Сите, скорее всего, сложилась к V или IV в. до н. э. К 200 г. до н. э. различные авторы создали свои варианты легенды. Позже она была дополнена множеством добавлений и к V в. н. э. обрела

современную форму. Сегодня она почитается священной книгой.

«Рамаяна» была переведена на многие восточные языки. На ее основе было издано множество оригинальных местных сочинений. Многие сюжеты эпоса составили канву художественных сочинений последующих эпох, в т. ч. и великого индийского поэта Калидасы (IV–V вв.). На хинди книгу о Раме написал выдающийся писатель Премчанд, классик литератур хинди. Ни один из десятков переводов поэмы на русский язык не признан классическим.

КВИНТ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ ВЕРОНСКИЙ (между 87–84—54 гг. до н. э.)

В нескольких строках: «И ненавижу ее и люблю. „Почему же?“ – ты спросишь. Сам я не знаю, но так чувствую я – и томлюсь» и «Что женщина в страсти любовнику шепчет, в воздухе и на воде быстротекущей пиши!» великий римский лирик Квинт Валерий Катулл выразил то, что вслед за ним пытались выразить тысячи поэтов, не смущаясь тем, что Катулл, открыв лирическую тему, сам же отчасти ее и закрыл.

В начале XIII в. в Вероне была обнаружена ветхая рукопись, с которой своевременно сделали две копии (рукопись вскоре была утрачена), донесшие до нас 116 стихотворений римского поэта.

Творчество Катулла развивалось в период гражданских войн, распада республиканского строя и становления военной диктатуры. Тогда только чудо удержало Рим от катастрофы, но это была и пора его благоденствия: он – хозяин Средиземноморья, богатство течет в него рекой, обывателям, особенно имущим сословиям, и делать-то нечего – воюют контрактники, пашут рабы, делят власть политики. Одна проблема – чем занять досуг. В чередовании будней и праздников, труда и разрядки работа уступала место пьяным загулам, чинность – разнузданности, взвешенность каждого слова – сквернословию. На этом эмоциональном фоне и сформировалась поэзия Катулла. Тем более, родилась она среди сверстников – юных бездельников,

озабоченных тем, где бы вкусно поесть и с кем сладко поспать. В чисто мужских компаниях любили рассказывать о своих любовных похождениях. В тесном кругу общения всё остро переживалось, раздувалось, сопровождалось бурей чувств и эмоций – обычная юношеская игра, нарочитость, бравада.

Тип юноши-гуляки уже существовал в литературе, и молодые повесы брали с него пример. Именно демонстративная разнузданность молодежи и наложила отпечаток на неистово бранные и восторженно ликующие стихи Катулла.

Катулла пленяла такая жизнь еще и потому, что сам он по рождению был выходцем из провинциальной Вероны, для богатых и знатных уроженцев которой был возможен доступ к римскому гражданству. Отец Катулла был в Вероне человеком богатым и знатным: на его вилле, на озере Гарда частенько гостил Цезарь. Он и сына послал в Рим, чтобы дать ему образование и ввести в хорошие дома. Заодно и присмотреть жену, чтобы дети от рождения имели права римских граждан. Купил ему загородную виллу неподалеку от элитного дачного места Тибур.

Перед Катуллом были открыты все двери, он мог сделать карьеру на форуме или в суде, но предпочел любовь и поэзию. Катулл вошел в группу молодых поэтов-неотериков (т. е. новых поэтов, модернистов), сблизился с Цинной и Кальвой. Разлагающееся общество искало приют в сфере интимных переживаний, и неотерики, как никто другой, ему этот приют предлагали. Светская публика упивалась изысканной поэзией, недоступной, по ее мнению, пониманию невежд. В элегиях и эпиграммах новые поэты выражали свой протест против грубостей внешней жизни и изощрялись отделкой стиха и ритма. Их постоянная полемика с поэтами-эпиками, а также похвальная борьба за простоту и изящество литературного языка способствовали созданию в римской поэзии многих новых стихотворных размеров.

Катулл создал лирику, отражающую разнообразные настроения поэта. Прежде всего, это стихи, связанные с его любовью к Клодии, сестре трибуна Клодия Пульхра, которую поэт назвал Лесбией, сближая ее с лесбиянкой Сапфо. Аристократка Клодия была красива и распутна (это ее позже выставил Цицерон в одной из своих речей эмансипированной женщиной без стыда и совести, напоказ щеголяющей развратом), и для нее Катулл был лишь очередной любовник. Для поэта же она стала страстью и мукой на всю жизнь, источником тоски и вдохновения.

Большая часть стихотворений Катулла обращены к друзьям и врагам, ибо Катулл был равно талантлив в любви и ненависти.

Из больших произведений поэта отмечают экзотическую

поэму «Аттис», искусно сложенный эпиллий (поэму на мифологический сюжет) и любовную элегию (первую в римской поэзии) о горе Катулла, вызванном разочарованием в Лесбии.

Какой распорядок дня был у Катулла? С утра до вечера он делал визиты, сопровождал покровителей, присутствовал на судебных процессах и народных сходках, участвовал в уличных потасовках между сторонниками разных сенаторов, а с вечера до утра пел, пил и занимался эросом (слова «любовь» тогда еще не было – Катулл, кстати, его и придумал).

В 60 г. до н. э., в год появления Катулла в Риме, был образован Первый триумвират – союз Юлия Цезаря, Помпея и Красса. Он был призван «заглушить» разноголосицу остальных сенаторских клик. Те, естественно, обрушили на триумвират всю свою ненависть, сдобренную памфлетами и эпиграммами. В эту травлю был вовлечен и Катулл, сложивший не одну эпиграмму против Цезаря и особенно его приятеля Мамурры. Однако вскоре друзья и покровители Катулла переметнулись на сторону Цезаря, а следом и он попросил у Цезаря извинения. Тот, всегда поддерживавший дружеские отношения с его отцом, в тот же день пригласил Катулла к обеду.

Неверность Клодии ввергла Катулла в отчаяние, и когда он весной 57 г. до н. э. получил известие о смерти брата в Малой Азии вблизи Трои, тут же выехал в Вифинию в составе свиты проконсула Гая Меммия, тщетно думая заработать у него какое-то вознаграждение. За год сочинил эпиллию «Аттис», несколько экзотических стихотворений, а на могиле брата трогательное – «и навеки теперь здравствуй, мой брат, и прощай». Весной 56 г. до н. э. Катулл на приобретенном им небольшом судне посетил Родос, ряд городов Эгейского моря и вернулся на родину, в Сирмион.

Умер поэт очень рано, едва 30 лет от роду; год смерти его в точности неизвестен. Согласно мифу, умер от неразделенной любви. Впрочем, Катулл был великим мистификатором и пересмешником (даже имя «Катулл» буквально означало «тот, кто в течке»), и не исключено, что он еще долго жил вдали от столичной жизни и столичных страстей.

Катулл обрел популярность в Риме еще при жизни не только как основатель художественной лирики, но и как выдающийся сатирик. По сию пору спорят, какой Катулл более выдающийся: Катулл бранный, Катулл ученый или Катулл влюбленный. Позже знаменитый римский оратор Квинтилиан указывал на едкость ямбов Катулла; Тибулл, Овидий, Проперций называли его своим учителем в жанре любовной поэзии; Вергилий, Гораций, Марциал подражали некоторым его произведениям, а Геллий (II в.) считал

его «изящнейшим из поэтов».

Потом пришла пора забвения.

Поэты новой Европы открыли родственную им интимную лирику Катулла, и поэт занял прочное место в наследии мировой литературы. И. Гёте, Д. Байрон, Г. Гейне отдали дань его творчеству.

Его поэзию переводили А.С. Пушкин, В.Я. Брюсов, А.А. Блок. Полный перевод Катулла сделан А.А. Фетом. Большинство стихотворений переведено Ф.Е. Коршем, А.И. Пиотровским в издании «Academia» (1929).

ПУБЛИЙ ВЕРГИЛИЙ МАРОН (70–19 гг. до н. э.)

Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый, —

обращается автор «Божественной комедии» Данте к Вергилию, автору божественной «Энеиды». Провидение свело их на пути в ад. А в Чистилище Данте разъясняет, почему именно Вергилия выбрал он в проводники: «Ты дал мне петь, ты дал мне верить в Бога!»

Всю жизнь Вергилий жаждал тиши и уединения и не получил их. Мечтал стать философом и не стал. Перед смертью хотел сжечь труд своей жизни и не сжег. Казалось бы, жизнь у человека не сложилась, но вряд ли кто другой удостаивался такой прижизненной и посмертной славы.

В отличие от многих писателей, жизнь Вергилия еще в античности стала предметом легенды, биографы и друзья (прежде всего поэт Варий) располагали точными биографическими сведениями, много свидетельств оставили и комментаторы его творчества.

Родился Вергилий 15 октября 70 г. до н. э. близ Мантуи, в ныне не существующей деревне Анды. Имя Публий обычное для римлянина, а два других считают этрусского происхождения. Отец был горшечником или посыльным, женился на дочери своего хозяина, а затем промышлял разведением пчел и продажей леса. Мать Вергилия звали Магия Полла. Два старших брата его умерли рано.

Будущий поэт получил хорошее образование в соседней Кремоне, а затем в Медиолануме (Милане). Шестнадцати лет одел тогу зрелости.

Через три года Вергилий приехал в Рим обучаться риторике и наукам, необходимым для политической карьеры. В риторической школе Эпидия он установил дружеские связи со многими юношами из знатных фамилий, в том числе и с Октавианом (будущим императором Августом – тот был на семь лет моложе Вергилия), чем обеспечил себе доступ в «свет».

Адвокатская карьера не удалась, поскольку меланхолик Вергилий не обладал ораторским даром, говорил вяло и по манере речи «походил почти что на неученого». «Высокого роста, смуглый, с деревенским лицом, слабого здоровья», в литературном и светском обществе он прослыл «мужиком». Жил бобылем, отдавая всего себя поэзии, математике и медицине. Знакомые прозвали его Недотрогой. Даже став знаменитым поэтом, Вергилий отличался чрезвычайной застенчивостью: когда на улицах народ сбегался посмотреть на него, он прятался в первый попавшийся дом.

Через год он обосновался в Неаполе, присоединившись к основанному поэтом Филодемом кружку эпикурейцев. Тогда же его увлекла «новая» поэзия, и он писал стихи в подражание Катуллу – их он читал на удивление выразительно, вызывая острую зависть у профессиональных ораторов. Эти его стихи были опубликованы посмертно в сборнике «Мелких стихотворений».

После смерти Цезаря (44 г. до н. э.) Вергилий вернулся в Мантую. Во время раздачи земель ветеранам – сторонникам триумвиров – Вергилий два раза терял свои владения, но каждый раз его спасало личное вмешательство Октавиана.

В Риме, куда поэт приезжал хлопотать по своим владениям, он сошелся с богатым всадником Меценатом, советником Октавиана по дипломатическим и идеологическим вопросам, и окружавшими его поэтами.

Три «вечных» вопроса не давали поэту покоя: как, для чего и во имя чего жить. На грандиозные вопросы он дал грандиозные ответы – в трех поэмах, написанных гекзаметром: «Буколиках», «Георгиках» и «Энеиде».

Поистине знаменитой является четвертая эклога «Буколик» (42—между 39 и 37 гг. до н. э.) – соединение свадебного гимна и оды на рождение ребенка, который должен вернуть на землю Золотой век, использованная императором Константином (IV в.) при утверждении в империи христианства, в качестве доказательства того, что даже язычник предсказывал рождение Христа. Главным образом благодаря этой эклоге (и еще шестой книге «Энеиды», где он нарисовал Аид настолько образно, будто сам там бывал) Вергилий прославился в Средние века в качестве «Пророка язычников» и стал проводником Данте.

«Буколики» принесли Вергилию славу. Их читали, ценили, исполняли на сцене – народ рукоплескал. Теперь он – главная фигура нового литературного кружка, центр духовной жизни Рима.

В гражданских войнах, начатых из-за земли, сама земля была забыта, и, чтобы не умереть с голоду, Риму предстояло возродить сельское хозяйство. На какое-то время это стало государственной политикой. По заказу Мецената Вергилий в 36 г. до н. э. приступил к написанию поэмы о сельском хозяйстве. Семь лет трудов не пропали даром: «Георгики» стали поэтической вершиной римской эпохи и повлияли на экономическую политику Рима.

Последней поэмой Вергилия стала «Энеида» (29–19 гг. до н. э.) о взятии Трои греками и путешествии троянского царевича Энея в Италию, где он сплотил троянцев и латинов в единый народ, названный позже римлянами. Поэт занялся этим сюжетом по просьбе Августа, дабы возбудить в римлянах национальную гордость сказаниями о великих судьбах предков и убедить граждан, что Август – потомок Энея.

Вергилий написал сначала поэму в прозе, а затем по настроению разрабатывал отдельные эпизоды. Над стихами он работал самоотверженно. Часто сочинял одну строку в день, хотя с утра слагал и диктовал писцу их множество.

В 19 г. до н. э. 12 книг «Энеиды» были вчерне готовы, и автор предназначал еще три года на их отделку. Августу, настойчиво требовавшему показать творение, он прочел только три книги – вторую, четвертую и шестую.

Чтобы изучить на месте театр действия своей поэмы, поэт отправился в Грецию и Азию. В Афинах он встретил Августа, который вернул его в Италию. На пути в Рим Вергилий серьезно

заболел и по прибытии в порт Брундизий скончался 21 сентября 19 г. до н. э. Умирая, он тщетно просил друзей подать ему ларец с рукописью «Энеиды», чтобы сжечь ее, и умолял не издавать ничего, что не издал бы он сам. Прах его был похоронен в Партинопее близ Неаполя.

По распоряжению Августа друзья бережно подготовили «Энеиду» к выходу в свет.

Поклонение, которым имя Вергилия было окружено при жизни, продолжалось и после смерти поэта: его изучали в школах, комментировали, издавали. Верили в него как в мага и чародея.

Велико влияние Вергилия было в Средние века. Любимым поэтом он оставался в эпоху Возрождения и классицизма. П. Ронсар, Л. Камоэнс, Т. Тассо, И. Шиллер, И. Гёте, В. Гюго, А. Франс и др. считали Вергилия «своим».

Празднование в 1930 г. двухтысячелетия со дня рождения Вергилия подтвердило ту огромную роль, которую он играл в формировании всей западноевропейской литературы: стихи, написанные на «мертвом» языке, как никакие другие, наполнили пульс десятков «живых» языков.

В конце XVIII в. вышел русский перевод «Энеиды», выполненный В.П. Петровым. Над переводом «Энеиды» много работали В.А. Жуковский и В.Я. Брюсов. В современных изданиях поэмы Вергилия представлены в переводе С.А. Ошерова и С.В. Шервинского.

ГОРАЦИЙ КВИНТ ФЛАКК (65—8 гг. до н. э.)

Выбрав золотой середины меру,
Мудрый избежит обветшалой кровли,
Избежит дворцов, что рождают в людях
Черную зависть.

Это кредо Горация помогло ему жить и писать стихи.

Квинт Гораций Флакк родился 8 декабря 65 г. до н. э. в семье бывшего раба, торговца соленой рыбой. У его отца было скромное имение в Венузии, римской военной колонии на юго-востоке Италии. Юридически дети вольноотпущенников приравнивались к свободнорожденным, но фактически таковыми становились только в следующем поколении. О матери поэта ничего не известно.

Отец оставил имение и переехал в Рим, чтобы дать мальчику достойное образование. Крутился, как мог; должность комиссионера на аукционах приносила ему по одному проценту со сделки от покупателя и продавца. Отец гордился: его сын, как аристократ, прошел все ступени образования – от начального в школе Орбилия в Риме до платоновской Академии в Афинах, высшей школы для римской знати.

После убийства Цезаря в 44 г. до н. э. началась очередная гражданская война. В Афины прибыл Брут вербовать офицеров для борьбы с преемниками Цезаря – Антонием и Октавианом. Горация не надо было уговаривать, он и прежде принадлежал к сторонникам республики. Так судьба перебросила его с полей мудрствования на поля сражений.

В 22 года Гораций получил чин военного трибуна (командира легиона). Для зачисления в сословие всадников надо было иметь ценз в 400 000 сестерциев, которые, судя по всему, у его отца имелись. После рокового для Брута сражения при Филиппах (42 г. до н. э.) Гораций вернулся в Рим. Отца в живых не застал, как не застал и имения, конфискованного в пользу ветеранов. Через год последовала всеобщая амнистия, и Гораций получил должность писца в казначействе. Впоследствии он сожалел о своих юношеских «иллюзиях» и авантюре, едва не погубившей его – при возвращении в Италию он чудом спасся при кораблекрушении. Да и бросить щит в бою считалось позором; надо отдать должное Горацию, он не побоялся признаться в одной из од, что выжил

только «бросив щит и бежав с поля боя».

Должность секретаря обеспечила ему возможность жить в Риме и заниматься литературой. В 39–38 гг. до н. э. им были написаны гекзаметрические стихотворения («Сатиры») и ямбические («Эподы»). Литературные поиски Горация перекликались с поэтическим направлением Вергилия и Вария. Оба поэта стали его друзьями и представили Горация Меценату.

В сатирах Гораций не затрагивал актуальную политику и был далек от личностей, его насмешки и поучения имели общий характер, что целиком согласовалось со стремлениями Октавиана укрепить нравственные устои государства, а значит, и свои позиции в Риме. Меценат после девятимесячных раздумий приблизил к себе поэта.

И хотя Гораций не раз восхвалял деяния Октавиана, он не стал придворным льстецом. Всю свою жизнь он оставался искренним человеком и вместе с большинством граждан испытывал к Октавиану чувство благодарности за долгожданный мир, восстановленный им в Италии после века гражданских войн. Когда Август позднее предложил Горацию выгодную должность своего личного секретаря, поэт, дороживший больше всего на свете своей независимостью, тактично отказался от нее, чем, однако, не испортил свои отношения с императором.

В 38 г. до н. э. Гораций в обществе Мецената, Вергилия, Вария и других видных общественных деятелей Рима совершил путешествие в Брундизий.

Зимой 36/35 г. до н. э. вышел первый сборник его стихотворений «Сатиры», посвященные Меценату.

Меценат стал не только другом, но и покровителем поэта. Он ввел его в литературные и политические круги Рима, а в 33 г. до

н. э. подарил поэту небольшую усадьбу в Сабинских горах.

Гораций проповедовал «золотую середину» не только в стихах, но и в жизни вообще. Это позволило ему, присоединившись к партии покровителя, не открещиваться и от друзей-республиканцев. Гораций внес немалый вклад в проводившуюся Октавианом кампанию по политическому и нравственному возрождению Рима. Ему не пришлось «ломать» себя – в лице правителя романтически настроенная интеллигенция, лелеявшая республиканский идеал, видела «восстановителя республики». Октавиан приблизил поэта к себе.

Обеспечив себе тыл, Гораций с еще большой силой стал проповедовать презрение к богатству и роскоши, умеренность во всем, довольство малым на лоне природы, наслаждение за бокалом вина. При этом он оставался критически мыслящим человеком, обладающим острым сатирическим даром, и в то же время романтиком, возвеличивающим доблести и строгости нравов прежних римлян.

В 30 г. до н. э. вышла вторая книга «Сатир» и «Эподы».

Начиная с 30 г. до н. э. Гораций с перерывами писал лирические стихотворения, первый сборник которых вышел во второй половине 23 г. до н. э. под названием «Песни»; еще в античности их стали называть одами. Сборник од завершал знаменитый «Памятник».

Далекий от честолюбивых стремлений, суетной городской жизни Гораций предпочел покой в деревне. Однако он не был «середнячком», как следовало из его жизненной философии. Гораций владел тремя – пятью имениями, получил не менее одного миллиона сестерций (сегодня это около миллиона долларов США) от Августа в признание литературной деятельности. В отличие от Вергилия, не чужд был Гораций и плотских утех. Невысокий, кругленький, с брюшком, поэт был эстетом: с барышнями он резвился в зеркальной спальне, зримо умножающей размеры шалостей.

В часы же трудов писал «Послания». В 1-ю книгу (19 г. до н. э.) вошло двадцать стихотворений философского содержания. Затем вышли вторая («Послание к Пизонам», или «Наука поэзии») и третья книги, посвященные вопросам литературы.

Но не все так радужно было в эти годы. В 23 г. до н. э. Меценат попал в опалу; в 19 г. до н. э. умер любимый Горацием Вергилий. Все чаще поэт писал о смерти, преодолевая, таким образом, страх перед нею.

В 17 г. до н. э. Август поручил Горацию сочинение гимна в честь великих Столетних игр. Торжественный «Юбилейный гимн» был исполнен в храме Аполлона Палатинского хором из 27

юношей и 27 девушек. После этого Гораций вернулся к лирике. Для IV книги «Посланий» он собрал 15 од, в которых не раз восхищался императором.

Слава Горация гремела. Когда он приезжал в Рим, на улицах показывали пальцами на невысокого, толстенького, седого, подслеповатого и вспыльчивого человека.

Под занавес жизни Гораций, как и Вергилий, хотел уйти из поэзии в философию, но, как и Вергилий, не ушел.

В 8 г. до н. э. умер Меценат, последними его словами Августу были: «О Горации Флакке помни, как обо мне!» Гораций пережил его на два месяца. Смерть наступила 27 ноября 8 г. до н. э. Не в силах подписать таблички завещания, он сказал, что наследником назначает Августа.

Его похоронили на Эсквилине рядом с Меценатом.

Слава Горация давно вышла за пределы Европы. После изобретения книгопечатания ни один античный автор не издавался столько раз, сколько он.

Лучшие писатели прославляли его в течение двух тысяч лет как величайшего лирика, владевшего, как никто другой, сложнейшей поэтической техникой античного искусства. «Вся остальная поэзия в сравнении с этой является пошлой, чувствительной болтовней», – писал Ф. Ницше.

В Риме Горация читали в школах, составляли комментарии к его произведениям, ему подражали. В период раннего Средневековья Горация почитали за моралиста. «Сатирику Горацию» Данте отвел место в Лимбе вслед за Вергилием и Гомером. Как лирик, он стал любимым поэтом Возрождения. Им восхищались Ф. Петрарка, П. Ронсар, М. Монтень, Д. Мильтон. С XVII в. начался культ Горация. Н. Буало, И. Гёте, Д. Байрон восторгались и подражали ему.

В России Горация переводили М.В. Ломоносов, А. Кантемир, Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, А.Н. Майков, А.А. Фет.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН (43 г. до н. э. – 18 г. н. э.)

Овидий – тончайший лирик, воспевший любовь, одна из первых жертв в мировой истории диалога «художник и власть», не ставшего предостережением другим художникам, что власть лучше не раздражать. Это одна точка зрения.

Вторая: Овидий – растлитель молодежи и разрушитель семейных и государственных устоев, сведший диалог к эгоистическому монологу и тем самым подписавший себе приговор – вечное изгнание.

Какая из точек зрения предпочтительнее, зависит от социальной системы координат, меняющейся, как хамелеон, вместе с властью и художником, и позиций смотрящего. Если же принять обе, в проигрыше оказываются и поэт, и государство.

20 марта 43 г. до н. э. в городке Сульмоне, в 140 километрах от Рима, в семье богатого римлянина из старинного рода Овидиев родился мальчик. Ему дали два имени: Публий и по прозвищу одного из его предков Назон (носатый).

Мальчик рано увлекся поэзией, с упоением читал и декламировал Катулла, Вергилия, Горация, а потом и сам стал сочинять стихи. Отец запретил ему заниматься стихотворчеством, чтоб не умножал непрактичное племя поэтов.

В 30 г. до н. э. отец привез Публия и его старшего брата в Рим получать образование. Через несколько лет брат умер.

Отец рано женил Овидия. Брак оказался непрочным. Неудачно было и второе супружество. Дочь от третьего брака Перилла тоже писала стихи.

Годы учебы не прошли зря: Овидий в Риме, затем в Афинах, в Малой Азии и на Сицилии слушал знаменитых ученых и поэтов, упражнялся в красноречии у самых знаменитых ораторов.

Через три года он приступил к государственной службе, добился успехов в должностях судебного и полицейского характера. За пять лет стал настолько известным, что получил право занимать в театре почетное место у самой сцены, откуда можно было стартовать прямо в кресло сенатора.

Однако Овидий сам выбил это кресло из-под себя. На 25-м году жизни он оставил службу и отдался поэзии. Ему это было сделать легко, т. к. о хлебе насущном можно было не думать – вкушал он его на серебре и на золоте в большом доме с садами в центре Рима.

Вскоре поэт стал знаменитым. Ему жадно внимали и в богатых домах, и в литературных кружках. Как равный встречался он с известными поэтами, подружился с великим Горацием. В доме полководца Валерия Мессалы сошелся с поэтом Тибуллом, а у Мецената с Проперцием.

Овидий дебютировал «Любовными элегиями», из которых впоследствии составилось пять книг. За ними последовали «Героини», «Средства для ухода за женским лицом», две поэмы «Искусство любви» и «Лекарство от любви». Поэт стал кумиром молодежи. Очень высоко ценилась его трагедия «Медея» – она не дошла до наших дней.

Так продолжалось без малого двадцать лет.

В 45 лет Овидий приступил к большой поэме о превращениях. Над «Метаморфозами» он работал более семи лет, описав гекзаметром 246 мифов о создании всего сущего и смену четырех веков человечества: золотого, серебряного, медного и железного. Читателей не оставили равнодушными строки о «железных» временах, в которые они жили, когда «люди живут грабежом, и в хозяине гость не уверен», когда утрачены совесть и стыд, и богиня справедливости Астрея навсегда покинула землю.

Сам не желая того, поэт вступил в полемику с императором. Август стремился восстановить старинные суровые нравы, дабы

вернуть славные времена процветания Рима, а Овидий, ненавидя разве что злодейство в его чистом виде, всячески оправдывал пороки и даже преступления слабостью человеческой натуры.

Еще в ранних поэмах поэт смеялся над браками по расчету, воспевал холостяцкую вольницу, что не могло понравиться Августу, издавшему законы против безбрачия и распутства. Овидия много раз, когда мягко, когда раздраженно упрашивали перестать развращать молодежь, но поэт в поэтическом запале не желал урезониваться. Когда загремели громы из императорского дворца, Овидий попытался смягчить Августа восхвалением его предков, его самого и его деяний, но император никак не отреагировал на лесть – его недовольство нарастало с каждым днем. Раздразнил его и выпад Овидия по поводу официального лозунга о возвращении Августом «золотого века»: золотой, мол, потому, что только золото и в почете, что им покупается даже любовь.

А тут еще слухи о внутрисемейных «разборках» во дворце, о том, что вторая жена Августа Ливия отравила его внуков Луция и Гая, чтобы расчистить своему сыну от первого брака Тиберию путь во власть. Масла в огонь подливали «Метаморфозы», в которых была строка: «Жестокая мачеха готовит смертельный яд». Естественно, императрице трудно было возлюбить поэта, а императору, значит, трудно вдвойне.

Как бы там ни было, в декабре 8 г. Овидию было приказано покинуть Рим и отправиться в вечное изгнание в Дакию, в город Томы. Не исключено, что Август думал тем спасти поэта от гибели. Тогда же он изгнал несколько видных аристократов, в т. ч. и свою внучку Юлию Младшую – за разврат. Тут же последовал приказ уничтожить все сочинения Овидия в общественных библиотеках Рима. Однако гражданства Овидия не лишили и имущество не конфисковали.

В отчаянии поэт сжег рукопись «Метаморфоз»; к счастью у его друзей сохранились копии. Другая поэма «Фасты» была написана до средины – она осталась незавершенной.

Путь в ссылку был опасным. Корабль в бурю вынесло на берег. Пришлось пересесть на другое судно. Только через год поэт добрался до места изгнания в старинную греческую колонию, населенную греками и гетами, окруженную враждебными племенами сарматов. Под старость пришлось повоевать: вместе с римскими легионерами Овидий отражал набеги врагов.

От прошлой жизни не осталось ничего: ни дома, ни виноградников, ни садов. Убогое жилище, скудная еда, гнилая вода. Ни друзей, ни книг. Даже латинского языка здесь никто не знал. «Жизнь человека постоянно подвергается опасности… Если

заболеешь, к тебе не придет ни врач, ни друг», – писал он немногим оставшимся после опалы друзьям в Рим. Не разрушен был только третий брак – супруга напрасно хлопотала в Риме о помиловании. Вера в преданность жены и надежда на императорскую милость служили Овидию единственным утешением в изгнании. Поэт слал Августу послания, раскаивался, льстил, но так и не был услышан державным ухом. С годами он стал «довольствоваться своей судьбой».

Книги, написанные в изгнании, «Скорбные элегии» и «Послания с Понта», по мнению А.С. Пушкина, стали вершиной творчества Овидия. Остались памфлет «Ибис», начало поэмы, ряд стихотворений пропал.

В 14 г. умер Август. Власть унаследовал его пасынок Тиберий, сын Ливии, питавший к Овидию те же чувства, что и мать. Поняв, что родины ему не видать, поэт сблизился с местными жителями. Стал писать стихи на гетском наречии, был награжден лавровым венком. Овидий учил детей, лечил больных, помогал соседям советами. Благодарные жители освободили поэта от налогов, а перед смертью приносили домой продукты, воду, кормили его.

Овидий умер в 18 г. Перед кончиной он просил перевезти его прах в Рим. Не перевезли. С годами могила Овидия затерялась, но слава его перешагнула границы Европы.

С его смертью окончился золотой век римской поэзии.

Творчество Овидия оказало огромное влияние на всю европейскую литературу. В Средние века «Метаморфозы» считались «языческой библией». По его книгам учились любви. Подобно Вергилию, он был предметом легенды. XI–XII вв. назвали «веком Овидия». Реминисценции из «Метаморфоз» обильны у Ф. Петрарки, Д. Боккаччо, М. Монтеня, Л. Ариосто, Т. Тассо, У. Шекспира, Д. Мильтона.

К Овидию обращались в своих стихах А.С. Пушкин, А.Н. Майков, М.И. Цветаева, А.А. Ахматова. Переводили его на русский язык А.А. Фет, С.В. Шервинский, Т.Л. Щепкина-Куперник.

АПУЛЕЙ
(ок. 124–125– ок. 170–180)

«Жизнь есть сочетание меда и желчи», – не без горечи утверждал сладкоголосый Луций Апулей, первый писатель среди магов и первый маг среди писателей. Знаменитый оратор, философ-мистик, популяризатор Сократа, Платона и Аристотеля, блестящий представитель эпохи упадка Римской империи прославился своим романом «Метаморфозы», более известным под заглавием «Золотой осел». Это произведение, единственное в своем роде, которое называли и сатирическим, и юмористическим, и фантастическим, и авантюрно-уголовным, и эротическим, все же стоит признать мистическим шедевром, сочетающим оккультизм эпохи с восточной фантастикой. «Вот я сплету тебе на милетский манер разные басни, слух благосклонный твой порадую лепетом милым… Внимай, читатель, будешь доволен», – обращается к читателю в начале романа автор и в самом деле сплетает на основе «басен» Лукиана, некоего Лукия из Патр и других неведомых миру авторов такой венок, который и по сию пору украшает культуру Древнего Рима.

«Метаморфозы» повествуют о приключениях молодого грека Луция, который из любопытства в доме волшебницы захотел испытать на себе действие чудесной мази, но по ошибке помазался не той мазью и превратился в осла, а вскоре стал добычей разбойников. Чтобы вернуться в человеческий облик, ему надо было поесть свежих цветов розы, но прошел целый год, наполненный многими злоключениями, прежде чем он из рук жреца Изиды получил венок из роз и вновь стал человеком – поклонником Изиды и Озириса.

Биографические сведения об Апулее можно почерпнуть в основном из его собственных произведений. Родился он ок. 124–125 г. в городе Мадавре (Северная Африка), в богатой аристократической семье. Получил прекрасное образование в Карфагене. Апулей употребил унаследованные после смерти отца средства на поездку в Афины, где продолжил изучение математики и философии, одновременно пробуя свои силы в музыке и поэзии. Брал уроки по диалектике (логике). Здесь он стал убежденным сторонником учения Платона. Изучал оккультизм в Малой Азии, на острове Самос, в Египте и Сирии. В Риме в совершенстве овладел латинским языком и занялся адвокатской практикой. Средств на жизнь в Риме не хватало, и он вернулся в Мадавру. Некоторое время занимал там почетные должности в городском управлении, но страсть к путешествиям позвала его в Александрию.

В пути Апулей тяжело заболел (157–158 г.) и остановился в городе Эе (теперь Триполи) для лечения. Там он встретился со своим приятелем, уроженцем Эи, и женился на его матери, Пудентилле, состоятельной вдове. Родственники ее первого мужа, рассчитывавшие завладеть имуществом вдовы, обвинили Апулея в том, что он околдовал Пудентиллу. Обвинение в занятиях магией по тем временам хоть и сопровождалось поистине театральным представлением, грозило обвиняемому в случае признания его вины смертью. Процесс состоялся в городе Сабрате, председателем суда был проконсул Африки Клавдий Максим. Апулей произнес оставшуюся в веках образцом защитительной речи «Апологию», из которой, кстати, мы узнаем,

что он имел правильное, несколько женственное лицо, обрамленное длинными густыми локонами. С блеском отверг он все нападки противников и добился оправдания.

После суда Апулей избрал своим постоянным местом жительства Карфаген, где преподавал грамматику и риторику и пользовался большим почетом и славой лучшего оратора. Одно время занимал должность верховного жреца. В честь его еще при жизни были поставлены статуи в Мадавре и Карфагене. После смерти Апулея (170–180) его открыто стали называть магом и волшебником.

Время написания «Метаморфоз» до конца не выяснено. Говорили, что Апулей написал их в возрасте 27–28 лет, но предпочтительнее другая точка зрения, согласно которой «Метаморфозы» написаны зрелым человеком, искушенным в жизни и литературном творчестве. Да и на суде ему никто не вменил в вину эту книгу, которую мог написать только человек, продвинутый в культах, магических обрядах, поверьях, суевериях и прочей чертовщине.

Апулей писал стихи, диалоги, речи, философские трактаты и тексты риторических декламаций на самые разные темы. Сам он о своих талантах был чрезвычайно высокого мнения и считал себя (не без основания) мастером во всех литературных жанрах. Любил при случае щегольнуть своим образованием и широтой научных интересов, воспитанностью и умением одеваться, изяществом своих стихов и мастерством декламации.

И именно в творчестве и характере Апулея ярко и всесторонне отразилась уходящая эпоха великого Рима с ее сочетанием мистики и скептицизма, показного блеска и внутренней опустошенности, беспокойных поисков чего-то лучшего и полного равнодушия к любому проявлению жестокости, подлости и разврата.

Время, погубившее так много великих произведений античности, было милостиво к Апулею: помимо «Метаморфоз» и «Апологии» сохранились «Флориды» и три философских трактата: «О Платоне и его учении», «О божестве Сократа» и «О мире». Канули в лету поэтические произведения, эпитомы по истории Рима; всевозможные речи, сочинения научного характера, роман под названием «Гермогор», по сведениям, не менее выдающийся, чем «Метаморфозы». В недавно обнаруженном трактате Апулея «Об истолковании», посвященном непосредственно логике Аристотеля, встречается так называемый логический квадрат, изобретение которого до сих пор приписывалось логику XI в. Михаилу Пселлу.

Пушкин, заметив, что «читал охотно Апулея», ничуть не

покривил душой, т. к. «охотно» читали его роман многие поколения читателей по всему миру. «Золотого осла» читали даже церковные деятели. Так, выдающийся богослов Августин (354–430) ко второму названию романа «Осел» прибавил слово «золотой», обычно прилагаемое к произведениям, имевшим большой успех. В Средневековье повесть об Амуре и Психее была истолкована Фульгенцием (в V в.) в религиозно-мистическом духе, как святая любовь души к божеству. В эпоху Возрождения эротические новеллы романа были использованы Боккаччо в «Декамероне». Позднее к Амуру и Психее вернулись Лафонтен, Сервантес, Филдинг, Смоллетт и др. Психея стала прообразом Гретхен у Гёте.

Первый русский перевод «Золотого осла» сделал Е.И. Костров (1780–1781). В России Апулей вдохновил И.Ф. Богдановича, С.Т. Аксакова, А.С. Пушкина, В. Брюсова и др. Академическими переводами являются работы М.А. Кузмина и С.П. Маркиша.

СРЕДНИЕ ВЕКА

ВАН ВЭЙ (МО-ЦЗЕ) (699 или 701–759 или 761)

У Ван Вэя было три дара: поэта, художника и музыканта, а еще дар веры – для одного человека более чем достаточно. Если добавить к этому талант каллиграфа, педагога, чиновника и первопроходца в поэзии и живописи, то и вовсе его можно причислить к рангу Леонардо и прочих гениев человечества. Его стихи и картины живут уже двенадцать с половиной веков, и проживут еще долго.

Родился Ван Вэй (второе имя Мо-цзе) в 699 или 701 г. в городке Ци (нынешний уезд Цисянь в провинции Шаньси на северозападе Центрального Китая). Его отец принадлежал к старинному и влиятельному роду, мать также происходила из «учёного сословия» и была убеждённой буддисткой. Скорее всего, детские годы Ван Вэя прошли в буддийском монастыре, где он стал сочинять первые стихи.

В 717 г. Ван Вэй получил государственную должность в столице Чанъане (современный Сиань). Он уже известный поэт. Поэтический талант, а также «родовитость» открыли Ван Вэю двери домов ценителей искусства, среди которых было немало знатных вельмож и даже принцев.

В 721 г. Ван Вэй сдал государственные экзамены и получил высшую учёную степень цзиньши. Перед ним открылась блестящая карьера, ему покровительствовал принц Ли Фань, его высоко ценили не только как поэта, но и как художника и музыканта. Вскоре он получил должность чиновника при императорском дворе и храме предков, отвечающем за исполнение ритуальной музыки.

За отклонение от ритуала исполнения церемониальной музыки в присутствии императора Сюаньцзуна (а скорее, из-за обычных дворцовых интриг, на которые были падки и сам император и принцы), Ван Вэй был сослан в захолустную область Цзичжоу (на юго-западе современной провинции Шаньдун в Восточном Китае), где служил армейским интендантом.

Ссылка наложила отпечаток на стиль его стихов, ставших более сдержанными, лаконичными, строгими. Именно за этот стиль он получил имя одного из «трёх великих танских поэтов» – наряду с Ли Бо и Ду Фу.

Сменив за десять лет несколько должностей, Ван Вэй получил разрешение вернуться в столицу, где занял место секретаря главного министра императора Чжан Цзюлина, выдающегося

политика, поэта и ученого. Дальновидный министр превыше всего ставил заботу об интересах страны и привлекал к государственным делам талантливых людей; жестко и решительно боролся с взяточничеством, процветавшим среди чиновников.

Ван Вэй купил усадьбу на реке Ванчуань поблизости от столицы. В новом доме стали собираться его друзья, поэты, гостить монахи и горные отшельники. Здесь родился прославленный поэтический цикл Ван Вэя «Река Ванчуань». Поэт был не чужд и социальной проблематики – писал утопию об идеальном государстве, исторические сочинения. К некоторым своим стихам сочинил музыку, и они уже при его жизни стали популярными песнями.

По рекомендации Чжан Цзюлина, Ван Вэй получил высокую государственную должность главного советника, а затем императорского цензора. Ван Вэй всей душой стремился быть полезным Отечеству, и был счастлив служить благородному и просвещённому правителю. Но началось засилье временщиков и авантюристов, окруживших императорский трон, и в 737 г. Чжан Цзюлин попал в опалу, был отстранен от высоких должностей и сослан на юг, а его место занял ловкач Ли Линьфу, ускоривший наступление кризиса, через двадцать лет ввергшего процветающее Танское государство в хаос.

Ван Вэй тоже был вынужден покинуть Чанъань. В поездках по стране он сменил много должностей, изредка посещая столицу.

После смерти жены в 734 г. Ван Вэй остался один. Детей у него не было; брат и сестра, о которых он заботился в свои молодые годы, давно выросли. Одиночество и разочарование в государственной деятельности скрашивали друзья.

Ван Вэй уже широко известен не только как поэт, но и как выдающийся художник, основатель монохромной пейзажной живописи, так называемой «южной школы». Выполнял росписи тушью на шелку и на стенах. Несколько произведений сохранились в копиях в Пекинском музее Гугун и в частной коллекции в Японии.

В 745 г. после трёхлетнего траура по умершей матери Ван Вэй вступил в должность старшего секретаря гражданской палаты, а затем секретаря императорского двора. Он принимал у себя знаменитых чаньских наставников и монахов, участвовал в религиозно-философских диспутах, решал конкретные проблемы, связанные с монастырской собственностью (например, пожертвовал буддийскому храму своё имение в уезде Ланьтянь). Для себя Ван Вэй избрал прозвище Мо-цзе, которое вместе с его собственной фамилией Ван давало китайскую транскрипцию

санскритского Вималакирти – знаменитого буддийского проповедника.

В 755 г. императорский фаворит военачальник Ань Лушань поднял мятеж. Император бежал и отрёкся от престола в пользу своего сына; мятежники вошли в Чанъань. Ван Вэя заключили в буддийский храм Путисы, где он, повинуясь конфуцианскому долгу, пытался совершить самоубийство, к счастью, неудачно.

Поэту разрешили свидания с друзьями, от которых он узнавал последние новости. Близкий друг Ван Вэя поэт Пэй Ди рассказал о вакханалии, устроенной мятежниками в императорском дворце. Согнав на празднество придворных музыкантов, их заставили петь. Но те лишь рыдали, а один из них бросил на землю лютню и, повернувшись лицом на запад, куда убежал император, громко застонал. По приказанию Ань Лушаня его растерзали. Потрясенный Ван Вэй тут же сложил стихотворение и прочел его другу. Экспромт получил известность, дошел он и до нового императора – Суцзуна, который через три года подавил мятеж и вошел в столицу.

Ван Вэй в заключении провёл два года, пока его не принудили выполнять обязанности чиновника. Поэту грозило суровое наказание, но благодаря экспромту, а также заступничеству своего брата Ван Цзиня, занимавшего высокий пост, он был временно понижен в должности, а затем и полностью прощен. В 758 г. Ван Вэй получил назначение на должность шаншу ючэна – заместителя министра, но служебная карьера уже не интересовала его.

Вскоре Ван Вэй ушел в отставку и поселился в загородном доме на реке Ванчуань в горах Чжуннань, где вел простую и строгую жизнь отшельника. Все свободное время он отдавал поэзии, музыке, живописи; многие из шедевров его пейзажной лирики были созданы именно в эти годы. В их числе знаменитый цикл «Река Ванчуань» из двадцати стихотворений.

Ван Вэй ездил по буддийским монастырям, навещал старых друзей-монахов, заводил новых и неизменно посвящал им в память о встрече стихотворения. В последние годы жизни он стремился жить в соответствии с буддийскими идеалами, но так и не принял монашеского пострига.

Ван Вэй скончался в 761 г. в возрасте шестидесяти лет. Был похоронен недалеко от буддийского монастыря Цзин-юаньсы (Чистый Источник) под Чанъанью.

Поэтическое наследие Ван Вэя составляет около четырёхсот стихотворений, собранных по приказу императора Ван Цзиня после смерти поэта – большая часть написанного (не менее 1000 стихотворений) погибла во время мятежа. Ему же приписывается

и знаменитый трактат «Тайны живописи» – одно из основополагающих сочинений по теории живописи, оказавшее большое влияние на последующее развитие теории и практики живописи в Китае.

Воздействие пейзажной поэзии Ван Вэя на творчество его современников и поэтов последующих поколений было огромным. В историю китайской классической поэзии Ван Вэй вошел как певец «гор и вод», «полей и садов». Китайская поэзия природы стала феноменом мирового значения, одним из высших достижений не только китайской, но и мировой поэзии.

Ван Вэя на русский язык переводили академики Н.И. Конрад и В.М. Алексеев, Б.Б. Бахтин, А.И. Гитович, Ю.К. Щуцкий, Л.З. Эйдлин, А.В. Матвеев, В.В. Мазепус, А.Г. Сторожук, Л.Н. Меньшиков, В.Н. Маркова.

ХАКИМ АБУЛЬКАСИМ ФИРДОУСИ (между 934–941 – между 1020–1030)

И мне не хватит дней, быть может,
Другой придет и эту книгу сложит.

К тому ж казна не помогает мне.
Увы, оценят ли мой труд в стране? —

Так вопрошал Абулькасим Фирдоуси самого себя и небеса. Ответом стала поэма «Шахнаме» («Книга царей») и бессмертие.

Бессмысленно сравнивать великих, но бесспорно, насколько Азия больше Европы, настолько и Фирдоуси крупнее любого европейского поэта.

Ежегодно 25 апреля в Иране, Таджикистане и Афганистане отмечают Международный день памяти поэта, лейтмотивом которого становятся два бейта (двустишия) поэмы.

Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:

Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца.

В 55 тысячах подобных (и бесподобных!) бейтов причудливо переплелись в извечной борьбе темы жизни и смерти, любви и ненависти, славы и позора. «Объем» поэмы в четыре раза превышает «Илиаду» и «Одиссею» Гомера вместе взятые.

Настоящее имя Абулькасима Туси точно неизвестно: Абулькасим – дословно: «Отец Касима». Туси – город области Хорасан в Восточной Персии, в пригороде которого родился будущий поэт. Фирдоуси – псевдоним и означает: «Райский». Полное имя поэта Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси.

Фирдоуси родился между 934 и 941 гг… в семье разорившегося аристократа-землевладельца. У родителей хватило средств, чтобы дать сыну приличное образование. Поэт свободно владел арабским и персидским языками, знал литературный язык домусульманского Ирана – пехлеви, однако это не обогатило его материально. Нужда вечно сопутствовала ему.

Молодость Фирдоуси пришлась на период, когда аристократия Ирана, освободившись от ига арабского господства, в отдаленных частях халифата снова захватила власть в свои руки. Возросший интерес к древним иранским преданиям и летописям породил идею создания хроники правящей династии Саманидов, ведущей свое происхождение от домусульманских царей Ирана. Много говорили о «национальной идее» и сплочении иранских племен в борьбе за сильное государство.

Молодой поэт Дакики взялся за грандиозный труд написания «Книги царей». Написав около 1000 строк, он умер, не закончив книги.

Узнав об этом, Фирдоуси в 976 г. приступил к продолжению поэмы. Знание языков и древней истории позволило ему использовать множество источников: легенд о первых шахах Ирана, сохраненных в «Книге владык» («Хвадайна-мак»); сказаний о богатырях-героях; хроник и легенд, связанных с пребыванием в Иране Александра Македонского. Существовала и прозаическая «Шахнаме», написанная в Тусе в 957 г. по приказу и под наблюдением одного из крупных деятелей того времени Абу Мансура.

В 35—40-летнем возрасте, совершив путешествие в Бухару и в другие места и собрав сведения о прошлом иранских народов, Фирдоуси приступил к изложению «Шахнаме» стихами. Бейты Дакики он также включил в поэму.

Описав историю правления пятидесяти иранских шахов-царей, т. е. всю доисламскую историю Ирана (а точнее, всех

обширных территорий, где тогда обитали персоязычные племена) со дня сотворения мира, через 35 лет поэт завершил свой грандиозный труд. Фирдоуси, как бог, вдохнул жизнь в мертвую хронику и сотворил вечно живой шедевр. Чудо, что Фирдоуси смог завершить поэму, т. к. к концу работы старый поэт едва не умер с голоду.

Одна лишь надежда, что Саманиды щедро вознаградят его, давала силы жить и творить. В то же время говорят, что Фирдоуси хотел все полученные деньги употребить на строительство плотины для крестьянских полей. Это легенда, но она много говорит о характере поэта.

За годы создания поэмы Саманидское государство под ударами народных движений и кочевников распалось. В 998 г. тюрки захватили Бухару и низложили власть Саманидов. Правителем стал 27-летний султан Махмуд Газневид (998– 1030).

Попытки Фирдоуси найти покупателя для своей поэмы среди мелкой аристократии не увенчались успехом. По совету доброжелателей Фирдоуси понес свое творение султану. Как водится, первыми его встретили во дворце прикормленные поэты и члены дивана (совет при султане для рассмотрения важнейших государственных дел). Они устроили ему, как школяру, постыдное испытание на мастерство и авторство. Прочитав первые строки стиха, они требовали от Фирдоуси продолжения. Фирдоуси посрамил их, но ничего этим не доказал.

Поэт не учел одного (да, собственно, другого выбора у него и не было): то, что нужно было Саманидам, Газневидам было как в горле кость. «Шахнаме» воспевала древность Ирана, что не могло понравиться халифату и мусульманскому духовенству, в котором султан искал опору. К тому же Махмуд вел свое происхождение от турецкого раба Саманидов и по сочинению Фирдоуси не имел ни малейшего права на власть в Иране. Да и само содержание поэмы в корне противоречило деспотичной и захватнической политике султана. Никак не могло понравиться Махмуду сочувственное изображение народных восстаний, которые он сам жестоко подавлял. Да и вообще, «Шахнаме» возвеличивала все иранское героическое прошлое, резко противопоставляя ему все туранское (тюркское).

Разумеется, тюрок Махмуд отнёсся к поэме резко отрицательно и вместо обещанных автору золотых динаров (по одному за каждый бейт) прислал «жалкую подачку» – три мешка низкопробных серебряных дирхем. «Дар» султана доставили автору «Шахнаме» в час, когда он пребывал в бане. Обиженный Фирдоуси раздал подарки гонцам и банщику.

По другой версии, Махмуд Газневид вовсе отказался принять

дар и оскорбил поэта. Фирдоуси в ответ написал острую сатиру на султана. Взбешенный Махмуд приказал бросить дерзкого поэта под ноги боевому слону. Фирдоуси успел сбежать, долго скитался по городам, пока не остановился в Багдаде.

Создав на чужбине свою вторую поэму «Юсуф и Зулейка», Фирдоуси получил за нее небольшое вознаграждение, на которое смог вернуться на родину в город Тус, где и умер в полной нищете между 1020 и 1030 гг.

Мусульманское духовенство запретило хоронить его, как еретика, на мусульманском кладбище. Великий поэт и мыслитель нашел вечный покой в своем саду.

Красивая легенда венчала это печальное событие. Мол, султан услышал стихи Фирдоуси, восхитился, раскаялся и направил поэту караван с богатой наградой. Когда караван входил в одни ворота города – в другие похоронная процессия выносила тело усопшего поэта. Власть всегда щедра к умершим. Дочь Фирдоуси на деньги султана построила рибат – дом для сирых и убогих.

За тысячу лет поэма «Шахнаме» и ее фрагменты издавались тысячи раз на многих языках народов мира на различных сортах писчей бумаги, на коже, гравировались на металле, вырезались на дереве, ткались на коврах.

Влияние «Шахнаме» на литературу дари-фарси (то есть созданную на персидских и таджикских языках) колоссально. Все дальнейшее развитие эпоса в ираноязычных странах так или иначе связано с этой поэмой. В народе ее излагали особые сказители.

В Европе изучение Фирдоуси началось в конце XVIII в. – появились первые критические издания персидского текста, ряд полных и сокращенных переводов на английском, французском, итальянском, русском и других языках.

Старейшие списки поэмы хранятся в Лондоне (рукопись второй половины XIII в.) и Санкт-Петербурге (1333).

На русском языке одна из частей поэмы впервые вышла в XIX в. в переводе В.А. Жуковского. Переводили Фирдоуси С.И. Соколов, М.Л. Лозинский, В.В. Державин, С.И. Липкин.

В 1934 г. иранское правительство отпраздновало тысячелетний юбилей Фирдоуси. Тогда же был открыт роскошный мавзолей поэта в Тусе, построенный по чертежам архитектора Бихзада в стиле домусульманского Ирана.

ОМАР ХАЙЯМ (1048–1131)

Мало кто из поэтов почти не занимался своими стихами, и мало кто достиг таких высот, как иранский поэт Омар Хайям, «палаточный мастер» Гияс ад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури. Стихи рождались у него ночами – когда поэт наблюдал за звездами, во время его раздумий над проблемами бытия, во сне. Они прилетали к нему из ада и рая, побывав и там, и там. Из души излетали и «для души» писались.

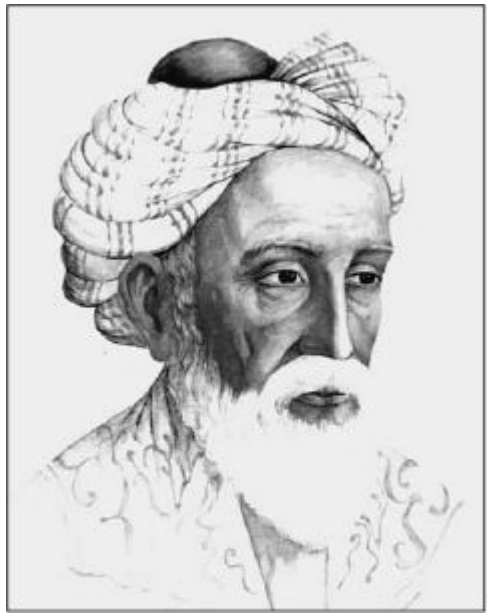
«Ад и рай – в небесах» – утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай – не круги во дворце мирозданья,
Ад и рай – это две половины души.

Когда в прошлом веке решили перенести прах Хайяма на новое место, увидели серый скелет, лежащий прямо в земле. Едва прикоснулись к нему, и он рассыпался. Прах собрали и захоронили. «В этой тленной Вселенной в положенный срок превращаются в прах человек и цветок». Прах – любимое слово Хайяма, он на нем, как на абсолютно черном фоне, рисовал пленительными красками цветы жизни.

Прежде чем стать бессмертным, Хайям прожил 83 года.

Родился он 18 мая 1048 г. в Нишапуре, расположенном на востоке Ирана, в древней культурной провинции Хорасан. Семья располагала достаточными средствами, чтобы предоставить сыну возможность многолетней серьезной учебы. Омар учился сначала в Нишапурском медресе, затем в Балхе и Самарканде.

Имея феноменальную память, изучил в короткий срок математику, геометрию, физику, астрономию, философию, теософию, корановедение, историю, правоведение и весь комплекс филологических дисциплин, входящих в понятие средневековой образованности. В совершенстве овладел арабским языком, основами стихосложения, прекрасно знал родную поэзию и арабскую литературу. Был искусен в астрологии и врачевании, был докой в теории музыки. Познакомился с трудами Архимеда, Евклида, Аристотеля. Знал на память Коран и мог растолковать любой его аят. К нему частенько обращались за консультациями даже ведущие теологи Востока.



Приоритетом в юности Хайяма стала математика. В двадцать один год он написал «Трактат о доказательствах проблем алгебры», принесший ему славу выдающегося ученого. Его приблизили к себе правители, понимавшие, что власть должна освещаться «звездами».

Бухарский принц Хакан Шамс ал-Мулк (1068–1079) юного математика «сажал рядом с собой на трон».

В 1074 г. Хайяма пригласили на службу к султану Малик-шаху (1072–1092) в город Исфахан, столицу сельджукской державы, простиравшейся от Средиземного моря до границ Китая. Годы правления Малик-шаха были отмечены созидательной государственной деятельностью и широкими просветительскими преобразованиями. Основная заслуга в этом принадлежала везиру Низам ал-Мулку (1018–1092). 30 лет поддерживал везир в государстве относительный порядок и спокойствие, необходимые для труда земледельцев и ремесленников, для развития торговли и науки; прокладывал новые дороги, поддерживал каналы, строил караван-сараи и базары. В Исфахане, Багдаде, Басре, Нишапуре, Балхе, Мерве, Герате Низам ал-Мулк открыл учебно-научные академии. В исфаханскую академию он пригласил известных ученых из других городов, в т. ч. и Авиценну (980—1037).

Хайям стал почетным приближенным султана. Везир назначил ему годовое жалование в 10 000 золотых динаров и предложил управлять дворцовой обсерваторией. Султан поставил перед ученым задачу – разработать новый, более точный календарь, пригодный в повседневной жизни.

В обсерватории Хайям и его сподвижники собрали наиболее

точные в то время инструменты – астролябии и квадранты. Точность расчетов ученого стала легендарной, она многократно превышала традиционную. Пятилетние научные наблюдения позволили Хайяму к марту 1079 г. разработать новый календарь, получивший название «Маликшахово летоисчисление». Он был на семь секунд точнее ныне действующего григорианского календаря (разработанного в XVI в.). Хайям составил также «Астрономические таблицы Маликшаха».

Как астролог, Хайям входил в число надимов – советников Малик-шаха. А еще он был и метеоролог.

В своих математических трудах Хайям за много веков до европейских ученых открыл бином Ньютона, разработал алгебру, неевклидову геометрию, математическую теорию музыки.

Хайям занимался и проблемами философии, перевел ряд сочинений Авиценны с арабского языка на фарси. Всего до нашего времени сохранилось пять философских сочинений Хайяма, кратких, лаконичных, занимающих иногда несколько страниц. В них, как и в его стихах, совсем нет воды.

Свои взгляды, заметно расходившиеся с официальной мусульманской догматикой, Хайям излагал эзоповым языком. В стихах же он был вызывающе дерзок, что воспринималось исламистами часто как кощунство.

В 1092 г. был убит Низам ал-Мулк, а вскоре при невыясненных обстоятельствах скончался и Малик-шах. Говорили, что это дело рук радикальных исмаилитов. В сельджукских владениях тут же воцарился хаос. Преемники Малик-шаха раздробили государство на множество мелких владений, и могуществу его наступил конец.

Положение Омара Хайяма при дворе Туркан-хатун, вдовы Малик-шаха, пошатнулось. Султанша, никогда не благоволившая к Низам ал-Мулку, не испытывала доверия и к его любимцам. Правда, в 1094 г. султанша и ее сын султан Махмуд I умерли от оспы. Хайям некоторое время оставался придворным астрологом и врачом при новом султане Берк-яруке.

Тем временем Исфахан потерял свое положение царской резиденции и главного научного центра. Обсерватория пришла в запустение и закрылась. Столицу перенесли в Хорасан, в город Мерв. Омар Хайям вернулся в Нишапур. Здесь он преподавал в медресе, имел небольшой круг близких учеников, изредка принимал ученых, участвовал в научных диспутах, написал трактат «Об искусстве определения количества золота и серебра в сплавах из них».

В эти годы Хайям стал резок и замкнут, «был скуп в сочинении книг и преподавании». Очевидно, его блестящие

знания, намного опередившие его эпоху, читатели и ученики могли усваивать лишь в малых долях.

Сохранились исполненные горечи слова мыслителя:

«.Большинство тех, которые в настоящее время имеют вид ученых, переодевают ложь в истину, не выходят из границ обмана и бахвальства, заставляя служить знания, которыми они обладают, корыстным и недобрым целям. А если встречается человек, достойный по своим изысканиям истины и любви к справедливости, который стремится отбросить суетность и ложь, оставить хвастовство и обман, – то он делается предметом насмешки и ненависти».

Опасаясь мести духовенства, «чтобы сохранить глаза, уши и голову, шейх Омар Хайям предпринял хадж». Путешествие к святым местам в Мекку длилось тогда годами. На какое-то время Омар Хайям поселился в Багдаде, где преподавал в академии Низамийе.

По возвращении из хаджа Хайям обосновался в уединенном доме в деревушке под Нишапуром. Он не был женат, не имел детей. Жил замкнуто, каждую минуту ожидая репрессий.

Наиболее вероятной датой кончины Хайяма принято считать 4 декабря 1131 г. Поэт в этот день читал «Книгу исцеления» Авиценны. Дойдя до раздела «Единое и множественное», он вложил зубочистку между двумя листами и попросил позвать необходимых людей, чтобы сделать завещание. Весь день он не ел и не пил. После вечерней молитвы поклонился до земли и сказал: «О Боже, ты знаешь, что я познал тебя по мере моей возможности. Прости меня, мое знание тебя – это мой путь к тебе». И умер.

Похоронили его в саду под грушевыми и абрикосовыми деревьями.

Ныне над могилой Омара Хайяма в Нишапуре возвышается величественный надгробный памятник – одно из лучших мемориальных сооружений в современном Иране, воздвигнутый в 1934 г. на средства, собранные почитателями творчества Хайяма в разных странах.

Скажете: где тут поэт? Какая часть поэта в этом универсальном гении? Поэзия и наука была сутью его жизни, и именно душа мыслителя, состоящая из этих двух великих половин, сделала его великим во всем.

Что же касается его стихов, они до сих пор «жалят как змея». Хайям никогда не писал хвалебных од правителям. Рубаи же считались тогда чем-то вроде частушек. Хайям записывал их на полях своих трудов и в глазах современников не был поэтом.

В Европе Хайяма-поэта «открыл» в 1859 г. Эдвард Фицджеральд. «Старик Хайям звенит, как настоящий металл», –

воскликнул он. До конца XIX столетия его перевод выдержал 25 изданий. Во время Первой мировой войны рубайат был карманной книгой английских солдат.

В 1928 г. перевел Хайяма на русский язык И. Тхоржевский. Затем последовали переводы Г. Плисецкого, В. Державина, О. Румера, Л. Некоры, Н. Стрижкова, Б. Голубева и др. Наиболее полным и совершенным признается перевод Германа Плисецкого.

САДИ ШИРАЗИ (между 1203 и 1210–1292)

В России поэта прописал Есенин: «Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь, подожди ты, бога ради, обучусь когда-нибудь!» Полное имя его – Мушрифаддин ибн Муслихиддин Абдулла из Шираза; Саади – прозвание (техаллус).

Как-то Саади поджидал в книжной лавке продавца. Зашел человек и попросил «чего-нибудь из Саади». На вопрос поэта, что ему нравится у Саади, посетитель ответил: «Да он забавный парень!» Саади подарил ему книгу и отказался от денег: «Я – Саади, и выше "забавного парня" для меня награды нет!»

Прежде чем стать «забавным парнем», поэту пришлось поскитаться по свету. Мало найдешь поэтов, кому выпало в жизни столько мытарств и кто в странствиях не опустился, а возвысился, не стал скупым на слова мизантропом, а остался шутником, изрекающим истины:

Умен ты или глуп, велик ты или мал,
Не знаем мы, пока ты слова не сказал.

А еще он говорил: «Тот, кто не желает поднять упавшего, пусть страшится упасть сам, ибо, когда он упадет, никто не протянет ему руку». Не правда ли, мысль иная, чем у Ницше: «Падающего – толкни», да и учит иному. После его стихов тянет не к суициду, а к радостям земной жизни.

Биография поэта до обидного малоизвестна, но ее можно восстановить по историям, рассыпанным в его произведениях, иногда как жемчуг, а чаще как зерна.

Саади родился около 1205 г. в Ширазе (Южный Иран). Три равных периода по тридцать лет составили его жизнь – школьный, скитальческий и шейхский, а знания и странствования помогли стать «мужем истины».

Прозвище «Саади» (т. е. Саадов) произошло от имени фарсского атабека (князя) Саада ибн-Зенги (1195–1226), при дворе которого служил муллой рано умерший отец поэта. Атабек принял участие в судьбе сироты. Когда тот подрос, отправил его в Багдадское медресе, основанное Низам-аль-Мульком.

Юноша много учился у суфийских шейхов, проникался их аскетическими идеалами, стал членом суфийского братства. На всю жизнь он остался верен своим учителям и их идеям, а еще музыке, от которой те тщетно пытались исцелить его.

Саади рано начал писать жизнерадостные стихи. Но в учебу и поэзию ворвалась проза жизни: лавина монгольского нашествия с востока буквально стирала Древний Восток с лица земли. В 1226 г. Саад ибн-Зенги был убит. Саади бежал в одежде дервиша и на тридцать лет покинул родину. Куда только не бросала его судьба! Сколько он сносил халатов, знают, наверное, только сбитые пары обуви. Побывал он и в далеком туркестанском городе Кашгаре, и на малоизвестном острове Киш в Персидском заливе. Но в каком бы направлении он ни шел, обязательно заворачивал в Мекку. По подсчетам, Саади был там не менее 14 раз.

Приключения начались в Индии, где в Суменате он попал в плен к огнепоклонникам и, чтобы выжить, принял их веру.

Но как только подвернулся удобный случай, бежал, убив камнем стражника.

В Дамаске и Баальбеке ему, как блестящему знатоку классического арабского языка, предложили стать муллой-проповедником. Достойное было место, но «охота к перемене мест» повлекла его в дальнейшие приключения. Уединившись в пустыне под Иерусалимом, он, было, предался святой жизни, как был схвачен крестоносцами и отправлен на сирийское прибрежье, где в Триполи был принужден в кандалах рыть окопы для

крепости. Там его увидел один знакомый ростовщик из Алеппо и выкупил за 10 золотых динаров. Свободным Саади был лишь по пути от стен крепости до дома ростовщика. На правах «хозяина» тот тут же женил поэта на своей безобразной и сварливой дочери.

Спасаясь от «радостей» семейной жизни, Саади сбежал в Северную Африку. Через какое-то время он оставил и ее, пересек всю Малую Азию и очутился в родном Ширазе (1256), в единственном оазисе мирной жизни той эпохи. Позади (и вокруг) были разоренные, выжженные монголами города и селения. Преемник Саада его сын атабек Абу-Бекр Кутлуг (1226–1260) откупился золотом от вторжения чингисхановских орд и тем спас Фарс, целую область Ирана, от уничтожения, а своих подданных от смерти и рабства.

Саади остался в Ширазе навсегда. Поселился он в подгорном монастыре на окраине Шираза, где стал вести уединенную жизнь, посвятив себя литературному творчеству. Изредка его посещали князья, вельможи и лучшие люди города. Как член суфийского ордена Накшбандийя, он поддерживал тесную связь со «столпом века» шейхом Шахбуддином Сухраварди, основателем собственной школы, и одним из величайших суфиев всех времен Наджмуддином Кубра.

Так завершился период скитаний Саади. Скупые, почти телеграфные строки сохранившейся биографии поэта могли бы стать фабулой романа о средневековом графе Монте-Кристо, обретшем, правда, в результате скитаний не материальные, а одни лишь духовные богатства. И начался заключительный период, принесший поэту мировую славу.

В 1257 г. Саади преподнес Абу-Бекру написанную им поэму «Бустан» («Фруктовый сад»). Ему же он посвятил и написанную в следующем году поэму «Гулистан» («Розовый сад»), по словам самого поэта, «горькое снадобье правдивых наставлений».

Испытав на себе всю бренность мира, Саади рекомендовал мирянам жить в мире, не пристращаясь к нему, сознавая его превратность, и быть ежечасно готовым к потере земных благ. В эпоху монгольского лихолетья это не могло не содействовать славе Саади.

После смерти Абу-Бекра в 1260 г. в княжестве сменилось шесть атабеков, а с 1284 г. Шираз подпал под власть ильханов Ирана, и вновь воцарилась смута.

Саади скончался в Ширазе 9 декабря 1292 года. «Без даров иду к тебе, Владыка! – сказал Саади. – Я по уши погряз в грехах своих, и у меня деяний нет благих… Я беден, но надежду я таю и верю в милость вышнюю твою».

На воротах, ведущих в сад, где находится гробница поэта,

надпись: «Земля, в которой погребен Саади Ширази, источает запах любви».

Слава Саади в странах Азии безмерна. Поэмы «Бустан» и «Гулистан» уже сотни лет формируют моральные и этические воззрения сотен миллионов людей в Индии, Персии, Пакистане, Афганистане и Центральной Азии, став для тюркской и индийской литературы образцами для подражания.

Саади – также автор религиозно-философских «Пяти межлисов», «Тарджибанда» (цикла из 22 любовных газелей), четырех сборников газелей; есть у него еще песни, касыды, послания, притчи, «наставления царям» – всего «лирика» занимает две трети «Дивана» поэта.

Саади стал первым персидским поэтом, которого еще в XVII в. узнали на Западе. Его произведения послужили источником многих западных легенд и аллегорий, особенно в немецкой литературе. Его поэзией восхищался Гёте. В настоящее время «Гулистан» переведен уже почти на все языки Европы и Ближнего Востока.

Первый рукописный перевод на русский язык с немецкого «Деревной сад» был сделан еще в XVII в., а с французского в 1796 г. («Приятное и полезное препровождение времени»). В период 1826–1836 гг. отрывки из его произведений печатались почти во всех крупных литературных журналах. Наиболее полные переводы принадлежат И.Н. Холмогорову, А.А.Фету, Ф.Е. Коршу, С.И. Липкину, Н.И. Гребневу.

Творения Саади оказали огромное влияние на корифеев поэтического слова России – А.С. Пушкина, А.А. Фета, С.А. Есенина.

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265–1321)

Во Флоренции есть величественный памятник Данте, работы Пацци, поставленный в 1865 г. на площади перед церковью Санта-Кроче. Он всего лишь подобие другого памятника, который воздвиг себе сам поэт, – «Божественной комедии», основанием своим вонзенной в девятый ров воронки Ада, а «главою непокорной» вознесенной в Эмпирей.

Говорят, на улицах Вероны гражданки с ужасом взирали на поэта, побывавшего в преисподней, пытаясь разглядеть на его лице и бороде следы адского пламени и пепла.

Данте родился во Флоренции в мае 1265 г. Его прапрадед рыцарь Каччагвидо сопровождал в походах на сарацин императора Конрада III (1138–1152). Именно его, доблестного паладина, павшего в 1147 г. в бою с мусульманами, Данте называл своим «отцом» и, скорее всего, именно от него унаследовал воинственность и твердость характера. От жены прапрадеда пошло фамильное имя Алигьери.

Алигьери владели домами и участками земли во Флоренции. Отец поэта был юристом и ростовщиком; он скончался до совершеннолетия Данте. Мать умерла, когда он еще был ребенком. В восемнадцать лет на попечении Данте остались две сестры и брат.

Школа дала юноше начатки знаний. Поскольку университета во Флоренции не было, ему пришлось заняться самообразованием: он читал все, что придется; у правоведа Брунетто Латини научился искусству сочинять письма и трактаты по-латыни и на народном языке; овладел французским и провансальским языками и проглотил множество поэм и энциклопедий, заметно умноживших его знания более о мире искусственном, нежели реальном. Реальный же мир вторгся в его жизнь жестко и жестоко.

Флоренцию раздирала вражда двух партий – гвельфов и гибеллинов. Гвельфы (крупные купцы, промышленники, банкиры, влиятельные юристы) были сторонниками римского папы, гибеллины (магнаты и рыцари) – германского императора. Папа и император дрались за земли, а горожане поливали земли своей кровью. Внутри каждой партии также все бурлило и кипело. В корыстной борьбе групп не ясно было, кто прав, кто виноват. Семья Алигьери всегда была гвельфской.

К концу XIII в. гвельфы раскололись на две враждебные партии: Черных и Белых, пропапскую и антипапскую, хотя и теми и теми двигала в основном лишь алчность. Белых возглавил банкир Черки, Черных – магнат Донати, в замке которого подрастала нареченная невеста Данте монна Джемма.

Данте примкнул к Белым. В 1285–1289 гг. он принял участие в нескольких сражениях и взятии замка Капроны.

Лязг оружия не заглушил в его душе голос Музы. Первые образцы стихов дали Данте провансальские поэты, а прямым вдохновителем стал друг Гвидо Кавальканти, представитель поэтического направления «дольче стиль нуво». Данте примкнул к этой школе.

Когда Данте было девять лет, на майском празднике он впервые увидел сверстницу, дочь соседа, Беатриче Портинари. Конечно же он встречал ее и позднее, но только девять лет спустя увидел ее уже замужней дамой и полюбил на всю жизнь. Поэт боготворил ее «со стороны», не выдавая своих чувств. Едва ли догадывалась об этом сеньора. Ей он посвятил свой первый сонет. Беатриче прожила очень короткую жизнь и 24 лет от роду умерла, навсегда оставив в душе поэта незаживающую рану и свет, который озарил ему путь в кромешном аду жизни и творчества.

Чтобы как-то затушить горе, Данте обратился к трактату Боэция «Об утешении в философии». Стал посещать философские школы при флорентийских церквах и монастырях, штудировал римских поэтов и историков.

Через три года после смерти «владычицы его помыслов» Данте опубликовал автобиографическую повесть в стихах и прозе

«Новая жизнь» – о Беатриче и для Беатриче. Книга стала первым психологическим романом в средневековой Европе и лучшим сборником лирических стихов, на последней странице которого поэт обещал сказать о Беатриче то, что никогда не было сказано ни об одной женщине. Он выполнил свое обещание, посвятив ей «Божественную комедию».

В 1298 г. Данте женился на Джемме Донати. И хотя брак был по расчету, семейство умножилось тремя сыновьями – Пьетро, Якопо, Иоанном – и дочерью Антонией.

В 1295 г., чтобы не лишиться политических прав, Данте записался в городской цех врачей, после чего невольно окунулся в политическую жизнь: участвовал в «Совете ста», в составе посольства направлялся в другие города и к папе Бонифацию VIII, дважды избирался одним из семи приоров.

Когда в 1301 г. Флоренцию захватил брат французского короля Филиппа IV Красивого принц Карл Валуа и власть перешла к Черным, Данте был вне Флоренции. Узнав, что он заочно приговорен к изгнанию по сфабрикованному обвинению во взяточничестве и сопротивлении папе и Карлу Валуа, он решил не возвращаться во Флоренцию. Дом его был разрушен. Жене Данте, как родственнице главы Черных Корсо Донати, удалось спасти часть имущества. Дети остались с ней. 10 марта 1302 г. суд вынес новое постановление: если Данте Алигьери вернется во Флоренцию, то пусть его «жгут огнем, пока не умрет».

Долгие годы поэт скитался по городам и весям Италии, терпя лишения и находя временный приют у друзей и знакомых. Во Франции, в Парижском университете он с блеском выступал на публичных диспутах, удивляя аудиторию начитанностью и находчивостью.

Приступив в 1304 г. к трактатам «Пир» и «О народном красноречии», Данте не смог завершить их. В 1309 г. в Италию вторгся с «миротворческой» целью император Священной Римской империи (Германии) Генрих VII Люксембургский, с которым поэт связывал свою мечту вернуться на родину. Данте в пылком письме «К правителям и народам Италии» призвал их поддержать Генриха, написал трактат антипапского содержания «О монархии», где настаивал на разделении церкви и государства. Церковь приговорила книгу к сожжению. В августе 1313 г. Генрих VII скончался, а с ним умерла и надежда поэта на возвращение.

После декрета об амнистии Данте мог вернуться во Флоренцию, согласись он предстать перед согражданами у врат церкви Святого Иоанна, где он был крещен, в покаянной рубахе, со свечой в руках. Но он, конечно, не согласился. 15 октября

1315 г. флорентийская сеньория снова осудила его с сыновьями на смерть.

Убедившись, что кровавая борьба между гвельфами бессмысленна, Данте ушел и от друзей, и от врагов, ушел из политики и стал «сам для себя своей партией». Он вообще отвернулся от мира внешнего и, по преданию, на склонах Монте Катриа, около Губбио, в гордом одиночестве, среди скал и лесов, приступил к своей «Комедии». С высоты духовной независимости, приобретенной ценой изгнания, нищеты и унижений, он творил суд над деспотией и рабством, проклинал стяжательство и земельную собственность, сводил счеты со сладострастием, гордыней и алчностью, с насильниками, сводниками, мздоимцами, лицемерами, ворами, предателями… Свои несчастья писатель воспринял как знак мировой катастрофы и, как истинный творец, замыслил произведение такого же масштаба. А.С. Пушкин считал, что оно было гениальным уже в самом замысле.

На смену жизни политика пришла жизнь поэта.

На склоне лет Данте нашел тихую пристань в Равенне, где вдалеке от суеты, в кругу своих детей (Джемма осталась во Флоренции), друзей и поэтов завершил свое творение из трех частей и ста песен.

Летом 1321 г. Данте был направлен послом в Венецию для заключения мира с республикой Святого Марка. Возвращаясь по заболоченным низинам реки По, поэт заболел малярией и умер в ночь с 13 на 14 сентября.

Тело поэта положили в греческий мраморный саркофаг, а чело увенчали лавровым венком, которого он не получил при жизни. В 90-х гг. XV в. архитектор Ломбардо построил над саркофагом ренессансный мавзолей. Флоренция не раз просила вернуть ей прах поэта, но он и ныне в Равенне.

Сыновья Данте, Пьетро и Якопо, оставили латинские комментарии к «Комедии». «Божественной» ее назвал еще Боккаччо, хотя этот эпитет впервые появился в издании, вышедшем в 1555 г. в Венеции. После начала книгопечатания в 1472 г. вышли сразу три издания поэмы, затем еще несколько, а в 1481 г. во Флоренции первое прокомментированное издание.

Италия с восторгом восприняла «Комедию», но Европа в последующие века охладела к ней. Чего стоила ухмылка Вольтера: «Слава Данте будет вечной, потому что его никто никогда не читает». И вдруг в период борьбы за свободу Италии Данте явился выразителем национальных устремлений, пророком единства и свободы страны. А следом и во всем мире Данте не просто стали читать, а превознесли его как кумира.

Самый известный перевод «Божественной комедии» на русский язык сделан М.Л. Лозинским.

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (1304–1374)

Петрарка, превыше других ставящий латинский язык, написавший на латыни в 15 раз больше строк и страниц, чем по-итальянски, сам же оспорил слова Лукреция: «Ex nihilo nihil fit» – «Из ничего и не выйдет ничего». «Ничем», «пустяками» назвал Петрарка свои стихи на итальянском языке («Канцоньере»), и именно эти «пустяки» вознесли его на поэтический Олимп. Эти стихи были посвящены Даме его сердца – мадонне Лауре.

Как-то Петрарка увидел в церкви Лауру де Новес, жену рыцаря Гуго де Сада, предка знаменитого маркиза де Сада, и полюбил ее безответной любовью, свидетельством чего и стали «Канцоньере». Ровно через 21 год, день в день, час в час она скончалась от чумы, но осталась жить в произведениях поэта, которые еще 10 лет он посвящал ей.

Для нас Петрарка – не просто поэт и трепетный воздыхатель, а прежде всего тот, кто на правах литературного арбитра эпохи пробил окно из Средневековья в Возрождение.

Петрарка родился 20 июля 1304 г. в Ареццо, где нашел себе убежище его отец, флорентийский нотариус Пьетро ди сер Паренцо (по прозвищу Петракко), изгнанный из Флоренции вместе с его другом Данте – за принадлежность к партии Белых. После долгих скитаний по городкам Тосканы семья переехала в Авиньон на юг Франции, тогдашнюю столицу Европы, местонахождение резиденции папы – «новый Вавилон». Школа дала Франческо прекрасные знания латинского языка и привила вкус к римской литературе.

В 1320 г. отец направил Франческо вместе с братом Герардо в Болонью изучать юриспруденцию. Однако она мало интересовала Петрарку, куда больше ему нравилась художественная литература. Здесь он пленился преподавательницей Новеллой д'Андреа, – женщиной настолько прекрасной, что ей приходилось во время лекций прятаться от пытливых глаз школяров за ширмой.

После смерти отца братья вернулись в Авиньон. Юристом Франческо не стал, а вступил в духовное звание, открывшее ему доступ к папскому двору. Он сблизился с семьей Колонна, один из членов которой, Джакомо, был его университетским товарищем. Вскоре Петрарка поступил капелланом к кардиналу Джованни Колонна.

Свое образование Петрарка пополнил путешествием во Францию, Фландрию и Германию (1332–1333), принесшим ему ряд ценных знакомств в ученом мире.

Покровительство Колонна и литературная известность доставили Петрарке несколько церковных синекур. Устав от суетной жизни в Авиньоне, Петрарка перебрался в пригородный домик в Воклюзе, где делил кров со своим братом Герардо. Там

он начал на латыни поэму «Африка» о Ганнибале и книгу «О славных мужах». Писал также лирические стихи на итальянском языке и на латыни.

Литературная деятельность, письма, связи с папским двором и знакомства в поездках по Европе стяжали Петрарке славу латиниста и ритора. Получив приглашения из Парижа, Неаполя и Рима принять коронование лавровым венком, Петрарка выбрал Рим и 8 апреля 1341 г. по решению римского сената стал первым европейским лауреатом. В пасхальный день под звуки трубы и ликующие возгласы его облачили в пурпурную мантию короля Роберта и короновали.

После этого поэт продолжил работу над поэмой и биографиями, над «Буколическими песнями», написал книгу-исповедь «Моя тайна», «Покаянные псалмы», несколько трактатов, поэмы «Триумф Любви» и «Триумф Целомудрия», подготовил две редакции «Канцоньере» (всего их девять).

Летом 1347 г. Петрарка с энтузиазмом встретил восстание, поднятое в Риме Колой ди Риенцо (впоследствии подавленное), и поехал в Рим, чтобы присоединиться к нему, но увиденные жестокости восставших охладили его пыл.

В 1348 г. чума, разразившаяся в Европе, унесла жизни кардинала Колонны и Лауры. Смерть забирала одних людей, жизнь приводила других: через пару лет Петрарка подружился с Джованни Боккаччо и поэтом Франческо Нелли. В Италии он написал еще четыре эклоги и поэму «Триумф Смерти», приступил к поэме «Триумф Славы», а также начал «Стихотворные послания» и письма в прозе.

Из Воклюза поэт пристально следил за перипетиями общественной жизни и особенно папского двора. Когда в 1353 г. на папский престол вступил Иннокентий VI, считавший Петрарку колдуном из-за его приверженности Вергилию, он навсегда покинул Воклюз.

Уходя от мирской суеты, Петрарка не бежал от своего времени. Страсти терзали его душу всю жизнь, и это были не только личные, но и общественные страсти – тому подтверждение канцона «Италия моя».

Авторитет Петрарки, как выдающегося поэта и общественного деятеля, знатока античной культуры, основателя филологии, в эти годы был беспрецедентен. Европейские государи зазывали поэта к себе, осыпали почестями и подарками, спрашивали его советов.

Петрарка не раз пользовался своим высоким статусом для влияния на политические дела. Он убеждал пап перенести свой престол в Рим, призывал императора Карла IV объединить

Италию. Но все его «уговоры» были напрасны: одними пламенными призывами к национальному единству Италию было не объединить. Надежда же на то, что это сделают папы, император либо неаполитанский король Роберт, была наивна. Да и сам поэт путался: сегодня ему хотелось империи, а завтра республики. Огромные усилия приложил он, чтобы остановить войну между Генуей и Венецией, но его письма к дожам этих патрицианских республик лишь умножили его эпистолярное наследие.

Аморфен Петрарка был и в вопросах религиозных. Неукоснительно соблюдая предписания религии, он не отказывал себе и в радостях жизни. Одобряя аскезу друзей и брата Герардо, их примеру не следовал. Не отказываясь от привилегий своего духовного сана, так и не взял на себя обязанности по спасению чужих душ.

Отклонив предложенную ему кафедру во Флоренции, Петрарка поселился в Милане при дворе Висконти, где исполнял обязанности секретаря, оратора и эмиссара.

В 1361 г. Петрарка покинул Милан, спасаясь от чумы. Год провел в Падуе, по приглашению семьи Каррара, где закончил работу над тремя сборниками стихов и писем.

На следующий год он поселился в Венеции, где жила его незаконнорождённая дочь Франческа с мужем. Франческа и внебрачный сын Джованни красноречиво свидетельствовали о значительном интересе к поэту многих прекрасных дам того времени. Петрарку всегда окружала атмосфера любви.

На склоне лет Петрарка бичевал себя за любовь к славе, вызывавшей в окружающих больше зависти, чем добрых чувств, и выше Славы поставил Время; продолжал колесить по Италии и отделывать «Канцоньере» и «Триумфы».

Последние годы жизни Петрарка провёл при дворе Каррара в Падуе и в своем скромном имении в Аркве, где и умер в ночь с 18 на 19 июля 1374 г., не дожив одного дня до своего 70-летия. Его нашли утром за столом с пером в руке над жизнеописанием Цезаря.

Мировую славу Петрарке принесли «Канцоньере», выдержавшие к XVII в. около 200 изданий. Так называемый «петраркизм» (термин, введенный во Франции) проявился в большинстве европейских стран, достигнув пика в XVI в.

Влияние Петрарки испытали Дж. Боккаччо, Т. Тассо, Ж. Дю Белле, П. Ронсар, Дж. Чосер, Л. Камоэнс, У. Шекспир, А. Ламартин, А. Мюссе, В. Гюго, Г.У. Лонгфелло, В. Ирвинг; в России Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, А.Н. Майков.

На русский язык Петрарку переводили И.А. Крылов, М.А.

Кузмин, В.В. Левик, О.Э. Мандельштам и др.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО (1313–1375)

В 1348–1352 гг. чудовищная эпидемия чумы уничтожила треть населения Европы. Черные как уголь трупы валялись в домах, на улицах, на кораблях в Средиземном море. Трупы было некому предать земле. По благословению папы Климента VI тела бросали в реку. По словам Боккаччо, умерший от чумы человек «вызывал столько же участия, сколько издохшая коза». Люди уверовали в то, что наступил конец света. Именно чума заставила поэта посмотреть на жизнь и на литературу философически и, поймав момент, создать шедевр – книгу эротических, оттого весьма реалистических новелл – «Декамерон» (1350–1353). Семь девушек и трое молодых людей в загородной вилле устроили «пир во время чумы». В течение декады они развлекали друг друга, в том числе и рассказами, которые (сто штук) и составили книгу.

Еще не всех погибших от чумы оплакала Европа, а «Декамерон» уже стал настольной книгой. Ее переписывали, крали друг у друга и даже принимали в заклад. Чем же так взял он современников и потомков? Всего лишь проповедью индивидуализма, главного мотива гуманистической доктрины, такого желанного для человечества, признавшего над собой не только власть Бога, но и дьявола.

Боккаччо родился в 1313 г. предположительно в Париже. Он был незаконным сыном купца Боккаччо дель фу Келлино, известного больше как Боккачино из Чертальдо, городка к юго-западу от Флоренции. Его мать, Жанна, была француженкой, по слухам, знатного происхождения. Через три года Боккачино перебрался во Флоренцию, где продолжил работать на банкирский дом Барди. В это время мать Джованни умерла, и ребенка отвезли к отцу.

Под руководством знатока латыни Джованни да Страда мальчик изучал «грамматику», пока отец не отвратил его от пустого занятия и не заставил заниматься «арифметикой» – искусством вести счета. Юный поэт тем временем стал сочинять стихи.

В 1327 г. отец переехал в Неаполь, где женился и стал управляющим отделением банка Барди. Джованни, возмечтавшего о поэтических лаврах, он отдал в ученики флорентийскому купцу. И хотя психика юноши была насквозь психикой горожанина-купца, купеческое дело он не взлюбил: дух торгаша не ужился в душе поэта, в которой царил его кумир Овидий. Шесть лет прошли впустую, также как и еще шесть лет, которые молодой человек потратил по настоянию отца на изучение канонического права. Осознав, что сын туп, как пробка, отец назначил ему содержание.

Неаполь дал Боккаччо много. Поскольку отец его был весьма влиятелен в городе и даже ссужал деньгами короля Роберта Анжуйского, Джованни был вхож во двор монарха, где наладил множество связей и пережил не одно сердечное приключение. Живой, остроумный весельчак, высокий и сильный, известный своими любовными похождениями, стихами о нимфах и амурными новеллами не мог не нравиться красавицам, изнывающим от безделья.

Однажды в маленькой церкви Сан Лоренцо Боккаччо встретил Марию д'Аквино, вошедшую в историю литературы под именем Фьямметты. Ей посвятил он свои первые книги. Мария не долго сопротивлялась, но и недолго пробыла любовницей поэта. Ее, впрочем, как и его, привлекало разнообразие. Уязвленный изменой Боккаччо зло обличил неверную в сонете, чем зело

порадовал господ и раздосадовал их дам.

В 1339 г. дом Барди стал испытывать трудности, и Боккачино потерял много денег, Джованни же лишился содержания. Какое-то время он пытался прожить на скудный доход от маленького имения, подаренного ему отцом, но после смерти мачехи и единокровного брата по просьбе отца вернулся во Флоренцию, где стал зарабатывать себе на жизнь, работая казначеем и выполняя некоторые дипломатические поручения флорентийской коммуны. По долгу службы он объездил всю Италию.

В 1345 г. дом Барди обанкротился, Боккачино остался не у дел и через три года скончался. После смерти отца Боккаччо наконец-то получил возможность вполне отдаться литературе.

Во время чумы Боккаччо, хоть и видел в ней карающую руку Господню, не стал религиознее, а лишь утвердился во мнении, что удача в руках человека и надо только ловить момент. В эти годы писатель занял видное место в обществе. Он был записан в члены одного из семи старших цехов. Его республиканские убеждения остались неизменными. До конца жизни он оставался враждебен монархическому принципу («Нет жертвы более угодной Богу, чем кровь тирана»), но и не жаловал низы общества, толпу, «чернь».

Будучи немолодым человеком, Боккаччо по-юношески влюбился во вдову, которая выставила его на посмешище. В ответ он написал «Ворон» – шедевр женоненавистничества для эпохи безоговорочной власти мужчин, признающих одну только власть над собой – женщин.

Боккаччо стал одним из ученейших людей Италии. Знаток астрономии, греческой литературы, собиратель редких рукописей, он возбуждал в современниках любовь к изучению и знакомству с древними. Во Флоренции писатель основал кафедру греческого языка и литературы, обратил внимание общества на жалкое состояние монастырских научных библиотек.

К пятидесяти годам здоровье писателя пошатнулось. Он ослаб, его угнетало чувство одиночества, преследовали мрачные мысли. «Тот, кто хочет быть здоровым, отчасти уже выздоравливает», – советовал он другим, но не себе.

В 1362 г. Боккаччо принял приглашение поселиться в Неаполе при Анжуйском дворе, однако, разочаровавшись холодным приемом, уехал в отцовское имение в Чертальдо.

В жизненных неурядицах Боккаччо поддерживала дружба Петрарки, с которым он познакомился в 1350 г., когда тот приехал во Флоренцию, да еще нежная любовь к своей незаконной дочери Виоланте, смерть которой он оплакал в латинских стихах.

Несмотря на тяжелое состояние духа и постоянные болезни, Боккаччо, живя на скудные средства и совершенно зарывшись в книгах, в тиши Чертальдо деятельно работал над завершением своих латинских трактатов. Через какое-то время он возобновил свою «посольскую службу» во Флоренции, но уже без былой ревности.

Стараниями Боккаччо сеньория осенью 1373 г. учредила особую кафедру для объяснения «Комедии» Данте, и эту кафедру поручила ему. Боккаччо с жаром читал публичные лекции-комментарии к поэме, но уже через несколько месяцев тяжело заболел. Окончательно подкосила его смерть Петрарки. Прервав лекции на XVII песне «Ада», он вернулся в Чертальдо, где через год скончался от водянки.

Похоронен Джованни Боккаччо при церкви святых Михаила и Якова. Последняя фраза эпитафии стала пророческой: «Тысячи трудов всенародно славят тебя: никогда ты не будешь забытым». Памятник Боккаччо, поставленный на Сольферинской площади, был открыт 22 июня 1879 г.

Творческое наследие Боккаччо обширно и разнообразно. Помимо «Декамерона», он написал четыре поэмы, роман и повесть, аллегорию «Амето», сатиру «Ворон», биографическую книгу «Жизнь Данте Алигьери», четыре трактата на латинском языке, исследования «Генеалогия богов», «О знаменитых женщинах», «О несчастиях знаменитых людей», множество стихотворений, письма и латинские эклоги.

Первое издание его трудов вышло без обозначения года и места, второе в Венеции в 1471 г. «Декамерон» был переведён почти на все языки. Из него черпали образы и идеи Д. Чосер, У. Шекспир, Ж. Мольер, Д. Свифт, Ж. Лафонтен, И. Гете, Д. Китс, Д. Байрон и Г. Лонгфелло.

Россия познакомилась с «Декамероном» в XVIII в. Позже отдельные новеллы переводил К.Н. Батюшков. Роман вдохновлял А.С. Пушкина, В.В. Розанова и других русских писателей. Классический перевод «Декамерона» осуществил в 1892 г. академик А.Н. Веселовский.

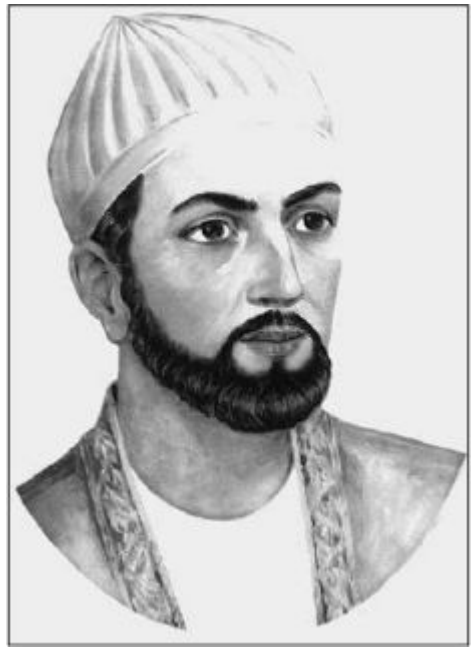
ХАФИЗ (1320–1390)

Гуландам, первый составитель посмертного собрания стихов Хафиза, оставил свою запись о том, что газели поэта «пробуждали волнение в высоких собраниях аристократов и в толпе простолюдинов, в местах молитвенного уединения, среди падишахов и нищих, среди ученых и невежд… Радения дервишей не удавались без его будоражащей сердце газели, дружеская пирушка теряла очарование без повторения его полных изящества слов». О поэте сохранилось много записей, но что в них правда, что вымысел, уже не различить. Да и не надо. Ведь стихи Хафиза нельзя рассечь на их мистическую и земную часть.

Мухаммад Шамсаддин (полное имя – Хаджи Шамсаддин Мухаммад Хафизи Ширази) родился в 1320 г. в городе Ширазе. Хаджи – уважительное имя, означающее «господин», «учитель», «наставник».

Род по мужской линии происходил из Исфахана. Его отец Бахауддин был торговцем углём и прекрасным декламатором Корана. Когда он умер, Шамсаддин был ещё ребёнком. Долги отдавать было нечем. Старшие братья разбрелись по свету, а мальчик попал на воспитание в чужую семью, где не прижился и стал подмастерьем в дрожжевом цеху. Треть заработка он платил учителю медресе, треть отдавал матери, остальное тратил на себя. Незаурядная память помогла ему к восьми годам выучить Коран наизусть и стать чтецом священной книги, за что впоследствии он получил титул «хафиз», ставший его поэтическим псевдонимом. Учитель познакомил его с сочинениями выдающихся поэтов Руми, Саади, Низами и Аттара, который впоследствии стал наставником Хафиза.

У простого люда Шираза любимым развлечением было соперничество местных поэтов в базарных лавках (дуканах). Шамсаддин посещал дукан торговца мануфактурой и там читал стихи, не отвечавшие канонам стихосложения и вкусам слушателей. В ответ на него сыпались одни лишь насмешки.



И тут, как водится со всеми великими поэтами, вмешалось провидение. Посетив чудотворную гробницу знаменитого отшельника, Шамсаддин всю ночь истово молился и под утро заснул на земле. Во сне ему явился старец, дал вкусить ему божественной пищи и благословил на сочинение газелей. Так юноше был ниспослан поэтический дар. Очнувшись ото сна, он сложил газель, которая принесла ему расположение слушателей и благосклонность отвергавшей его до этого красавицы Шах-Набат. В дальнейшем комментарии к этой боговдохновленной газели составили не один увесистый том.

Вскоре Хафиза стали приглашать ко двору. Поэт принимал приглашения, но особо перед правителями не распинался, во всяком случае, уделял времени больше газелям и чтению Корана, чем панегирикам. Спустя какое-то время поэта приняли в суфийский орден (Тарика).

Первым патроном поэта был Абу Исхак Инджу, любитель изящной словесности и пиршественного стола, покровитель наук и искусств. Хафиз общался с лучшими умами Шираза и совершенствовал свое образование. Десять лет музы и пиры не умолкали, поэт благоденствовал. Все бы хорошо, но Абу Исхак «пропировал» царство, и его на десять лет сменил жестокий и фанатичный Мубаризаддин Мухаммад. Хафиз посвятил памяти казненного Абу Исхака стихотворный отрывок (кьпˆа), в котором назвал его имя в числе пяти выдающихся ученых своего времени.

Мубаризаддин ввел «сухой закон», закрыл все питейные заведения в Ширазе, запретил увеселения, ввел «полицию нравов»

– мохтасебов. Хафиз откликнулся на введение «сухого закона» газелью, в которой под маской мохтасеба вывел нового правителя:

Хоть прекрасна весна и вино веселит,
Но не пейте вина – мохтасеб не велит!
Сух верховный закон этих смутных времен.
Пей тайком, пей с умом, делай ханжеский вид.
Сядь, как дервиш, в углу, спрячь в рукав пиалу.
Нынче мир не вином – алой кровью залит.

После Мубаризаддина на двадцать лет к власти пришел его сын Абулфаварис Шах Шуджа, который отменил «сухой закон», облегчил бремя налогов для «людей базара» и стал оказывать покровительство «людям пера». Отношения Хафиза и шаха, на первых порах замечательные, в дальнейшем сложились не самым лучшим образом. Гордыня не позволила Хафизу признать любимого шахом известного знатока шариата и поэта Имада Кирмани равным себе. Мало того, он еще жестоко высмеял его в своей газели, чем привел покровителя в ярость. Последней каплей стало своеволие поэта, осмелившегося возражать властителю. Шах Шуджа, сам не чуждый стихотворству, завидовал громкой славе Хафиза и однажды бросил ему следующий упрек: «В ваших газелях отсутствует единый лад: несколько стихов посвящено вину, несколько – воспеванию возлюбленной, остальные мистике. Это противоречит нормам красноречия», на что поэт возразил: «Ты прав, повелитель, но при всех этих пороках мои газели известны по всему свету, тогда как стихи иных поэтов шагу не могут ступить за пределы городских ворот». После этого Хафизу осталось искать прибежища в других городах Ирана. Проживание в Исфахане и Йезде разочаровали его, и он вернулся в родной город.

К этому времени Хафиз стал столь знаменит, что правители всего мусульманского мира старались заполучить его к своему двору, однако поэт-домосед ни за что не хотел покидать Шираз, отговариваясь ссылками на здоровье и отписываясь стихотворными посвящениями. Зазывали его в Самарканд, Бухару, Багдад. Когда правитель индийского княжества Дакан, просвещенный шах Махмуд из династии Бахманидов направил поэту со своим визирем крупную денежную сумму, дабы поощрить его поездку, поэт не мог не откликнуться на приглашение. Но и тут судьба сыграла ему на руку. Отдав часть денег сестрам и раздав свои долги, поэт по пути к Махмуду остановился у друга, попавшего в беду, и оставил ему последние

деньги. Едва Хафиз сел на корабль шаха, как разыгрался шторм, и поэт отказался от плавания и направил визирю газель, которую тот довел до слуха повелителя:

Как всех к себе влекут держава и корона!
Но павшей головы не стоит трон монарший.
Я вздумал морем плыть, но всех жемчужин мира
Не стоит ураган, мой парус разорвавший.

Махмуд послал поэту щедрое вознаграждение.

Последние годы жизни Хафиза пришлись на время правления Шаха Мансура Музаффарида, убитого в бою с монголами. Предание гласит, что Тимур, захвативший Шираз, потребовал поэта к себе. Когда тот явился в рубище дервиша, владыка обрушился на него: «Я завоевал полмира, разрушил тысячи селений и областей, чтобы украсить Самарканд и Бухару, а ты, ничтожный человечишко, пишешь: "Когда ширазскую тюрчанку своим кумиром изберу, за родинку ее вручу я ей Самарканд и Бухару"». Хафиз поклонился ему до земли и, потрясая лохмотьями, молвил: «О, повелитель мира! Взгляни, до чего меня довела моя расточительность». Его величество расхохотался и обласкал поэта.

Умер Хафиз в возрасте 69 лет в 1390 г., похоронен в саду Мусалла в Ширазе.

Хафиз был обладателем двух почетных «титулов» – «Сокровенного языка» и «Толкователя тайн».

Достойно оцененные еще при жизни поэта, век спустя стихи Хафиза были провозглашены как непревзойденный образец лирической поэзии, посвященной вину, любви, розам, красоте природы, мистическому озарению, жалобам на бренность мира, стремлению к наслаждению. Во все это Хафиз первым из восточных поэтов ввел лирического героя – полнокровного, живого человека, одержимого кипением противоречивых страстей.

Еще через сто лет был собран его «Диван». Переведенный на все европейские и многие азиатские языки, он состоит из 418 газелей и нескольких десятков касыд-панегириков, «стихотворений на случай», рубай. В современном Иране «Диван» занимает первое место по числу переизданий среди всего классического наследия.

С начала XIX в. Хафиз вошел в мировую поэзию. О нем восторженно писал Пушкин, а Гёте он вдохновил на создание «Западно-восточного дивана».

На русский язык Хафиза переводили А. Фет, Г. Плисецкий, Г.

Семенов, А. Кушнер, И. Сельвинский, О. Румер, С. Иванов, Е. Дунаевский.

РЕНЕССАНС

ФРАНСУА ВИЙОН
(1431 или 1432 – после 1463 до 1489)

У Вийона два биографа: он сам и правосудие. Сам он преступал закон и писал стихи, а правосудие занималось прозой его преступлений. Так, меж Сциллой и Харибдой он и провел свою жизнь. С одной стороны, отточенный, как нож, стих, с другой – уголовные дела. Вопреки мнению, гений и злодейство сошлись в одном лице. Оставим гения человечеству, но такой ли уж он был злодей? На дворе Франции смута, разор, голод. Только что закончилась Столетняя война. Все дороги «большие», и на них две категории граждан – разбойники и их жертвы. Разбойников судили судьи, среди которых разбойников было не меньше, чем на дороге. Суд скорый – не на свободу, так на виселицу.

Искать истину бесполезно: нельзя полностью доверять ни судебным документам той поры, ни стихам поэта. Хотя до поры до времени верили Вийону, отдавшему последние свои монеты трем замерзающим голодным сиротам. Поколения читателей принимали это за чистую монету, и филологи роняли слезу умиления, пока не открыли, что «маленькими сиротами» были три парижских ростовщика.

Тем не менее, отфильтровав муть правовых актов и

«автобиографических» стихов, в сухом остатке все же можно получить хотя бы канву жизни поэта.

Родился Вийон недалеко от Парижа между 1 апреля 1431 и 19 преля 1432 г. Его настоящее имя – Франсуа из Монкорбье, сеньории в провинции Бурбоннэ (или Лож).

В восемь лет Франсуа потерял отца. Мать не смогла оставить его при себе, и мальчика усыновил его родственник капеллан Гийом де Вийон, настоятель церкви св. Бенедикта, которая стала для Франсуа родным домом и школой, где он изучил все необходимые науки.

Поступив в 1443 г. на подготовительный факультет Парижского университета, через шесть лет Вийон получил диплом бакалавра, затем стал лиценциатом, а летом 1452 г. – магистром свободных искусств. С этой степени можно было начинать делать карьеру, но в крови юноши было слишком много гормонов, а пирушки, драки, столкновения с властями, пытавшимися ограничить права и вольности университета, были неотъемлемой частью студенческой вольницы. От «шалостей» студентов иногда трясло всю столицу. Одну из них Вийон изобразил в бурлескном «романе», до нас не дошедшем. Речь в нем шла о борьбе за межевой знак, каменную глыбу, которую школяры Латинского квартала дважды похищали и перетаскивали на свою территорию. Разгорелся нешуточный скандал, в котором приняло участие множество народу. Стражи порядка избили и арестовали студентов, но руководство Сорбонны решительно взяло их под свою защиту, и «героев» освободили.

В этот период Вийон стал завсегдатаем парижских таверн и притонов. Его там любили и за пронырливость, и за озорные стихи. Он стал своим среди воров, мошенников, проституток, привлекших его своим темпераментом и могучим ритмом жизни, о котором даже не подозревали в других слоях общества. Вийон и сам мастерски воровал окорока и бочонки вина, недаром приятели прозвали его «отцом-кормильцем».

В эти же годы он имел несколько учеников, которых обучал, надо полагать, школьной премудрости.

Бестию и задиру правосудие, уже наслышанное о нем, не тревожило, пока в уличной стычке он не ранил священника Сермуаза. Приревновав к Вийону общую знакомую, клирик первым затеял драку прямо на паперти церкви и ножом рассек ему губу. На другой день Сермуаз от раны умер, перед смертью простив соперника, о чем осталась официальная запись. Франсуа, не искушая судьбу, тут же подал два прошения о помиловании и скрылся из Парижа в Шеврез, а затем Бурла-Рен, где нашел утешение в объятиях аббатисы монастыря Пор-Рояль.

Через полгода Вийона помиловали, и он вернулся в Париж. Перед Рождеством 1456 г. поэт собрался поехать в Анжер к королю Сицилии и Иерусалима Рене Анжуйскому Доброму, чтобы стать его придворным поэтом. Перед этим он написал маленькую шутливую поэму – «Лэ», впоследствии названную «Малым Завещанием», где отписал свое более чем сомнительное «имущество» различным горожанам.

Поскольку на поездку ко двору Его Величества нужны были деньги, которых у Вийона никогда не было, он вместе с тремя сообщниками (сам он стоял «на стрёме») ограбил казну теологического факультета Наваррского коллежа и, получив свою долю, 120 золотых экю, покинул Париж. В своей поэме Франсуа предусмотрительно позаботился об алиби, изобразив дело так, будто его в странствия гонит неразделенная любовь. Преступление было обнаружено лишь через три месяца и еще через два – раскрыты имена его участников.

Судя по всему, путешествие Вийона в Анжер закончилось ничем – при дворе короля хватало своих поэтов, и он вынужден был около четырех лет скрываться в провинциях Берри, Орлеане и Дофине. Понятно, что скрывался поэт не в высшем обществе, хотя какое-то время он и находил приют при дворах феодалов и даже самого герцога Карла Орлеанского – талантливого поэта. Там он сложил знаменитую «Балладу поэтического состязания в Блуа»:

От жажды умираю над ручьём,
Смеюсь сквозь слёзы и тружусь играя.
Куда бы ни пошёл – везде мой дом,
Чужбина мне страна моя родная,
Я знаю всё, я ничего не знаю.
Мне из людей всего понятней тот,
Кто лебедицу вороном зовёт.
Я сомневаюсь в явном, верю чуду,
Нагой, как червь, пышнее всех господ,
Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Вийон везде был не ко двору, нигде не уживался. Тогда же он обратился с поэтической просьбой о вспомоществовании к герцогу Бурбону. Тот пожаловал поэту от своих щедрот шесть экю.

Семь баллад, написанных в те годы Вийоном, красноречиво свидетельствовали о ближайшем его окружении. Язык, на котором они были написаны, уже через полвека никто не понимал, поскольку это был воровской жаргон.

Летом 1461 г. за очередное преступление поэт оказался в

епископской тюрьме городка Менсюр-Луар, где с ним сурово обошелся епископ Орлеанский Тибо д'Оссиньи и даже расстриг его, как бродячего жонглера (клирик Вийон не имел права заниматься этим сомнительным искусством). Из застенков Вийон вышел 2 октября по случаю проезда через Мен только что взошедшего на престол короля Людовика XI.

Какое-то время поэт скрывался в окрестностях столицы, поскольку дело об ограблении коллежа еще не было забыто. Друзья и родственники добились для него условного помилования. Для острастки Вийона пять дней подержали в сырой камере, откуда выпустили под письменное обязательство возместить свою долю награбленного.

На свободе Франсуа пробыл недолго. Когда он оказался замешанным в уличной драке, повлекшей за собой ранение папского нотариуса, его отправили в тюрьму Шатле и без долгих околичностей за «сумму заслуг» приговорили к повешению. Вийон подал прошение о помиловании.

В тюрьме поэт создал свое лучшее произведение «Завещание», впоследствии названное «Большим». В поэму он включил баллады и стихотворения, написанные в разное время и по разным поводам. Самая знаменитая – «Баллада-молитва Богородице», которую Франсуа вложил в уста своей матери. А лучшей, без сомнения, является «Эпитафия», более известная под названием «Баллада повешенных». Из поэмы, пронизанной смертной тоской в ожидании виселицы, переполненной ненавистью к своим тюремщикам, жгучей обидой на женщину, посмеявшуюся над ним, воспоминаниями о голодных днях, кладбищах, приютах и притонах Парижа, предстают картины немилосердной жизни и позднего Средневековья, и самого поэта.

Доследование установило невиновность Вийона, и 5 января 1463 г. парижский парламент заменил смертную казнь десятилетним изгнанием из города. Поэт подал в суд прошение («Балладу суду»), в котором просил предоставить ему три дня отсрочки исполнения приговора. Суд смилостивился, и запись об этой отсрочке – последнее имеющееся свидетельство о жизни Франсуа, далее история хранит молчанье.

Достоверно известно, что в 1489 г., когда в свет вышло первое издание стихов Вийона, напечатанное парижским издателем Пьером Леве, их автора уже не было в живых.

Следующая редакция сборника появилась в 1532 г. За полвека Вийона переиздали 32 раза, что для XV–XVI вв. было неслыханно.

Поэтом восхищались Ф. Рабле, Ж. Лафонтен, Н. Буало, Ж. Мольер, П. Бомарше, Т. Готье, П. Беранже, П. Верлен, Ш. Бодлер.

Вийона делали героем своих произведений Р. Стивенсон, Ф. Карко, в России П.Г. Антокольский и др. Среди его переводчиков на русский язык был Н.С. Гумилев. Один из наиболее признанных русских переводов – И.Г. Эренбурга.

ФРАНСУА РАБЛЕ (ок. 1494–1553)

«Дело не в том, чтобы быстро бегать, а в том, чтобы выбежать пораньше», – сказал Рабле и сочинил роман «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Однажды его направили из Ватикана со срочным посланием королю. В Лионе у него кончились деньги, а ни у кого не спросишь – миссия была тайной. Тогда он объявил, что желает поделиться с местными медиками новостями медицины из Италии. Врачи явились. Рабле просветил коллег, а потом, прикрыв двери, прошептал: «Есть старинный итальянский рецепт безошибочного яда – лучшее средство, чтобы извести монарха-тирана и всю его семью». Врачи в ужасе покинули помещение. Через час арестованного Франсуа, как страшного государственного преступника, мчали в Амбуаз прямо к Франциску I, чем изрядно позабавили и самого короля и весь его двор. Тюремщики, прокатившие мэтра за свой счет, удалились, а Рабле был удостоен королевского обеда.

Родился будущий писатель предположительно в 1494 г. Его отец Антуан Рабле был адвокатом, владевшим в Ладевиньере, что под Шиноном (провинция Турень) загородным домом. У Франсуа было два старших брата и сестра. Мать умерла рано, и в девять лет отец отдал его учеником во францисканский монастырь Сейи. Оттуда Рабле перешел в монастырь де ла Бомет, затем в кордельерское аббатство в Фонтенеле-Конт, где он постригся в монахи в возрасте 25 лет.

Монашеская жизнь, невежество и фанатизм, праздность и разврат монахов дали Рабле бесценный материал для его будущего романа. Сам он все это время с жаром изучал иностранные и древние языки и право, вел переписку со знаменитым гуманистом Гийомом Бюде. Монахам было тошно глядеть на «умника», который к основной заповеди францисканцев «есть, пить и спать» добавил еще и «учиться». А всякая «ересь» типа греческого языка вообще приводила их в бешенство. Они не раз обыскивали его келью и изымали греческие книги, пока Рабле не ушел из монастыря в Пуату, где сблизился с настоятелем монастыря бенедиктинцев в Майезе – аббатом Жоффруа д'Эстиссаком, ставшим на долгие годы его покровителем.

В качестве секретаря д'Эстиссака несколько лет Рабле провел в разъездах по Франции, посетил ряд университетов, познакомился с поэтом К. Маро, богословом Ж. Кальвином, Эразмом Роттердамским.

С разрешения архиепископа Рабле начал заниматься ботаникой и медициной и вскоре отправился в университет города Монпелье. Первое появление Франсуа на древнейшем в Европе медицинском факультете пришлось на день публичной защиты диссертаций по лекарственным растениям. Новичок пробился к кафедре и своими познаниями о различных травах настолько поразил собравшихся, что ему тут же присвоили без защиты степень бакалавра, предложив не только учиться, но и вести вводный курс комментариев к Гиппократу и Галену.

Студент-преподаватель совмещал учебу с лекциями, после

которых разыгрывал с друзьями комедии и фарсы, устраивал вечеринки; выпускал в свет учёные сочинения и «альманахи»; практиковал как врач.

Однажды его, как самого находчивого спорщика, направили в Париж убедить канцлера Франции Дюпрэ не отменять ряд привилегий университета. Попасть к тому было не просто. Рано утром канцлера разбудили громкие голоса за окном. Выглянув на улицу, он увидел толпу, шумевшую вокруг человека в странном одеянии. Дюпрэ послал слуг узнать, что этому человеку надо. «Сдиратель коры с коров», – доложили те. Заинтригованный Дюпрэ велел узнать, что этот «сдиратель» в столь удивительном одеянии делает в центре Парижа. Рабле ответил на латыни. Послали за школяром, знающим латынь – тот ответил по-гречески. Послали за знатоком греческого – ответил на древнееврейском. Послали за раввином – он уже говорил по-испански, потом по-немецки, потом по-английски. Дюпрэ наконец велел ввести полиглота в свои покои. Тут Франсуа по-французски изложил суть дела. Канцлер, плененный умом и находчивостью собеседника, удовлетворил просьбу университета. Знал бы он, что миссионер вскоре станет не только выдающимся медиком, юристом, филологом, археологом, натуралистом, богословом, но и великим писателем ранга Гомера и Данте!

Вскоре Рабле оставил университет и переехал в Лион, где получил должность врача местного госпиталя, переполненного больными: до двухсот человек в одной палате, иногда по нескольку больных на одной постели. Помимо врачевания Рабле занимался наукой и вовсе крамолой: на лекции анатомировал труп повешенного. Перевел на латынь и опубликовал «Афоризмы» Гиппократа. Здесь же он напечатал и первую книгу своего романа под псевдонимом Алкофрибас Назье (анаграмма его имени и фамилии), которую тут же запретили теологи Сорбонны. Однако Рабле не унялся и к августовской ярмарке 1534 г. выпустил вторую книгу.

Однако вскоре октябрьской ночью в Париже и других городах Франции на стенах домов появились плакаты против папы и католической церкви. Запылали костры. Сорбонна настаивала на запрете книгопечатания. Многие из друзей Рабле были изгнаны либо ожидали приговора. Рабле благоразумно скрылся, а через полгода пристал к свите епископа Жана дю Белле, направлявшегося в Рим за кардинальской шапкой.

В Ватикане Рабле испросил у папы Павла III отпущения грехов за самовольное оставление монастыря и снятие монашеского одеяния. Ему отпустили грехи и разрешили заниматься врачебной практикой. Увлекшись археологией, Рабле

выпустил книгу об античных памятниках «вечного города».

Получив должность каноника в монастыре Сен-Мор-де-Фоссе, Рабле пробыл там недолго и стал работать врачом и читать курсы анатомии в разных городах страны.

22 мая 1537 г. в Монпелье Рабле получил высшее ученое звание – доктора медицины. Тогда же ему дали королевскую привилегию на издание своих книг во Франции.

Через 12 лет молчания Рабле выпустил в Париже третью книгу романа – правда, не ко времени. Друга Рабле гуманиста и издателя Этьена Доле за еретические деяния повесили, а труп сожгли на площади Мобер. Рабле бежал за кордон, в Мец. Не сосчитать число его побегов и возвращений, но, главное, они позволили ему выжить, написать и издать роман. Ну а третью книгу теологи встретили с еще большей яростью.

Вскоре умер Франциск I. На престол вступил его сын Генрих II, во всем стремившийся походить на отца. Он также дал Рабле разрешение на печатание его книг.

Во время очередной поездки в Рим Жан дю Белле взял с собой Рабле. Проезжая через Лион, писатель передал местному издателю пролог и одиннадцать глав четвертой книги. В Ватикане балагур Рабле прослыл не просто прекрасным лекарем, но и стал всеобщим любимцем.

Через год Рабле возвратился во Францию – к вящей радости целого лагеря его врагов. «Безбожнику среди псов и свиней», похоже, была уготована участь Этьена Доле. Хорошо, покровитель Жан дю Белле позаботился о нем, подыскав ему приход в Медоне в провинции Турень. Правда, обязанностями священника мэтр себя особо не утруждал.

Настало время европейской известности Рабле. Научный мир признал его как выдающегося медика, а его роман стал книгой № 1. Ограждая книгу от нападок теологов, писатель переиздал ее в 1542 г., смягчив наиболее острые пассажи.

Четвертую книгу писателя парижский парламент тут же приговорил к сожжению, а на самого Рабле посыпались доносы. Писатель распустил слух, что он якобы арестован и посажен в тюрьму, и продолжил писать пятую книгу, но завершить ее не успел – умер от болезни сердца 9 апреля 1553 г., оставив завещание: «Я ничего не нажил и у меня много долгов. Все остальное раздайте бедным». А напоследок добавил: «Закройте занавес, фарс сыгран. Иду искать великое "Быть может"». Перед смертью он снял с себя священнический сан.

Рабле был похоронен на кладбище церкви Св. Павла.

Современники шутили: «В преисподней теперь весело: Рабле и там насмешит». Надо сказать, что и на этом свете его книга

вызывает не всегда утонченный, а подчас утробный смех. Мэтр так высоко задрал планку сатиры, что впоследствии с ней совладал, пожалуй, один лишь Д. Свифт. Не без помощи «медонского кюре» мир сегодня смеется надо всем на свете, в т. ч. и над святынями. Но это уже не вина Рабле, а наша с вами беда.

Пятая книга появились в 1562 г.

У Рабле не было прямых подражателей, его гуманистический энциклопедизм сумел воспроизвести в иной форме лишь М. Монтень. Вместе с тем Рабле оказал огромное влияние на Ж. Мольера, Ж. Лафонтена, А. Лесажа, Ф. Вольтера, Ж. Рихтера, О. Бальзака, А. Франса, Р. Роллана…

Классический перевод романа на русский язык сделал Н.М. Любимов.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ (1533–1592)

Лень и любознательность сделали его зрителем, а усердие и ум одним из главных действующих лиц эпохи. Он так и жил, внутренне чураясь всяких жизненных крайностей, а наружно достойно принимая удары судьбы. Эти две жизни Монтеня, внешняя и внутренняя, имели и две биографии: обычную – в рамках границ Франции и его жизни и вторую – литературную, претерпевшую бесконечное расширение в пространстве и во времени благодаря его «Опытам», проложившим дорогу новому литературному жанру – эссе. Бесспорно, вторая превзошла первую.

Больше всего философ любил, удалившись в башню родового замка, читать в подлиннике латинских авторов. Терпеть не мог праздности и пороков. Страшно боялся расточительности. Его отвращала всякая жестокость – от затравливания зайца собаками до поджаривания живьем человека на костре. Против пыток он протестовал во весь голос, будучи главным, если не единственным борцом с «инстинктом бесчеловечности». Самыми важными обязанностями человека Монтень считал обязанности по отношению к самому себе и сам жил по Платону: «Делай свое дело и познай самого себя!»

А еще он был чистоплотным человеком. В пору, когда чума и холера уносили миллионы людей, считавших, что зараза

проникает в них с водой через поры, воды боялись не меньше самой чумы. Люди не мылись, не умывались годами, а то и всю жизнь, выливая на себя тонны одеколона, дабы слово «вонь» заменить изящным синонимом «запах». Монтень, не боясь осуждения в вольнодумстве (а мыться водой считалось именно «вольнодумством»), мылся.

Какова же «земная» биография писателя и философа?

Мишель Эйкем де Монтень родился 28 февраля 1533 г. в фамильном замке близ Бордо. Его отец, участник итальянских войн Пьер Эйкем (получивший аристократический титул «де Монтень» в конце XV в.), был влюблен в Древнюю Грецию и Рим, занимал различные выборные должности, исполнял обязанности мэра Бордо. Мать – Антуанетта де Лопез происходила из семьи зажиточных арагонских евреев.

Монтень получил блестящее образование. До шести лет его наставником был отец, считавший латынь единственно нужным ученому и поэту языком. Учителем Мишеля был немец, не владевший французским языком. Он и слуги общались с мальчиком исключительно на латыни.

В 6 лет Мишеля отдали в школу, затем в Гийеньский коллеж. В 21 год, закончив изучение античных авторов, философии и права в Тулузском университете, Монтень получил судейскую должность. Несколько раз ему пришлось участвовать в военных походах. Затем он занял приобретенную отцом должность королевского советника Бордоского парламента и прилежно исполнял ее 12 лет.

Значительную роль в формировании внутреннего облика Монтеня сыграла дружба с политическим мыслителем, поэтом и гуманистом Этьеном де Ла Боэси, автором знаменитых «Рассуждений о добровольном рабстве». Ранняя смерть Ла Боэси в 1563 г. нанесла тяжелый удар Монтеню.

В 1565 г. писатель женился на Франсуазе де Шассань; невеста принесла ему солидное приданое. Брак был по расчету, и Монтень (особенно с возрастом) охотно общался с дамами, готовыми поддержать беседу без всякой корысти.

После смерти отца он получил в наследство родовое поместье и отказался от государственной службы. В башне замка он организовал прекрасную библиотеку и все время посвящал чтению и литературному труду.

Варфоломеевская ночь (1572) подтолкнула его к сочинению первых эссе. «Опыты» пришли во время смуты. Именно в эти годы, когда Франция раздиралась на части, когда в ней царили несчастья и хаос, Монтень чувствовал себя цельным и гармоничным, счастливым и радостным.

В 1577 г. Монтень перенес первый приступ мочекаменной болезни, а спустя три года отправился лечиться на воды – в Германию и Италию, заодно побывав в Австрии и Швейцарии. Плодом этого путешествия стал «Путевой дневник», опубликованный только в 1774 г. В Риме «Опыты» рассматривались цензурой курии, а Монтень был принят папой. Первые две книги «Опытов» были опубликованы в 1580 г. в Бордо; второе издание – в 1582 г.

Писатель был лицом не публичным, хотя судьба не раз вытаскивала его из экзистенциальных глубин на шумный базар жизни. Тяжелейшие дни начались в 1582 г., когда он был назначен на двухлетний срок мэром Бордо. Сделав попытку уклониться от почетной (но бесплатной) обязанности, он вынужден был подчиниться воле короля. В первом слове Монтень сказал бордосцам: вряд ли я сгожусь, господа, на этой должности, поскольку беспечен, беззлобен, не честолюбив, не скуп, не жесток, не тверд и памяти у меня никакой. Правда, проявил себя он на этом посту с небывалой энергией, практически в одиночку защищая права слабых и тех, кто «живет только случайными заработками и в поте лица своего». Даже короля он в письмах упрекал в корыстолюбии и избирательности его правосудия, в потворстве сильным в ущерб народу.

Прошло два года, и в разгар гражданской войны католиков и гугенотов, когда крови лилось, во всяком случае, больше, чем воды, его назначили на новый срок. Монтень употребил весь свой ум, такт и дипломатические способности на то, чтобы гасить страсти и не допускать смертоубийства. Оказавшись меж двух огней, меж двух партий и меж двух враждующих королей Франции – бывшим и будущим, католиком Генрихом III и протестантом Генрихом Наваррским, он сумел поддерживать с обоими дружеские отношения. При этом «мэр и Монтень всегда были двумя разными людьми, четко отмежеванными один от другого».

В должности мэра Монтень ограждал интересы королевской власти, препятствуя поползновениям обоих противоположных лагерей прибрать город к рукам. Король Генрих II и вельможи уважали его здравомыслие и терпимость, его несговорчивость и неуступчивость еще и потому, что Монтень был приятным исключением из «обоймы» градоначальников – он не сделал свою почетную должность прибыльным ремеслом.

В Бордо Монтень принял наследника престола, Генриха Наваррского, и заслужил его расположение. В дальнейшем он решительно поддержал принца в борьбе за корону, видя в нем единственного крупного политика той эпохи, способного

покончить с феодальной раздробленностью страны и религиозными войнами. Будущий Генрих IV пригласил его к себе, но Монтень отказался, решив остаться «независимым».

По окончании срока служения на посту мэра, совпавшего с эпидемией чумы, Монтень с облегчением сложил с себя нелегкие обязанности.

Жизненный опыт первой половины 1580-х гг. вошел в «Опыты». Внеся в первые две части более 600 добавлений, Монтень написал третью и опубликовал книгу в 1588 г.

В том же году судьба свела Монтеня в Париже с молоденькой Мари де Гурне, восторженной почитательницей его трудов. Она стала Монтеню приемной дочерью и в 1595 г. выпустила посмертное издание «Опытов».

В жизни судьба не раз испытывала философа: в путешествиях его и обманывали, и грабили; он пережил пожар, чуму, смерть детей, на склоне лет в качестве заложника отсидел несколько дней в Бастилии.

Последние годы жизни писателя мучили камни в почках, подагра, ревматизм, но он старался поддерживать активный образ жизни. Умер Монтень близ Бордо 13 сентября 1592 г. во время мессы.

Популярность Монтеня давно перешагнула границы Франции. «Опыты» явились бездонным кладезем, из которого черпали идеи Ф. Бэкон, Ш. Монтескье, У. Шекспир, Б. Паскаль, Ж. Лафонтен, Р. Декарт, Д. Дидро, Ж. Руссо, Ларошфуко, Ж. Мольер, П. Корнель, Ж. Расин, Ф. Ницше.

Эссе были переведены на русский язык в XVIII в. А.С. Пушкин, А.И. Герцен и особенно Л.Н. Толстой чрезвычайно высоко ценили их. В XX в. Монтеня переводили А.С. Бобович, Ф.А. Коган-Бернштейн и Н.Я.Рыкова.

МИГЕЛЬ ДЕ СЕРВАНТЕС САВЕДРА (1543–1616)

Роман «Дон Кихот» писан кровью Сервантеса, а в его герое поселилась душа писателя – он сам в том признался: «Для меня одного родился Дон Кихот, как я для него. Он умел действовать, а я – писать. Мы составляем с ним одно тело и одну нераздельную душу».

О жизни писателя сохранилось мало свидетельств.

Сервантес родился в 1547 г. в небольшом городке Алькала де Энарес, в 20 милях от Мадрида. Древний рыцарский род за пять столетий постепенно обеднел. Дед писателя Хуан еще занимал видное положение в Андалусии, но отец Родриго не пошел дальше вольнопрактикующего лекаря. К кругу бедных дворян принадлежала и мать писателя. Сааведра – родовое имя Сервантесов.

В поисках денег семья перебиралась из города в город, исколесив пол-Испании. Десятилетним подростком Мигель поступил в коллегию иезуитов, а свое образование завершил в Мадриде у гуманиста Хуана Лопеса де Ойоса (последователя Эразма Роттердамского). Из-за вечной нищеты Сервантес всю жизнь занимался в основном самообразованием.

К концу 1560-х гг. семья окончательно разорилась. В это время кардинал Аквавива обратил внимание на опубликованный в книге де Ойоса сонет Сервантеса, обращённый к королеве

Изабелле, и пригласил Мигеля в Рим, чтобы способствовать развитию юного таланта. Сервантес пешком и морем добрался до Вечного города. Главным богатством его был меч, висевший через плечо. Молодого человека ждало блестящее будущее, но, видно, была не судьба.

Заручившись необходимыми бумагами «о чистоте крови», Сервантес, движимый патриотическими чувствами, поступил в испанскую армию, расквартированную в Италии, призванную отражать турецкую агрессию в районе Средиземного моря.

В морской битве при Лепанто соединенный флот Священной лиги (Испании, папы и Венеции) под командованием дона Хуана Австрийского нанес турецкой эскадре поражение. В тот день Сервантес болел лихорадкой, но кинулся в бой: «Предпочитаю, даже будучи больным и в жару, сражаться, как это и подобает доброму солдату… а не прятаться под защитой палубы». В схватке Мигель получил три огнестрельные раны: две в грудь и одну в предплечье. Левая рука навсегда осталась парализованной – «к вящей славе правой руки».

В 1575 г. Сервантес и его младший брат Родриго, служивший также в армии, получили разрешение вернуться на родину. Мигель рассчитывал в награду за службу получить должность капитана в армии.

На борту галеры «Солнце» они отбыли из Неаполя в Испанию. Корабль был захвачен турецкими корсарами. У Сервантеса нашли рекомендательные письма на имя короля Филиппа II от дона Хуана Австрийского и вице-короля Неаполя, герцога де Созы, что сразу же подняло цену пленника. В Алжире раб был куплен свирепым Дали-Мами.

Пленные христиане были для турок рабочим скотом. Жесточайшее обращение сменялось почтительным, если только кто-то менял веру. Со строптивыми не нянчились: отрезали уши, носы, выкалывали глаза, нещадно били палками и плетьми, морили голодом и жаждой. Организаторов неудачных побегов вешали или сажали на кол.

Сервантес, закованный в цепи, употребил все свое нравственное влияние, чтобы удержать слабеющих рабов от перехода в магометанство. Он ободрял и утешал их, делился с ними последними крохами, кормил одних, работал за других. Для поднятия духа затевал беседы, говорил о поэзии, истории, читал собственные стихи. Задумав организовать восстание пленных, он стал подыскивать себе единомышленников из числа офицеров и испанской знати.

За пять лет рабства неистовый «однорукий» подготовил четыре массовых побега, каждый из которых имел целью не

просто спасение его участников, но и освобождение всех 25 000 невольников. И каждый раз находился предатель. Сервантес, возглавивший общество взаимопомощи, приобрел среди пленных громадный нравственный авторитет.

Мигель сообщил домой о несчастии, постигшем его и Родриго. Старик отец тут же заложил свой клочок земли и присоединил к полученным деньгам приданое обеих дочерей. Ничтожная сумма выкупа только рассмешила Дали-Мами.

Между тем в Алжир прибыл новый правитель, человек-зверь, Гассан-паша, выкупивший у Дали-Мами Сервантеса. В несколько месяцев паша блестяще реализовал лозунг «грабь награбленное». В городе воцарился голод, а следом и эпидемии. На улицах валялись груды трупов.

На собранные отцом деньги Мигель прежде всего выкупил Родриго, а сам с группой пленников бежал из города. Но опять предательство, и беглецов схватили. Мигель взял вину целиком на себя. На допросе у Гассана он хладнокровно повторял одно и то же: «У меня нет сообщников», чем привел пашу в неописуемую ярость. Однако вместо ожидаемых истязаний Гассан приказал бросить беглого раба в тюрьму. Все последующие допросы закончились ничем, и Мигеля выпустили.

Своим бесстрашием и мужеством Сервантес странным образом действовал на Гассана: «Стерегите крепче этого калеку-испанца, – велел он стражникам, – тогда и моя столица, и мои невольники, и мои галеры – все будет цело».

Сервантес не сдавался. За третий неудачный побег его присудили к двум тысячам палочных ударов, но помиловали. За третьей попыткой последовала четвертая. И снова Мигель в тюрьме. Он бежал оттуда и скрылся у друга. Гассан объявил населению, что всякий давший убежище Сервантесу будет казнен. Узнав об этом, беглец предал себя властям. Мигелю связали руки, надели на шею петлю и так допрашивали. Но и на этот раз Гассан пощадил его.

Внезапно благодетелем Сервантеса стал монах ордена Св. Троицы Хуан Гиль, набравший нужную сумму выкупа. Он уговорил Гассана отпустить пленника на свободу. 24 октября 1580 г. Сервантес покинул Алжир.

Но в Испании его не ждали. Героизм, поразивший даже Гассана, не тронул своих аристократов: никакого вознаграждения за подвиги герой не получил. Через три года, проведенных в походах по Португалии, Мигель, как инвалид, вышел в отставку. В Португалии Сервантес влюбился в молоденькую актрису Ану Франку де Рохас. Через 9 месяцев Ана родила от Мигеля дочь – Изабель, которая стала единственным (внебрачным) ребенком

Мигеля и скрасила ему его старость.

Вскоре Сервантес женился на Каталине де Паласиос. Чтобы оградить от нищеты мать, сестер и жену (Родриго к тому времени погиб), он занялся литературным творчеством, не принесшим никакого дохода, затем много лет отдал чуждому его складу и душе занятию – был комиссаром по закупке пшеницы, ячменя и оливкового масла в Андалусии для «Непобедимой Армады» Филиппа II. Дважды реквизировал у монастырей пшеницу, за что был отлучен от церкви, четыре раза попадал в тюрьму по ложным обвинениям в сокрытии денег и за невзысканные недоимки.

Писать удавалось урывками. В 1585 г. вышел первый роман Сервантеса – «Галатея», принесший ему известность, но не достаток, затем было написано 20 или 30 пьес, большинство из которых не сохранилось до наших дней.

За финансовую недостачу в 1597 г. Сервантеса посадили в тюрьму, где он и начал писать роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский», первая часть которого увидела свет в январе 1605 г. Роман сразу стал столь популярным, что одновременно были опубликованы два издания в Лиссабоне и два в Валенсии. Книгу буквально сметали с прилавков. Вскоре «Дон Кихот» стал известным и в других странах.

Пенсии от графа Лемоса и архиепископа Толедо, а также гонорары за публикации позволили Сервантесу хоть как-то выкарабкаться из тисков нищеты. Через два года он приехал в Мадрид, где и провел последние девять лет жизни.

Успех романа привел к тому, что некий А. Фернандес де Авельянед опубликовал «окончание» истории о Дон Кихоте, превратив Рыцаря печального образа в жадного до денег сквалыгу. Это заставило писателя написать вторую часть романа, опубликованную в 1615 г. Перед этим он издал сборник «Назидательные новеллы».

С годами Сервантес углубился в сокровенные религиозные размышления, находя утешение в одинокой молитве. Вступил в ряды Братства святейшего причастия, а затем стал членом религиозного братства мирян францисканского ордена и накануне смерти принял полное посвящение.

Последний роман «Персилес и Сихизмунда» Сервантес закончил за три дня до кончины, последовавшей 23 апреля 1616 г.; книга была опубликована в 1617 г.

Писатель был погребён в монастыре св. Троицы. В 1633 г. монастырь был оставлен монахами, и могила Сервантеса затерялась. Памятник из бронзы ему поставлен в Мадриде в 1835 г.; на пьедестале латинская надпись: «Мигелю де Сервантесу Сааведре, царю испанских поэтов».

Сегодня Сервантеса безоговорочно признают повсюду самым великим писателем мира, а «Дон Кихот» – самым великим романом.

Классический перевод романа на русский язык сделал Н.М. Любимов.

ФРАНСУА ДЕ МАЛЕРБ (1555–1628)

Удивительно, что Малерб, оставивший после себя образцы высочайшей поэзии, в памяти потомков остался собранием анекдотов, будто он был не основоположником французского классицизма, а баснописцем вроде Эзопа. Впрочем, и сам поэт утверждал, что глупо заниматься рифмоплетством, ожидая от него чего-либо, кроме собственного развлечения; и что искусный поэт не более полезен для государства, чем искусный игрок в кегли.

Франсуа Малерб родился в 1555 г. в Кане. Происходил из провинциальных дворян. О детстве и молодости поэта мало достоверных сведений. Судя по всему, он получил прекрасное образование, но вполне вероятно, что достиг энциклопедических знаний и самостоятельно. Во всяком случае, он какое-то время состоял на службе у герцога Ангулемского, брата-наследника короля Карла IX Валуа, и сопровождал того в его странствиях. Начав писать стихи еще до того, как герцог стал королем Генрихом III, он так и не нашел признания у сюзерена как поэт, а после убийства Генриха в 1589 г. остался не у дел и бедствовал в Провансе. Помогло, видно, расположение звезд. 17 ноября 1600 г. в Прованс прибыла направлявшаяся в Париж невеста нового короля Франции Генриха IV Бурбона Мария Медичи. Малерб прочел будущей королеве оду и тем самым вбил гвоздь в колесо фортуны. Этот день позднее признали днем рождения классической поэзии. Мария расхвалила Генриху немолодого уже поэта; король выслушал супругу благосклонно, но денег на приезд виршеплета не дал. Однако Малерб с оказией добрался до Парижа, и там его представили ко двору. Обычно медлительный Малерб скоренько сочинил «Молитву за короля, отбывающего в Лимузин» (Генрих отправлялся туда усмирять местную знать).

Распутство и грехи в эпохе новой сгинут,
И сластолюбие и праздность нас покинут,
Немало из-за них мы претерпели бед.
Король достойнейших вознаградит по праву,
Всем доблестным вернёт заслуженную славу,
Искусства возродит, лелея их расцвет.

Растроганный монарх принял поэта при дворе. Малерб не остался в долгу и стал прославлять короля, его семейство и всех влиятельных сановников в одах и стансах, ставших образцами ораторской громкой речи. Очистив французский язык от неясных и грубых выражений и чрезмерного тумана и изыска, добившись того, что его собственные стихи стали образцом чистоты, ясности и точности, Малерб стал певцом государственной идеи и национальной славы, противопоставив свои прозрачные и, говоря современным языком, патриотические стихи салонной культуре того времени, в которой властвовала изысканная условность – прециозность. Поэт играл на руку де Ришелье, создателю принципов современного государственного мышления, и сам прозорливо писал о кардинале, что «если наш корабль всё же справится с бурей, то это произойдёт лишь тогда, когда эта доблестная рука будет держать бразды правления».

После убийства Генриха IV Малерб с не меньшим рвением продолжил мудро воспевать следующего монарха – Людовика XIII и его сановников. Политическая лирика сочеталась у него с философской, его поэтические шедевры отличала огромная

внутренняя сила и мощный ритм. Лучшим стихотворением Малерба считаются философские стансы «Утешение господину Дюперье», в которых утверждается приоритет разума над страстями. Не забывал в своем творчестве поэт и себя, причем буквально – обязательно помещал в каждом произведении хотя бы несколько строк во славу своей Музы и в память своих литературных заслуг.

Малерб с необычайной тщательностью обрабатывал стихи, каждая строчка обдумывалась и переписывалась им десятки раз. «Создав поэму в сто стихов или написав речь в три листа, надо отдыхать десять лет», – говорил он. Когда умерла жена его друга Вердена, Малерб немедленно засел за стихи в ее память. Когда они были готовы и Малерб собрался прочитать их публике, оказалось, что Верден уже давно женился вторично.

Малерб не писал теоретических трактатов и даже не пытался сформулировать свое эстетическое кредо в обширной переписке с друзьями и покровителями. Его суждения об искусстве исследователи собрали позже, в XIX в. Что же до читателя XVII в., то он знал прежде всего Малерба-поэта. И хотя стихи Малерба помещаются в одну тоненькую книжку, значение его поэзии было столь велико, что даже недруги видели в ней некую норму, игнорировать которую невозможно. Н. Буало в «Поэтическом искусстве» сказал о Малербе торжественно:

> И вот пришел Малерб, и первый дал французам
> Стихи, подвластные размера строгим узам…
> Он силу правильно стоящих слов открыл
> И музу правилам и долгу подчинил.

С годами политический оптимизм Малерба стал пропитываться горечью и сарказмом, но монархия всегда оставалась для него единственно возможной разумной силой. Когда рядом с ним заводили речь о государственных делах, подразумевая их несовершенство, он говорил всегда одно и то же: «Не надобно вмешиваться в управление кораблем, на коем ты всего лишь пассажир».

Что же касается частной жизни Малерба, она изобиловала забавными историями. Нищие часто обещали Малербу молиться за него, но он им всегда отвечал, что сомневается, пользуются ли они большим влиянием у Господа Бога, коль скоро он позволяет им прозябать в столь жалком состоянии, и он, Малерб, предпочел бы, чтоб сие обещание дал ему суперинтендант финансов.

Некоему человеку, который показал ему дряную поэму, озаглавленную «Поэма королю», Малерб сказал, что остается

лишь добавить: «для подтирки задницы».

В конце жизни поэт основал поэтический кружок для своих юных учеников, послуживший уже после его смерти Ришелье одной из основ Французской академии.

Малерб всегда был весьма неравнодушен к женщинам и в разговоре любил блеснуть своими победами. Они вовсе не были виртуальными, т. к. поэт трижды лечился от сифилиса. Всю жизнь он был одинок, хотя и имел сына, погибшего в двадцатилетнем возрасте. Желая свести счеты с его убийцей, неким Пилем, поэт в 73-летнем возрасте отправился под осажденную Ларошель, чтобы добиться у короля правосудия, и, не получив ожидаемого им удовлетворения, заявил во всеуслышание, что желает вызвать г-на де Пиля на поединок. Но дуэль по понятным причинам (Пилю было 25 лет) не состоялась. В этой поездке Малерб подхватил болезнь, от которой и умер по прибытии в Париж 16 ноября 1628 г. Поэт любил эту жизнь и не очень верил в иную, и когда с ним говорили об аде и о рае, заявлял: «Жил я, как и все другие, умереть хочу, как все другие, и уйти туда, куда уходят все другие».

Говорят, будучи уже при смерти, Малерб был до предела возмущен нескладной речью священника и прогнал его, а за час до смерти стал бранить свою хозяйку, ходившую за ним во время болезни, за какое-то слово, которое, по его мнению, звучало не совсем по-французски.

Правила, сформулированные Малербом для поэзии классицизма, стали обязательными и для русской поэзии.

Малерба на русский язык переводили М. Квятковская, М. Малиновский, А. Измайлов, А. Цветаева, А. Ревич и др.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564–1616)

Четыреста лет спорят, кем был Шекспир – простым актером или знатной особой. Не важно. Важно другое – то, что он не был пуританином, отвернувшимся от театра; важно, что он отказался от почтенной профессии перчаточника или мясника и занялся делом, которое считалось в те времена унизительным. Делом, которое цивилизованный мир оценил как великое и возвышающее душу.

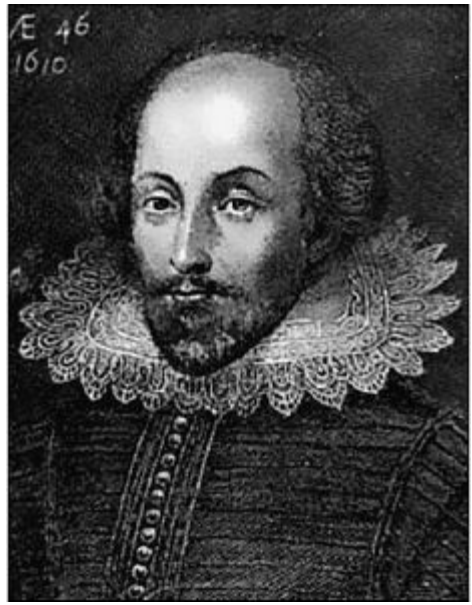
Но сразу же оговорюсь: Лев Толстой, например, не принимал Шекспира. Имел право: не сошлись не только гора с горой, но и два мировоззрения – духовное и плотское. Толстой полагал, что человек, усвоив безнравственную суть произведений Шекспира, перестает различать доброе от злого, а всеобщую ложь возвеличения безнравственного писателя он называл губительной. Весьма актуальная мысль! Особенно если учесть, что сегодня мы не только пожинаем гнилые плоды Возрождения, но и сами (вследствие этого) не в состоянии возродить ничего здорового.

Шекспир явился на свет в разгар чумы, поразившей английский городок Стратфорд-на-Эйвоне, что само по себе можно рассматривать как некий знак провидения. Шел 1564 г. Уильям был старшим из восьми детей Джона и Мэри Шекспиров.

Научившись читать и писать, мальчик поступил в грамматическую школу, где изучал латынь и риторику. В 14 лет Уильям расстался со школой и стал помогать отцу в его ремесле перчаточника. Через четыре года он женился на Энн Хетеуэй, бывшей на восемь лет его старше. Через полгода у молодых родилась дочь Сьюзен. В двадцать один год Шекспир уже отец троих детей.

Покинув городок, Уильям некоторое время учительствовал, а по другой версии – примкнул к одной из актерских трупп, довольно часто посещавших Стратфорд. Через некоторое время Шекспир с семьей оказался в пригороде Лондона.

В столице было четыре здания для представлений, до одного из которых, называвшегося «Театр», было 20 минут ходу. Уильям стал играть на его сцене. В 25 лет он написал свою первую пьесу, имевшую успех. Тут же последовали два ее продолжения, составившие трилогию «Генрих VI».



Профессия актера из бродячей стала «стационарной». Актеры «прописывались» при дворе, где в кругах знати находили себе покровителей. Вельможа на свой вкус подбирал труппу, давая тем самым добро на заработки. Опекунами были и королева, и ее фавориты, и прочие лорды. Актеры носили соответствующие ливреи, считались челядью и именовались «слугами ее величества», «слугами лорда-камергера» и т. д.

Шекспир обзавелся покровителями, достойнейшим из которых был Генри Ризли, граф Саутгемптон, принадлежавший к высшей елизаветинской знати. Уильям бывал в его дворце, был членом литературного кружка. Стихи там почитались искусством, а пьесы для народного театра – поденщиной, не имеющей для литературной репутации никакого значения. Позаимствовав у Овидия историю о тщетных домогательствах богини любви Венеры к прекрасному, но холодному юноше Адонису, начинающий поэт написал поэму «Венера и Адонис». Вскоре ее напечатали, к всеобщей радости и возбуждению. Сей поэтический опыт вызвал зависть одних и одобрение других.

В 1592 г. в Англию в очередной раз пришла чума. Столичные власти запретили все театральные представления. Одни труппы бродяжничали по стране, другие вообще распались. Вскоре один за другим ушли из жизни английские драматурги, подготовившие почву для Шекспира: Р. Грин, К. Марло, Т. Кид. Перестал писать для театра и Д. Лили.

В начале 1590-х гг. Уильям заявил о себе, как о незаурядном поэте, еще в одном жанре поэтического творчества – сонетах. Перед Шекспиром открылась перспектива стать поэтом вроде

знаменитого тогда Э. Спенсера. Уильям тяготился «низменностью» своего положения как актера с городской площади. Но ему и претило быть приживалой при дворе вельможи, вследствие чего между ним и его покровителем наступило охлаждение.

Уильям бросил занятия поэзией и вернулся в театр, в труппу «слуг лорда-камергера». С приходом Шекспира труппа приобрела своего драматурга. Одна премьера следовала за другой: «Ричард III», «Укрощение строптивой», «Тит Андроник», «Два веронца», «Бесплодные усилия любви», «Сон в летнюю ночь», «Ричард II», «Ромео и Джульетта». Поскольку Уильям сам выступал на сцене и досконально знал законы актерского искусства и театральные приемы, его пьесы нашли кратчайший путь к сердцам зрителей.

Так как церковная и правительственная цензура не позволяли ставить пьесы о современных политических событиях, Шекспир обратился к истории, да еще зарубежной, тем самым избежав искуса прямых выпадов против королевы и ее вельмож. В то время, когда нужда народа была ужасающей, а произвол власти – невыносимым, гораздо удобнее было осуждать владык других времен и народов. Тираны не достойны жить – утверждал в пьесах Шекспир. Во всяком случае, драматург не собирался умирать под забором. Другие драматурги попадали под суд Звездной палаты, Шекспир – ни разу. К 1600-м годам знатоки литературы ставили Шекспира в один ряд с Овидием, Плавтом, Теренцием и Сенекой.

В 1595 г. лихорадка свела в могилу его сына Гамнета. Неутешный отец потом даст герою своей трагедии созвучное имя – Гамлет.

К этому времени Уильям, ставший состоятельным человеком, от имени отца, как старшего в роду, подал заявление о присвоении роду фамильного герба. Заявление удовлетворили: Джон Шекспир и его потомки по мужской линии стали дворянами.

Основными заработками Шекспир был обязан не своим пьесам, а ремеслу актера и участию в паях труппы; ему причиталось от одной восьмой до одной шестой чистой выручки. За короткий срок ему удалось заработать достаточно, чтобы обеспечить свою семью и помочь отцу, погрязшему к тому времени в долгах. Расплатившись с долгами, Джон Шекспир умер в начале нового века.

В центре Стратфорда писатель купил большой каменный дом, произвел капитальный ремонт здания. А в Лондоне пайщики «Театра» возвели новый театр, которому дали название «Глобус».

В 1603 г. королева Елизавета скончалась. Королем стал Яков I. Оставив за собой монопольное право протежировать театрам,

он оказал высокую честь труппе Шекспира и дал ей имя «слуг его величества короля». Актерам назначили скромное жалованье, а Шекспиру присвоили звание придворного грума.

Актеры «Глобуса» выступали при дворе чаще, чем другие театральные труппы, давая премьеры шекспировских пьес: «Отелло», «Король Лир», «Макбет», «Антоний и Клеопатра», «Кориолан». За 13 лет при дворе Якова состоялось 177 спектаклей его труппы.

В 1607 г. Шекспир устроил пышные похороны умершему брату Эдмунду, актеру «Глобуса». На следующий год он присутствовал в Стратфорде при крещении внучки и при отпевании матери.

Достигнув вершин мастерства в трагическом жанре, Шекспир неожиданно ушел от создания трагедий и стал сочинять пьесы («Цимбелин», «Зимняя сказка», «Буря»), которые больше подходили двору. Настоящую славу ему принесли печатные издания его произведений, число которых за десять лет превысило двадцать.

Во время премьеры «Генриха VIII» вспыхнул пожар – театр «Глобус» сгорел дотла. Вскоре в 48 лет, в расцвете своего гения, Шекспир ушел из театра. Почему? Говорят, был болен, надорвался, исписал себя не творчески, а физически. Переуступив свою долю в паях труппы, он удалился в Стратфорд к жене и дочерям, в полной уверенности, что через год позабудут все его 17 комедий, 10 хроник, 11 трагедий, 5 поэм и цикл из 154 сонетов.

Последние годы жизни писатель провел в просторном доме с прекрасной обстановкой, двумя большими садами при нем. 25 марта 1616 г. Шекспир оставил завещание, в котором не было ни слова о его произведениях, в том числе и о 18 неопубликованных пьесах. 23 апреля пятидесяти двух лет от роду он скончался. Прах поэта был похоронен под алтарем стратфордской церкви. Несколько лет спустя на стене храма был поставлен бюст Шекспира.

Среди оставленного им имущества был сундук с бумагами. Какие в нем были бумаги, осталось неизвестным.

В середине XVIII в. Шекспира признали классиком, а в начале XIX в. его провозгласили величайшим поэтом мира.

На русский язык Шекспира переводили Екатерина II, А.И. Кронеберг, М.Н. Лозинский, С.Я. Маршак, Т.Л. Щепкина-Куперник, Б.Л. Пастернак и другие.

XVII ВЕК

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН (1621–1695)

Этому чрезвычайно милому, добродушному и дружелюбному человеку было за сорок, когда судьба повела его в вечность. Впрочем, об этом Жан не задумывался, так как порхал по жизни, как бабочка. Его жизнь была переполнена анекдотами, которые забавляли окружающих. Все воспринимали как должное, что именно он порождал массу басен и смешных историй, в которых бесполезно искать даже крохи нравоучений. Его творчество и его жизнь, похоже, мало чем отличались друг от друга.

У него были любовницы, которым он потерял счет, и дети, которых он не узнавал при встрече. Он сам, как ребенок, постоянно радовался жизни, всегда был сыт, одет и обласкан. Принимал благодеяния меценатов и особенно меценаток как нечто само собой разумеющееся. О службе, семье и деньгах у него никогда не болела голова. С благоверной он встречался только по настоянию друзей, в эпистолах сообщая ей обо всех своих новых сердечных привязанностях. Уже в почтенные лета, двадцать лет прожив в отеле мадам де Саблиер, пока та не ушла в мир иной, он вышел из дома покойной и встретил своего знакомого, который предложил ему поселиться у него. «Надо же, я как раз туда и иду», – поддержал беседу баснописец.

По мнению окружающих, его биографию лепили с любовью все, кому не придется. Ну, а он точно так же лепил свои басни и стихи. По жизни он шел примерно так:

В путь к последнему жилищу
Грустно плыл унылый гроб.
Рядом с гробом на кладбище
Бодро шел веселый поп.

Родился Жан де Лафонтен 8 июля 1621 г. в Шато-Тьерри (Шампань), в семье государственного лесничего. Жан с детства отличался мягким, но непокорным нравом. В парижской ораторианской семинарии он изучал право, отдавая предпочтение поэзии и философии. Вернувшись домой, двадцатишестилетний Лафонтен занял должность отца и женился на пятнадцатилетней Мари Эрикар, но очень скоро покинул отчий дом, жену, должность «смотрителя вод и лесов» (но отнюдь не доход) и направился в Париж, который намеревался поразить своими стихами.

В столице Лафонтен сблизился с кружком молодых литераторов – «рыцарями Круглого стола». Он долго искал свой путь, пока по подсказке друзей не переработал комедию Теренция «Евнух», одним своим названием уже гарантировавшую успех.

Родственники выхлопотали Лафонтену покровительство Фуке, министра финансов Людовика XIV, которому он был представлен в 1658 г. Заботами министра Лафонтену назначили пенсию, за которую он был обязан сочинять по стихотворению в месяц. Во множестве сонетов, посланий, баллад и мадригалов поэт воспел мелочи светской жизни, изредка сочиняя и «высокие» поэмы («Адонис», «Климена»). Успех пришел оглушительный. Лафонтен сошелся с вечным смутьяном принцем Конде, Ларошфуко, мадам де Лафайет, законодателем поэзии классицизма Николо Буало-Депрео, но ко двору по причине своей легкомысленности допущен не был.

После кончины могущественного кардинала Мазарини в начале 1660-х гг. Людовик XIV жестко взял государство в королевские руки. Первым делом он приблизил к себе экономного министра Кольбера. Расточительный и вороватый Фуке, ставленник Мазарини, был арестован и осужден на пожизненное заключение. Лафонтен остался верен своему покровителю и опубликовал полную сочувствия к нему «Элегию к нимфам в Во» и «Оду королю» в защиту Фуке. Независимость поэта Людовик XIV и Кольбер не оценили. Мало того, они отправили его в изгнание в Лимож, лишив пенсии. Путевые заметки опального поэта, которые Жан почел за долг направлять жене, стали блестящим памятником эпистолярного жанра XVII столетия.

В Лиможе поэт долго не задержался. Вскоре он вернулся в Париж и, поселившись у герцогини Бульонской – хозяйки оппозиционного двору салона, «засел» за стихи, сказки и рассказы. Скабрезные стихотворные «сказочки», посвященные патронессе, имели громкий успех, выдержав четыре издания. Они крайне скандализировали общество и весьма возмутили искренне религиозного короля. За подрыв авторитета церкви и насмешки над ее служителями «Сказки» были запрещены; правда, вскоре они были напечатаны в Голландии. Такая же судьба была уготована и прозаической повести со стихотворными вставками «Любовь Психеи и Купидона». Попутно поэт умудрялся сочинять целомудренно благочестивые поэмы («О пленении Св. Малка»), оды, либретто для опер и балетов, а также обращения к собачкам и сетования по поводу неудачных родов.

В 1668 г. баснописец выпустил шесть книг своих басен под общим заглавием «Басни Эзопа, переложенные на стихи г-ном де Лафонтеном». Родился новый литературный жанр. Перейдя под патронаж маркизы де ла Сабльер, поэт через десять лет выпустил второе издание басен, включавшее уже одиннадцать книг.

Верховная власть недолюбливала поэта. За что было его любить, если в одной из басен – «Мор зверей» – звери, исповедующиеся в грехах, совсем как люди, выбирали самого виновного, чтобы принести его в искупительную жертву богам. Лев, тигр, медведь и прочие хищники, признавшись в кровопролитии, насилии, вероломстве, выбрали тем не менее осла, стянувшего пучок травы с монастырского поля.

В 1674 г. министр Кольбер (с подачи недоброжелателей баснописца) лишил Лафонтена возможности получать доход с наследственной должности «хранителя вод и лесов»; вдобавок на него был наложен непосильный штраф за незаконное присвоение дворянского титула, который поэт считал естественным приобретением, поскольку все время вращался среди высшего света и вел образ жизни типичного аристократа. Поэту грозила тюрьма. Он обратился со слезным посланием в стихах к герцогу Бульонскому, и тот вызволил его из беды.

Людовик XIV долго противился избранию Лафонтена во Французскую Академию. Лишь когда тот дал клятвенные заверения образумиться, король согласился, и поэт в 1684 г. стал «бессмертным». Уже в качестве академика он отстаивал свои взгляды в знаменитом «Послании епископу Суассонскому Юэ», где утверждал, что все народы в равной мере талантливы, а французская нация всего лишь одна из них.

В 1694 г. Лафонтен опубликовал последнюю, двенадцатую книгу «Басен».

Перед смертью на поэта нашло покаянное настроение, и он (под сильным давлением) официально отрекся от своих «безнравственных» произведений. Правда, при этом выручку от последнего издания «Сказок» передал на богоугодные дела, чем привел своего духовника в безмерный ужас и крайнее смятение.

Умер Лафонтен в Париже 14 апреля 1695 г.

Басни Лафонтена оказали громадное влияние на все европейские литературы.

В России все видные баснописцы пошли его путем, и в первую очередь – И.А. Крылов, переводивший его произведения на русский язык. Лафонтена также переводили И. Дмитриев, А. Измайлов, М. Гаспаров и другие.

ЖАН БАТИСТ МОЛЬЕР (1622–1673)

Жан Батист Мольер родился 13 января 1622 г. в Париже в семье искусных обойщиков-драпировщиков. Его отец Жан Поклен занимал высокую должность королевского камердинера.

После смерти своей жены Марии Поклен направил сына в иезуитский Клермонский коллеж, где воспитывались отпрыски многих дворянских семей. В коллеже Жан перевел на французский язык поэму Лукреция «О природе вещей». Тогда же он увлекся учением философа-эпикурейца Гассенди. После изучения юридических наук в Орлеанском университете сдал экзамен на звание лиценциата права и был принят в коллегию адвокатов.

С юности проникшись страстной любовью к театру, Жан взял несколько уроков сценического мастерства у итальянского мима Фиорилли по прозвищу Скарамуш.

Жан стал членом ремесленного цеха, знал толк в обойном ремесле и даже замещал пару месяцев отца в качестве королевского обойщика.

Познакомившись с молодой актрисой Мадлен Бежар, которая стала его пассией, Жан вместе с ней и ее братьями организовал «Блистательный театр». Год спустя предприятие рухнуло, труппа распалась, а Мольер (псевдоним Жана Поклена) за долги дважды побывал в тюрьме. Примкнув к труппе бродячих комедиантов,

Жан уехал в провинцию, где 12 лет лицедействовал в городах и замках Нормандии, Бретани, Пуату, Гаскони и Лангедока. Став признанным главой труппы, Мольер поставил пару собственных дивертисментов.

Годы странствий сделали его превосходным актером и режиссером, научив успешно вести дела с авторами, коллегами и властями.

Труппа стала самой популярной во французской провинции. Благодаря покровительству герцога Орлеанского, брата короля, ей разрешили выступить перед королевским двором. 24 октября 1658 г. артисты разыграли трагедию П. Корнеля «Никомед» и фарс Мольера «Влюбленный доктор». «Влюбленного доктора» король нашел забавным, труппе присвоили звание «Труппы Брата короля» и предоставили сцену театра «Малый Бурбон». Через три года труппа перекочевала в театр «Пале-Рояль» (ныне «Комеди Франсез»), с тех пор называемый «Домом Мольера».

Творческая лихорадка не оставляла Мольера ни на минуту. За 15 лет он создал множество шедевров, принятых одними на бис, а другими в штыки. Комедией «Смешные жеманницы» Мольер снискал первый успех у столичной публики, а у придворных дам очень сильное раздражение. Дело в том, что тогда при дворе была в моде претенциозность, дамы преподносили свои утонченность и изысканность настолько театрально и вычурно, что на их кривляния человеку не со «двора» было тошно смотреть. Светские «жеманницы» настояли на двухнедельном запрещении пьесы, после чего у комедии был полный аншлаг, означавший конец претенциозности при дворе. Многие виднейшие аристократы и особенно аристократки были посрамлены, и они не простили это Мольеру.

Вслед за тепло принятым «Сганарелем, или Мнимым рогоносцем» «Дон Гарсия Наваррский» с треском провалился. Еще пара пьес была встречены с восторгом, а «Школа жен» произвела фурор. На обвинения в плагиате, в слабости сюжета и дурном вкусе Мольер не оправдывался, а писал новые комедии. «Школа жён» оказалась школой мужества для самого Мольера. Однако он победил, т. к. благодаря скандалу его слава возросла, а связи с двором упрочились. Для придворных празднеств он сочинил комедию-балет «Несносные», в которой ублажил всех и где все натанцевались вволю. А за ней последовали другие аналогичные.

В 1662 г. Мольер обвенчался с юной актрисой своей труппы Армандой Бежар, младшей сестрой Мадлен Бежар. Тут же конкуренты распустили сплетню, что Арманда не сестра Мадлен, а ее дочь от Мольера, а Людовику направили соответствующую жалобу. Драматурга обвинили в кровосмешении. Король не

только оставил донос на своего любимца без внимания, но и крестил первенца Мольера и Арманды, заткнув тем самым сплетникам рот. Потом Арманда родила еще двоих детей, однако супружескую жизнь комедиографа лучше было бы назвать драматичной.

В следующем году появился «Тартюф, или Лицемер», жесточайшая пародия на религиозное ханжество. После предварительного показа королю разразился грандиозный скандал. Королева-мать Анна Австрийская и святоши через могущественное «Общество святых даров» добились запрета пьесы. Требовали даже отправить автора на костер. Мольер направил на имя короля «Прошение», в котором писал, что «оригиналы добились запрещения копии». Но Людовик, который из своей спальни первым делом шел в церковь, не снял запрета.

На следующую антиклерикальную пьесу «Дон Жуан, или Каменный пир» был также наложен запрет, действовавший до кончины драматурга. На премьере высокой комедии «Мизантроп», три с половиной столетия называемой самой загадочной из всех пьес Мольера, публика зевала. Ну а двор продолжал веселиться на его комедиях-балетах и пьесах-пасторалях. Тогда же с успехом прошли две комедии, где высмеивались эскулапы, – «Любовь-целительница» и «Лекарь поневоле».

Денежные затруднения вынудили писателя за сезон 1667/68 г. написать пять пьес, после чего ему разрешили ставить «Тартюфа». (К этому времени королева-мать скончалась.) Однако и смягченный вариант пьесы под новым названием «Обманщик» был запрещен. Только после примирения Людовика XIV с Церковью комедия выдержала в 1669 г. более 60 представлений. Одновременно с ней шли другие пьесы Мольера, среди которых были «Мещанин во дворянстве» (не лучшая, но самая популярная) и «Плутни Скапена», вызвавшая нарекания прекрасной половины за потакание автора плебейским вкусам. В ответ Мольер представил публике высокую комедию «Ученые женщины», где высмеял дам, чрезмерно увлеченных салонной «философией» в ущерб семейным обязанностям.

В 1672 г. ушли из жизни многие его друзья и близкие, охладели его отношения с королем, резко ухудшилось здоровье. Зимой 1672/1673 г. смертельно больной Мольер (предположительно туберкулезом) написал свою последнюю, самую веселую и жизнерадостную комедию-балет «Мнимый больной» с излюбленной темой врачей-шарлатанов и доверчивых больных. В спектакле Мольер изображал здорового человека, страдающего от боязни умереть. 17 февраля 1673 г. на ее четвертом представлении ему стало плохо. Его принесли домой,

послали за врачом и за священником, но те не пришли. Мольер скончался, не успев исповедаться и отречься от актерской профессии.

Приходской священник запретил хоронить актера по христианскому обряду. Вдова обратилась за разрешением к королю и получила его. Мольера похоронили ночью за оградой кладбища Святого Иосифа, где хоронили самоубийц и некрещеных детей. В последний путь драматурга проводили несколько тысяч его почитателей. Высший свет в это время веселился. Ирония судьбы – среди тех, кого Мольер высмеивал и чьи грехи он взял на себя одного, ему не было места ни при жизни, ни после смерти. В 1817 г. останки Мольера перенесли на кладбище Пер-Лашез.

Мольер оставил богатое наследие – более тридцати многожанровых произведений. Первое издание собрания его сочинений осуществили его друзья Лагранж и Вино в 1682 г. Пьесы Мольера выдержали на сцене одной только «Комеди Франсез» более 30 тысяч представлений. Французская Академия, презревшая ремесло актера при его жизни, в 1769 г. объявила конкурс на «Похвалу Мольеру» и установила у себя его бюст.

Творчество Мольера оказало огромное влияние на всю мировую драматургию (А. Лесаж, П. Бомарше, Р. Шеридан, К. Гольдони, Г. Лессинг и др.); в России его последователями были А.П. Сумароков, Я.Б. Княжнин, В.В. Капнист, И.А. Крылов, Д.И. Фонвизин, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, А.В. Сухово-Кобылин, А.Н. Островский.

На русский язык Мольера переводили Н. Любимов, М. Лозинский, В. Лихачев, В. Гиппиус, Г. Бояджиев.

МАЦУО БАСЁ (1644–1694)

«Банановое дерево» – так переводится имя Басё. Его настоящее имя Киндзаку Тюдзаэмон Мунэфуса, а еще одно – Дзинситиро. Он был третьим ребенком в семье безземельного самурая Мацуо Едзаэмона, родился в 1644 г. в замке Уэно провинции Ига на юго-востоке Японии. По совершеннолетию Киндзаку дали новое имя – Мацуо.

Родители Киндзаку были людьми небогатыми. Отец и старший брат преподавали каллиграфию при дворах самураев. Мальчик получил хорошее по тем временам образование, любил стихи китайских поэтов, особенно Ду Фу.

С десяти лет Киндзаку прислуживал наследнику знатного семейства Тодо князю Ёситада (псевдоним Сэнгин), начинающему поэту. В доме Тодо подросток написал первые свои стихи. В 1664 г. под именем Мацуо Мунэфуса он опубликовал два из них в одном из сборников «хокку». На следующий год Мацуо участвовал в поэтическом собрании в сочинении так называемых «нанизанных строф», напоминающих поэтический «шашлык», в котором каждый поэт, продолжая заданную тему, нанизывает свою строфу. В число участников собрания его ввел Сэнгин.

После внезапной смерти Сэнгина Мацуо поступил в

услужение к Кигину, литературному наставнику Сэнгина, и в течение пяти лет изучал японских и китайских классиков, каллиграфию, учение буддийской секты «Дзэн», конфуцианство. Молодой самурай вошел в литературное братство Эдо (ныне Токио), поместил в нескольких популярных сборниках свои стихи, не раз участвовал в поэтических турнирах. На первых порах его материально поддерживали друзья поэты Бокусэки и Сампу.

Летом 1676 г. Мацуо уехал на родину, но вскоре вернулся с Тоином, то ли сиротой племянником, то ли приемным сыном. Чтобы прокормить себя и Тоина, Мацуо пришлось устроиться на службу, где он четыре года отвечал за ремонт водопроводных труб, пока не стал учителем поэзии с нищенским жалованием.

Число его учеников, многие из которых потом прославились, росло год от года. Упрочилось его положение и в поэтическом мире Эдо, где он стал автором ряда публикаций и приобрел популярность в поэтических турнирах. Вокруг него стали группироваться другие поэты. После издания нескольких циклов «нанизанных строф» Мацуо официально возвели в ранг учителя жанра «хайкай». Собрание стихов было вскоре издано в Киото под названием «Три цикла нанизанных строф из Эдо», обеспечив тем самым признание поэта и в столице. Вскоре он был признан главой новой поэтической школы, опубликовавшей в 1680 г. «Двадцать одиночных циклов», а следом за ним еще несколько сборников.

Сампу, сын богатого поставщика рыбы ко двору сёгуна, уговорил отца подарить Мацуо маленькую хижину, расположенную на берегу реки Сумида в округе Фукагава. Поэт посадил возле нее саженцы банановой пальмы, от которой пошло и название жилища поэта – Банановая хижина, а впоследствии и его литературный псевдоним – Басё.

Наконец-то он мог насладиться покоем и тишиной, налюбоваться красотой окружающего мира! Стихи были естественным продолжением образа его жизни, пронизанной светом дзэн-буддизма и собственными поэтическими озарениями; правда, сама жизнь проходила в беспросветной нищете и постоянной заботе о куске хлеба. Хорошо еще, что его не оставляли своим вниманием друзья и ученики.

В 1682 г. во время пожара, уничтожившего полстолицы, Банановая хижина сгорела. Сам Басё едва не погиб в огне. Новая хижина, отстроенная его учениками, и новое банановое дерево, посаженное им самим, стали лишь памятниками его прошлой жизни. Через два года Басё решил стать странником и отправился в свой первый путь.

В одеянии буддийского паломника, преодолевая горные

кручи и пограничные заставы, он побывал в легендарном храмовом комплексе Исэ дайдзингу, в Уэно (где от брата узнал о смерти родителей), еще в пяти провинциях страны, после чего вернулся в свою обитель. О чувствах, которые выкристаллизовались у него в слова, можно судить по хайку «Прядка волос покойной матери»:

Растает в руках моих, —
Так горячи мои слезы, —
Белый иней волос.

Нищий паломник был знаменит – в любом месте Японии поэты и аристократы почитали за честь пригласить его к себе в гости, а числу поклонников и почитателей, крестьян и самураев, не было счета.

Рассказ о своём путешествии по Японии Басё озаглавил «Смерть в пути». В сборнике стихов «Весенние дни» появилось стихотворение поэта «Старый пруд», ставшее вехой в истории японской поэзии, к трем строчкам которого составлены десятки томов комментариев.

Странствия многому научили Басё. В холод он согревался в горячих источниках, застигнутый ночью под открытым небом, спал под деревом либо в шалаше из веток, страдая от хронической желудочной болезни, лечил себя «естественным» голодом. Он не различал важное и ничтожное, большое и малое, простое и сложное. Он не думал о вчерашнем дне и дне завтрашнем. Для него любая вещь, любой предмет, любое создание – от муравья до вселенной – было великим и единственным, а в сегодняшнем дне он каждому мгновению своим талантом дарил вечность.

В конце 1691 г. после трехлетнего перерыва Басё вернулся в Эдо. В Банановой хижине давно уже жили другие люди, и поэт перебрался в новую, где писал в основном прозу и наблюдал за работой учеников над составлением их сборников.

Через два года скончался Тоин, Басё долго не мог оправиться от этого удара. Проведя месяц в затворничестве, он отразил свое душевное состояние в эссе «О закрывании ворот». Прислуживал поэту в это время Дзиробэй, которого считали его сыном от гетеры Дзютэй.

В 1694 г. Басё закончил работу над путевыми записками «По тропинкам Севера». Это единственный путевой дневник, который был подготовлен к изданию самим поэтом. Он сам дал ему название, сам вручил переписчику.

В последнем своем путешествии Басё занемог, а в Осака

окончательно слег. 10 лет скитаний сказали свое слово. Окруженный заботливо ухаживающими за ним учениками, поэт скончался 12 октября 1694 г. Останки Басё были захоронены у храма Гитюдзи в Оми. На родине поэта, в храме Айдзэнъин при монастыре Бодайдзи была погребена прядь волос Басё и поставлен надгробный камень.

Басё оставил около тысячи «хайку», сохранилось около ста шестидесяти циклов «нанизанных строф», в которых он принимал участие, более ста прозаических произведений, среди которых особое место занимают пять путевых дневников и более двухсот писем.

В 1709 г. были опубликованы его «Записки из дорожного сундучка», а также трехтомник: «Проза старца Басё», «Строфы старца Басё» и «По тропинкам Севера». («Старцу» не было и пятидесяти.) «Семитомное собрание хайкай», наиболее полно представляющее поэзию «хайкай» школы Басё, появилось в 1732–1733 гг. и имело большой успех в японских литературных кругах.

Поэзия и эстетика Басё оказали влияние на развитие японской литературы Средних веков и Нового времени. Необыкновенная популярность «хайку» за пределами Японии обязана прежде всего основателю своего жанра. В самой же Японии Басё легендарная и обожествленная личность.

На русский язык отдельные произведения Басё переводили Т. Бреславец, В. Соколов, А. Долин, И. Фельдман, Н. Конрад, Г. Монзелер. Наиболее полный перевод осуществлен Верой Марковой.

XVIII ВЕК

ДАНИЭЛЬ ДЕФО (1660–1731)

Судеб таких изменчивых никто не испытал,
Тринадцать раз я был богат и снова беден стал.

Это признание сделано писателем не ради красного словца. Кредо Дефо, как истинного дитяти своего времени, было – «Всё на продажу». И он торговал всем, чем можно: от сальных свечей до своего таланта. Он, как муха на мед, летел на все коммерческие и политические предприятия, и как муха попадал на липучку.

Даниэль Дефо родился в Криплгейте, неподалеку от Лондона, 26 апреля 1660 г. в семье то ли мясника, то ли торговца сальными свечами Джеймса Фо и его жены Алисы. Семья была пуританской и исповедовала взгляды так называемых диссидентов, противников господствовавшей англиканской церкви. Мальчик рано постиг грамоту и пристрастился к чтению исторических и приключенческих книг.

С 12 лет Даниэль учился в школе, а затем в пуританской духовной академии в пригороде Лондона, готовившей пасторов. Изучив греческий и латинский языки и классическую литературу, молодой человек понял, что карьера священнослужителя не для него, и, возмечтав стать виноторговцем, стал приказчиком у чулочного торговца. Бывая по делам фирмы во Франции, Италии, Испании и Португалии, попутно изучал особенности национального виноделия и языки. «Увлечения» чулками хватило на три года, и Фо занялся журналистикой. Ему нравилось будоражить своими статьями общественное мнение. Попутно он сочинял религиозные стихи, но вскоре решил заняться «серьезной» коммерцией. Какое-то время мотался по Европе, торговал вином и табаком в Испании, побывал в плену у алжирских пиратов, откуда его выкупили. Когда в 1684 г. представилась возможность заключить выгодный брак с дочерью зажиточного бондаря, он женился на Мэри Таффли, которая принесла ему приданое в 3700 фунтов стерлингов, а в придачу (со временем) восьмерых детей. Торговля и супруга оставили ему еще достаточно молодецкого пыла на участие в восстании герцога Монмаута против своего дяди Якова II Стюарта. После подавления восстания Дефо скрывался от преследования в разных городах, занимаясь себе в убыток торговлей либо издавая газеты.

Когда в 1688 г. на английский престол посягнул правитель

Голландии Вильгельм Оранский, зять Якова II, Даниэль с энтузиазмом примкнул к походу протестантских сил на Лондон. Выступив защитником Вильгельма III в ряде памфлетов, Фо заслужил благосклонность венценосца, аудиенцию и денежный подарок, а через несколько лет и приставки к своей фамилии «де». Де Фо – значилось на афише имя устроителя первой «Королевской лотереи».

Но если памфлеты сделали Фо знаменитым, то коммерция разорила вконец. Занявшись страхованием морских поставок, он в 1692 г. прогорел из-за войны с Францией: корабли, везшие товар, были захвачены противником. 17 тысяч фунтов стерлингов долга поглотили все капиталы семьи.

Литературную деятельность Дефо начал с анонимных политических памфлетов и газетных статей. 13 лет писал на разные темы, поддерживая монархию Вильгельма III и английское купечество. Так, он предлагал усовершенствовать пути сообщения, открыть банки, сберегательные кассы для бедных и страховые общества. Особую славу принес ему опубликованный в 1701 г. стихотворный памфлет «Чистокровный англичанин». Восемьдесят тысяч экземпляров мгновенно разошлись на улицах Лондона. Английские аристократы были возмущены, а Вильгельм III в благодарность приблизил автора к себе. Памфлетист сумел воспользоваться этой близостью и выговорил (не без корысти) многим представителям английской буржуазии торговые привилегии, закрепленные парламентскими актами.

Вскоре Вильгельм III умер, и на английский престол взошла

королева Анна, младшая дочь Якова II.

Дефо написал сатирическую брошюру «Кратчайший способ расправы с сектантами», в которой советовал парламенту не цацкаться с диссидентами, а вешать их всех без разбору или ссылать на галеры. Члены парламента были в восторге от подобного предложения, пока не раскусили, что автор выступил не против сектантов, а зло высмеял их самих и Церковь. Парламент признал Дефо мятежником, приговорил его к денежному штрафу, троекратному выставлению в колодках у позорного столба и к семилетнему тюремному заключению. Горожане трижды усыпали ему путь к позорному столбу цветами, увили столб гирляндами и устраивали часовые овации и распевание «Гимна позорному столбу», написанного Дефо в тюрьме. В застенках памфлетист не скучал, более того, стал издавать журнал «Обозрение», который просуществовал 10 лет. А вот процветавшее до того дело по производству кирпича и черепицы пришло в полное расстройство.

Досрочному освобождению из тюрьмы и «прощению» наложенного на него штрафа Дефо был обязан спикеру палаты общин (позднее премьер-министру) Роберту Гарлею. Спикер в обмен предложил Дефо стать тайным агентом для сбора сведений на территории Англии и Шотландии, заодно «простив» ему наложенный штраф. Дефо согласился, и его устроили на государственную службу. Свой талант Дефо проявил в организации первой в мировой истории системы политического сыска. В условиях постоянного чередования у власти двух одинаково беспринципных партий, тори и виги, политическое хамелеонство Дефо было вполне уместно, да и боролся он не с конкретной партией, а с априори корыстолюбивой сущностью парламентской системы.

По поручению Гарлея Дефо отправился в Шотландию с дипломатической миссией – подготовить почву для соединения Шотландии с Англией. Дефо блестяще выполнил эту задачу.

«Обозрение» тем временем продолжало выходить с трехнедельным интервалом. В 1713 г. за очередную ядовитую статью парламент наложил на Дефо огромный штраф и заключил в долговую тюрьму. Опять помог Гарлей. Часть долгов писателя взяла на себя королевская казна. Выйдя на свободу, Дефо за новую публикацию тут же снова попал в тюрьму. Его приговорили к уплате штрафа в 800 фунтов стерлингов и отпустили. Эта череда наказаний охладила публицистический задор Дефо – и он навсегда оставил занятия политикой и занялся исключительно журналистикой.

В 1719 г., на пятьдесят восьмом году жизни Дефо обратился к

прозе. По контракту с издателем Тейлором писатель за три месяца написал роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Успех был огромный. Через четыре месяца Дефо опубликовал вторую книгу о приключениях его героя, а еще через восемь третью.

На гребне успеха Дефо написал еще целый ряд романов, художественных биографий, мемуаров и автобиографий. «Удачи и несчастья Молль Флендерс» стал первым в мировой литературе социальным романом, «Полковник Джек» – первым психологическим, «Дневник чумного года» – первым историческим. Из-под его пера вышли «Всеобщая история пиратства», «Морской торговый атлас», путеводители «Путешествие по всему острову Великобритания», «Полное руководство для английского торговца» – всего вместе с публицистикой он создал от 250 до 350 произведений.

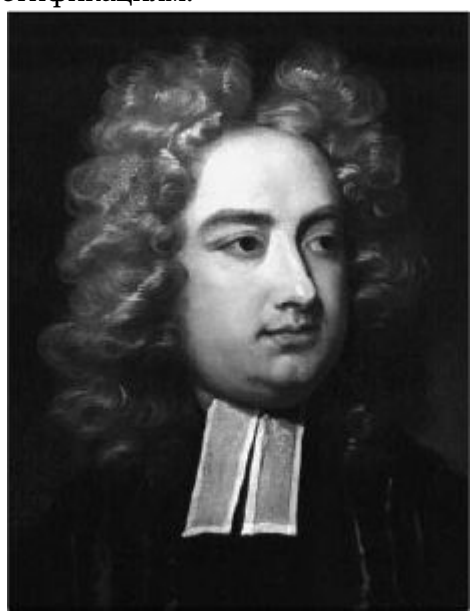
26 апреля 1731 г. Дефо умер в Лондоне. На надгробной плите, установленной на его могиле в XVIII в., надпись: «Даниэль Дефо, автор "Робинзона Крузо"».

«Робинзон Крузо» завоевал мир раз и навсегда. Ему подражали Т. Смолетт, Ф. Марриет, Г. Филдинг. Д. Свифт создал своего «Гулливера», как литературного соперника «Робинзона Крузо». Ж.-Ж. Руссо рекомендовал этот роман как единственное произведение, на котором должно воспитываться юношество. Образ Робинзона оказал сильнейшее влияние на Ж. Верна.

В России «Робинзон Крузо» стал известен через сто с лишним лет после своего появления в Англии. На русский язык первым роман перевел Л.Н. Толстой. Переводили Дефо также П. Кончаловский, М. Шишмарева, З. Журавская, Л. Мурахина.

ДЖОНАТАН СВИФТ (1667–1745)

Как-то Свифта подселили в гостинице (за неимением свободных мест) к фермеру. Фермер стал заливать о своих успехах, а Свифт посетовал, что ему хвастать особо нечем, так как за время суда удалось вздернуть только шестерых. Оторопевший фермер поинтересовался, кто он такой. «Да палач, – ответил Свифт. – Вот еду в Тайберн вздернуть с десяток джентльменов с большой дороги». Фермер тут же унес ноги из гостиницы. История вполне в духе писателя, склонного к одиночеству и всякого рода мистификациям.



Джонатан Свифт родился в 1667 г. в Дублине, столице Ирландии, в небогатой семье англичан. Его отец умер до рождения сына, а мать оставила ребенка на попечение дяди-адвоката и уехала в Англию. «В людях» мальчик нахлебался попреков и унижений, но получил прекрасное образование – в школе, а затем в дублинском Тринити-колледже, где был удостоен степени бакалавра искусств. Его строптивый характер не раз был причиной ссор с преподавателями.

В 1688 г. Свифт уехал в Англию и стал литературным секретарем у давнего знакомого семьи отставного дипломата Уильяма Темпла, помогая ему в написании мемуаров. Попутно он сочинял стихи и обучал Эстер Джонсон, падчерицу патрона. К Темплу часто наведывались его именитые друзья из Лондона. Все

было бы прекрасно, когда б Джонатан не тяготился ролью слуги. Гордец покинул Темпла и его богатую библиотеку.

В Оксфорде Свифт защитил магистерскую диссертацию и стал священником в ирландском поселке, но уже через несколько месяцев вернулся к Темплу и оставался с ним вплоть до кончины патрона в 1699 г.

В Англии в это время резко обострилась борьба между тори и вигами, сторонниками и противниками короля, партиями мира и войны. Их распри Свифт сравнивал с кошачьими концертами на крышах, хотя поддержал вигов и анонимно выпустил против тори несколько памфлетов, имевших невероятный успех. Тогда же Свифт стал доктором богословия.

В эти годы окончательно сложилось его мировоззрение мизантропа, не признающего ни нравственного, ни научного прогресса человечества. Особо «нежен» писатель был к ученым и астрологам. В Лондоне большим спросом пользовался календарь астролога Партриджа. Свифт под именем Исаака Бикерстафа выпустил «Предсказания на 1708 год», в которых указал и день смерти самого Партриджа. Когда назначенный день прошел, Свифт выпустил «Отчет о смерти мистера Партриджа». Астролог сбился с ног, скупая отчет о своей кончине. А дома ему пришлось отбиваться от гробовщиков и пономарей, книгопродавцы же вычеркнули его имя из своих списков. Бедняга потратил много сил, убеждая всех, что он жив. Зато за тысячу миль от Лондона, в Лиссабоне предсказания Бикерстафа сбылись, и инквизиция сожгла брошюру, обвинив автора в связи с нечистой силой.

В 1704 г. Свифт анонимно опубликовал антирелигиозную «Сказку бочки», в которой предлагал светлым умам Бедлама (Дома для умалишенных) занять ответственные государственные, церковные и военные посты. «Сказка» стала книгой года и выдержала три издания, после чего автор открыл свое имя и тут же был признан всеми светлыми умами столицы «своим». Но очень скоро Свифт уехал в Ирландию и принял там приход в деревне Ларакор.

В годы войны за Испанское наследство (1701–1714) главнокомандующий английской армии герцог Мальборо и другие высокопоставленные виги нажили на военных поставках огромные состояния. Узнав об этом, Свифт разорвал отношения с высокопоставленными жуликами и обрушил на них все свое негодование.

В 1710 г. к власти пришли тори во главе с Генри Сент-Джоном (Болингброком), и Свифт стал главным советником их правительства. Писателю предоставили еженедельник, где в течение нескольких лет он публиковал свои памфлеты. Вскоре, в

немалой степени благодаря Свифту, с Францией был заключен мирный договор.

В 1713 г. писателя назначили деканом собора Св. Патрика в Дублине, хотя Свифт рассчитывал на епископство либо на место настоятеля большого прихода в Англии.

После кончины королевы Анны и возвращения вигов к власти Свифт окончательно «съехал» в Ирландию и шесть лет провел в уединении, ведя переписку и встречаясь лишь с двумя женщинами, носившими одно имя – Эстер. Джонатана связывали чувства, давно вышедшие за границы привязанности воспитателя к воспитаннице, не только с Эстер Джонсон, но и новые – с Эстер Ваномри. Почти ежедневно он писал письма обеим Эстер, обращаясь к Джонсон как к Стелле, а к Ваномри как к Ванессе.

Когда Лондон законодательно утвердил привилегии английским товарам, Свифт яростно включился в борьбу за автономию Ирландии. В 1724 г. он анонимно издал большим тиражом семь «Писем суконщика», призывающих к бойкоту английских товаров и неполновесной разменной монеты, отчеканенной специально для Ирландии, а также к всеобщему восстанию против английского владычества.

Резонанс от «Писем» был настолько силен, что Лондон посулил большое вознаграждение за выдачу автора. Никто не выдал Свифта. Когда премьер-министр предложил арестовать «подстрекателя», наместник затребовал для этого десять тысяч солдат.

Англия пошла на экономические уступки, а Свифт стал национальным символом свободы. Улицы Дублина украсили его портреты, встречные приветствовали его как родного. Авторитет писателя был непререкаем. Как-то на площади перед собором собралась шумная толпа наблюдать солнечное затмение. Свифт в раздражении бросил, что отменяет затмение. Толпа затихла и почтительно разошлась.

Вскоре всех граждан поверг в шок памфлет «Скромное предложение», в котором Свифт для устранения нищеты и голода в Ирландии предложил бедным ирландцам продавать своих детей в пищу аристократам.

В 1726–1727 гг. вышли «Путешествия Гулливера» (некоторые критики называют его романом о государстве), разделившие все человечество, состоящее из одних только йэху, на лилипутов и великанов. Современники восприняли события романа как имевшие место на самом деле, разве только в слегка иных пропорциях лилипутов и великанов.

После ранней смерти Ванессы и Стеллы Свифт опубликовал автобиографическую поэму, в которой пролил свет на свои

сердечные привязанности: «Он увлекался в передышке, любовь ценил, но понаслышке».

Популярность писателя продолжала расти: Свифту присвоили звание почётного гражданина Дублина, вышли два собрания его сочинений.

Язвительность и мрачность в Свифте сочетались с его добрым отношением к друзьям и многим случайным людям. Всю жизнь его раздирали противоречия, порожденные характером писателя и обстоятельствами. Его могучий ум не мог вырваться из паутины, сплетенной социумом. Он постоянно искал равновесия в политических пристрастиях, социальных, сердечных, и нигде не находил его. Вполне вероятно, что именно это и привело его, в конце концов, к тяжелейшему психическому заболеванию.

Как-то уже в зрелые года, во время прогулки, Свифт, указывая спутнику на вершину засыхающего вяза, произнес: «Так же вот и я начну умирать – с головы». Так оно и вышло. Ад его жизни завершился помешательством и инсультом, после которого писателя признали недееспособным. В последние годы жизни Свифт, находясь в состоянии безвыходного отчаяния, выпустил несколько жестоких, полных цинизма сатир.

19 октября 1745 г. Свифта не стало. Его похоронили в центральном нефе дублинского собора Кристчарч (Собор Христа), где он был настоятелем с 1713 по 1745 г., рядом с могилой Эстер Джонсон. Сам себе он сочинил эпитафию: «Здесь покоится тело Джонатана Свифта, декана этого собора, и суровое негодование уже не раздирает его сердце. Ступай, путник, и подражай, если можешь, тому, кто мужественно боролся за дело свободы».

Свое состояние Свифт завещал дому умалишенных, который сегодня является старейшей в Ирландии психиатрической клиникой.

Письма Свифта к Эстер Джонсон составили «Дневник для Стеллы», изданный посмертно.

«Путешествия Гулливера» оказали влияние на многих писателей в мире, от Вольтера до М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В России первый перевод «Путешествий Гулливера» с французского языка был осуществлен Ерофеем Коржавиным. Переводили Свифта также П. Кончаловский, В. Яковенко, М. Никольский, А. Франковский.

СЭМЮЭЛ РИЧАРДСОН (1689–1761)

Сегодня телесериалы прочно заняли свою нишу благодаря тому, что они «убивают» время, которое некуда деть, и «очищают» не испорченные высокими порывами души. В XVIII в. эту роль выполняли романы Ричардсона. Правда, они были не только «очищающим» средством, но и возвышающим, что случается в художественной литературе крайне редко. Первый же роман писателя «Памела, или Вознагражденная добродетель» читатели восприняли как исповедь. Историю о том, как хозяин-повеса, отчаявшись соблазнить свою высоконравственную служанку, женился на ней, – любили читать коллективно, умиляясь и проливая слезы над участью героини. Сельчане собирались на пороге кузницы и, затаив дыхание, слушали чтеца, а как дело доходило до свадьбы Памелы, в восторге бежали звонить в церковные колокола.

Фактов биографии романиста не так уж много, но они все таковы, что о нем хочется говорить только хорошее, как оно, впрочем, и должно.

Родился Сэмюэл Ричардсон в 1689 г. в графстве Дербишир. Дома мальчик изучал Библию и религиозные сочинения, а в сельской школе – стандартный набор грамоты. Отец-столяр, ревностный протестант, видел сына священником, но на церковную карьеру не было денег. «Поступай, как хочешь», – сказал отец, и сын отправился в Лондон. Там он стал учеником типографа, приятеля отца. После утомительной работы он ночи напролет просиживал за книгами при свете свечи, на покупку которой тратил последние гроши. В мастерской Сэмюэл работал подмастерьем, корректором, наборщиком, а, став владельцем типографии (одной из трех самых крупных типографий в Лондоне) и главой гильдии типографов, совмещал профессии редактора, издателя, типографщика, книгопродавца и писателя. Он вел обширные типографские дела и очень гордился тем, что своими силами достиг уважаемого положения в обществе.

Ричардсон был дважды женат. При выборе обеих супруг он более следовал голосу разума, нежели страсти, но тем не менее имел двенадцать детей, которых нежно любил. Брак на дочери типографа принес ему типографию. Писатель отличался примерным поведением в быту.

Романистом Ричардсон стал на склоне лет, совершенно случайно. В 1739 г. к нему обратились его друзья с просьбой составить письмовник, содержащий образцы писем на все случаи жизни. Переписка в те времена была основным средством общения, но далеко не все граждане были искушены в написании эпистол. Ричардсон стал собирать материалы, и среди множества историй ему приглянулась та, которую он изложил в «Памеле». Работа над романом в форме писем так увлекла писателя, что он вначале выпустил его, а только через три месяца письмовник. На романе имени автора не стояло, т. к. Ричардсон, как истый пуританин, полагал, что художественный вымысел – синоним страшнейшего греха – лжи. Он фигурировал как издатель случайно попавшей к нему переписки.

В процессе написания «Памелы» Ричардсон был преисполнен желанием «отвлечь молодежь от увлечения сказочным и чудесным в поэзии и возбудить интерес к тому, что способствует развитию нравственности и религии». Поскольку в жизни ему пришлось наблюдать множество любовных интриг, он при создании романа именно этот опыт постороннего наблюдателя пропустил через призму своих нравоучений.

Огромный успех «Памелы» не изменил образа жизни писателя. Он по-прежнему исполнял все свои обязанности по типографии, а вдобавок отвечал на сотни писем восторженных почитательниц, в большинстве своем верящих в реальность событий романа и вопрошавших о настоящем имени героини. Но что мог ответить им Ричардсон, считавший «Памелу» вовсе не художественным произведением?

Анонимный письмовник разлетелся вмиг, и Ричардсон несколько раз переиздавал его, дополняя новыми текстами.

Наводнившие книжный рынок сатирические памфлеты и пародии на «Памелу», а также абсурдные обвинения писателя в безнравственности принудили его продолжить невиданный до этого роман о «простых» людях и непростых их чувствах. В конце 1741 г. Ричардсон добавил к двум томам первоначального текста еще два.

Следующий огромный семитомный роман Ричардсона, вышедший в свет в 1747–1748 гг., также написанный в виде переписки главных героев, «Кларисса, или История молодой леди.» считается шедевром писателя. В нем прежде всего интересна не фабула, а чувства и нравоучения. «Интересуясь одной лишь фабулой, можно повеситься от нетерпения», – пошутил один критик. Впрочем, читателям в старые добрые времена некуда было спешить, и процесс чтения для них был нетороплив, как сама их жизнь.

Одна и та же история, рассказанная устами четырех человек: Клариссы, ее подруги, а также влюбленного в нее аристократа Ловеласа и его приятеля – настолько потрясла воображение читающей Европы, что имя Ловеласа стало нарицательным, означающим гнусного совратителя благонравных девиц. Но именно он покорил читательское сердце, вопреки намерению самого писателя и всякому здравому смыслу, имеющему хоть какое-то нравственное начало. Жертву Ловеласа Клариссу упрекали в чопорности и высокомерии, а масса читательниц, несогласных с ее смертью, просили, требовали, умоляли автора изменить конец романа. Под окнами его дома устраивали демонстрации. Но писатель был безжалостен к своей героине, вероятно, потому, что искренне жалел ее прототипов. Ричардсона упрекали еще и в том, что он возвел поклеп на весь мужской род. В ответ он через шесть лет выпустил «Историю сэра Чарльза Грандисона», главный герой которой стал идеальным мужским героем европейской литературы. Однако «положительный» Грандисон проигрывал «отрицательному» Ловеласу по всем статьям, хотя бы потому, что общество уже наполовину состояло не из Грандисонов, а из Ловеласов.

Ричардсона уговаривали написать и четвертый роман о «хорошей вдове», однако его здоровье ухудшилось, типографские дела требовали внимания, да и свою писательскую миссию он считал выполненной. Напоследок писатель подготовил четыре выпуска «Путешествий по Великобритании» Д. Дефо, собрал том «Размышлений Клариссы», а также сборник избранных мыслей из трех своих романов.

«Грандисона» Ричардсон написал в усадьбе Парсонс Грин, где он провел последние десять лет своей жизни. На вилле постоянно гостили благовоспитанные дамы, развлекавшие его дочерей. Дамы боготворили Ричардсона и называли его «папой». Писатель вел обширную переписку с женщинами разного общественного положения. Ричардсон уже редко выезжал в свет и принимал у себя лишь самых близких друзей, в том числе и Г. Филдинга.

Конец жизни Ричардсон провел в материальном достатке, окруженный почетом и известностью. Умер он 4 июля 1761 г.

Романы Ричардсона мгновенно завоевали не только английскую, но и всю европейскую читающую публику. Ричардсон стал первым культовым романистом XVIII в. В Англию приезжали с континента, чтобы посмотреть на чернильницу, из которой родилась «Кларисса». Восторженные критики, среди которых был и Д. Дидро, пророчили Ричардсону бессмертную славу наравне с Гомером. Л. Стерн, Ж.-Ж. Руссо, Прево, Вольтер, Ш. де Лекло, К. Гольдони, И. Гёте шли по его стопам. А. Мюссе называл «Клариссу» лучшим романом на свете.

В России «Памела» и «Грандисон» стали известны читателям в русском переводе еще в XVIII в. «Клариссу» (не переведенную и поныне) читали либо на английском, либо французский перевод. Карамзин испытал на себе живейшее влияние Ричардсона, не говоря уж об А.С. Пушкине, в одном только «Евгении Онегине» упомянувшем его несколько раз.

ЦАО СЮЭЦИНЬ (1715–1764)

С 1980 г. в Пекине функционирует академический институт «Сна в красном тереме» – величайшего китайского романа. Ничего подобного в мире нет. Скажем, в России подобным ему мог стать институт «Идиота» или «Тихого Дона». Институт, занимающийся целой отраслью науки, труднопроизносимой по-русски – «хунлоумэноведением», координирует несколько научных центров во всем мире. Каждый год в Китае образуются новые общества любителей и исследователей романа.

У писателя было два имени: Чжан, данное ему при рождении, и Мэн-юань – при достижении совершеннолетия, а также несколько псевдонимов: Сюэцинь, Циньпу, Циньси.

Цао Чжан, он же Цао Сюэцинь родился в 1715 г. в богатой влиятельной семье, предположительно в Нанкине. За сто лет до его рождения возникло маньчжурское государство, получившее позднее название Цин, которое маньчжуры, захватив Китай, распространили на всю его территорию.

Древний род Цао насчитывал много славных имен государственных служащих. Предки писателя были на высоких постах и при новой империи маньчжуров. Его дед Цао Инь прославился не только как администратор, но и как выдающийся культурный деятель, поэт и ученый, создатель одной из наиболее обширных частных библиотек в стране и организатор книгопечатания. Император Сюанье (правил Китаем в 1661–1722 гг.) четыре раза останавливался в его доме. Цао Инь на окраине Нанкина разбил великолепный парк, шедевр китайского садового искусства под названием «Сад Роскошных Зрелищ», в котором Цао Чжан провел свои детские годы и который потом детально описал в романе.

После смерти деда дело воспринял его приемный сын Цао Фу, отец Цао Чжана. И дед, и отец занимали высокий наследственный доходный пост инспектора императорских текстильных мастерских, принадлежавших Дворцовому управлению.

После смерти Сюанье несметные богатства рода Цао не давали покоя многим сановникам, любящим поживиться за чужой счет. По наветам на Цао Фу новый император Инь-чжэнь (правил в 1722–1735 гг.) снял отца с должности, а вскоре и конфисковал все его имущество. Семейство Цао само сделало все возможное, чтобы ускорить свое падение. Начиная с Цао Иня все жили явно

не по средствам, наделав за несколько десятков лет огромные долги. Семья, всегда славившаяся роскошью и хлебосольством, впала в крайнюю бедность.

Данных о жизни Цао Сюэциня сохранилось немного – при жизни им никто не интересовался, да и после смерти, поскольку писатель не входил в круг ученой и чиновничьей элиты, он не удостоился даже краткого жизнеописания в официальных списках.

Тем не менее известно, что Цао Сюэцинь успел получить прекрасное образование, учился в школе для служивых из элитных Восьмизнаменных войск, выдержал экзамен на первую ученую степень и был мелким служащим в училище для членов императорской фамилии, откуда ушел и стал свободным художником. Учительствовал, держал винную лавку, продавал на книжном базаре свои стихи и рисунки, раскрашивал воздушных змеев. Заработка едва хватало на рисовую кашу и гаоляновую водку.

В середине 1750-х гг. Цао Сюэцинь переселился в горную деревушку недалеко от Пекина, где начал работать над книгой «История камня». Небольшой одноэтажный домик недалеко от монастыря Лежащего Будды и монастыря Бирюзовых Облаков сохранился, в нем сейчас музей писателя. В одной из комнат под поздним слоем побелки обнаружены стихотворные записи, одна из которых является единственным автографом Сюэциня.

Известно также, что в жизни Цао Сюэциня было три женщины, одна из них рано умерла, две другие были его женами – имен этих женщин время не сохранило. Эпидемия оспы унесла сына писателя, а затем и его самого. Он умер в ночь под Новый год, 1 февраля 1764 г. Его смерть прошла почти незамеченной. Сохранилось несколько оплакивающих писателя стихотворений, написанных его друзьями. Один из них оставил на полях рукописей романа множество своих заметок, которые пролили свет на многие обстоятельствах жизни Цао Сюэциня и его семьи. Некоторые исследователи полагают, что это – женщина, может быть, даже вдова Цао Сюэциня.

Кто-то нашел рукопись романа в груде мусора и хлама спустя два года после смерти Сюэциня. И почти сразу «История камня» стала расходиться по Пекину в списках, которые продавались за бешеные деньги – каждый стоил десятки лянов серебра.

Четверть века роман ходил в списках. Цао Сюэцинь успел написать 80 глав из 120 главного, публикуемого в наши дни произведения. Тридцать глав были написаны им вчерне либо только намечены, а еще сохранились наброски конечных десяти глав. Гао Э, будущий член Академии Ханьлинь, собрал все

материалы писателя и, стараясь бережно сохранить замысел автора, дописал роман до конца. Правда, о конечных главах исследователи спорят, насколько удалось ему сохранить первоначальный замысел Цао Сюэциня.

Гао Э скрыл авторство новых глав, рассказав, что в лавке старьевщика обнаружили еще один экземпляр романа из 120 глав. Это стало известно уже позднее. В 1791 г. «История камня» была отпечатана в типографии с деревянных досок. Роман неоднократно запрещался правительством как «первый в ряду развратных книг».

Основой сюжета романа послужила история семьи Цао Сюэциня, многие члены которой стали прототипами персонажей романа. Роман был написан на разговорном языке, из-за чего какое-то время не воспринимался как образчик высокой литературы.

У романа было пять заглавий: «Драгоценное зеркало любви», «Записки чувствительного монаха», «Двенадцать нанкинских шпилек», «История камня» и «Сон в красном тереме». Гао Э остановился на последнем наименовании, и оно прочно закрепилось за романом. Это название отвечает буддийскому представлению о жизни как о сне, иллюзии. В романе исчерпывающе воплощена идея о предопределении и печальном конце всех, кто не следует учению Будды. Крах знатного рода в романе – это возмездие за грехи.

В странах китайского культурного ареала роман в течение XIX в. переводить не приходилось: китайский язык был знаком любому образованному человеку, и в Японии или Корее роман читали в подлиннике. Перевод потребовался только в XX в., когда классическое образование заменилось европеизированным, и китайский язык перестал быть обязательным. В середине прошлого столетия книга была издана в сокращении на пяти европейских языках, а в 1958 г. вышел в свет полный перевод на русском языке.

Одна из копий романа Цао Сюэциня была приобретена в 1832 г. членом русской православной духовной миссии в Пекине П.П. Курляндцевым. Русский переводчик В.А. Панасюк сумел передать по-русски не только все перипетии сюжета, но и бесчисленные бытовые детали, в изобилии встречающиеся на страницах романа, что, по мнению специалистов, сделать было крайне сложно. Стихи перевел Л.Н. Меньшиков.

ПЬЕР-ОГЮСТЕН КАРОН ДЕ БОМАРШЕ (1732–1799)

Любой писатель априори – авантюрист. Ну а король авантюристов среди писателей – бесспорно Бомарше. «Если его повесят, то веревка наверняка оборвется», – ласково шутили современники. Правы те, кто говорил о нем, что главное произведение писателя – его жизнь.

Пьер-Огюстен Карон де Бомарше родился в Париже 24 января 1732 г., в многодетной семье преуспевающего часовщика Андре Шарля Карона. Получив начальное школьное образование, мальчик попутно прекрасно освоил игру на арфе, флейте и виоле. С 13 лет он стал учиться на часовщика в отцовской мастерской, поскольку именно ему предстояло продолжить семейное дело.

В 20 лет Пьер-Огюстен – лучший часовых дел мастер Парижа. Он придумал механизм, названный позднее «спуском Бомарше», который свел неточность в работе часов к нулю – его и ныне устанавливают во всех наручных часах. Когда один парижский часовщик присвоил себе это изобретение, Пьер-Огюстен возбудил против него процесс в Академии наук и выиграл дело. Благодаря этому он приобрел известность, и сам Людовик XV заказал у него часы.

В 24 года Карон выгодно женился на богатой вдове, предварительно выкупив у ее смертельно больного мужа пожизненную ренту. Через десять месяцев жена внезапно умерла.

Началось долгое судебное разбирательство между Кароном и его тещей за наследство, поползли слухи, что смерть жены и ее первого мужа-старика наступила от яда. Ничего, однако, не было доказано, все состояние покойной перешло к ее родственникам, а Карону остался «утешительный приз» – имя де Бомарше (по названию одного из личных имений жены). Позднее он приобрел и дворянское звание.

Оставив профессию часовщика, Бомарше занялся усовершенствованием арфы, и таки сделал изобретение и там! Изобретателя представили дочерям Людовика XV, и он не упустил случая блеснуть перед ними своим остроумием, а также незаурядными музыкальными способностями. Очаровав принцесс и королеву, молодой человек стал давать им уроки игры на арфе. Музыканту поручили устройство домашних концертов в Версале, благодаря чему он завязал много выгодных знакомств и быстро сколотил состояние.

На удачливого ловкача обратил внимание банкир Пари-Дюверне. Банкиру Бомарше помог получить поддержку короля, а сам стал участником многих финансовых спекуляций Дюверне, благодаря чему купил должности королевского секретаря и смотрителя королевских охотничьих угодий, приобрел богатый дом и выезд.

Отправившись по заданию Дюверне в Испанию, Бомарше быстро освоился в Мадриде и первым делом уладил семейное дело, связанное с отказом испанского литератора Хосе Клавихо жениться на его сестре. Пьер-Огюстин вынудил «отказника» написать заявление, в котором тот признал себя виновным в нарушении данного им слова, а сестре нашел другого жениха. Сам он пережил еще массу приключений, участвуя в разных финансовых спекуляциях, придворных развлечениях и музыкальных упражнениях. Одних прожектов для испанского правительства он сочинил пять, правда, ни один из них так и не был реализован. Испанцы были в восхищении от его неистощимой веселости и богатства фантазии. Тогда же поползла по всей Европе сплетня, будто Бомарше на дуэли убил несчастного Клавихо, и ею воспользовался Гёте, написав трагедию «Клавиго».

По возвращении в Париж Бомарше дебютировал в 1767 г. средненькой пьесой «Евгения», а через три года выпустил драму «Два друга», которая провалилась. К этому времени драматург опять нашел красивую богатую вдову, которая недолго оставалась его женой: в родах она умерла. Через два года умер и его сын.

После смерти Пари-Дюверне началась долгая тяжба с наследниками банкира. На одном из промежуточных этапов

разбирательства Бомарше был признан парламентом гражданским нечестным и приговорен к клеймению. Бомарше написал в свою защиту «Мемуары», где высмеял судебный произвол и не оставил камня на камне от тогдашних судебных порядков Франции. Мемуары произвели эффект разорвавшейся бомбы и принесли автору невероятную популярность. Процесс окончился лишением должности судьи, а парламент волею короля был распущен.

Король хоть и приказал сжечь «Мемуары», приблизил к себе героя и услал его в Лондон с поручением, касавшимся королевской семьи, с которым тот справился с честью.

Умершего Людовика XV сменил Людовик XVI, которому тоже понадобилась ловкость Бомарше в улаживании скандалов в королевском семействе. Бомарше разъезжал по всей Европе, выполняя тайные поручения монарха. Интимного рода услуги сделали его богатейшим человеком Франции. Король разрешил Бомарше поставить его новую пьесу «Цирюльник» в Театре комедии.

На первом представлении комедия провалилась. Бомарше за ночь переделал пьесу, и она имела потрясающий успех. Позднее драматург дал ей название «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность».

Когда на следующий год Франция тайно поддержала североамериканские колонии в их войне за независимость от Англии, Бомарше на три миллиона ливров купил для повстанцев оружие и обмундирование.

На общественном поприще Бомарше добился утверждения авторских прав и прав на гонорары для драматургов; основал объединение драматических авторов; организовал акционерный банк; скупил и вернул Королевской библиотеке разворованные архивные исторические документы; участвовал в создании «Парижской компании вод», занимавшейся внедрением первой в Париже паровой машины.

В 1779 г. Бомарше взялся за издание первого полного собрания сочинений Вольтера, умершего годом ранее. В течение 8 лет вышло два издания: в 72-х и в 92-х томах общим тиражом 15 тысяч экземпляров, из которых было реализовано по подписке не больше 4 тысяч. Парламент и духовенство добились запрещения продажи изданий, что принесло Бомарше миллион убытку, о чем он никогда не жалел.

После первого прочтения в Версале комедии «Безумный день» король запретил ее показ, но Бомарше читал пьесу по салонам, а также опубликовал отдельные фрагменты. Восхищенные пьесой аристократы вынудили короля дать согласие на парижскую постановку, убедив его, что «Безумный день» с треском

провалится. Они сами же рубили сук, на котором висели над бездной!

В день премьеры весь цвет Парижа с утра занял места в театре, графы и маркизы стояли в партере вперемешку с лавочниками. Три человека погибли, задавленные в дверях толпой. Они стали первыми жертвами в будущей мясорубке революции, «спусковой механизм» которой привел в движение Бомарше. Неслыханный успех пьесы побудил врагов писателя организовать против него целый заговор. Бомарше угрожала Бастилия, но король приказал заключить драматурга не в Бастилию, а в исправительную тюрьму Сен-Лазар для несовершеннолетних. Там оскорбленный Бомарше написал «Памятку королю», от которой Людовик XVI расчувствовался и простил наказанного, разрешив поставить еще и «Севильского цирюльника» в Версале.

«Женитьба Фигаро» выдержала 100 представлений подряд. Наполеон как-то заметил, что с этой пьесой взвилась занавесь революционной драмы.

В 1787 г. Бомарше поставил лирико-философскую оперу «Тарар» (композитор А. Сальери), а через пять лет мелодраму «Преступная мать, или Второй Тартюф». Обе постановки не имели большого успеха.

Когда победила Республика, Бомарше закупил для ее армии 60 тысяч ружей в Голландии. Поставки задержались, и его тут же обвинили в том, что он спрятал оружие в ожидании реванша «врагов народа». В доме писателя произвели обыск, нашли связки нераспроданных томов Вольтера, и его арестовали. Через неделю писателя выпустили, благодаря чему он чудом избежал гильотины. Все имущество Бомарше было в очередной раз описано. Но он сумел опять войти в доверие к революционным властям, и ему поручили через Лондон добиться поставки оружия из Гааги.

Пока Бомарше был в Англии, его имя было внесено в списки эмигрировавших аристократов – «врагов народа». Въехать во Францию он уже не мог. Купленным оружием завладели англичане. Жена, дочь и сестра Бомарше были посажены в тюрьму, а сам он оставался до 1796 г. в Гамбурге в одиночестве, перебиваясь с хлеба на воду. При Директории ему возвратили парижский дом, но состояния было не вернуть. Не добился писатель и возврата огромных сумм от правительств США и Французской республики.

Умер Бомарше от апоплексического удара 18 мая 1799 г.

На русский язык произведения писателя переводили Н. Любимов, Л. Зонина, Л. Лунгина и другие.

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЁТЕ (1749–1832)

Вряд ли в краткой биографии отобразишь хоть малую часть человеческой и творческой сути Гёте. Гений немецкой и без преувеличения мировой литературы все свое творчество называл «фрагментами огромной исповеди». А «Фауст», которого он начал писать в 20 лет, а завершил в 82, и стал его автобиографией, сплавом восторгов юности и зрелых размышлений старости.

Иоганн Вольфганг Гёте родился 28 августа 1749 г. во Франкфурте-на-Майне в семье состоятельного имперского советника. Отец сам занимался образованием сына. Иоганн рано проявил склонность к поэтическому творчеству. Первые стихи он написал в восемь лет.

С шестнадцати лет юноша три года изучал право, медицину и другие науки в Лейпцигском университете, попутно с увлечением занимаясь оккультной философией и астрологией. В 1769 г. вышел его первый печатный сборник стихов «Новые песни».

В Страсбурге, где Иоганн продолжил изучение юриспруденции, а также посещал лекции по химии, медицине и филологии, он встретился с И.Г. Гердером, идеологом движения «Бури и натиска», озабоченного созданием в Германии великой литературы. Под его влиянием Гёте написал «Гёца фон Берлихингена» и множество стихов в манере народной песни.

Значительное количество юношеских произведений, созданных еще в университете, поэт уничтожил, оставив лишь сборник стихов «Аннете» и пасторальную комедию «Капризы влюбленного». В этом месте сразу же оговоримся. «Аннета» – она же Анна-Катерина, а попросту Кетхен или Анхен – была пассией поэта, которой он и посвятил свои стихи. А до нее была Гретхен, после нее – Фридерика, Шар-лотта, Анна, Максимилиана, Минна, Марианна, Фаустина, Беттина… можно сбиться со счету.

Гёте разделял убежденность Гердера в том, что истинная поэзия должна идти от сердца и быть плодом собственного жизненного опыта поэта. Эта убежденность, действительно, зародилась в весьма любвеобильном и здоровом сердце поэта. Если судить по количеству поэтических излияний по поводу одних только встреч и разлук с возлюбленными, можно сделать ложный вывод, что вся жизнь гения состояла только из них одних. Сильные душевные муки в том же университете заставили Гёте искать забвения в вине и кутежах, чем он основательно подорвал свое здоровье, но оно было настолько крепкое, что еще не раз

выносило над собой подобные эксперименты.

Побывав на юридической практике в городе Вецларе, поэт безответно влюбился в невесту секретаря ганноверского посольства Шарлотту Буфф и в замешательстве покинул место практики. Уже дома он узнал о самоубийстве секретаря одного из посольств, также безнадежно влюбленного в жену своего друга. В сильнейшем возбуждении Гёте едва не покончил с собой, но… спасло новое увлечение, после успешного завершения которого за четыре недели писатель создал «Страдания юного Вертера», имевшие феноменальный успех в Германии и Европе и оказавшие мощнейшее влияние на всю философию своего времени, на весь образ жизни европейского общества конца XVIII в., в том числе и на художественную литературу. Однако просветители и церковные служители жестоко раскритиковали апологию самоубийства. И недаром – после издания переводов романа во Франции, Англии, Голландии, Италии, Швеции и России множество молодых людей из-за неразделенной любви свели счеты с жизнью.

В 1775 г. поэт приехал (как оказалось, на всю жизнь) в Веймар по приглашению девятнадцатилетнего герцога Саксонии-Веймара Карла Августа. Став другом и советником герцога, Гёте с энтузиазмом занимался балами и маскарадами, розыгрышами и любительскими спектаклями, охотой и пикниками. Был попечителем парков, архитектурных памятников и музеев, членом герцогского Тайного совета. Назначенный первым государственным министром, Гёте управлял военной коллегией, руководил дорожным строительством, ведал государственными

финансами, общественными работами, горно-рудными проектами и т. д. А еще находил время изучать геологию, минералогию, ботанику и сравнительную анатомию. Тогда же им были написаны «Границы человечества», «Ильменау», «Стихи к Лиде» и баллады.

В 1786 г. Гёте отказался от утомительных обязанностей царедворца, а также запутанных отношений с очередной замужней возлюбленной и покинул двор. Поэт направился в Италию, где два года изучал античное и классическое искусство, занимался лепкой, делал пейзажные наброски, а также переделывал драмы «Ифигению в Тавриде», «Торквато Тассо» и «Эгмонта».

После возвращения поэта в Веймар, Карл-Август освободил его от большей части придворных обязанностей, предоставив ему полную свободу деятельности. Эту свободу Гёте распространил и на личную жизнь: взяв в свой дом юную работницу цветочной мастерской Христиану Вульпиус, он стал жить с ней, хотя острой нехватки в знатных невестах при дворе не ощущалось. Общественность была шокирована, но цветочница вскоре одарила поэта сыном, а еще через семнадцать лет он созрел и до официального вступления с нею в брак – это произошло уже после захвата Францией Германии. Тогда же Христиана спасла Гёте жизнь, защитив его от двух пьяных французских солдат.

В 1790 е гг. Гёте организовал в Веймаре театр и стал первым его руководителем, предпринял второе путешествие в Венецию, сопровождал герцога в его поездке в Бреслау. Великую французскую революцию поэт принял сдержанно, но прозорливо заметил при этом, что началась новая эпоха всемирной истории. В годы франко-прусских войн Гёте участвовал в военной кампании против Наполеона, а отойдя от баталий, больше занимался физикой, ботаникой и анатомией, чем литературой. В области естествознания он выполнил целый ряд работ по оптике, акустике, минералогии, геологии и метеорологии. Больших успехов достиг в своих морфологических исследованиях. В области сравнительной анатомии животных ему принадлежит открытие межчелюстной кости у человека.

Из литературных произведений этого периода достаточно упомянуть «Римские элегии», драму «Эгмонт» и роман «Годы учения Вильгельма Мейстера».

В 1794 г. у Гёте сложились теснейшие дружеские отношения с Ф. Шиллером, даже переехавшим ради этой дружбы в Веймар. Ежедневное общение поэтов и их совместная работа над стихами и балладами были для Гёте прекрасным творческим стимулом. Он написал ряд новых стихотворных произведений и сборник

рассказов. Это был период самой интенсивной работы над «Фаустом».

Шиллер скончался в 1805 г., накануне начала грандиозных войн, сотрясших Европу в начале XIX в. Гёте в эти неспокойные годы написал сонеты к очередной возлюбленной Минне Херцлиб, роман «Избирательное сродство» и автобиографию.

В 1808 г. была опубликована первая часть «Фауста». Позднее Гёте, под влиянием поэзии Хафиза, создал шедевр любовной лирики «Западно-восточный диван», роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера» и еще ряд произведений, опубликованных в последнее десятилетие жизни поэта.

В 1816 г. умерла Христиана.

В 1826 г. Гёте стал иностранным почетным членом Петербургской АН.

Когда Гёте было 74 года, он пережил последнее свое увлечение и сделал официальное предложение девятнадцатилетней Ульрике фон Левенцов, которую он сам называл «доченькой». «Папеньке» было отказано.

Когда поэту было за восемьдесят, умер его друг, великий герцог веймарский Карл Август, а вскоре за ним последовал и сын Гёте – Август.

По настоятельным просьбам своего секретаря И.П. Эккермана поэт завершил работу над второй частью «Фауста» за год до смерти.

Скончался Гёте в Веймаре 22 марта 1832 г.

В 1833 г. в первом томе «Посмертного издания сочинений» была издана полностью трагедия «Фауст», в которой Гёте воплотил поиски смысла жизни, находя его в деяниях.

Влияние «Фауста» на немецкую и мировую литературу огромно. Все критики единодушно утверждают, что поэтической красотой с «Фаустом» не сравнится ничто, а по цельности композиции – разве что «Потерянный рай» Мильтона и «Божественная комедия» Данте.

На русский язык произведения Гёте переводили многие русские поэты и переводчики. Лучшими переводами «Фауста» считаются переводы Б.Л. Пастернака и Н.А. Холодковского.

ИОГАНН КРИСТОФ ФРИДРИХ ФОН ШИЛЛЕР (1759–1805)

Помните у Н.В. Гоголя: «Перед ним сидел Шиллер, – не тот Шиллер, который написал „Вильгельма Телля“ и „Историю Тридцатилетней войны“, но известный Шиллер, жестяных дел мастер в Мещанской улице». Так вот, нас интересует как раз тот самый Шиллер, которого в Мещанской улице знали хуже, чем однофамильца-жестянщика.

Иоганн Кристоф Фридрих Шиллер – выходец из низов немецкого бюргерства. Родился он 10 ноября 1759 г. в городке Марбах-на-Неккаре, что в герцогстве Вюртемберг на юго-западе Германии. Первые шесть лет прошли под присмотром матери. Его отец в это время сражался в австрийских войсках, изредка наезжая к семье. Учиться начал Фридрих в селе Лорх у местного пастора Мозера.

По переезде в Людвигсбург мальчик был отдан в латинскую школу, где он настолько овладел древними языками, что на латинском, например, сочинял стихи. В награду за хорошее поведение отец водил его в оперу и балет, изредка в драму.

Родители видели сына пастором, но Вюртембергский герцог Карл-Евгений уготовил своему подданному поприще воина. Специальным распоряжением суверена Фридриха перевели в военную школу, на юридическое отделение. Казарменный режим

и военизированные методы обучения в сочетании с ненавистной юриспруденцией, против которых он не раз восставал и за что не раз был бит розгами, тормозили развитие свободолюбивой натуры, к счастью, недолго – через два года в академии открылось медицинское отделение, и Шиллер перевелся туда. Там он нашел себе друзей-единомышленников, увлекавшихся поэзией, и духовных наставников среди молодых преподавателей. Под влиянием одного из них Фриц стал членом тайного общество иллюминатов, предшественников немецких якобинцев. В те годы несколько стихотворений юного поэта впервые было опубликовано в «Швабском журнале».

С 1780 г. Шиллер служил лекарем в Штутгартском гренадерском полку и между клизмами и компрессами больным вдохновенно писал пьесу «Разбойники». Через год он анонимно напечатал ее за свой счет тиражом в 800 экземпляров. Пьесу поставила одна из лучших театральных трупп Мангейма, принадлежавшего Пфальцскому курфюрсту. Автор тайком приехал на премьеру и был свидетелем потрясающего успеха. «Если мы имеем основание ждать немецкого Шекспира, то вот он перед нами», – написали в рецензии. «Незнакомые люди бросались друг другу в объятия, женщины в полуобморочном состоянии покидали зал».

Драма потрясла всех, даже герцога Вюртембергского. Латинский эпиграф к пьесе «Против тиранов» так умилил Карла-Евгения, что он бросил тираноборца на две недели на «губу», после чего разрешил ему заниматься одной только медициной. Несогласный с мнением тирана, Фридрих сбежал в Мангейм.

Однако в Мангейме не спешили привечать политического беглеца. Он, правда, получил место заведующего литературной частью в «Национальном театре», но только через год с ним заключили годичный контракт на постановку трех его новых пьес. Две из них – «Заговор Фиеско в Генуе» и «Коварство и любовь» были поставлены в 1784 г. После прохладно встреченной премьеры «Заговор Фиеско» с триумфом прошла во Франкфурте-на-Майне, в Вене, Бонне, Лейпциге, Дрездене, Берлине. А «Разбойники» к тому времени покорили уже всю Европу и Россию. Кульминацией же раннего творчества Шиллера стала бюргерская трагедия «Коварство и любовь», обладавшая необычайным социальным пафосом. Три ранние пьесы закрепили за Шиллером славу пламенного поборника свободы. Недаром в 1792 г., после того как Шиллер сочувственно встретил весть о Великой французской революции, Конвент присвоил ему звание «почетный гражданин Французской республики».

С окончанием контракта кончилось и жалование, со всех

сторон насели кредиторы, а душу терзали муки неразделенной любви, – в общем, когда поэта пригласил в Лейпциг его друг приват-доцент Готфрид Кернер, Шиллер с радостью согласился. Не иначе как в пароксизме счастья поэт написал уникальный гимн «К радости», в котором воспел гармоничное единение всех людей мира, и на текст которого Бетховен завершил грандиозным хором свою Девятую симфонию.

В 1787 г. Шиллер по приглашению герцога Карла Августа переехал в Веймар («Немецкие Афины»), где застал Гёте, Виланда, Гердера. Новым словом в мировой драматургии стала интеллектуальная трагедия, написанная стихами, «Дон Карлос». Герцог дал высокую оценку трагедии и присвоил поэту звание придворного советника.

Через два года благодаря покровительству Карла Августа Шиллер получил внештатную должность профессора истории в университете Йены, где вел курс «История Тридцатилетней войны». Жизнь писателя обрела устойчивость, но расшатанное здоровье поправить было гораздо сложнее.

В начале 1790 г. писатель женился – не по пламенной страсти, а по нежной симпатии – на Шарлотте фон Ленгефельд, от которой у него родились два сына и две дочери. После женитьбы, как заметили современники, писатель заметно остепенился и был счастлив.

Поэтического жалованья не хватало на прозу жизни. Хорошо, наследный принц фон Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Августенбург и граф фон Шиммельман от своих щедрот соблаговолили выплачивать ему в течение трех лет стипендию, после чего издатель И.Фр. Котта пригласил поэта издавать ежемесячный журнал «Оры». Тогда же появились философские сочинения Шиллера: «О трагическом в искусстве», «Письма об эстетическом воспитании человека» и др.

В 1794 г. Шиллер сблизился с Гёте, который до этого не воспринимал юное дарование. Фридрих смог своим обаянием завоевать небожителя. В этот период он написал большую работу «О наивной и сентиментальной поэзии» и серию баллад.

Последнее десятилетие жизни Шиллера было вновь наполнено драматургической деятельностью. Замысел «Валленштейна», современной философской трагедии с реальным героем – австрийским генералиссимусом из древнего чешского рода Альбрехтом Валленштейном, зародился у него еще в период интенсивного труда над «Историей Тридцатилетней войны». По совету Гёте Шиллер разделил ее на три части: «Лагерь Валленштейна», «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна». Говорят, Шиллер предугадал в этой трилогии измену Бонапарта

Французской республике.

В Веймаре на деньги меценатов Шиллер издавал несколько литературных журналов, а вместе с Гёте основал Веймарский театр, ставший ведущим театром Германии. Герцог удвоил Шиллеру содержание, ставшее его пенсией. Материальное положение писателя несколько улучшилось, но все равно ему приходилось, несмотря на обострение болезни, много заниматься еще и переводами.

На одном дыхании (правда, уже затрудненном болезнью) Шиллер написал пьесы: «Мария Стюарт», «Орлеанская дева», «Мессинская невеста» и «Вильгельм Телль». Драма о русской смуте «Димитрий» осталась незаконченной. «Вильгельм Телль» – драма, ставшая лебединой песней Шиллера, в которой он нашел идеального героя в гуще народа. Постановки пьесы в Веймарском и в Берлинском театрах были встречены с восторгом, усиленным предстоящим противостоянием наполеоновской армии, готовой вступить в пределы Германии. За выдающиеся заслуги в области драматургии император Священной римской империи германской нации Франц II пожаловал Шиллеру дворянство.

Весь 1804 г. Шиллер боролся с чахоткой. Его стали раздражать и утомлять люди – поэт осознал несоответствие своих идеалистических представлений о жизни тому, что она являла собой на самом деле. Его возвышенно-требовательная душа реагировала на это с максималистской нетерпимостью.

9 мая 1805 г. в полном сознании Шиллер скончался.

Похоронили поэта в общей могиле, так как семейного склепа у него на кладбище не было. При большом стечении народа перед его домом исполнили реквием Моцарта.

Шиллер, как один из крупнейших трагиков мировой литературы, стал известен в России с конца XVIII в., впоследствии его творения переводили такие гении русского слова, как Н.И. Гнедич, Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет и другие.

XIX ВЕК

ВАЛЬТЕР СКОТТ (1771–1832)

«Шотландский чародей» – так называли Скотта, кумира Европы и Америки первой трети XIX столетия. Покорить литературный пик романа после него удалось немногим.

Вальтер Скотт родился 15 августа 1771 г. в Эдинбурге в семье адвоката Вальтера Скотта. Его мать, Анна Резерфорд, была дочерью профессора медицины Эдинбургского университета. С детства мальчик много читал, особо выделяя баллады и сказания Шотландии, любовь к которым привила ему мать.

В средней школе Вальтер был лучшим учеником, переводил стихи римских поэтов, писал свои. В городском колледже изучал право, математику, латынь, греческий, французский, итальянский и немецкий языки. Вместе с друзьями организовал «Поэтическое общество». Несмотря на хромоту после детского паралича, увлекался альпинизмом, верховой ездой, силовой гимнастикой.

Получив звание адвоката, Скотт стал специализироваться в области шотландского права. Много ездил по Шотландии, изучал жизнь обитателей пограничной полосы, коллекционировал древности и предметы быта, собирал песни и легенды о шотландских героях. Занимался переводами немецких баллад, принимал участие в деятельности дискуссионных клубов, был хранителем библиотеки эдинбургской корпорации адвокатов.

Женившись на француженке Маргарите Шарлотте Шарпентье,

дочери берейтора из Лиона, Скотт поселился в Эдинбурге. После смерти отца получил наследство и занял должность шерифа в Селкиркшире. Позднее Скотт купил на берегу реки Твид участок земли, привез туда коллекции оружия, другие реликвии шотландской старины и построил замок Эбботсфорд, который со временем стал музеем средневекового прошлого Шотландии.

Первыми публикациями Скотта стали переводы из Г.А. Бюргера и И.В. Гёте. В 1802 г. увидели свет его «Песни шотландской границы». Баллады принесли ему известность, а опубликованная через три года поэма «Песнь последнего менестреля» сделала его знаменитым. За ней последовали еще несколько, упрочивших славу Скотта как первого поэта Англии начала XIX в. Ему предложили звание поэта-лауреата, но он отказался в пользу Р. Саути.

С появлением в 1811 г. «Чайльд-Гарольда» Скотт признал превосходство Д. Байрона как поэта и через несколько лет перешел на прозу. Правда, не удержался от реплики: «Мне представляется, что это очень умная поэма, но она обнаруживает дурные черты души и нравственного облика ее автора». Впрочем, и Байрон критиковал Скотта за пиетет перед рыцарством, хотя и называл его «королем Парнаса и наиболее английским из поэтов». Напряженные поначалу отношения между двумя поэтами позднее сменились дружбой.

Скотт успешно совмещал занятия пропагандой литературной классики в многочисленных статьях и рецензиях с издательской деятельностью; всего он выпустил более 70 томов, в том числе 18 томов Д. Драйдена и 19 – Дж. Свифта.

С 1806 г. Скотт исполнял обязанности секретаря эдинбургского суда, которые считал главным делом своей жизни; ни разу он не пренебрег профессиональным долгом в пользу сочинительства.

Первый исторический роман Скотта о якобитском мятеже 1745 г. и ужасах гражданской войны «Уэверли» вышел в 1814 г. без его подписи. Мало меняющаяся со временем человеческая природа и нравы общества открыли читателям глаза на самих себя. Успех романа был грандиозный. Тепло приняли и «Гая Мэннеринга, или Астролога». Этот роман вышел тоже без подписи, но все уже знали, кто его автор. В Лондоне на Скотта «глазели с откровенным любопытством, как на русского царя или на Блюхера, только что одержавших победу над Наполеоном», а когда он оказался в Париже, где собрались европейские монархи и полководцы – победители Наполеона, его удостоили аудиенцией Александр I, Веллингтон и Блюхер. Там же присутствовал и казачий атаман Платов.

Долгие годы Скотта регулярно мучили приступы желчнокаменной болезни, но это практически не сказывалось на его работоспособности. Роман «Ламмермурская невеста», например, он диктовал секретарю во время обострения болезни; правда, после этого он начисто забыл все, что диктовал, и читал этот роман как незнакомую книгу.

Правая рука писателя, которую он боготворил, вершила чудеса: из-под нее выходили шедевры. Писал их Скотт по памяти, часто не изучая специальную литературу. Память у него была феноменальная. В ней было все разложено по полочкам: от демонологии и колдовства до истории Шотландии, от декоративного садоводства до тактики боя рыцарей.

После выхода «Антиквария» были опубликованы три серии «Рассказов трактирщика», куда вошли «шотландские» романы «Черный карлик», «Пуритане», «Роб Рой», «Эдинбургская темница», «Легенда о Монтрозе» и др. Они пользовались необычайным успехом у читателей, не только в Англии, но и за ее пределами. Так, 10 000 экземпляров «Роб Роя» продали за пару недель.

Уже как профессор древней истории в Королевской академии Эдинбурга Скотт обратился к истории Англии, и с романом «Айвенго» (лучшим историческим английским романом всех времен) взлетел на пик прижизненной славы и получил титул баронета. В Лондоне художник Лоренс по заказу короля написал его портрет для большой галереи в Виндзоре, а скульптор Чантри создал его бюст. Писатель же блестяще организовал пребывание в Эдинбурге Георга IV. Оксфорд и Кембридж предложили Скотту докторскую степень по кафедре гражданского права. Его избрали в члены Роксбергского клуба. При этом сохранялась интрига: автором романов считался Великий Неизвестныйкоторого «представлял» Скотт, пока в 1827 г. он официально не раскрыл свое авторство.

После «Айвенго» было трудно удерживать планку на такой высоте, но с не меньшим восторгом читатели и критики всей Европы приняли романы «Кенилворт», «Вудсток», «Анну Гейерштейн». Выход в свет «Квентина Дорварда» встретил горячий прием сначала во Франции, а потом уже и на родине писателя.

Не забывал Скотт и о других писателях. Он написал множество биографий: Ч. Джонстона, Л. Стерна, О. Голдсмита, С. Джонсона, О. Уолпола, С. Ричардсона, Д. Байрона, Э.Т.А. Гофмана и др. Его интересовали не только классики, но и современники, со многими из которых он встречался, переписывался и дружил: Р. Бёрнс, Д. Байрон, У. Вордсворт, Р. Саути, С. Колридж, С.

Эджуорт, В. Ирвинг, И. Гёте, А. Шопенгауэр, Д. Давыдов и другие.

Много душевных и физических сил забрала у писателя девятитомная «Жизнь Наполеона Бонапарта», к тому же вызвавшая своей консервативной позицией первые нападки со стороны демократических сил. Через несколько лет его за верность Короне станут освистывать, а карету забрасывать камнями.

Экономический кризис 1825 г. роковым образом отразился на издательской деятельности Скотта. В результате банкротства двух фирм, где он был пайщиком, на него обрушилась общая задолженность в 130 000 фунтов стерлингов. Имея возможность выплатить лишь часть своего долга, Скотт, тем не менее, принял на себя обязательство вернуть его полностью за счет своего писательского труда и просил не разорять остальных пайщиков. По соглашению Скотту оставили его поместье и не наложили арест на его жалованье шерифа и секретаря эдинбургского суда.

Между 1826 и 1831 гг., помимо нескольких романов, Скотт опубликовал четыре выпуска «Рассказов дедушки» – историю Шотландии для детей. К тому времени писатель перенес апоплексический удар, и у него отнялась правая рука. После еще двух ударов правительство предложило Скотту для оздоровительного путешествия фрегат «Барэм». Писатель посетил Мальту и Неаполь. Вернувшись домой, он сказал: «Я многое повидал, но с моим домом ничто не сравнится».

Скотт умер 21 сентября 1832 г. и был похоронен в аббатстве Драйбурга. Шотландские и английские газеты вышли с траурными знаками, как при объявлении о смерти коронованных особ.

Создав жанр исторического романа, Скотт оказал огромное влияние на европейскую и американскую литературы. В России писатель был хорошо известен уже с 1820-х гг. В.Г. Белинский заметил, что Скотт был первым, кто историей соединил искусство с жизнью.

Скотта на русский язык переводили В. Жуковский, А. Величко, А. Писарев, Б. Грибанов, Ст. Вольский, П. Оболенский, Е. Фельдман, Вс. Рождественский, И. Лихачев.

ЭРНСТ ТЕОДОР ВИЛЬГЕЛЬМ (АМАДЕЙ) ГОФМАН (1776–1822)

«Не удивительно, что в наше мрачное, злосчастное время, когда человек едва перебивается со дня на день и еще должен этому радоваться, писательство так увлекло меня – мне кажется, будто передо мной открылось чудесное царство, которое рождается из моего внутреннего мира и, обретая плоть, отделяет меня от мира внешнего». Это горькое признание великого мистика-сказочника Гофмана можно взять эпиграфом к данной книге. Не он первый, не он последний из писателей, кто одновременно жил в двух мирах, в одном влача жалкое существование, а в другом споря с богами за право обладания всем сущим.

Почему-то язык не поворачивается назвать писателя просто по имени, даже если речь идет о годах его младенчества. Эрнст Теодор Вильгельм (Амадей) Гофман родился в семье прусского королевского адвоката Кристофа Людвига Гофмана, 24 января 1776 г. в Кенигсберге (ныне Калининграде). Когда мальчику шел третий год, родители, надо полагать, по причине пьянства одного и истеричности другой, развелись, оставив на всю жизнь в душе будущего писателя незаживающую рану сиротства. Отец исчез навсегда, а мать, Иоганна Якоба Дёрффер, оставила мальчика бабушке, где его воспитанием занялся дядя Отто Вильгельм Дёрффер, «сухарь», в котором удивительным образом сочетались юрист и фантаст, прагматик и мистик. Не без его влияния Гофман, рано выказав замечательные способности к музыке (развитые соборным органистом Подбельским) и рисованию, выбрал себе, тем не менее, стезю юриспруденции. Эта расщепленность осталась в нем на всю жизнь: с полей правоведения он то и дело рвался в небеса искусства, взмывал и вновь падал на землю.

После окончания Кёнигсбергского университета Гофман семь лет служил в разных мелких должностях в судах Глогува, Берлина, Познани. Попытки писать музыку он не оставлял никогда, но до поры до времени ничего серьезного не получалось, пока Познань не родила в нем композитора. Комическая опера «Шутка, хитрость и месть» на текст Гёте имела успех, но театр вскоре сгорел вместе с единственным экземпляром партитуры оперы. Гофман впал в депрессию, которую пытался заглушить уже привычным для него пьянством. Когда ему начали являться черти, стало ясно, что Гофман хронический алкоголик. Тем не менее его даже в этом качестве не отвергла дворянка Мария Михалина Рорер-Трциньская, согласившись выйти за него замуж. Да и родителей прельстил возможный карьерный рост жениха.

Однажды на городском карнавале гостям раздали карикатуры на местных прусских аристократов. Автора легко вычислили – им оказался Гофман. На шутника в столицу был послан донос, и вскоре его, повысив чином, сослали в заштатный Плоцк, где он от нечего делать стал писать эссе и музыку. Первой публикацией в берлинской «Независимой газете» стало «Письмо монаха к своему столичному другу».

В 1804 г. Гофман был переведен в Варшаву в качестве государственного советника прусского верховного суда. Там он проявил себя больше по музыкальной части: его комические оперы не сходили со сцены Варшавского театра, где он выступал также и в качестве дирижера. Композитор заменил свое третье имя Вильгельм на имя Амадей – дань Моцарту. А как художник он расписал фресками концертный зал.

В 1806 г., после Аустерлица в Варшаву вошли победоносные французские войска. Юриста Гофмана (композитор французов не интересовал) обвинили в шпионаже и выкинули из дома вместе с семьей. Жена с маленькой дочкой отправилась к родителям, но по дороге карета опрокинулась, и девочка погибла. У Гофмана после

этого стали часто повторяться приступы безумия.

Где-то с полгода Гофман перебивался в Берлине с голода на холод, пока не получил пост театрального капельмейстера в Бамберге. Он съездил в Познань, где буквально вырвал жену из рук ее родителей, разочарованных в зяте. В эти дни писатель создал свою первую новеллу «Кавалер Глюк», а также опубликовал несколько статей о музыке.

В 1813 г. Гофман устроился капельмейстером в дрезденскую частную труппу. Постоянно находясь на зыбкой грани трезвости и опьянения, фантазий и реальности, писатель перенес ее и в свои произведения, которые одно за другим стали выходить из-под его пера. И чем больше он погружался в расщелину шизофрении, тем ярче становились его литературные создания. Впрочем, тогда и окружающий мир находился в еще большем безумии, чем он. Повесть «Золотой горшок» Гофман создавал под аккомпанемент взрывов пушечных ядер Наполеона и армии союзников.

Как только отгремели пушки, Гофман подготовил свой первый сборник из четырех книг «Фантазии в манере Калло». Виноторговец Кунц дал денег на первые две книги. Гофман стал популярен, но не настолько, чтобы жить на гонорары. И вновь он окунулся в ненавистные судебные дела и желанное вино, приносящее забвение и бессонницу, ставшую у него хронической. Не спал он – годами. И потратил их не на стоны и проклятия, а на шедевры, которые обогатили мировую литературу больше, чем иная национальная. И хотя ужасы, созданные его воображением, часто приводили в страх его самого, они сегодня только радуют миллионы читателей.

Что еще не менее удивительно: после очередной бессонной ночи Гофман утром являлся на службу и усердно работал, не вызывая у начальства никаких нареканий.

Пребывая в нескончаемом аду «двоедумства», Гофман умудрился создать еще первую немецкую романтическую оперу «Ундина» (там композитор фигурировал под именем Иоганна Крейслера), после которой он бросил музыку и отдался целиком литературе. Вышли в свет роман «Эликсир сатаны», еще две части «Фантазий в манере Калло», волшебные сказки. Скоро исполнится 200 лет самой знаменитой волшебной сказке Гофмана – «Щелкунчик и Мышиный король».

Весной 1818 г. у писателя развилась болезнь спинного мозга. Творческие муки усугубились еще и муками телесными, но вырвать перо из рук писателя уже могла одна только смерть. В 1819 г. Гофман написал повесть в духе волшебной сказки «Крошка Цахес по прозванию Циннобер», в которой прозрел нынешнее состояние общества, где кумирами становятся не

творцы, а твари, покупающие или просто узурпирующие права на всякое творчество. Был издан четырехтомный цикл рассказов «Серапионовы братья». Последней повестью-сказкой стал «Повелитель блох», где был карикатурно представлен полицай-директор Кампц. Прообразу не понравился образ и он привлек писателя за оскорбление своей личности к суду, но парализованный Гофман уже не мог встать с постели, чтобы явиться туда.

Свой неоконченный роман Гофман назвал «Житейские воззрения кота Мурра» – его кота, последнего, быть может, существа, с которым он находил общий язык.

Жизнь, которую вел Гофман, не могла длиться вечность, она не могла длиться даже одно десятилетие. Восемь лет каторжного литературного труда оборвали его жизнь. 24 июня 1822 г. Гофман умер, оставив жене одни долги.

Похоронили гения на Иерусалимском кладбище Берлина в районе Кройцберг. Под могильной плитой упокоились певец и дирижер, режиссер и декоратор, музыкальный критик и обозреватель, учитель музыки и продавец роялей, искусствовед и художник, юрист и композитор, чиновник и писатель.

Немецкая критика не особо благоволила к Гофману ни при его жизни, ни потом. Но вот в других странах Европы, в Северной Америке и особенно в России он стал любимейшим писателем.

На русский язык Гофмана переводили П. Морозов, С. Брильянт, З. Журавская, К. Бальмонт, В. Соловьев, С. Игнатов, В. Иванов, М. Петровский.

СТЕНДАЛЬ (АНРИ МАРИ БЕЙЛЬ) (1783–1842)

Писателю прощалось всё, даже высказывание: «Извинить Бога может только то, что он не существует». Надо полагать, что сам Стендаль все же верил в Бога, иначе не создал бы произведений, в которых показал, как плохо жить без Него.

Анри Мари Бейль родился 23 января 1783 г. в Гренобле в семье адвоката. Воспитывался в доме деда, убежденного вольтерьянца, большого любителя литературы. Спустя семь лет умерла его мать, оставив сына на воспитание отцу и тетке. Воспитатели отличались такой придирчивостью и ханжеством, а учителя-священники такой истовостью, что мальчик, в конце концов, возненавидел своих родственников и стал антиклерикалом. Под прессом семейного и духовного воспитания сформировался крайне импульсивный и своенравный характер.

В тринадцать лет Анри поступил в Центральную школу в Гренобле. За несколько лет он настолько отличился в познании математики, что его направили в парижскую Политехническую школу. Бейль прибыл туда через день после узурпации Наполеоном власти. В школу не записался, а жил на чердаке какого-то дома, где его тяжело больным нашел дальний родственник Ноэль Дарю – он дал юноше комнату в своем доме и подыскал для него работу секретаря в министерстве по военным делам.

Через год в звании сублейтенанта драгунского полка Анри отправился в Италию, в действующую армию. Италия на всю жизнь вошла в его жизнь и творчество особой нотой. Музыка, живопись, женщины – было с чего потерять голову в 20 лет! «На второй родине» Анри впервые попробовал писать. Через два года он вышел в отставку и вернулся в Париж, где занялся философией и литературой, сочинял (в стол) комедии в духе Мольера, стал завсегдатаем театров (особенно оперы) и литературных кружков. Отец посылал ему мизерный пенсион, которого едва хватало на пропитание. Анри решил стать банкиром, для чего нанялся на службу к бакалейщику в Марселе, но за год богатым так и не стал.

В 1806 г. Бейль поступил на государственную службу, занимал ряд ответственных постов, много путешествовал по Германии и Австрии, участвовал в «русском походе», прошел все «огнеопасные» точки: Смоленск, Бородино, Москву, правда, не в качестве драгуна, а интенданта. Выказал завидное хладнокровие

и мужество во время побега из России.

После отречения Наполеона в 1814 г. Бейль получил половинную пенсию и покинул Францию. «100 дней» и Ватерлоо уже не могли оторвать его от Италии, дамского общества, живописи и музыки. К войне Анри испытывал чувство отвращения. Как и многие его современники, он любил в Бонапарте республиканского генерала и осуждал самодержца, а как писателя его привлекала страстная натура Наполеона.

В Милане Бейль завязал много новых знакомств, подружился с Байроном, написал «Жизнь Гайдна, Моцарта и Метастазио», а также «Историю живописи в Италии». В книге о своих путешествиях по Италии «Рим, Неаполь, Флоренция» ему удалось совместить талант ученого и популяризатора. На бложке впервые появился псевдоним «барон де Стендаль, кавалерийский офицер» (предположительно, от названия немецкого города Штендаль). «Я скорее буду хамелеоном, чем быком», – говорил он, скрываясь под более чем двумя сотнями литературных псевдонимов, одним из которых и стал Стендаль.

Безнадежно влюбившись в Метильду Висконтини, активную участницу движения карбонариев, писатель скомпрометировал себя, и австрийское правительство выслало его из Милана. На десять лет Стендаль обосновался в Париже. На первых порах жизнь зависела от случайных заработков, душевные терзания едва не привели его к самоубийству. Спасла литературная деятельность. Он сотрудничал в английских и французских оппозиционных журналах как анонимный литературный и художественный критик, а в Париже напечатал книги: «О любви»,

«Жизнь Россини», «Прогулки по Риму» и свой первый (неудачный) роман «Арманс».

Смена правящей верхушки в 1830 г. и возведение на трон монарха-буржуа Луи Филиппа позволили Стендалю поступить на государственную службу: его назначили французским консулом в Триест, а затем как радикала перевели в Чивитта-Веккью в папской провинции. В этой должности со скромным жалованием он оставался до конца своей жизни, остро страдая от скуки и интеллектуальной изоляции. Начав работу над тремя романами, он так и не дописал их до конца.

Как-то на вопрос, какая у него профессия, Стендаль ответил: «Наблюдать за поведением человеческого сердца». Всю жизнь он наблюдал чужие, а еще более собственное сердце. Однажды на прибрежном песке он написал инициалы женщин, которых по-настоящему любил. Их набралось больше десятка – имен актрис, аристократок, молоденьких девочек и замужних дам; правда, далеко не все из них отвечали ему взаимностью. Кому-то он даже предлагал свою руку и сердце, но так и прожил всю жизнь холостяком.

Последние 12 лет жизни писателя были наиболее плодотворными в его литературной деятельности. Далеко не все произведения Стендаля были напечатаны при его жизни: в частности – автобиография писателя, «Жизнь Анри Брюлара» и неоконченный роман, к которому писатель, похоже, потерял интерес – «Красное и белое», – увидели свет лишь после смерти Стендаля.

Роман «Красное и черное» по праву считается его шедевром. Прототипом главного героя Жюльена Сореля был молодой провинциал Антуан Берте, казненный за убийство своей любовницы. Тогда правящим классам ничто не внушало такого ужаса, как пробужденные революцией плебеи. Эпизод уголовной хроники предстал у Стендаля, на первый взгляд, трагедией талантливой личности, не нашедшей применения своим способностям и энергии в эпоху Реставрации. Если же взглянуть более глубоко – приговором любой эпохе, основанной на социальном неравенстве, приговором «обществу равных возможностей», в котором господа могут судить рабов, предписав им самим: «Не судите, да не судимы будете».

«Пармская обитель» – второй великий роман Стендаля, созданный им в одном порыве за 52 дня, где он исчерпывающе реализовал свою итальянскую тему – тему страсти, человеческой активности и самопожертвования, а также явил миру все мерзости отжившего свой век абсолютизма; он был издан в 1839 г.

Последние два года жизни писателя мучила подагра, стала плохо повиноваться рука, была затруднена речь, но он не поддавался болезни, пока 22 марта 1842 г. в 7 часов вечера на парижской улице его не сразил апоплексический удар. Он умер на следующее утро, не приходя в себя.

В последний путь Стендаля проводила на Монмартрское кладбище небольшая группа друзей. Его смерть не заметили, как и его жизнь. На надгробье, как он и просил, были высечены слова: «Анри Бейль, миланец, жил, писал, любил».

Путь писателя к известности был долгим. Да он и сам напророчил себе, сказав, что слава придет к нему не раньше чем через полвека. Стендаль не вписался ни в один из литературных стереотипов своего времени, поскольку забежал вперед – в пору возникновения психологического реализма. Его друг Р. Коломб в 1850-е гг. издал все его произведения.

При жизни Стендаля его творчество признавалось немногими современниками, среди которых были Дж. Байрон, О. Бальзак, И. Гёте, П. Мериме, А.С. Пушкин. Переоценка его произведений произошла во второй половине XIX в., после чего Стендаль вошел во французскую и мировую литературу.

В 1933 г. в Гренобле был создан Музей Стендаля.

На русский язык Стендаля переводили Д. Лифшиц, Н. Любимова, А. Чеботаревская, М. Богословская.

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН (1788–1824)

Байрон о себе оставил всемирную славу, у которой две стороны: слава великого поэта и слава великого распутника. Слава истового богоборца ничего не добавила к ним, а лишь проявилась в его творчестве и судьбе. Современники, отвернувшиеся при жизни от этого исчадия ада, лишь добавили ему посмертной известности. Гостей поэт любил угощать изысканным вином из кубка, оправленного золотом. Поэзия подавалась так же.

Своим талантом Байрон был обязан Богу, против Бога он его и употребил. А распутством пошел в отца, «Безумного Джона» Байрона, которого дед, адмирал «Джек Непогода» лишил за пороки и ослушание наследства. Мать будущего поэта Кэтрин происходила из древнего шотландского рода таких же шальных, как норманы Байроны, Гордонов. Бравый супруг часто доводил страшненькую толстушку-женушку до истерики, пока не промотал все ее состояние и не сбежал во Францию, где вскоре нашел вечный покой.

Явился на свет Джордж Гордон Байрон 22 января 1788 г. в Лондоне. Родился он с искривленной ногой, чему сокрушался всю жизнь и даже выработал особую скользящую походку, скрывающую его хромоту, и, в то же время, наслаждался этим «предзнаменованием проклятой судьбы». Собственно, этот

контраст уродливой ноги и прекрасного лица красноречиво отражал и саму суть поэта. Юноша компенсировал свой физический недостаток многолетними тренировками, благодаря которым стал первоклассным боксером, наездником и пловцом.

После смерти двоюродного деда Уильяма Байрона десятилетний Джордж Гордон унаследовал титул пэра и аббатство Ньюстед под Ноттингемом и стал шестым лордом Байроном, надутым и спесивым не по годам.

В подготовительной школе Хэрроу лорд прославился своим своенравием, а в Кембридже бунтарством. В студенчестве опубликовал свой первый поэтический сборник «Часы досуга». Число друзей у него было не меньше числа любовниц. День был расписан по минутам: верховая езда, фехтование, гребля, стрельба, застолье, служанки, стихи.

Став в 21 год членом палаты лордов, Байрон со скуки и спасаясь от столичных заимодавцев, отправился в путешествие по странам Южной Европы, в пути сочиняя свой первый стихотворный роман «Паломничество Чайльд-Гарольда», в котором изображал самого себя. Надо отметить, что ему решительно удалось наделить героев произведений собственными пороками, чем он немало гордился.

В Греции Джордж проникся стремлением греческого народа добиться независимости от Турции, а также красотой бесчисленный гречанок.

Первая речь лорда в парламенте мало кого затронула, но появившийся вскоре «Чайльд-Гарольд» сделал его знаменитым и желанным гостем во всех гостиных столицы, которые молодой повеса использовал по прямому назначению. Вскоре о его романах с замужними дамами и заодно с их служанками стали говорить больше, чем о его романе в стихах.

Когда Байрон посягнул на честь всеми уважаемого лорда Лэма и сделал его супругу леди Каролину своей любовницей, назрел грандиозный скандал, из которого поэт вышел, предложив руку и сердце двоюродной сестре Каролины, не обремененной супружеством Анабелле Милбенк. Брошенная Каролина жестоко отомстила позднее поэту, распустив слухи о его кровосмесительстве и гомосексуальных связях. Не станем расставлять точки над «и», но одно верно: от Байрона его сводная сестра Августа родила дочь Медеру.

Не окончился «медовый месяц» с Анабеллой, как началась «жизнь втроем» с приехавшей погостить Августой. Тогда же стало известно, что поэт должен кредиторам неподъемную сумму в 30 000 фунтов, в чем Джордж ничтоже сумняшеся тут же обвинил супругу и ушел в загул. По ночам его мучили кошмары. Для

Анабелл это было слишком, она забрала родившуюся к тому времени дочь Августу Аду, подала в суд на развод и покинула пэра Англии навсегда.

От поэта вообще отвернулась вся столица. Как-то Байрон пришел на прием, дамы, точно сговорившись, разом покинули гостиную, а господа отказались пожать ему руку. Когда выгоняют, надо уходить.

«И показалось мерзким все кругом: // Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом».

В 1816 г. Байрон навсегда покинул Британию и покатил «по Европам». А там все те же стихи, любовницы и скука. Благо, не надо было думать о хлебе насущном, тем более что через два года он продал свое поместье за 94 500 фунтов и расплатился с долгами.

В Женеве Джордж познакомился с поэтом Перси Биш Шелли. Уже был написан цикл «Восточных поэм», а в годы дружбы с семейством Шелли Байрон сочинил «Шильонского узника», «Манфреда», еще две песни «Чайльд-Гарольда», сатиры «Беппо» и «Дон Жуан». Став отцом внебрачной дочери Аллегры, Байрон, расставшись с ее матерью Клэр Клермон, оставил ее у себя.

В Венеции поэту потекли гонорары рекой – 7000 фунтов ежегодно. Они принесли покой и уверенность, но не могли вернуть ему одного – молодости. В тридцать лет он уже был опустившимся, потолстевшим, лысеющим и обрюзгшим. В страстном желании быть «в форме» Джордж шарахался от одной диеты к другой, а потом срывался в кутеж.

И тут судьба подарила ему молодую и прекрасную девятнадцатилетнюю графиню Терезу Гвиччиоли. Синьор Гвиччиоли был старше ее на сорок четыре года, и Байрон достойно заменил дряхлого супруга. Встречались они в прибрежных гостиницах. Вскоре их встречи благословил сам папа римский, и супруги Гвиччиоли стали жить врозь. Байрон с Терезой проживали в Равенне. Совместная жизнь с ней круто изменила характер Байрона: он стал «домашним» и забыл о любовных утехах «на стороне». Много писал, сочинил самую выдающуюся свою драму в стихах «Каин», в которой окончательно встал на сторону Люцифера. Против «Каина» ополчились все добропорядочные современники, а их еще в те времена хватало.

В 1821 г. вскрылся заговор карбонариев, в котором участвовали отец Терезы граф Гамба и его сын Пьетро. Графа с семейством изгнали из Равенны, с ним уехала и Тереза.

Байрон отдал Аллегру в монастырскую школу и перебрался в Пизу, где в это время жил Шелли с семьей. После смерти тещи Байрона, леди Ноэл, поэт унаследовал 6 000 фунтов и взял имя

Ноэл, поскольку это было условием получения завещанной суммы. Отныне поэт стал именоваться Джордж Ноэл Гордон Байрон.

Через год от малярии умерла пятилетняя Аллегра и утонул, переплывая на яхте в шторм залив Специя, Шелли. На попечении Байрона остались Мэри Шелли и шестеро ее детей. Потеря дочери и друга сделали Байрона мизантропом. Он писал, пил и не мог избавиться от тоски и пустоты.

В один из таких беспросветных дней к Байрону обратился Лондонский комитет помощи Греции с просьбой об активном участии, тот охотно согласился. 16 июля 1823 г. Байрон вышел в море на зафрахтованном им судне «Геркулес», оснащенном двумя орудиями и груженном медикаментами, оружием и боеприпасами. На острове Кефалония поэт присоединился к командующему повстанцами князю Маврокордато. Вожди делили между собой власть, и им кстати пришлись средства, выделенные Байроном на восстание. Они сильно были обескуражены явлением самого поэта, им достаточно было его денег. Чтобы как-то избавиться от непрошеного гостя, они отрядили Байрона в не самые лучшие войска – поэт возглавил отряд греко-албанцев, жаждал боев, но судьба уготовила ему иное.

Искупавшись в весеннем море, Джордж сильно простудился. Не вылечившись, промок под ледяным дождем и подхватил воспаление легких. Мучения продолжались несколько недель. Последними его словами к врачу были: «Так вы действительно думаете, что я опасаюсь за свою жизнь? Что мне ее жалеть? Разве я не получил от нее всех возможных и невозможных удовольствий?»

Лорд Байрон умер 19 апреля 1824 г., в годовщину смерти Аллегры.

Поэту было отказано в чести быть похороненным в «Уголке поэтов» Вестминстерского аббатства. По главным улицам Лондона прогромыхали огромный катафалк, три экипажа с друзьями усопшего и еще 47 пустых карет самых знатных семейств Англии, не нашедших уместным лично участвовать в похоронной процессии. Через четыре дня останки поэта были погребены в семейном склепе скромной церкви возле родового поместья.

Смерть Байрона вызвала на континенте в либеральной части общества чувство печали и была оплакана И.В. Гёте, А.С. Пушкиным, К.Ф. Рылеевым. Судьба Байрона чаще губительным образом воздействовала на все европейское общество первой половины XIX в., а его творчество явилось откровением для многих молодых поэтов Европы. В России «байронизмом»

переболели А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Все выдающиеся поэты России почитали за честь перевести на русский язык строки Байрона.

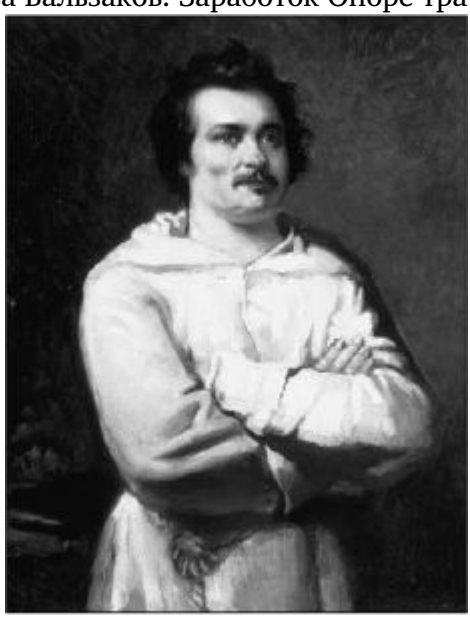
ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК (1799–1850)

В произведениях Бальзака вот уже более полутора столетий живут (и не умирают!) четыре тысячи персонажей – чтобы запомнить одни только их имена, человеку с хорошей памятью понадобится не один месяц. Множество типов и характеров людей разных сословий и профессий без всякой натяжки позволяют назвать творческое наследие писателя энциклопедией не только французской жизни, а буржуазной жизни Европы вообще.

Оноре Бальзак родился 20 мая 1799 г. во французском городе Туре. Его отец Бернар Франсуа Бальсса – крестьянин, разбогатевший в годы революции на скупке и продаже конфискованных дворянских земель. Став помощником мэра, он изменил фамилию на Бальзак.

Родители устроили маленького Оноре в Вандомский коллеж, где мальчик безвыездно провел шесть лет, ни разу не побывав дома. Книги заменили Оноре семью и скрасили его одиночество. Тогда же он написал свои первые сочинения.

В пятнадцать лет родители забрали заболевшего Оноре домой. Вскоре семья перебралась в Париж, где юноша поступил на факультет права в Сорбонне. Одновременно он подрабатывал, служа клерком у юриста Мервиля и нотариуса Пассе, близких друзей семейства Бальзаков. Заработок Оноре тратил на книги.



Окончив Сорбонну, новоиспеченный бакалавр заявил

родителям о своем желании стать писателем. После бурных споров отец отвел ему на достижение успеха на литературном поприще два года, в случае неудачи Оноре должен был «заняться достойным делом». Назначенное время Бальзак провел затворником в мансарде старого дома, сочиняя историческую трагедию. На семейный суд, куда были приглашены друзья Бальзаков, он представил своего «Кромвеля». Драму признали никудышной. Поскольку Оноре был не согласен с вердиктом, обратились к профессору литературы, который был категоричен: «Автору надлежит заниматься чем угодно, но только не литературой». Бальзак в ответ сказал нечто вроде «сам дурак» и лишился пансиона.

Несколько лет молодой человек был наемным писателем, «выпекая» за мизерный гонорар бульварные романы, пока не понял, что недостойно растрачивает себя. В его талант поверила одна лишь Лора де Берни, крестница королевы, которая на всю жизнь осталась его другом и «избранницей».

Попутно, мечтая о богатстве, Бальзак занимался предпринимательством: открыл быстро прогоревший издательский концерн; провел несколько провальных опытов производства дешевой бумаги; создал предприятие по изготовлению литер, которое обанкротилось; стал было возрождать древнеримские серебряные рудники в Сардинии, но его опередил конкурент; купил загородный дом, на содержание которого у него не было денег. К 1826 г. коммерческая деятельность принесла бизнесмену долгов на сто тысяч франков. Если бы не Лора де Берни и мать, сидеть бы Бальзаку в долговой тюрьме.

Надо признать, что Оноре вообще везло только с женщинами и с литературой, но никак не с бизнесом. С женщинами Бальзак не порывал никогда, а в тридцать лет вернулся к литературе, которая и сделала его, в конце концов, если не богатым, то прославленным.

Бальзак издавна мечтал стать не просто известным литератором, а Наполеоном в литературе. В детстве на верхней полке его этажерки стояла полуметровая гипсовая фигурка Наполеона, со временем ее сменил мраморный бюст императора возле письменного стола.

Рабочий день писателя начинался в полночь и длился шестнадцать часов подряд с краткими перерывами для принятия очередной чашки черного кофе. Во время более длительных перерывов Бальзак буквально набрасывался на еду и на очередную любовницу. Последних было много. Одних только писем, в которых женщины восторгались его талантом, а часто и

предлагали ему в награду себя, у писателя накопилось около 12 тысяч.

Особое место в череде любовниц Бальзака занимали три аристократические особы, имена двух можно опустить за краткостью изложения, а третьей была польская графиня Эвелина Ганская, приславшая писателю письмо за подписью «Незнакомка» («Иностранка»), с намеками на то, что она красива, богата и несчастна в браке. Бальзак тут же клюнул и помчался на свидание в Швейцарию. Первоначально любовники показались друг другу несколько полноватыми, но это особо не расстроило их. Бальзак и Ганская встречались еще 18 лет, пока граф не отошел в мир иной. Тогда писатель сошелся с графиней на законных основаниях.

Период анонимного творчества у Бальзака кончился в 1829 г., когда в свет вышел роман «Шуаны, или Бретань в 1799 году». В следующем году он написал семь книг (в их числе «Семейный мир» и «Гобсек»), а затем «Шагреневая кожа» и «Женщина тридцати лет» резко подняли его имя во мнении читателей и критиков. С 1830 г. под общим названием «Сцены частной жизни» стали издаваться новеллы из современной французской жизни.

По мере накопления романов у Бальзака возникла идея создать историю современного ему общества и назвать ее наподобие Дантовой – «Человеческой комедией». План, заведомо провальный, однако, почти осуществленный – романист написал около ста книг, главные герои которых утверждали себя через столкновение владеющей ими страсти с социальной действительностью. «Комедия» принесла Бальзаку желанную славу и не сделала его богатым только потому, что он, в отличие от Гобсека, не копил богатство, а расточал его.

Не имеет смысла перечислять здесь все романы и рассказы Бальзака, лучше взять да прочесть их самим. Достаточно сказать лишь то, что они разворачивают перед читателем картину Франции, главной страстью и высшей мечтой которой стали в середине XIX в. деньги, на которые можно купить не то что любовь, но и саму страну.

Быть великим романистом Бальзаку казалось мало, он еще мечтал и о карьере политика и дважды безуспешно баллотировался в палату депутатов. В политике он вел себя достаточно гибко: сперва был бонапартистом, а потом стал сторонником Бурбонов; одобрял деспотизм, но служить в Национальной гвардии не стал, выбрав тюремное заключение.

Еще одной страстью у Бальзака было желание попасть в высшее общество. Преисполненный честолюбия, Бальзак жаждал принадлежать к аристократической элите. Блеск высшего света ослеплял его, утонченность манер пленяла. Он заказывал на

каждый день новые домашние халаты, шил фраки с золотыми пуговицами, вычеканенными по его заказу, приобретал трости, украшенные драгоценными камнями. Однако в глазах завсегдатаев аристократических салонов он выглядел не светским львом, а наряженной дворняжкой.

Незадолго до смерти писателя прокатили на выборах во Французскую академию, но «бессмертным» Бальзак стал и без того.

Многолетнее перенапряжение, ослабившее могучий организм графа (он, как и папаша, не мог пропустить благодатной возможности в мутной революционной воде выловить дворянскую частицу «де»), не могла снять поездка в Россию к возлюбленной госпоже Ганской, ставшей вдовой, с которой наконец-то можно было сочетаться законным браком. Более того, неблагоприятные условия русской зимы окончательно подкосили здоровье жениха. После свадьбы супруги вернулись в Париж, где Бальзак выстроил для Эвелины дом, в котором собрал великолепную коллекцию произведений искусства. Тогда же он узнал, что женушка не так уж и богата. Но это уже не имело для него никакой роли. Несколько месяцев спустя писатель умер от бронхита и болезни сердца. В последний миг своей жизни Бальзак никак не мог расстаться с миром, придуманным им самим. Умирая, он крикнул: «Пошлите за Бианчоном!» – студентом-медиком из «Отца Горио».

Первым на русский язык перевел «Евгению Гранде» Ф.М. Достоевский. Бальзака также переводили Н. Павлов, Б. Грифцов, С. Вышеславцева, Н. Немчинова, Л. Гуревич и многие другие.

АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ (1802–1870)

Славные были времена! Совсем как в его романах. Июльская революция 1830 г. – Дюма штурмует Тюильри с четырьмя франками в кармане. Рослый красавец, еще не Портос, но уже и не Арамис, олицетворявший, по его собственному выражению, «пылкую юность героического пролетариата». В разжигании пожара он участвовал, но тушить пламя своей кровью ему, к счастью, не пришлось. И довольно об этом. Он все-таки больше писатель, чем порученец генерала Лафайета.

Как писатель, Дюма не без позерства заметил: «Я бы мог иметь самый большой памятник, который когда-либо был воздвигнут в честь писателя, если бы только дал себе труд собирать все камни, что бросали в меня». Но он преувеличил – никто не собирался побивать его каменьями: тех, кто развлекает, забрасывают цветами.

Будущий романист-сказочник Александр Дюма Дави де Пайетери родился в городке Иль-де-Франса Виллер-Котре, неподалеку от Парижа, в 1802 г. Родился квартероном, поскольку его дед маркиз Антуан Дави де Пайетери был женат на чернокожей рабыне. Отец Дюма, Тома-Александр Дюма, был солдатом, а потом генералом Республики, окончившим свои дни в опале в 1806 г. Он-то и принял материнскую фамилию Дюма. После его смерти семья оказалась без средств к существованию. Мать мечтала сделать из сына скрипача или священника, но денег не было, и Александр пошел в сельскую школу, а заодно и трудился писцом у нотариуса.

В 20 лет Дюма уехал в Париж. Друзья отца помогли ему получить должность в Пале-Рояле в канцелярии герцога Орлеанского, будущего короля Франции Луи Филиппа.

Мечтой его было осчастливить человечество плодами своего литературного труда. Начал, правда, он с более простых дел – помог явиться на свет своему внебрачному сыну Александру. А потом после трех лет упорного труда выпустил и «Современные новеллы».

Ему не давала покоя слава Шекспира, и потому Дюма приступил к написанию драмы совместно с приятелями – Дж. Руссо и А. де Левеном. Приятели писали, а он по лености, владея безукоризненным литературным слогом, лишь обрабатывал. Водевиль «Охота и любовь» прошел незамеченным.

Когда небольшая группа поэтов и прозаиков во главе с В. Гюго объявила себя приверженцами нового направления во французской литературе – романтизма, Дюма первым среди романтиков добился большого успеха как автор исторической драмы «Генрих III и его двор» в духе предреволюционных настроений французов. Опять же поговаривали, что Дюма не обошелся без соавторов – переработал чьи-то воспоминания. На премьере в «Комеди Франсез» присутствовала знать во главе с герцогом Орлеанским. После этого Дюма написал еще несколько пьес, некоторые в соавторстве.

Вскоре писатель стал специализироваться на литературной обработке чужих вещей. Ему, как автору, шли слава и гонорар, а соавторам проценты по договору. Об этой стороне литературной деятельности Дюма говорили и писали много, начиная с

памфлета «Торговый дом "Дюма и К"» некоего Эжена Мирекура. Только известных соавторов у него была дюжина, а сколько неизвестных, продавших свой талант за миску похлебки, одному Богу известно.

В 1832 г. на похоронах опального наполеоновского генерала Ламарка писатель возглавил колонну артиллеристов, следовавшую за траурным катафалком. Шествие разогнали, началось восстание, жестоко подавленное. Дюма угрожал арест. Несколько месяцев он скрывался в Швейцарии.

Вернувшись на родину, писатель начал работу над циклом романов, которые должны были отразить огромный период исторического развития Франции – от XV до XIX в. Познакомившись с Огюстом Маке, школьным учителем, мечтавшим о литературной славе, Дюма стал нещадно эксплуатировать его. Он купил у Маке за приличную долю от гонораров отказ от авторства, что в последующем свело на нет все попытки журналистов докопаться до истины. Только в 1858 г. Маке сам подал на Дюма в суд, требуя восстановить его в авторских правах, но проиграл процесс.

Маке участвовал в написании 12 самых известных произведений Дюма, в том числе «Три мушкетера», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон», «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять», «Граф Монте-Кристо» и др. После скандального разрыва с соавтором романист не создал ничего хотя бы равного этим вещам. В тандеме Дюма – Маке последний рылся в архивах и библиотеках, сбивая костяк произведения, а первый литературно отделывал. По верному замечанию писателя В. Еремина, «согласно этому принципу сегодня автором всех великих романов считался бы Маке, а Дюма остался бы никому не известным редактором этих книг». Кстати, в ряде стран эти романы издаются под двумя фамилиями.

Роман «Граф Монте-Кристо» критики считают вершиной творчества тандема Дюма – Маке. Он вышел в 136 номерах парижской «Газеты дискуссий» и сделал авторов богатейшими людьми Парижа. После этого Дюма, по слухам, лишь правил написанное его помощниками, а публиковал под своим именем. Писатель удивительным образом сочетал огромное трудолюбие с барской леностью. Он мог днями не прикасаться к перу, а затем писать по пятнадцать – восемнадцать часов подряд. Так, например, роман «Шевалье де Мезон-Руж» он на спор написал за три дня, запершись в комнате и подсовывая под дверь готовые страницы.

Охочий до слабого пола Дюма неожиданно для всех женился на актрисе Иде Ферьер. Оказывается, та шантажировала его

долговой тюрьмой, заранее скупив векселя писателя. Молодожен сквозь пальцы смотрел на шалости женушки и сам не пропускал ни одной юбки.

Свои вещи Дюма писал для взрослых, оценивших в нем прежде всего драматурга, а не романиста. Но со временем произошла рокировка, и на первый план вышли его романы, а их читатели во всем мире заметно помолодели и задрали планку Дюма выше планки Бальзака и Стендаля. Произошло вполне закономерное явление: когда цивилизация дряхлеет, на арену выходят все более молодые ее «деятели», со своими оценками, в том числе и культуры, более понятной им картинками, а не философией, и которые в конце концов и заколачивают культуру и цивилизацию в гроб.

После переворота 1851 г. опальный литератор сбежал от кредиторов в Брюссель. Два года он провел в России, посетил Азербайджан, три года участвовал в борьбе за объединенную Италию, где познакомился с Д. Гарибальди и сопровождал его в походе на Сицилию, а после свержения неаполитанского короля некоторое время был директором национальных музеев в Неаполе. Во время войны между Пруссией и Австрией Дюма в качестве корреспондента слал с фронта в парижские газеты обзоры военных действий. И всюду за ним следовала слава литератора, кулинара и любовника. Все годы он не переставал сочинять исторические романы.

Последние годы жизни писатель провел в крайней бедности. От нищеты его спасали дети – дочь-писательница и сын Александр, автор «Дамы с камелиями» («Травиата»).

Умер Дюма в городке Пюи 6 декабря 1870 г., успев написать и выпустить более 500 произведений разных жанров и осчастливить не менее 500 любовниц, преимущественно молоденьких актрис. Известие о первых поражениях французов во время франко-прусской войны писатель воспринял как личное горе. После удара он с трудом добрался до дома сына, где и скончался. Смерть его прошла незамеченной.

На надгробном памятнике писатель изображен вместе с д'Артаньяном. В 2002 г. Франция отметила 200-летие со дня рождения Дюма, а его прах с почетом перенесли в Пантеон.

Произведения Дюма переведены на множество языков и служат материалом для многочисленных театральных постановок и кинофильмов.

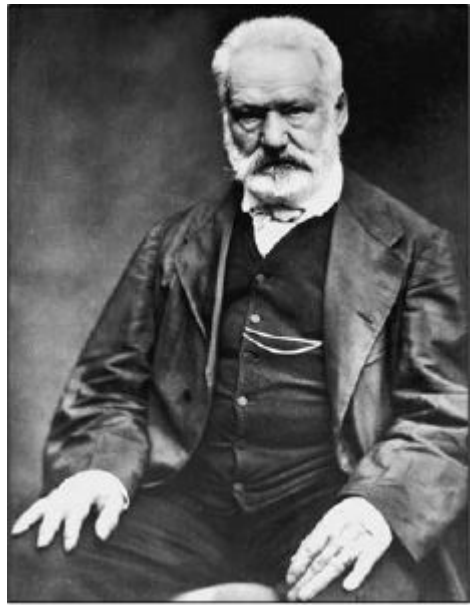
ВИКТОР ГЮГО (1802–1885)

Последними словами Гюго были: «Я вижу. черный свет». Полный контраст тому, как видел уход из мира Л.Н. Толстой. За гробом Гюго, установленным на катафалке для бедных, шла двухмиллионная процессия. Поэт, как писали биографы, победил на поле славы своего соперника – императора Наполеона. Однако исторический, да и жизненный опыт подсказывает, что нередко подобная слава – нездоровая слава.

Провозгласив «идею мира во всем мире», Гюго в своем романе о Французской революции «93 год» раскрыл, каким же он видит этот мир: «В дьяволе Бог». Поэт (а Гюго во Франции чтут именно как поэта) предложил миру альтернативу его божественному устройству, которое человечество с лихой радостью и захватило в XX век.

Виктор Мари Гюго родился 26 февраля 1802 г. в Безансоне. Отец Гюго, лотарингский крестьянин, стал генералом наполеоновской армии, его мать – из рода мореходов и судейских чиновников, была роялистка-католичка.

Детство Виктор провел меж двух огней и меж двух стульев. Родители не ладили друг с другом, то расходились, то сходились, и ему вместе с двумя братьями приходилось то следовать за отцом, часто менявшим места службы за границей (Корсика, Эльба, Италия, Мадрид), то жить с матерью в Париже. Вернувшись во Францию, генерал Гюго определил сыновей в лицей «Людовика Великого», где они провели четыре года.



Виктор с детства пристрастился к литературе, особенно к поэзии, а начал писать уже в подростковом возрасте. В 14–15 лет он сочинил три (неопубликованные) пьесы и получил почётный отзыв на конкурсе Академии за стихотворение. Через два года ему присудили две престижные поэтические премии; а своей ультрароялистской сатирой «Телеграф» он впервые привлек к себе внимание читателей.

Отец был против литературных занятий Виктора, мать же его всячески поддерживала. После ее смерти юноша остался гол как сокол. Целый год он в поте лица зарабатывал кусок хлеба неустанным писательством.

Репутацию монархиста Гюго упрочил публикациями в литературном приложении к роялистскому католическому журналу «Консерватор». Там же он отстаивал традицию классиков французской литературы и напечатал свой первый поэтический сборник «Оды». От Людовика XVIII ему последовала пенсия в 1000 франков, которую поэт посчитал достаточной для того, чтобы жениться на Адели Фуше.

Виктор стал бывать в свете, получил там кличку Фавн и величаво рассуждал о добродетели и нравственности, пока дамы света не отвратили его от этих пагубных речей.

В 1823 г. Гюго издал первый роман «Ган Исландец» и стал членом первого литературного кружка романтиков. Через пару лет, как истовый роялист, он получил орден Почётного легиона.

Поэтом заинтересовались масоны, после чего Гюго резко перешел на антимонархические и атеистические позиции, возглавил новый кружок писателей-романтиков «Сенакль», в

который вошли Ш.О. Сент-Бёв, А. Мюссе, П. Мериме, А. Дюма-отец и другие. Драма «Кромвель» явилась литературным манифестом романтизма. Представление пьесы «Эрнани», где главным героем стал разбойник (и это весьма симптоматично!), было прервано демонстрациями и беспорядками в столице – шел 1830 год. Гюго в одночасье стал богатым и знаменитым, а еще судьба подарила ему любовницу на целых тридцать лет – актрису Жюльетту Друэ. Его жена Адель не осталась в долгу и стала любовницей критика Сент-Бёва.

В рамках романтизма главной задачей поэта Гюго считал показ действительности не такой, какая она есть, а какой она должна быть. Этому и служили его пьесы, имевшие в основном политический успех, причем достаточно дешевый – место героев заняли куртизанки, шуты, лакеи. Так, постановка «Рюи Блаза» явилась неслыханным поруганием норм классиков: фабула пьесы заключалась в романе лакея и королевы.

Гюго уже в 1830-е гг. стал примирять непримиримые классы, хотя все ярче и убедительнее показывал пропасть между ними, а героями делал людей не только отверженных, но и отвернувшихся от Бога. Примирение Гюго понимал в очень широком интервале: от отмены смертной казни в Европе (правда, за исключением министров Карла X) до всеобщего мира.

В 1831 г. вышел роман Гюго «Собор Парижской Богоматери», где главными «положительными» героями стали цыганка-колдунья и отвергнутый Богом горбун, а их антиподами – негодяи священник и аристократ.

В 1840 г. Гюго опубликовал сборник стихов «Лучи и тени», посвящённый его кумиру – Наполеону.

Пять раз Французская академия отвергала кандидатуру Гюго, на шестой, в 1841 г., приняла. Академикам не очень нравились его достаточно скучные вещи, в которых сам писатель выглядел если и философом, то пустым и злым. В своей речи писатель высказался за короля против республики и через несколько лет королевским декретом был возведен в графское достоинство и стал пэром Франции. Наконец-то сбылась его детская мечта – он стал аристократом! Невероятное тщеславие Гюго граничило чуть ли не с комплексом мессианства.

С 1844 г. Гюго – великий магистр знаменитой в истории масонской ложи «Приорат Сиона».

После революции 1848 г. Гюго стал республиканцем и выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах. Он приветствовал пришедшего к власти Луи Наполеона, а не получив места в правящем кабинете, выступил против него. После государственного переворота 1851 г., когда Луи Наполеон

провозгласил себя императором Наполеоном III, Гюго покинул страну и жил на островах в проливе Ла-Манш и в Брюсселе. Публиковал один за другим памфлеты против Наполеона III и вообще против «всех царей и угнетателей».

Когда через шесть лет император амнистировал изгнанных из страны депутатов, Гюго остался в эмиграции.

За 20 лет изгнания писатель опубликовал ряд своих великих произведений, в их числе три грандиозных романа – «Отверженные», «Труженики моря» и «Человек, который смеется». В «Отверженных» главными героями выведены вор-каторжник и проститутка, любимые персонажи сегодняшней «чернухи». Смешивая для своего вымышленного мира два цвета – черный и белый, Гюго являл читателям, как правило, беспросветный мир. Выход же от несправедливого к справедливому писатель видел не в революции, которая уничтожает истинных виновников несправедливости, но вовсе не освобождает от них, а в моральном самоусовершенствовании, в нравственной победе добра над злом. А еще он мечтал, сохранив собственность, уничтожить нищету и эксплуатацию: «всякий человек будет собственником, никто не будет хозяином».

На другой день после падения Наполеона III (1870 г.) Гюго вернулся в Париж. Избранный в Национальное собрание, он проголосовал за продолжение франко-прусской войны. После провозглашения Парижской коммуны писатель стал на сторону коммунаров. Необходимость борьбы и террора оттолкнуло Гюго от Коммуны, и он вернулся в Брюссель, откуда призывал Коммуну и Версаль к перемирию. После разгрома коммунаров писатель скорбел и одинаково жалел «мучеников и палачей». В том же году он вернулся в Париж и дважды выставлял свою кандидатуру на выборы в парламент, но был забаллотирован.

В своем последнем романе «93 год», а также в ряде антиклерикальных поэм и памфлетов Гюго провозгласил очередную утопическую идею – пацифистскую «республику милосердия». В 1880 г. он обратился к французскому правительству с требованием о невыдаче России члена «Народной воли» Льва Гартмана, участника убийства Александра II.

Писал Гюго до последних своих дней, но написанное ничего не прибавило к его славе, во многом сформировавшейся благодаря сюжетам, содержание которых позднее назовут гэговским.

22 мая 1885 г. Гюго умер от пневмонии; похоронен в Пантеоне.

Переводили Гюго на русский язык В. Буренин, К. Федин, М. Шишмарева, Г. Шенгели, М. Зенкевич и многие другие.

ЖОРЖ САНД (1804–1876)

Сегодня о ней писали бы взахлеб все гламурные журналы, а телевидение растащило бы по каналам. Скандалы, шоколад, романы – романы не только для души и тела, но и от одной только души – что еще надо публике, у которой за душой ничего этого нет?

Жорж Санд (настоящая фамилия – Амандин Люси Аврора Дюпен) родилась 1 июля 1804 г. в Париже. В ее родословной смешалась кровь королей и плебса. Не уходя вглубь веков, отметим лишь, что ее отец был адъютантом у маршала Мюрата, а мать – парижской портнихой.

Ранняя смерть отца внесла раздор в отношения матери и бабушки, в чьем доме Аврора провела большую часть своего детства. Бабка-аристократка то и дело попрекала сноху низким происхождением и вольностью нрава, а девочка защищала мать. Аврора росла горячей и непослушной. В 13 лет она с ружьем гонялась за зайцами и отлично ездила верхом.

От бабушки Аврора унаследовала имение с замком Ноан в провинции Берри. Бессистемное образование, полученное в деревенской школе, она восполнила тремя годами обучения в английском католическом монастыре в Париже.

В восемнадцать лет Аврора вышла замуж за артиллерийского поручика Казимира Дюдевана, чьи интересы не шли дальше

горничных, пирушек и провинциальных сплетен. Супруг был сильно разочарован тем, что имение жены оказалось не таким крупным, как он рассчитывал, чем постоянно ее попрекал. У них родились сын Морис и дочь Соланж (отцом которой, как оказалось, был некто Стефан де Грансань).

Аврора в качестве домохозяйки с трудом сводила концы с концами. Это служило источником нескончаемых раздоров. Тогда в отместку женщина занялась переводами и начала писать роман, который позднее сожгла. От скуки она ездила верхом, не отпрашиваясь у супруга, в соседний замок, где общалась с «интеллектуалами» – студентами, начинающими литераторами, юристами. От них она узнала в июле 1830 г. о революции и произнесла свое первое «ура». Ссоры супругов привели к тому, что Аврора с дочерью (сын остался с отцом) уехала в Париж. На женские наряды положенного им скудного содержания не хватало, и Аврора стала носить мужской костюм, чем немало шокировала столичную публику. Летние месяцы она проводила в Ноане.

Уже первый неудачный опыт супружества выявил главные черты характера писательницы, которые (помимо таланта) и «сделали» ее биографию. Аврора не признавала в мужчине господина, ей плевать было на мнение общества, и залогом своего успеха и счастья она считала только свой талант и упорный труд. А еще Аврора не ждала милости от природы. Вскоре она помогла молоденькому литератору Жюлю Сандо сочинить никудышный роман «Роз и Бланш». Роман вышел под именем Жюль Санд. С соавтором Аврора открыто поселилась в небольшой мансарде на набережной Сен-Мишель, а вскоре забрала к себе и Соланж. На следующий год она сузила круг обязанностей Жюля и одна написала роман «Индиана». Читатели и критики встретили книгу, изданную под псевдонимом Жорж Санд, благосклонно.

Ну а дальше началась жизнь, изобилующая романами, в обоих смыслах. В начале было слово – писательница ежедневно проводила за письменным столом не менее шести-восьми часов, исписывая двадцать положенных листков, а в постель шла после этого, отчего почти все любовники называли ее «холодной». Жорж мужчины были нужны лишь для того, чтобы по-матерински их опекать, и с ними выходить в свет.

Ее творчество делится на четыре периода: идеалистический, в котором она боролась за права женщин и свободу любви; мистико-социалистический, в котором проповедовала смешение классов через любовные и брачные союзы; «деревенский» и «любовный». Будучи в зените славы, Санд без всякой рисовки говорила, что ненавидит «свое ремесло».

Всех мужчин Жорж Санд не назовешь, да и надо ли? Упомянем лишь о самых «известных». Знать бы, почему они так льнули к ней? Она не была «секс-символом», не была красоткой или кокеткой. Себя она вообще называла «уродиной». Бальзак, хоть и покоренный ее умом, писал Ганской, насколько антипатична ему эта «мужиковатая дама» с властным низким голосом и крупными чертами лица. После Сандо и еще кого-то был П. Мериме, трехсуточный роман с которым обсуждался год. Об А. де Мюссе, с которым Жорж прокатилась в Италию, она поведала в книге «Она и он».

Осенью 1836 г. Санд развелась с Дюдеваном, получила в безраздельное пользование и Ноан, и детей, что по тем временам стало прецедентом, и ее свобода наконец-то обрела официальный статут.

Шесть лет связывали Санд непростыми отношениями с Ф. Шопеном. Были еще Ф. Лист, критик Сент-Бёв, А. Дюма-отец. Сердце Жорж принимало всякого «возвышенного» мужчину. А были еще врачи, юристы, деятели науки и культуры, прочие граждане, но оставим их. Не станем порицать Жорж, ее до нас осудили обе половины человечества, а прежде всего Соланж, презиравшая свою мать и издевавшаяся над ней по любому поводу.

Душу Санд одно время терзали страсти политические. Перед революцией 1848 г. Шопен оказался невольным свидетелем, как Жорж благосклонно внимала группе засаленных мужчин, один из которых, бросившись к ее ногам, называл ее «возвышенной». Она тогда и впрямь была «возвышенно» демократичной и либеральной. После того как народ вынес из дворца Тюильри трон бежавшего Луи Филиппа и сжег его на огромном костре, она вдруг вообразила себя мозгом и центром нового режима. В преддверии всеобщих выборов Санд в «Бюллетене республики» в необоримом душевном порыве призвала к мятежу, который и случился (правда, независимо от ее призывов). Мятежников арестовали. Жорж тоже ждала ареста, но никто не пришел. Это ее сильно огорчило.

Когда в 1848 г. президентом республики избрали Луи Наполеона, Санд видела в нем защитника интересов республики.

Но после того как президент распустил Национальное собрание и стал расправляться с республиканцами, Санд, пользуясь личным знакомством с ним, потребовала аудиенции. Жорж обратилась к Луи: «Принц, я взываю к вам с глазами, полными слез: – Остановись, победитель! Остановись! Пощади сильных так же, как пощадил слабых! – Амнистию, скорее амнистию, принц!» Принц, восхищенный ее смелостью и

независимостью, рекомендовал соотечественницу министру внутренних дел Персиньи, и тот таки задержал несколько партий политических ссыльных и даже помиловал четырех молодых людей, которых уже везли на эшафот. В какой-то момент Санд прозвали «святой из Берри», и она очень гордилась этим прозвищем.

В ноябре 1852 г. Луи Наполеон стал Наполеоном III. Жорж вычеркнула принца из своего сердца и вернулась в Ноан – писать. Писала она до конца жизни, но к своему творчеству относилась равнодушно – как к необходимой работе. Также равнодушно восприняла она и Парижскую коммуну. Свои последние годы Санд мирно провела в Ноане в кругу семьи и близких. Вместе с ней жил ее давний любовник, гравер Мансо, за которым она ухаживала полгода, прежде чем тот скончался от затяжной болезни. Заслужив напоследок прозвище «добрая дама из Ноана», Жорж Санд покинула этот свет 8 июня 1876 г.

В XIX в. все произведения Санд были на слуху, но сегодня читают разве что «Консуэло» да мемуары. Среди выдающихся почитателей творчества Жорж Санд в России стоит отметить Ф.М. Достоевского. На русский язык Санд переводили Р. Лифшиц, Н. Сидифарова, Н. Хотинская, Н. Жаркова, А. Бекетова и многие другие.

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН (1805–1875)

Сказка – это то, что никогда не заканчивается: она встречает нас в колыбели и провожает в последний путь. И кто его знает, не встречает ли нас она и за той гранью. Андерсен сочинил более четырехсот сказок, и его собственная жизнь – одна из них, это история гадкого утенка.

Родился Ганс Христиан Андерсен 2 апреля 1805 г. в Дании, на окраине старого городка Оденса, расположенного на острове Фюн. Отец его был сапожником, мать – прачкой. Жили очень бедно. Родители, тоже Ганс Христиан и Анна Мария, любили друг друга, души не чаяли в своем единственном сыне и никогда его не наказывали. Отец, самоучкой постигший грамоту, каждый день читал сыну Библию и сказки «Тысячи и одной ночи», пел ему песни, изредка водил в театр, после которого дома разыгрывали целые спектакли, делал сыну игрушки и шил им одёжки. У мальчика в сколоченном ящике был кукольный театр, там он «ставил» свои пьесы и «Макбета» Шекспира.

Ганс Христиан часто бывал в госпитале для душевнобольных, где лежал его дед. Там же работала и его бабушка. Мальчик с увлечением слушал невероятные истории больных и позднее написал, что его «сделали писателем песни отца и речи безумных».

Маленький Андерсен был очень некрасив и застенчив. Из-за того, что над ним смеялись все дети, он сидел дома либо скрывался у реки, где сочинял и напевал мелодии. Позже многие люди специально приходили послушать «маленького соловья с острова Фюн».

Родители отдали Ганса учиться к вдове перчаточника, но после первой же порки мальчик сбежал от нее. Потом без особого прилежания учился в школе для бедных. Читать и писать он научился только к 10 годам.

Когда Гансу Христиану исполнилось 11 лет, от физического перенапряжения заболел и умер его отец. Мать искала поденную работу и откладывала деньги на учебу сыну. Она хотела было отдать его в ученики к портному, но мальчик от одной только мысли об этом пришел в ужас. Как-то он случайно выступил статистом на сцене и возмечтал о театре. Но театр театром, а в 12 лет Гансу все же пришлось стать подмастерьем на суконной фабрике, откуда, не вытерпев издевательств, он ушел на табачную фабрику.

В 14 лет с 13 монетками и несколькими рекомендательными письмами, в новых сапогах, Андерсен приехал в Копенгаген и пошел устраиваться в королевский театр. Он выучил много сцен и стихов наизусть, хорошо пел, но имел такую неактерскую внешность и так дурно был одет, был так смешон и нелеп, что его тут же выставили за дверь.

Юноша снял каморку и в ней продолжал разучивать роли и писать пьесы. Три года он обивал пороги у театра, жил впроголодь, пока не опубликовал пьесу «Разбойники в Виссенберге». Его тут же заметили несколько влиятельных лиц, и прежде всего директор столичного театра Й. Коллин. Став Гансу Христиану со временем вторым отцом, Коллин добился для него ежегодной королевской стипендии и отправил учиться во второй класс латинской гимназии. Там юноша изучал литературу, датский, немецкий и латинский языки; посещал уроки в балетной школе, изредка играл в театре небольшие роли; опубликовал свои первые стихотворения, получившие положительный отзыв критики.

В 1828 г. Андерсен поступил в Копенгагенский университет, по окончании которого отправился в первое путешествие по Германии. Вернувшись домой, жил по-прежнему впроголодь.

Посвятив королю Фредерику цикл стихов о Дании, Ганс Христиан получил пособие, на которое смог совершить путешествие по Европе. Всего за свою жизнь Андерсен побывал в 29 путешествиях, объездил всю Европу, посетил Северную Африку и Малую Азию. О каждом путешествии он оставил путевые очерки и прекрасные рисунки.

После выхода романа «Импровизатор» о писателе заговорила вся Европа, только не Дания – для ее интеллектуальной элиты он долго еще оставался безграмотным выскочкой, хотя его очерками о путешествиях зачитывались, а на театральной сцене с успехом шли его пьесы. Автор по бедности мог смотреть их только с галерки.

Первый сборник сказок Андерсена вышел в 1835 г. Тоненькие книжечки зачитывались до дыр, а критики устраивали грамматический разбор сочинений. Их вообще не устраивал писатель – ни происхождением, ни внешностью, ни чудачествами, ни новаторством в стиле, которое они квалифицировали как безграмотность.

Андерсен прекрасно рассказывал свои истории. Часто он сочинял сказку экспромтом. Как, например, сказку о «Соловье» начал со слов: «В Китае все жители – китайцы и сам император – китаец», а дальше пошло само собой. Писатель вообще писал очень легко. Даже большие истории рождались всего за одну ночь, редко – за два дня. Но ни одну из них он не отдавал в печать, пока не убеждался, что её уже нельзя доработать. Оттого-то каждая его сказка – перл.

Почти сорок лет Андерсен отдал сказкам. Тогда сказки писались не для детей, а для взрослой аудитории. Так писали до него и Ш. Перро, и братья Гримм, и В. Гауф. Детская литература вообще стала детской уже после него, в конце XIX в. Благодаря сказкам писатель стал знаменит. Люди узнавали его на улицах. В Шотландии он забыл в гостинице свою трость. К этой трости прикрепили записку «Датскому писателю Андерсену», и эта трость нашла его.

Во вторую половину своей жизни Андерсен кроме сказок и романов опубликовал поэму «Агасфер» и 30 лет писал художественную автобиографию «Сказка моей жизни».

У писателя не было дома, он жил по гостиницам или у своих друзей. Он так и не завел семью. Романтических историй не имел, хотя биографы поговаривали, что он питал нежные чувства к шведской певице Йенни Линд. Её называли «Шведским

соловьём». Это был, скорее всего, невинный восторг перед прекрасным голосом и красотой певицы.

Нежные дружеские отношения связывали Андерсена и с Генриеттой Вульф, дочерью адмирала, в доме которого он часто бывал. Горбатая Генриетта стала его наперсницей, которой он первой поверял многие свои сказочные истории.

В Дании писателя приняли только в последние десять лет его жизни. Его назвали Почётным гражданином города Оденсе, дали звание профессора и статского советника. Он был вхож во дворец короля. В последние годы, когда Ганс Христиан уже болел, король сам навещал его.

У Андерсена был сложный характер. Добрый и покладистый, он иногда был капризен, как ребенок; боялся пожара и что его отравят; любил детей, но и побаивался их. Он был человеком глубоко верующим – не случайно общий тираж его сказок уступает лишь Библии.

К его 70-летнему юбилею в Дании поставили памятник.

Писатель умер в полном одиночестве на своей вилле Ролигхед 4 августа 1875 г., после долгой болезни. Он оставил записку на столе: «Это только кажется, что я умер».

В стране был объявлен национальный траур. При отпевании присутствовал король, министры, иностранные послы. Самые известные люди Дании несли его гроб через весь город. Корабли на рейде приспустили флаги.

Андерсен прославил страну. Русалочка стала символом Дании и Копенгагена. Главная награда за лучшие детские книги – это Золотая медаль имени Андерсена.

Из 50 томов его сочинений человечество взяло себе сказки. Они переведены больше, чем на сто языков мира. В России сто с лишним лет назад их перевели Анна и Петр Ганзены – это лучший перевод на русский язык.

ЭДГАР АЛЛАН ПО (1809–1849)

Ужели всё – и сон и бденье —
Лишь сновиденье в сновиденье?

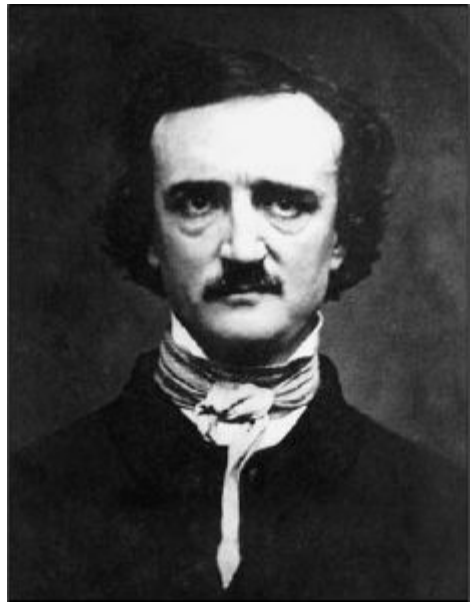
Вряд ли короче и поэтичнее выразишь мысль, даже не мысль – печаль о тщете бытия, неуловимого и волшебного, хотя бы потому, что оно непонятно как рождает такие пленительные строки. Ну разве что еще сухим и безжалостным – «суета сует».

Благороднейший и несчастнейший из всех великих поэтов мира Эдгар Аллан По родился в семье актеров 19 января 1809 г. в Бостоне. Видимо, ему суждено было нести наказание за «проклятую» профессию родителей, Дэвида По и Элизабет Арнольд, умерших один за другим от чахотки, когда ребенку не исполнилось и трех лет. Через две недели после кончины Элизабет в Ричмондском театре, где в последний раз выступала она, случился пожар, в котором погибло семьдесят три человека. Граждане почли за долг взять на воспитание оставшихся сирот. Чета Алланов, приютившая на время Эдгара после смерти матери, тоже оставила его у себя.

У преуспевающего купца Джона Аллана и его жены Френсис своих детей не было, и они привязались к мальчику. Френсис до конца дней своих относилась к Эдгару как к собственному сыну и не жалела для него ничего, а Джон, далеко не бедный человек, привык расходовать деньги только на условиях беспрекословного подчинения его воле. На неоднократные просьбы жены усыновить Эдгара Джон не реагировал. От опекуна у По второе имя – Аллан.

С пяти лет Эдгар с большим прилежанием учился в школе. Не по годам развитый, он изъяснялся несколько книжным языком, отличался исключительной уверенностью в своих силах и совершенным бесстрашием.

В 1815 г. Алланы переехали в Англию, где мальчика отдали учиться в престижный пансион. Там он получил хорошую физическую закалку и полюбил английскую поэзию.



Через пять лет семья вернулась в Ричмонд. Эдгар продолжил обучение, написал свои первые стихи и пережил первую любовь к тридцатилетней матери своего друга – Джейн Крег Стенард. Романтически-возвышенная любовь закончилась трагически: Джейн умерла, и Эдгара с той поры стали часто мучить кошмары.

В 1826 г. По поступил в только что открывшийся Виргинский университет, изучал латынь, греческий, французский, испанский и итальянский языки. Друзья любили его за возвышенный склад ума, физическую красоту и опрятность, поражались его блестящим успехам в изучении классических дисциплин.

Опекун расчетливо выделял минимум средств, чтобы студент учился, а не искал развлечений. Эдгар находился в окружении вполне обеспеченных сокурсников, считавших и его наследником одного из богатейших людей штата. По стал, как и они, жить на широкую ногу, брал в кредит одежду и обувь, увлекся карточной игрой, познал вкус вина. Одна из попоек закончилась дракой, в которой он получил черепно-мозговую травму. Она всю жизнь давала знать о себе нервными припадками.

Понятно, что при такой жизни По наделал кучу долгов. Узнав об этом, опекун было возместил ту часть их, за которую нес ответственность по закону, но потом в гневе лишил подопечного пансиона. Эдгар оказался в отчаянном положении, т. к. невозврат долгов сулил ему тюремное заключение. Не в силах вернуть долги, По вынужден был покинуть университет и вообще пределы штата, поскольку против него возбудили судебное преследование.

Он уехал в Бостон, где опубликовал на собственный счет анонимный сборник «Тамерлан и другие стихотворения», не

имевший успеха. Полтора года служил в составе артиллерийской батареи, потом поселился у тетки по отцовской линии Марии Клемм, относившейся к нему как к сыну. У Марии была девятилетняя дочь Вирджиния, с которой Эдгар очень подружился. Девочка страдала семейной болезнью по женской линии – задержкой в развитии: умственно она так никогда и не преодолела 13-летний возраст. Этим же страдала и родная сестра По. В Нью-Йорке писатель выпустил второй сборник стихов «Аль Аарааф. Тамерлан и мелкие стихотворения», также оставшийся незамеченным.

Замытарившись вконец, По записался добровольцем в армию Соединенных Штатов, а затем стал слушателем военной академии в Вест-Пойнте. Этим поступком он расположил к себе Аллана (Френсис к тому времени умерла, и Эдгар очень тяжело пережил это), но ненадолго. Тяготы армейской жизни нагоняли на нервического и в принципе не расположенного к воинской службе Эдгара тоску и уныние. В Вест-Пойнте он явственно ощутил первые признаки ухудшения здоровья – у него с детства было слабое сердце и мало энер-гии. Стал понемногу прикладываться к рюмочке, что только расшатывало его и без того ослабленные нервы.

В состоянии нервного истощения через полгода он решил покинуть академию и целиком отдаться литературе. На это требовалось разрешение Аллана. Тот был против – опекун женился на женщине, от которой у него уже были внебрачные дети, и ему вполне хватало новой семьи. Тогда поэт сознательно нарушил устав, с недюжинной изобретательностью ухитрившись совершить почти все возможные дисциплинарные проступки. Военный трибунал признал его виновным, и кадета уволили из армии. С опекуном они больше не помирились, Аллан, умерший через три года, даже не упомянул своего воспитанника в завещании.

В Нью-Йорке По опубликовал третью книгу «Стихотворений», а в филадельфийском журнале «Сатердей курьер» анонимно напечатал первые рассказы в бурлескной манере. Рассказ «Рукопись, найденная в бутылке» занял первое место на литературном конкурсе. За 10 долларов в неделю По занимался литературной поденщиной.

К Эдгару переехала Мария Клемм с тринадцатилетней Вирджинией. Через полгода По предложил своей кузине руку и сердце. Поскольку невеста была несовершеннолетней, их венчали тайком. Это было больше похоже на обручение. Через год чета По официально зарегистрировала свой брак.

Несколько лет полной лишений и изматывающей работы

жизни, постоянная смена мест работы и городов не сделали По богатым и известным. Он по-прежнему влачил нищенское существование. В каждом новом журнале с его приходом росло число подписчиков, но гонорары оставались прежними. Однако По не захотел искать заработка вне литературной деятельности и стал таким образом первым профессиональным писателем США.

Шесть лет Эдгар провел в Филадельфии, где у него вышло самое большое прижизненное издание – двухтомник «Гротески и арабески», а также множество литературно-критических статей. За рассказ «Золотой жук» он получил литературную премию. Мировую известность принесла По новеллистическая трилогия: «Убийства на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо» – положившая начало детективному жанру в мировой литературе. А стихотворение «Ворон» в одноименном сборнике сделало По знаменитым. Поэт выступал с чтением своих стихов, опубликовал ряд статей о философии творчества и о литераторах. Это был период наивысшего творческого взлета писателя.

Однако то, что он знаменит, в те годы в США ничего не значило – журналы, для которых он писал, сидели на мели, гонорары задерживали, а то и вовсе не выплачивали. Поэт из-за денег, уже не имея сил, ездил с лекциями по городам.

Счастье было недолгим – в 1847 г. от туберкулеза умерла Вирджиния. Для По жена-ребенок была больше, чем собственная жизнь. Он впал в тоску, депрессию, запил, стал употреблять наркотики. Ад одиночества привел его на грань безумия, едва не закончившегося самоубийством – спасли друзья. В это время вышла последняя прижизненная книга поэта «Эврика», оставившая читателей безучастными.

После смерти Вирджинии писателя все меньше тревожила мирская слава. Он не спал по ночам, не мог подолгу оставаться один. Стал судорожно искать новую спутницу жизни, которая могла бы примирить его с жизнью. Одна отказала, узнав, что он пьет, другая – Сара Шелтон, вдова, в которую По был влюблен еще в юности, дала согласие.

Незадолго до бракосочетания поэт по каким-то делам приехал в Балтимор. И там, по всей видимости, попал в руки шайки «охотников за голосами» для предстоящих выборов в конгресс и законодательное собрание штата. «Сторонников» за два-три дня до голосования сгоняли в специальные места – «курятники», – где держали, одурманенных спиртным и наркотиками, до начала выборов. Затем каждого заставляли голосовать по нескольку раз.

В день выборов По в невменяемом состоянии был случайно обнаружен неподалеку от места голосования в одной из таверн.

Друзья доставили его в госпиталь Вашингтонского колледжа в Балтиморе, где он четверо суток боролся со смертью, которая пришла 7 октября 1849 г. Последними его словами были: «Господи, спаси мою бедную душу».

Эдгар По оказал неизгладимое влияние на творчество писателей всех стран, а в России прежде всего на Ф.М. Достоевского и А.А. Блока.

Первый перевод на русский язык рассказа «Золотой жук» был опубликован в 1847 г. Среди переводов стоит отметить К. Бальмонта, В. Брюсова, К. Чуковского, М. Зенкевича, З. Александрову, В. Неделина, В. Рогова, С. Маркиша и др.

УИЛЬЯМ МЕЙКПИС ТЕККЕРЕЙ (1811–1863)

«Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека» – одной этой фразы Теккерея достаточно, чтобы понять, что он был за человек. Больше всего он терпеть не мог пресмыкательства перед вышестоящими и пренебрежения к нижестоящим, иными словами, снобизма, пустившего корни потому, что «все английское общество заражено проклятым предрассудком сребролюбия». Недаром писатель назвал свою великую «Ярмарку тщеславия» романом без героя, поскольку на «базаре житейской суеты» лишь один герой – деньги, а прочие – дураки, которые что-то продают либо покупают. Теккерей вообще представлял жизнь как вечный «маскарад существования», и, кажется, он был прав.

Уильям Мейкпис Теккерей родился в 1811 г. в Калькутте в семье высокопоставленного чиновника Ост-Индской компании. Его дед тоже служил в Индии.

После смерти отца, в возрасте шести лет Уильям был отправлен в Лондон для учебы. В частных школах мальчик увлекся рисованием и стал мечтать о карьере живописца. Тогда же он пристрастился к чтению Свифта, Дефо и Филдинга и среди товарищей прославился своими остроумными пародиями.

Вскоре в Лондон переехала и мать будущего писателя, вторично вышедшая замуж за майора Кармайкл-Смита. Отчим

взял на себя заботы о воспитании мальчика. Мать Теккерей боготворил на протяжении всей жизни и отовсюду, где бывал, слал ей самые нежные письма.

После окончания старинной аристократической школы Чартерхаус Теккерей поступил в Кембридж, где увлекся философскими взглядами М. Монтеня и Д. Юма, иллюстрировал комическими рисунками книги античных классиков, начал создавать пародии в стихах и прозе на современных ему авторов, издавал юмористический студенческий журнал «Сноб». Разочаровавшись в учебе, через год бросил университет и уехал за границу, где стал вести беззаботную жизнь свободного художника, которая заставила его потуже затянуть пояс. Попытки заняться издательской деятельностью закончились ничем. Тогда же молодой человек проиграл в карты значительную часть оставленного ему отцом состояния.

В Париже Теккерей учился рисованию у известного английского художника Бонингтона и увлекся театром. После краха Индийского банка, куда были вложены остальные деньги отца, Уильям в поисках средств к существованию стал работать в газетах «Нэшнл стэндард» и «Конститьюшнл», издававшихся его отчимом. Выпустил сборник комических рисунков с подписями.

В 1837 г. Теккерей женился на Изабелле Шо. Его семейная жизнь сложилась драматически. У писателя родились три дочери, одна из которых умерла. Изабелла впала в безумие, пыталась покончить с собой. Супруги вынуждены были расстаться, хотя по законам того времени Изабелла не переставала считаться женой Теккерея.

В надежде поднакопить денег для достойного существования семьи, писатель отдал дочерей на попечение матери и отчима (через несколько лет он купил себе дом и перевез их туда) и весь отдался литературному творчеству. Его сочинения в малых жанрах (как правило, под псевдонимами) украшали страницы лучших периодических изданий того времени. Во многом благодаря талантливым юморескам Теккерея еженедельник «Панч» стал популярным во всей Европе комическим журналом.

Писатель много путешествовал – по Франции, Германии, Италии, Ирландии, на Ближний Восток. К частой перемене мест его побуждала не только любознательность, но и стремление отвлечься от личной беды. В течение пяти лет появились юмористические «Лекции мисс Тиклтоби по истории Англии», «Книга ирландских очерков», «История будущей французской революции», первый большой реалистический роман «Записки Барри Линдона». В замечательной «Книге снобов» писатель представил целую галерею социальных типов Англии. В серии

литературных пародий «Романы прославленных авторов» свои симпатии он отдал Г. Филдингу, Т. Смоллетту и другим просветителям. Однако английские критики долго оставались к писателю равнодушными и холодными – их не радовал беспощадный обличитель общественных пороков.

Слава и материальное благополучие пришли к Теккерею в 1847–1848 гг., когда ежемесячными выпусками стала издаваться «Ярмарка тщеславия», не сразу принятая рецензентами, но с восторгом встреченная читателями. «Ярмарка» прославила имя Теккерея во всех цивилизованных странах мира, а ее автор стал видным членом лондонского общества и был в самых лучших отношениях с выдающимися писателями своей эпохи. С этого времени началось открытое соперничество Диккенса и Теккерея, приведшее в 1850-е гг. даже к открытой ссоре между ними, хотя их семьи дружили между собой.

Последнее десятилетие в жизни Теккерея было отмечено углублением личной драмы. Отношения писателя с Джейн Брукфильд – женой его друга – принесли ему одни лишь мучения. Чувство, которое Теккерей питал к Джейн, не укрылось от окружающих, и в конце концов, Брукфильд увез супругу от греха подальше – на Мадейру.

Потеряв друзей, писатель, чтобы не поддаваться тоске, с головой ушел в сочинение «Истории Генри Эсмонда», объявленной современниками лучшим его творением. Духом критицизма были проникнуты и другие масштабные романы Теккерея: «Ньюкомы», «Виргинцы», «Приключения Филиппа», написанный до «Эсмонда» роман «Пенденнис». Одновременно с этим была создана последняя сказка Теккерея «Роза и Кольцо», возникшая из набора рисунков и игры для детей, придуманной писателем. Из публичных лекций, прочитанных писателем в Европе, а потом в Америке, составились две книги: «Английские юмористы XVIII в.» и «Царствование четырёх Георгов». В эти же годы Теккерей редактировал журнал «Корнхилл».

В 1864 г. писатель приступил к новому роману, «Дени Дюваль», но не успел закончить его. В некрологе роман был оценен как «лучшее произведение» Теккерея.

Последние пятнадцать лет жизни писатель болел. При тогдашнем состоянии медицины он был обречен. Зимой 1854 г. в Риме Теккерей едва справился с тяжелой болезнью. Позднее от физических страданий он не мог писать неделями.

Теккерей умер в Лондоне 24 декабря 1863 г. от удара (инсульта). Был сочельник, в этот радостный день смерть избавила писателя от его одиночества.

Сегодня имя Теккерея стоит рядом с именами Д. Свифта и Ч.

Диккенса.

Первые переводы сочинений Теккерея в России появились в 1850-х гг. В дальнейшем лучшие были сделаны Е.Н. Ахматовой, И.И. Введенским, В.А. Голенищевым-Кутузовым, С.М. Майковой.

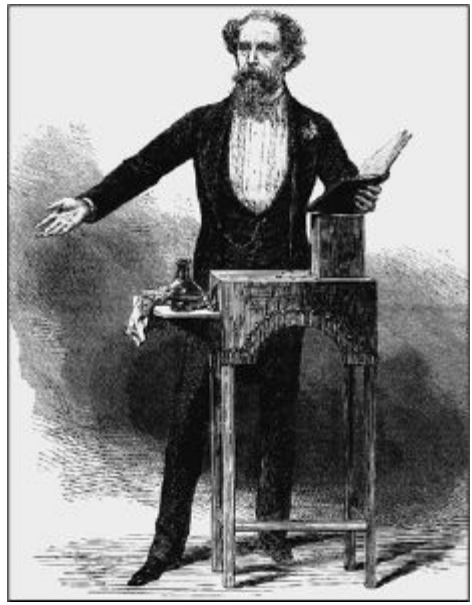
ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС (1812–1870)

С легкой руки самого Диккенса, ставшего к тридцати годам «звездой», его называли Неподражаемым. «Посмертные записки Пиквикского клуба» популярностью уступали лишь Библии и Шекспиру, а их автор был поверенным в благотворительных миссиях, опекал сирот, детей нищих и раскаявшихся проституток, любил торжественные приемы, торжественные ужины и торжественные речи в свой адрес. И не только в Англии. В США, например, писателя порадовала толпа, разодравшая в клочья его пальто «на память».

Чарльз Джон Хаффам Диккенс родился 7 февраля 1812 г. в Лендпорте близ Портсмута в семье портового чиновника Джона Диккенса и Элизабет Барроу. Чарльз был вторым из восьми детей. Отец, будучи артистической натурой, заставлял сына давать домашние спектакли, каждый раз (часто подшофе) искренне восхищаясь его талантом. Читать же его научила мать и начальная школа. Не по годам развитый, он проглотил всю домашнюю библиотечку дешевых изданий.

В 1822 г. отца перевели в Лондон. Два года столичной жизни разорили семью. Чарльз бросил школу, подрабатывал мальчиком на побегушках. Отца за долги заключили в тюрьму. Платить за жилье было нечем, и все переселились к нему в камеру. Матери пришлось одной бороться с нищетой, пока ее дальний родственник не взял Чарльза на свою фабрику по производству гуталина, положив ему 6 шиллингов в неделю.

Болезненный, самовлюбленный мальчик, сочинявший рассказы «для домашнего пользования», от которых батюшка приходил в восторг, с утра до вечера наклеивал ярлыки на бутылки с ваксой. Почти полгода унижений и беспомощности наполнили его, как вакса бутылку, бесценным опытом и знаниями о лондонских трущобах. На этом «дне» Диккенс почерпнул яростную решимость выбиться из бедности, а также любовь к обездоленным и ненависть к богачам.



Получив небольшое наследство, отец расплатился с долгами и вышел на свободу. Немедля он определил любимого сына в частную школу, которую тот посещал два года. Затем Чарльз работал клерком в конторе, репортером суда, изучил стенографию, посещал библиотеку Британского музея, брал уроки мастерства у актера-профессионала.

В двадцать лет Диккенс (при поддержке отца) стал репортером «Парламентского зеркала» и «Тру сан», быстро выделившись среди сотен коллег иронией, живостью изложения, богатством языка. Издатель «Ивнинг кроникл» Д. Хогарт попросил Диккенса написать ряд очерков о городской жизни. Первые нравоописательные «Очерки Боза» были напечатаны в 1836 г. Чарльз стал частым гостем в доме Хогартов и через год женился на старшей дочери издателя – Кэтрин.

С появлением первых же глав «Посмертных записок Пиквикского клуба» успех вознес 24-летнего автора и его героя мистера Пиквика на чрезвычайную высоту. А после публикации «Оливера Твиста» и «Николаса Никкльби» Диккенс стал любимым писателем для миллионов читателей и союзником для политических партий Англии. Либералы видели в нем защитника свободы, а консерваторы – критика новых общественных взаимоотношений. Вскоре Диккенс возглавил «Дэйли Ньюс»; познакомился с театральным критиком Д. Форстером, ставшим его другом на всю жизнь, с Браунингом, Теннисоном и другими писателями; был избран членом нескольких клубов.

Свои впечатления о путешествии по Америке писатель отразил в романе «Мартин Чезльвит», разочаровавшем янки

правдой об их сумасбродстве. А вот старой доброй Англии Диккенс посвятил «Рождественские рассказы», где, как никто другой, смог передать идиллию домашнего очага.

В 1848–1850 гг. в свет вышли два шедевра писателя – «Домби и сын» и «Дэвид Копперфильд». А в романе «Холодный дом» мощь писателя, как сатирика и социального критика, проявилась во всем своем мрачном блеске. Тогда же он начал издавать двухпенсовый еженедельник тиражом 40 000 экземпляров – «Домашнее чтение»; участвовал в создании Гильдии литературы и искусства для помощи нуждающимся литераторам.

Диккенс достиг зенита своей славы, и это сделало его законченным позером. Как избранник судьбы и представитель богемы, он носил ослепительно белые шляпы, а в сногсшибательных халатах позировал для портретов. Потребности Диккенса были впору разве что Ротшильду. Но поскольку из капитала у него был только творческий, он его и эксплуатировал. Писал без остановок, а вместо отдыха уматывался на публичных чтениях глав из своих романов. При этом гонорары оседали частью в карманах недобросовестных антрепренеров. Слушатели сходили с ума от его виртуозного чтения. Ходили слухи, что Диккенс вводил публику в состояние транса.

Семейная жизнь писателя сложилась тяжело. Размолвки с женой, страх за болезненных детей (их к тому времени у него было семеро) держали Диккенса в состоянии непрерывных забот и мучений. Годы неустанного труда омрачались растущим осознанием неудачи его брака. Надо признать, что в семье писатель был деспотом и не терпел возражений. Его раздражала болезненность Кэтрин, ее жалобы. Он позволял себе легкий флирт с женщинами, и его бесил бунт жены по этому поводу. Свои чувства он подавлял, но это только усугубляло ощущение неудовлетворенности. Познакомившись с молодой актрисой Эллен Тернан, Диккенс полюбил ее, и это привело к распаду семьи. После развода недавно родившийся ребенок остался с матерью, а остальные дети – с отцом. Писатель купил поместье Гэдсхилл-плейс в Кенте и переселился туда. Эллен он поселил в отдельном доме и 14 лет наносил ей тайные визиты, но так и не обрел ни покоя, ни удовлетворения.

С годами писателя все больше обуревала мысль о том, что его писательство никак не воздействует на деградирующее общество и на безвольный народ. Его меланхолия шла рука об руку с развивавшейся (по мнению современников) шизофренией. То ему являлись видения, то он испытывал дежавю. Часто он общался со своими персонажами, как с реальными людьми, бродил по

улицам, чтобы подавить в себе голоса «виртуальных» собеседников. А еще ему мешала феноменальная память, хранившая все оттенки, звуки и запахи прожитой жизни, от которых он часто хотел избавиться, но не мог.

Последние годы жизни писателя были чрезвычайно плодотворными. Меланхолией проникнут его роман «Тяжелые времена», в котором Диккенс высказал всю свою ненависть к миру капитала. Затем вышли «Крошка Доррит», роман о французской революции «Повесть о двух городах», автобиографические «Большие надежды», роман о всесильной власти денег – «Наш общий друг».

Здоровье писателя ухудшилось, но он в азарте продолжил публичные чтения по Англии и в Париже. Американская поездка окончательно подорвала его здоровье, и только восторг публики держал еще его в тонусе. Короткая передышка, и он начал новое турне. После 74 выступлений у писателя стали отниматься левая рука и нога.

Придя в себя в Гэдсхилле, Диккенс приступил к детективному (не оконченному) роману «Тайна Эдвина Друда» и провел двенадцать прощальных выступлений в Лондоне. Последней сыгранной им сценой была сцена убийства из «Оливера Твиста», после которой люди кричали и аплодировали до тех пор, пока писатель не заплакал.

9 июня 1870 г. Диккенс умер от инсульта. Его тело было погребено в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства.

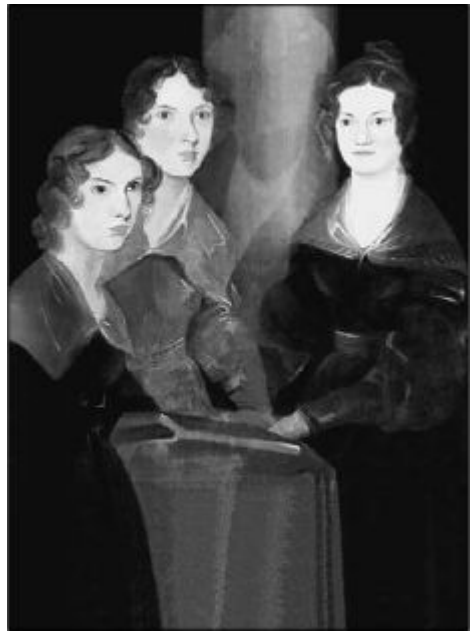
После смерти Диккенс стал богом английской литературы. На родине его оценили не за гневные протесты против несуразностей и противоречий жестокой жизни, а за его великий юмор.

Впервые Диккенс на русском языке был представлен в 1838 г. «Посмертными записками Пиквикского клуба». Все сочинения писателя имели в нашей стране огромный резонанс; они переводились В. Солоницыным, О. Сенковским, А. Кронебергом, И. Введенским, З. Журавской, В. Ранцовым, М. Шишмаревой, Е. Бекетовой.

СЕСТРЫ БРОНТЕ
Шарлотта (1816–1855) Эмилия (1818–1848) Анна (1820–1849)

Не часто в одной семье бывает два знаменитых писателя: отец и сын Дюма, братья Гонкуры… Ну а чтобы сразу три сестры стали классиками мировой литературы – случай уникальный. Каждая из них оставила по бессмертному роману, и ни одной из них Бог не дал детей. Правда, говорят: книги – те же дети. Видно, такова была воля провидения.

Конечно же «виноваты» в этом феномене были и родители. Патрик Бронте, сын ирландского фермера, получив образование в воскресной школе, стал англиканским священником без постоянного прихода. По большой любви женился на Мэри Брэнуэлл – образованной барышне из хорошей семьи. Мэри, одарив Патрика пятью детьми-погодками: Мэри, Элизабет, Шарлоттой (родилась 21 апреля 1816 г.), Брэнуэллом и Эмили (30 июля 1818 г.), после родов Анны (17 января 1820 г.) навсегда покинула его. Священник только что получил постоянный приход в деревушке Хоуорт и перебрался с семейством в дом рядом с церковью. Кладбище при церкви было для детей Бронте местом игр, оно же стало и последним приютом их матери, а потом и их самих. Смерть всю жизнь была для сестер Бронте не просто ощущением иллюзорности бытия, а постоянно находилась за стеной их жилища.



После смерти жены Патрик, некогда веселый человек, любивший напевать по вечерам красивые духовные песни, сочинявший стихи, стал замкнутым и суровым. Он как мог заботился о воспитании детей и их образовании. Когда ему предложили поместить девочек в сиротскую школу для дочерей духовенства в Коуэн-Бридже, он отправил туда Мэри, Элизабет, Шарлотту и Эмили. Анна и Брэнуэлл остались с ним. В школе сестры познали холод, голод, жестокость преподавателей, а Мэри и Элизабет заболели чахоткой. Их отправили домой, где они вскоре и умерли, поведав отцу обо всех ужасах школьной жизни. Патрик срочно забрал Шарлотту и Эмили из школы, а затем отправил Шарлотту, жаждавшую продолжить образование, в пансион Роу-Хед, где готовили учительниц и гувернанток. Эмили же ни за что не хотела покидать свой дом, всю жизнь она ощущала ужас перед окружающим миром. Шарлотта во время каникул обучала сестер, выделяя из них свою любимицу – Эмили. Эмили предложила сестрам игру – сочинение пьес, и игра вскоре нешуточно увлекла всю семью.

В девятнадцать лет Шарлотта стала учительницей французского языка и рисования в Роу-Хеде. Среди ее учеников была и Эмили, тяжело пережившая расставание с домом. Она едва не умерла от тоски, и с подозрением на чахотку ее вернули в Хоуорт. Дома девушка тут же поправилась.

Через два года Шарлотта выхлопотала для Эмили, не имевшей диплома, место учительницы в пансионе в Галифаксе. Эмили через полгода впала в депрессию и снова с признаками

чахотки вернулась домой, после чего долго приходила в себя от перенесенного стресса. Замкнувшись в своем мире, она совершала долгие прогулки по окрестностям Хоурта, что-то бормоча себе под нос и пугая встречных. Многие считали ее сумасшедшей.

Общительная и некрасивая Шарлотта мечтала открыть свою собственную частную школу для девочек, где они с Энн могли бы преподавать, а Эмили вести хозяйство, а еще – о глубокой любви, бурных страстях и благородном муже. Мечтания остались мечтаниями. К ней посватался простоватый Генри Нанси, но он не был героем ее романа.

Все дети Патрика Бронте с малых лет пробовали писать, а Брэнуэлл и Шарлотта увлекались еще и рисованием. Шарлотта в двадцать один год послала свои стихи на отзыв известному поэту Р. Саути, который посоветовал ей лучше заняться «женским делом».

Анна после окончания пансиона получила место гувернантки с приличным жалованьем, которого хватало и на помощь семье. Она ненавидела свою работу, но кротко несла свой крест. На летних каникулах она влюбилась в обаятельного помощника священника Уильяма Уэйтмена, но эта любовь принесла ей одни лишь страдания: Уэйтмен женился на другой, а через год умер от воспаления легких.

Шарлотта же тем временем, захватив с собой Эмили, уехала в Брюссель совершенствоваться во французском. Чтобы не платить в пансионе за обучение, они стали преподавать английский язык. В пансионе Шарлотта безнадежно влюбилась в хозяина пансиона, женатого мсье Эгера и была вынуждена вместе с сестрой покинуть это заведение.

Вернувшись домой, Шарлотта собрала стихи, написанные ею и сестрами, и издала сборник под именем братьев Белл (Шарлотта – Каррер, Эмили – Эллис, Анна – Эктон). Книга особого восторга у читателей не вызвала, но критики похвалили некоторые стихи Эллиса и Каррера.

Испробовав себя в стихах, сестры взялись за прозу – и сразу за романы. Шарлотта написала «Учителя», Эмили – «Грозовой перевал», а Анна – «Агнес Грей». Шарлотта предложила все сочинения издателю Т. Ньюби. К ее великому разочарованию, издатель сразу отверг «Учителя», но взялся напечатать «Грозовой перевал» и «Агнес Грей» за счет авторов. Сестры согласились. Пока Ньюби тянул волынку с изданием, Шарлотта написала новый роман «Джен Эйр» и напечатала его у издателей Смита и Элдера под псевдонимом Каррера Белла. Успех был оглушительный. Ньюби поспешил выпустить романы «Эллиса» и «Эктона». «Агнес Грей» приняли сдержанно (его вообще оценили

должным образом годы спустя), а «Грозовой перевал» шокировал общественность и заставил ее взглянуть на окружающую жестокую действительность новыми глазами. Критики возопили «караул» – оберегите наших чад от опасного и порочного Эллиса Белла! Но не было нужды пугать обывателей – Эмили, похоже, отдала «Грозовому перевалу» всю свою жизненную энергию и в предчувствии скорого конца писала мрачные стихи о смерти.

После публикации романов сестры Бронте оставили труд гувернанток и занялись любимым делом, избегая встреч с публикой, проявлявшей к ним все больший интерес.

Брэнуэлл после неудачной попытки сделать карьеру столичного художника запил и вернулся домой. Анна устроила его учителем рисования в богатую семью Робинсонов, где уже много лет преподавала сама. Там Брэнуэлл влюбился в хозяйку и после пылкого признания с треском был изгнан из дома. Вместе с ним выставили и Анну. Она нашла новое место, а брат запил и сильно досаждал всем своим буйством. Алкоголь, опиум и чахотка свели его, в конце концов, в могилу. На его похоронах простудилась Эмили и через восемь месяцев (в декабре 1848 г.) умерла, упорно отказываясь лечиться. А через пять месяцев, в мае 1849 г., испробовав все способы лечения, покинула этот свет и Анна. Ее также доконал туберкулез.

Шарлотта осталась одна с ослепшим от горя отцом. Литературная слава не грела больше ее. Она написала новый роман «Шерли», которым восхищался У. Теккерей, потом автобиографический «Вильетт».

В очередной раз безответно Шарлотта влюбилась в издателя Смита, предпочетшего ей богатую наследницу. Через какое-то время писательница согласилась стать женой Артура Никколса, помощника ее отца. Во время преждевременных родов Шарлотта умерла 31 марта 1855 г., оставив незаконченным очередной роман «Эмма».

Сестры Бронте первыми призвали взглянуть на неприглядную участь женщин, на отсутствие возможностей для их развития как полноценных членов общества. Романы сестер считают сегодня одними из самых значительных книг в английской литературе. Они переведены на многие европейские языки.

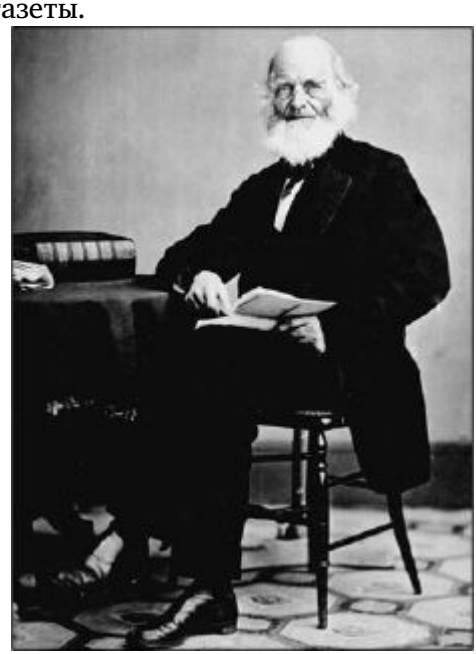
Первые русские переводы появились в середине XIX в.

ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ (1819–1891)

Поэтический иррационализм социальных отношений – такая вот заумная фраза отражает суть художественного мира Мелвилла. Фантастически мрачная действительность в его романе «Моби Дик» – это два бушующих океана – за бортом судна и в душе героя. По словам биографа писателя, Элизабет Хардвик, Мелвилл прожил свою жизнь, точно в самом центре урагана. И сегодня, стоит только открыть его книгу, как этот ураган подхватит и тебя.

Герман Мелвилл родился в Нью-Йорке 1 августа 1819 г. Его отец Алан Мелвилл сочетал в себе коммерческую жилку и прожектерство, что, как известно, до добра не доводит. Алан умер, оставив долги, когда мальчику было 12 лет. Мать Мария Мелвилл Гансенвоорт – дочь знаменитого героя войны за независимость, перебралась со своими детьми в Ленсигбург под Олбани (штат Нью-Йорк), жить в котором было гораздо дешевле.

До этого Герман посещал нью-йоркскую мужскую среднюю школу, а в Олбани ему пришлось зарабатывать на жизнь в банке, у дяди на ферме, на меховой фабрике у старшего брата Гансворта, школьным учителем. Тем не менее он смог окончить Академию Ленсигбурга и стать инженером. Добиться же хорошего положения в обществе он так и не смог. Писал маленькие заметки для городской газеты.



В 1839 г. Мелвилл поступил юнгой на пакетбот «Святой Лаврентий», курсировавший между Нью-Йорком и Ливерпулем. Вернувшись домой, он вновь попал в удручающую нищету. Работа школьного учителя давала гроши, и он устроился матросом на китобоец «Акушнет», уходящий в Южные моря. После полутора лет мало результативного плавания вдоль берегов Бразилии, Чили и Перу, в бухте Нукухива на Маркизских островах Мелвилл сбежал из-под власти сурового капитана и оказался в долине Тайпи среди каннибалов. Видно, Герман им был не по вкусу, раз через месяц благополучно отплыл на австралийском китобойце «Люси Энн» до Таити. В пути команда подняла бунт, и по прибытии судна в порт многих ее членов (в том числе и Мелвилла) бросили в тюрьму. Потом Мелвилл подрядился на китобоец «Чарльз и Генри», жил на Гавайях, на острове Мауи и в Гонолулу, поступил в военный флот США и на фрегате «Юнайтед стейтс» отплыл на родину. Осенью 1844 г. он высадился в Бостоне.

Палуба торговых, китобойных, военных судов стала Мелвиллу университетом и главным местом действия многих его произведений. Первая повесть писателя «Тайпи» вышла в 1846 г. в Нью-Йорке и была воспринята читателями и критиками как увлекательный рассказ о приключениях человека, пожившего с людоедами и загорелыми полинезийками. Читателей особенно воодушевляло описание татуировок на прекрасных женских телах, что дало повод журналистам обвинить писателя в сексуальных домогательствах наивных островитянок. В следующей повести «Ому» Мелвилл показал губительное влияние буржуазной цивилизации на жителей Полинезии, и его тут же осудили за нелестные отзывы о деятельности миссионеров. Такое уж правило: если у книги появились сторонники и противники, а у автора друзья и враги – книга хорошая.

Во время работы над этой повестью Герман обручился с Элизабет Шоу, дочерью главного судьи Массачусетса, выступавшего покровителем и поручителем семьи Мелвиллов. Чтобы как-то улучшить перед свадьбой свое финансовое положение, Мелвилл, заручившись рекомендательными письмами, предпринял тщетную попытку устроиться на работу в штате аппарата сотрудников правительства.

Свадьба состоялась 4 августа 1847 г. Герман перестал скитаться по всему свету и превратился в писателя, одержимого своим творчеством, а очаровательной Элизабет предстояло 44 года смиренно выносить тяготы судьбы, депрессии мужа, бедность и несчастья, постигшие семью. Особенно «доставала» ее агрессивность свекрови, которая даже сына подвергала

физическим наказаниям.

Попытки в течение трех лет устроиться на государственную службу ни к чему не привели, но Мелвилл за это время написал фантазию «Марди», автобиографическую повесть «Редберн» и повесть «Белый бушлат» о бесчеловечном режиме на военном корабле. «Марди» восприняли с недоумением, а «Редберн» и «Белый бушлат» как обычные путевые очерки, хотя они затрагивали коренные проблемы человеческого существования.

После поездки по Европе и Святой Земле Герман с семьей переселился на ферму близ Питсфилда. Здесь состоялось его знакомство с Н. Готорном, под влиянием которого он написал свой самый знаменитый роман-притчу «Моби Дик, или Белый Кит». Грандиозная национальная эпопея о захватывающей погоне безумного капитана за китом не повторила успеха первых книг, хотя в ней писатель причудливо сплел приключения, мелодраму и философию. У романа была своя судьба, и она совпала с судьбой его автора.

В 1850-е гг. Мелвилл опубликовал психологический роман «Пьер, или Двусмысленности», историческую повесть «Израэль Поттер», сборник новелл «Рассказы на веранде» и сатирическую повесть «Мошенник». Книги, рассчитанные не на праздный ум, не имели успеха, и писатель, забросив прозу, переключился на поэзию. Мелвилла бесило невнимание критики и публики, и он, как очень многие в подобной ситуации, мучился, пил, срывался на близких.

У Мелвиллов было два сына и две дочери. Старший сын восемнадцатилетний Малкольм в 1867 г. застрелился. В тот день его брат Стенвикс был дома; видимо, от потрясения он оглох. Покинув родительский дом, он много плавал и путешествовал; умер в Калифорнии в возрасте 35 лет от туберкулеза.

Старшая дочь Бесси всю жизнь мучилась ревматическим артритом, за ней ухаживала мать. Младшая дочь Френсис вышла замуж, и ее дочери и внучки позаботились о сохранении рукописей и наследия писателя.

Предприняв еще одно небольшое плавание в Сан-Франциско, Мелвилл продал ферму брату Аллану и вернулся на постоянное жительство в Нью-Йорк, где в 1866 г. получил должность досмотрщика грузов в портовой таможне. На литературу оставались лишь немногие свободные часы, ну да на стихи большего и не требовалось. В целом же это время было для Мелвилла совершенно деструктивным. Элизабет долго терпела буйство мужа и его плохое настроение во время запоев, едва не подала на развод, но в последний миг передумала.

Проработав на таможне 19 лет, Мелвилл получил небольшое

наследство и оставил службу. Остаток жизни он посвятил кабинетным занятиям и литературной работе. Опубликовал за свой счет небольшие книги стихов: «Стихи о битвах и о войне», «Кларел», «Джон Марр и другие матросы» и «Тимолеон». Писатель оставил после себя рукопись повести «Билли Бадд, формарсовый матрос», которую критики в наши дни ставят на второе место в его творческом наследии – после «Моби Дика». В ней рассказывается о молодом и ни в чем не повинном британском матросе, повешенном по обвинению в убийстве жестокого офицера.

Умер Мелвилл в Нью-Йорке 28 сентября 1891 г.

К тому времени его имя было совсем забыто, и лишь в анонимном некрологе в «Нью-Йорк таймс» вспомнили «исключительно одаренного автора», который обладал «могучим поэтичным воображением», но при этом его имя написали как Генри Мелвилл. Его похоронили на кладбище Вудлаун в Бронксе. В этом мире у него остались жена, две дочери, внуки и ни одного внебрачного похождения или любовного письма.

Возрождение интереса к творчеству писателя началось, когда в 1924 г. извлекли из архива «Билли Бадда». Через несколько лет его признали классиком литературы США.

На русский язык Мелвилла переводили И. Бернштейн, И. Лихачев, И. Гуров, М. Лорие, В. Топоров, С. Сухарев.

ШАРЛЬ БОДЛЕР (1821–1867)

При жизни Бодлер мало кому был нужен, а после смерти на него набросились все, кому не лень, особенно интеллигенция. Ничего удивительного – следуя своему учителю Стендалю, сказавшему, что говорить правду о своем времени – это «рассказывать ужасы», поэт поведал современникам столько ужасов о них самих, что сегодня их потомкам уже не страшен сам сатана. Человечеству, не имевшему высшей цели, поэт бросал обвинения:

О Небо! черный свод, стена глухого склепа,
О шутовской плафон, разубранный нелепо,
Где под ногой шутов от века кровь текла,

Гроза развратника, прибежище монаха!
Ты – крышка черная гигантского котла,
Где человечество горит, как груда праха!

Понять Бодлера, – рассуждают сегодня критики, – значит найти ключ к целому пласту современной европейской культуры. Наверное, так. Более того, культура декаданса выросла из Бодлера и проросла им. Главную тему его творчества – зло мира – подхватили проклятые поэты «конца века».

Шарль Пьер Бодлер родился в Париже 17 апреля 1821 г. Его отцу, Жозефу Франсуа Бодлеру, было 62 года, а матери, Каролине, – 28 лет. Хотя Франсуа Бодлер умер, когда ребенку не было семи лет, он успел привить сыну восторженное отношение к героическому времени Республики и Наполеона, а заодно и к живописи, ставшей страстью Шарля. Бодлер на всю жизнь остался в душе шестилетним ребенком.

Три психические травмы сформировали характер будущего поэта, оставив в его душе «трещину», – смерть обожаемого отца и две «измены» матери. На следующий год после смерти мужа, «не успев сносить башмаки», Каролина вступила в новый брак с майором Жаком Опиком, ставшим впоследствии генералом и сенатором. Шарль немедля и на всю жизнь возненавидел отчима, ненависть эта стала чуть ли не смыслом его жизни. А через два года мальчика «отлучили» от дома: отдали в интернат при лионском Королевском коллеже, а потом перевели в столичный коллеж Людовика Великого, славившийся крайне суровым режимом.

Получив степень бакалавра, Бодлер отказался продолжать образование, заявил, что собирается стать «сочинителем», и пустился во все тяжкие, заразившись, в конце концов, сифилисом. В ужасе от поведения Шарля отчим попытался отослать молодого человека в Калькутту. До Индии молодой человек так и не добрался, пожил несколько месяцев на Маврикии и вернулся в Париж.

По достижении совершеннолетия Бодлер унаследовал отцовское состояние в 75 тыс. франков и тут же взялся проматывать его.

Сотрудничать с литературными журналами Бодлер начал с обзоров и рецензий о культурной жизни Парижа. В это время он познакомился с О. де Бальзаком, Ж. де Нервалем, Т. Готье, Сент-Бёвом, В. Гюго, П. Дюпоном и другими видными деятелями французской культуры.

Богема и страсть к коллекционированию живописи вовлекли

его в огромные траты. За два года «рассеянной» жизни Шарль рассеял треть наследства. Тогда отчим настоял на установлении опеки над пасынком. После попытки самоубийства Шарль окончательно порвал с ненавистным мужем матери. В дни революции 1848 г. он призывал толпу расстрелять генерала Опика.

Шарль пережил не одно увлечение, каждый раз сочиняя стихотворение, а то и целый поэтический цикл. Ни одна из женщин не дала ему той идеальной любви, которую он недополучил в детстве от матери. Роковую роль в жизни поэта сыграла Жанна Дюваль, статистка в одном из парижских театриков. Бодлер полюбил не блещущую умом и красотой, развратную и вздорную, бесстыдную квартеронку, по его же словам воплощавшую «животное» начало, а когда ее разбил паралич от злоупотребления алкоголем, он не оставил ее, считая долгом чести ухаживать за Дюваль до конца. Эта неестественная связь длилась двадцать лет!

Литературный дебют поэта состоялся в журнале «Художник» – сонет «Даме креолке», сочиненный на острове Маврикий, и эссе о художественном салоне 1845 г. Бодлер быстро стал одним из ведущих литературных и художественных критиков Франции. После публикации брошюры «Салон 1846 года» он вступил в «Общество литераторов».

Тогда же Шарль принялся за переводы и пропаганду творчества Эдгара По, дух которого считал своим заступником перед высшим милосердием.

Литературную судьбу Бодлера определил единственный его сборник – «Цветы Зла». После публикации 18 стихотворений из будущей книги к поэту пришла известность, а когда в 1857 г. появился сам сборник, разразился грандиозный скандал. Поэт был отдан под суд – его обвинили в оскорблении морали. По решению властей тираж «Цветов зла» был арестован, Бодлера «за оскорбление общественной морали» приговорили к штрафу в 300 франков и к запрету шести наиболее «безнравственных» стихотворений. Несправедливое осуждение книги подкосило поэта. Он считал себя опозоренным, навсегда лишенным чести.

К началу 1860-х гг. Бодлера как подменили. Он расстался с Жанной Дюваль (при этом продолжал оказывать калеке денежную помощь), новых связей не завязал и засыпал письмами-исповедями овдовевшую мать.

Вышел в свет сборник эссе «Искусственный рай», второе издание «Цветов Зла», с 35 новыми стихотворениями. Второй шедевр Бодлера – 50 «стихотворений в прозе» – публиковался на протяжении 10 лет.

Выдвинув свою кандидатуру во Французскую академию, Бодлер через пару месяцев благоразумно снял её, посчитав свой поступок недостойным поэта.

В начале 1862 г. заявила о себе болезнь – следствие сифилиса, злоупотребления наркотиками и алкоголем. Бодлеру казалось порой, что он на пороге слабоумия. Он мало писал и, одетый кое-как, бродил в «толпе мертвецов». К Парижу он испытывал лишь гнетущее отвращение. Болезнь не пришла одна, за ней объявились долги и нужда. Литературный заработок был ничтожен. Издатель и друг Бодлера, Пуле де Малясси, прогорел, и Шарль счел своим долгом разделить с ним все последствия краха.

Попытки писать были большей частью безуспешными. Дневнику Бодлер поверял свои чаяния: все, что он заработает, будет делить на четыре равные части: одну для себя, другую для матери, третью для Жанны и друзей, четвертую для кредиторов…

4 февраля 1866 г. в церкви Сен-Лу в Намюре Бодлер потерял сознание. В апреле паралич разбил правую половину его тела и лишил языка. Началась 16-месячная мучительная агония. Шарля перевезли в Париж и поместили в лечебницу доктора Дюваля. Мать находилась при нем до дня смерти, 31 августа 1867 г.

Бодлер был похоронен на кладбище Монпарнас, рядом с генералом Опиком. В последний путь его провожала небольшая группа друзей.

Посмертно вышло третье издание «Цветов Зла», сборники статей и эссе «Эстетические редкости», «Романтическое искусство», а также стихи в прозе «Парижский сплин». В 1949 г. Уголовная палата Кассационного суда Франции реабилитировала «Цветы Зла».

В России Бодлер стал кумиром. Декаденты в его чеканных стихах находили те же «цветы зла», что были и в них самих, только выраженные гениально.

Бодлера на русский язык переводили Эллис, В. Иванов, В. Брюсов, В. Левик, И. Лихачев, И. Анненский и другие.

ГЮСТАВ ФЛОБЕР (1821–1880)

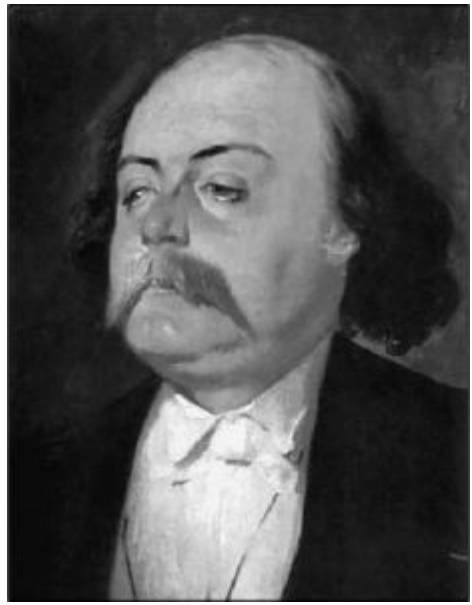
О госпоже Бовари, главном детище Флобера, написаны сотни томов исследований, тогда как ей достало бы и одного слова: «самка». А как иначе назвать порочную особь женского пола, которая со скуки завела себе любовников, разорила, а затем и вовсе покинула семью, погубив мужа и оставив дочь нищенкой? Как иначе назвать самоубийцу, саму себя лишившую души и не раскаявшуюся перед теми, кто действительно любил ее? Гораздо интереснее, кем она была для автора – жертвой или убийцей, вот в чем вопрос.

Гюстав Флобер родился 12 декабря 1821 г. в Руане, где его отец, д'Ачиль-Клеофас Флобер, был главным врачом и хирургом городской больницы. Мать, Анна Жюстина Флёри, была родом из старинной нормандской семьи, и от нее Флобер унаследовал свою внешность. У Гюстава были еще старший брат Альберт и младшая сестра Каролина.

Любимым занятием мальчика было часами разглядывать больных уродов и трупы в мертвецкой. Похоже, он досконально изучил их, так как очень многим своим персонажам с ужасающей точностью передал их пугающие черты, а созерцание физических уродств помогло убедительно описать уродства нравственные.

Во время учебы в Королевском коллеже Руана Гюстав звезд с неба не хватал, но проявил интерес к истории и литературе.

В 1840 г. Флобер поступил на факультет права в Сорбонне. Жил уединенно, избегая общества товарищей и посещая лишь нескольких художников, где познакомился с В. Гюго и писательницей Луизой Коле, ставшей на восемь лет его любовницей.



Через три года из-за нервной болезни (подобие эпилепсии) Гюстав бросил университет и решил посвятить себя литературе. Отец купил ему небольшое поместье Круассе, неподалеку от Руана. Через два года отец скончался, а следом умерла и сестра Каролина. Флобер с матерью обосновался в своем поместье и провел здесь почти безвыездно всю жизнь. В доме царила тишина и культ работы, изредка нарушаемые наездами немногочисленных друзей. Бывая в Париже, Гюстав видался с Ж. Санд, Т. Готье, Гонкурами, А. Доде, Э. Золя, Ж. Ренаном, И.С. Тургеневым, увлекался беседами о литературе и искусстве и обожал громить словом буржуазное общество. Но при этом он с презрением относился к любым политическим программам и со скепсисом к любым революциям.

Приличное состояние позволило Флоберу не зависеть от литературных заработков, а годами вырабатывать свой особый стиль, ежедневно по семь часов шлифовать и полировать свою прозу до блеска.

При желании он отправлялся в путешествие. За жизнь Флобер совершил две продолжительные поездки – одну по Бретани и другую на Восток (Египет, Сирия, Палестина, Греция), оба раза в сопровождении своего друга М. дю Кама.

В 1856 г. в журнале «Ревю де Пари» Флобер опубликовал роман «Госпожа Бовари. Провинциальные нравы», один к одному изложив реальную историю некоей Дельфины Кутюрье. Общественность возопила, а прокуратура возбудила против Флобера и главного редактора журнала судебное дело по обвинению в оскорблении общественной морали и религии. Это

был первый подобный процесс во Франции. Обвиняемого оправдали, а публика зачитала журналы с романом до дыр.

Вышедшая в 1857 г. отдельной книгой «Госпожа Бовари» имела головокружительный успех и была тепло встречена критикой. Общество «созрело» до того, что стало воспринимать пошлых мещанок как настоящих героинь своего времени. Но, с другой стороны, оно не могло не видеть, что провинция, представленная Флобером, есть вся Франция – олицетворение ничтожества человеческих вожделений, всеобщего измельчания и опошления. Работая над романом, Флобер замечал в письмах, что ему приходится писать серым по серому. «Я думаю, впервые читатели получат книгу, которая издевается и над героиней, и над героем», – писал Флобер о своем романе, признавая, таким образом, что Эмма одновременно и жертва, и убийца.

Флобер стал признанным лидером нового художественного направления реализма, прямым учителем Г. де Мопассана, а позднее был объявлен предтечей натурализма Э. Золя и братьев Э. и Ж. Гонкуров.

В 1862 г. вышел второй роман Флобера «Саламбо», действие которого происходит в Карфагене после 1-й Пунической войны. За обилие ювелирно прописанных садистских сцен убийств и жертвоприношений писателя публично объявили развратителем нравов и предали церковной анафеме. А еще через год Ватикан запретил «Госпожу Бовари» и внес ее в «Индекс запрещенных книг».

В 1869 г. был опубликован третий роман Флобера – «Воспитание чувств», являвший собой нелицеприятный портрет «потерянного поколения» французов первой половины XIX в.

Франко-прусская война 1870–1871 гг. отвлекла Флобера от письменного стола. Он служил в армии в чине лейтенанта и был награжден орденом Почетного легиона. Вернувшись в Круассе, доработал философскую драматическую поэму в прозе «Искушение Святого Антония», написал комедию «Кандидат», «Три повести» и восемь лет трудился над давно задуманным сатирическим романом «Бувар и Пекюше». Роман остался незавершенным.

В последние годы жизни Флобера преследовали несчастья: смерть матери, его друга Буйе, разрыв с еще одним другом – М. дю Камом, серьезные финансовые затруднения после того, как значительную часть своего состояния он уступил бедным родственникам, немилость критики. Тяжелый нервный недуг также не добавлял радости и оптимизма. К счастью, Флобер не испытал полного одиночества, т. к. о нем нежно заботилась его племянница, а дружба с Ж. Санд и с Г. де Мопассаном

интеллектуально подпитывала его.

Болезнь и тяжелый литературный труд истощили силы Флобера; он умер от апоплексического удара 8 мая 1880 г.

В 1890 г. в Руане поставили памятник писателю, работы известного скульптора Шапю.

В 1887–1893 гг. были опубликованы «Письма» Флобера, квалифицированные как литературный памятник эпохи, а в 1910 г. – «Лексикон прописных истин», составленный писателем в связи с работой над романом «Бувар и Пекюше».

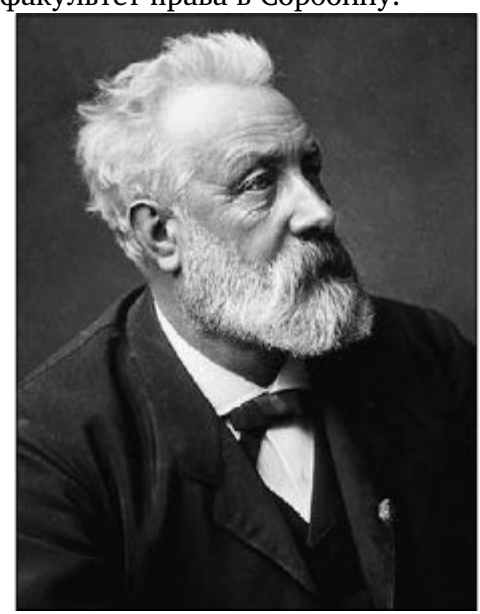
Великий стилист стал образцом творческой добросовестности, преданности своему призванию, горячей любви к слову, родному языку. Сочинения Флобера были хорошо известны в России. Его произведения переводил И.С. Тургенев.

ЖЮЛЬ ВЕРН (1828–1905)

66 романов – и ни в одном нет любовной истории! Непостижимо. Дело в том, что читатели Жюля Верна – дети, и для них субмарина «Наутилус» понятнее, чем адюльтер, а путешествие по 37-й параллели увлекательнее, чем описание альковов. Разве могут сравниться хоть тысячи любовных записок с одной, извлеченной из бутылки, зовущей в неведомое! Недаром папа римский благодарил писателя за нравственную чистоту его произведений.

Жюль-Габриэль родился 8 февраля 1828 г. в портовом городе Нанте. Он стал первенцем Пьера и Софи Верн – провансальца и коренной бретонки. О Пьере Верне-юристе ходила поговорка – «честный, как Верн». Таким же он хотел видеть и сына – добросовестным юристом.

Нант был городом моряков и путешественников – их рассказами Жюль пленялся с пеленок. Он грезил путешествиями. В 11 лет он едва не сбежал из дома в Вест-Индию. К счастью, отец вовремя обнаружил побег, вернул мальчика домой, хорошенько выпорол и посадил на хлеб и воду. Подобные «геройства» не помешали Жюлю успешно окончить Нантский королевский лицей и поступить на факультет права в Сорбонну.



Отец посылал сыну 100 франков в месяц, дабы тот не роскошествовал в столице. Молодой человек увлекался театром,

отчего питался через раз. Познакомился с отцом и сыном Дюма. Дюма-отец имел на него виды, думая сделать юношу своим «подмастерьем». Но Жюль при участии Дюма-сына написал пьесу в стихах «Сломанные соломинки» и поставил ее в «Историческом театре» у Дюма-отца. Комедия выдержала 12 представлений, была издана, принесла, правда, незначительный гонорар. Не исправили положения еще несколько водевилей и комических опер. Из бедности был один выход – искать заработки вне литературы.

Верн стал лиценциатом права, но возвращаться в Нант, в отцовскую контору не спешил. Не торопил его и отец, милостиво разрешив развеяться после трудных экзаменов. Год прошел, и Жюль написал отцу, что решил стать хорошим литератором, а не плохим адвокатом. Отец не стал лишать его своей помощи.

Познакомившись со знаменитым путешественником Араго, Жюль почерпнул в беседах с ним немало сведений и написал рассказ «Первые корабли мексиканского флота». Пропитание зарабатывал фривольными пьесками, репетиторством, местом секретаря директора Лирического театра.

В 1857 г. Верн женился на Онорине Морель, 26-летней вдове, имевшей двух дочерей. Отец выдал Жюлю на женитьбу и на выкуп места на бирже 50 000 франков. Так молодожен стал биржевым маклером. Он вставал в 5 утра, писал «роман о науке», а потом шел на биржу.

Через два года Верн совершил бесплатную поездку в Шотландию, посетил Ливерпуль, Гебридские острова, Эдинбург, Лондон. Погостив дома, на маленьком пароходе-угольщике опять отправился в скандинавские страны – Норвегию, Швецию, Данию. С полдороги вернулся домой – жена родила сына Мишеля.

Близким другом Жюля стал Турнашон, знаменитый фотограф, первым запечатлевший Париж с высоты птичьего полета. Верн ухватился за идею исследования Африки с помощью воздушного шара и написал об этом трактат. Издатель П.Ж. Этцель предложил переделать его в художественное произведение. Так в 1863 г. появился первый роман Верна «Пять недель на воздушном шаре». Книгу о путешественнике Фергюссоне, открывшем истоки Нила, восторженные читатели буквально смели с прилавков.

К Верну пришла мировая известность, гонорары, уверенность в своих силах. Этцель, прозревший в этом романе идеальное чтение для подростков, заключил с писателем контракт, по которому тот в течение двадцати лет должен был передавать ему по два романа в год, получая за каждую рукопись две тысячи франков.

Творческая плодовитость писателя удивительна. Он

соблюдал «график» на протяжении четверти века, пока был жив Этцель. Выполнял его и позже. И выдавал не «мыльную» серию третьеразрядного чтива, а эксклюзивный продукт высочайшего класса, служащий эталоном жанра и поныне. Помимо романов он написал еще 20 повестей и рассказов, более 30 пьес, несколько документальных и научных работ.

Бессмысленно перечислять все произведения писателя, от одного названия которых становится светлее на душе: «Дети капитана Гранта», «20 000 лье под водой», «Вокруг света за 80 дней», «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан». Все они населены удивительными героями, волевыми, свободолюбивыми. Капитан Немо и Жак Паганель на равных стоят рядом с Дон Кихотом.

Такого восторженного описания техники, путешествий не найти больше ни у кого. Верн предсказал научные открытия и изобретения в самых разных областях от акваланга до телевидения. Свой «космодром» он разместил недалеко от мыса Канаверал, а космический корабль спустил в Тихий океан в трех милях от того места, где приводнился в 1969 г. «Аполлон-11», также вернувшийся с Луны. Точно указал местонахождение истоков Нила. Жюль Верн единственный в мире писатель, который охватил в своем творчестве весь земной шар с его океанами и континентами.

Эрудиции и работоспособности писателя мог бы позавидовать академический институт. Он был сведущ чуть ли не во всех естественных науках. Пресса сомневалась, что один человек может столько знать и столько писать обо всем на свете. Не все знали, что писатель просматривал десятки газет, вел уникальную картотеку, неделями просиживал в Национальной библиотеке, обозревал всемирные выставки в Париже, следил за новыми отраслями техники.

А как же семья? Жюль постоянно огорчал супругу своим невниманием: игнорировал гостей, сутками не выходил из кабинета, закончив роман, тут же брался за другой, и даже летом, когда все выезжали в рыбацкий поселок Кротуа, он уединялся на своей яхте «Сен-Мишель». С виду в семействе Вернов царила гармония. Мало кто знал, что уже давно супруги стали друг другу чужими. Не были радужными и отношения писателя с сыном Мишелем, отличавшимся крайним упрямством. Молодой человек часто буйствовал, делал огромные долги, не раз его заключали в городскую тюрьму, откуда отец выкупал свое чадо.

В 1870 г. началась война с Пруссией. Казалось бы, не до мирных дел. Но именно тогда был подписан декрет о награждении Верна орденом Почетного легиона. Во время войны

Онорина с детьми по-прежнему жила в Амьене, а Жюль – в Кротуа служил резервистом береговой стражи. Пруссаки сожгли «Сен-Мишель». И хотя это было время, неподходящее для издания романов – «20 000 лье» тщетно лежали на полках книжных магазинов, писателю не оставалось ничего иного, как только работать.

После войны Верн приобрел в Амьене двухэтажный особняк и приступил к сочинению «Таинственного острова», купил паровую яхту «Сен-Жозеф», на которой совершил четыре больших круиза по Северному и Средиземному морям. На пароходе «Грейт-Истерн» он посетил США, побывал в Нью-Йорке, на Ниагарском водопаде.

Однажды Верн тряхнул стариной: переделал роман «Вокруг света в 80 дней» в пьесу. По сцене театра «слона водили», ползали кобры, бегали дикари, слепили и оглушали спецэффекты. По отзывам, успех был ошеломляющий.

1886 г. стал для Верна годом испытаний. Скончался его друг и издатель Этцель, а через неделю после этого любимый племянник писателя, Гастон, сошел с ума и выстрелил в него. Пулю, засевшую в ноге, извлечь не удалось. С тех пор Верн мог перемещаться только с тростью.

В последние годы Верна мучили бессонница, боли в ноге. Невероятное напряжение сил привело к слепоте. Но он не сдался, диктовал внучкам или писал при помощи особого транспаранта.

24 марта 1905 г. Жюль Верн умер в Амьене в окружении своих родных от приступа диабета. Через два года на его могиле был поставлен памятник, изображавший писателя восстающим из праха, с рукой, протянутой к звездам.

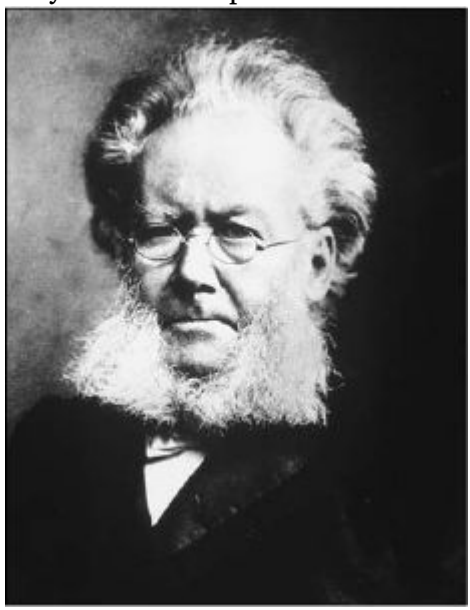
В России первый перевод Верна появился в 1864 г.

В наши дни по количеству переводов на разные языки, числу тиражей и количеству изданных книг в мире произведения Жюля Верна уступают разве что трудам В.И. Ленина и книгам Агаты Кристи.

ГЕНРИК ИБСЕН (1828–1906)

Ибсен видится глыбой льда в ореоле северного сияния. Из такой же точно глыбы он высекал своих героев. Даже преисполненные человеческих грехов, они удивительно прозрачны.

Ибсен любил и умел быть первым.



Первым, за двадцать лет до Ницше, осмыслил идею сверхчеловека и Бога и не отрезал: «Умерли все боги», а возопил: «Так неужели всюду пустота?.. Ни в бездне, ни на небе никого?..»

Первым призвал: «Человек, будь тем, кто ты есть».

Первым в драме сделал то же, что Лев Толстой в романе.

Первым увидел, что «Россия – одна из немногих стран на земле, где люди еще любят свободу и приносят ей жертвы. Потому-то страна и стоит так высоко в поэзии и искусстве».

А еще написал: «Большинство людей умирает, так по-настоящему и не пожив. К счастью для них, они этого просто не осознают».

Генрику Ибсену посчастливилось родиться в Норвегии, где была конституция, не было безграмотных и воров, а высшее образование за деньги мог получить всякий желающий.

Это произошло в 1828 г. в приморском городе Шиене. Отец его, суровый Кнут Ибсен, был состоятельный норвежец с примесью шотландско-немецкой крови, мать происходила из

немецкой семьи, что не могло не придать северному характеру будущего поэта черт пуританина, философа и скитальца.

Генрик с детства за самыми простыми предметами видел сказочный, страшный фон. Эту способность он сохранил и в своем творчестве. А Шиен вошел в него своей религиозностью.

Когда Генрику было восемь лет, отец обанкротился. Роскошь сменилась нищетой. Мальчик стал нелюдим, чужд детским забавам, в каморке рисовал, вырезал картонные фигурки, рассматривал старинные морские книги, разучивал фокусы, которые потом показывал гостям.

Через шесть лет Ибсены отдали сына в реальную школу, где он с увлечением изучал историю и Библию. Письменные работы, которые были прообразами его драм, производили на одноклассников и учителей неизгладимое впечатление.

В 16 лет Генрик устроился помощником аптекаря в приморском городке Гримстад, подготовился к экзаменам на врача. В свободное время писал стихи, вел беседы о европейской политике, сочинил историческую драму «Катилина», к которой критики отнеслись весьма сурово. (Через четверть века писатель ее переписал.)

Ибсен всю жизнь не снимал с себя маски мрачной отчужденности и насмешливости. Юноша был серьезен не по годам, притягивая и отталкивая своей загадочностью любопытных дам. Одна из них, служанка аптекаря Эльсе Софи Йенсдаттер, родила от Генрика внебрачного сына.

В 1850 г. Ибсен переехал в Христианию (ныне Осло), где поступил в школу Хельтберга. Перебиваясь с хлеба на воду, постигал науки, писал. Драма «Богатырский курган» выдержала три представления. Вместе с единомышленниками Ибсен основал политическую еженедельную газету, в которой публиковал свои политические сатиры.

Когда Генрику предложили место директора театра в Бергене, он дал согласие, но прежде в Копенгагене и Дрездене ознакомился с европейской и датской драматургией, изучил сценическую технику и нюансы заведования театром, свел знакомства с актерами и литераторами.

Ежегодно ко 2-му января драматург представлял новую пьесу; сюжеты он черпал из истории Норвегии или из древних скандинавских саг. С драмы «Фру Ингер из Эстрота» началась его слава.

После пяти лет директорства Ибсен вернулся в Христианию, окончил «Северных богатырей», свою лучшую историческую драму, и «Претендентов на корону». Вместе с драматургом Бьернсоном (своим главным литературным соперником) основал

«Норвежское общество», выступавшее против иностранного влияния в литературе и живописи.

Критика с порога не приняла пьес молодого драматурга, злобно третировала его, чувствуя за ним силу и право разрушителя всех современных идеалов.

Известность – оборотная сторона критики – расширила круг его знакомств. Генрик познакомился с Сюзанной Торесен, дочерью священника, весьма энергичной властной дамой, с радикальными взглядами, и в 1858 г. они поженились. На следующий год у них родился сын Сигурд.

Обретенное в браке душевное равновесие благотворно сказалось на пьесах, написанных после женитьбы, – «Комедия любви» и «Борьба за престол».

Бурная литературная деятельность в норвежский период не освободила Ибсена из тисков нужды и отчаяния. Депрессия и алкоголь едва не свели его в могилу. Ему не раз являлись «видения», которые можно было квалифицировать как «белую горячку», если бы персонажи и целые сюжеты «горячки» потом не становились героями и картинами его пьес.

После женитьбы денег не прибавилось. Театр обанкротился, гонораров кот наплакал. Нужда едва не заставила поэта стать таможенным чиновником. Начавшаяся датско-немецкая война, в которой норвежское правительство и общество выказали постыдное бездействие, довело разочарование Ибсена в своем отечестве до крайности. Он дважды обращался с просьбой в стортинг (парламент) о пособии, которое после долгих колебаний, наконец, было ему назначено.

В 1864 г. Ибсен покинул Норвегию и уехал в Рим, откуда вскоре прислал свои философско-драматические поэмы «Бранд» и «Пер Гюнт». Быть самим собой или отказаться от самого себя – зрители должны были выбрать сами. Драмы имели невероятный успех. Немало способствовала популяризации «Пер Гюнта» музыка Эдварда Грига. Стортинг закрепил за Ибсеном писательскую пенсию, и когда поэт летом 1874 г. посетил родину, то встретил восторженный прием как общепризнанный первый драматург Норвегии, правда, со скандальным оттенком.

За рубежом Ибсены оставались двадцать шесть лет. Эти годы они прожили в основном в Риме, Дрездене и Мюнхене. Писателя преследовала навязчивая идея стать знаменитым, и она в конце концов воплотилась в жизнь. Когда Ибсен перешел к написанию «проблемных» пьес в прозе «Кукольный дом», «Привидения», «Дикая утка», «Строитель Сольнес» и др., посвященных семье и любви, сосредоточенных на проблеме духовных ценностей, они принесли ему всемирную славу, хотя и являлись лишь

продолжением «Бранда» и «Пер Гюнта».

Эти пьесы положили начало «новой драме», а с ней – процессу обновления театрального дела по всей Европе. Открыв ранее запретные для «приличного» общества темы, исследовав скрытые пружины, управляющие человеческим поведением, Ибсен отразил на сцене саму жизнь, а не ее театрализованное подобие и скромно признался: «Моей задачей было изображение людей».

Ибсен был добропорядочным семьянином, во всем полагался на Сюзанну и во всем от нее зависел. Она оказала значительное влияние на всю его творческую судьбу. Ему, конечно, нравились девушки, но «чисто эстетически, как если бы он разглядывал картину или статую». Два-три серьезных увлечения платонического характера не разрушили семью благодаря своевременному вмешательству супруги, зато дали драматургу прекрасный творческий импульс. Ибсен не искал «низменных» утех, его привлекало больше искание в любви не счастья, а лишь прекрасной возможности воспоминаний. Это стало основой многих его произведений. Раз только, когда ему было за шестьдесят, он влюбился в 27-летнюю пианистку Хильдур Андерсен, но и на этот раз Сюзанна не выпустила из своих рук поводьев судьбы.

В апогее небывалого творческого расцвета в 63-летнем возрасте Ибсен вернулся в Норвегию. На чужбине он достиг всего, о чем мечтал: мировой славы, признания, материального благополучия; его пьесы шли на сценах театров всего мира; количество исследований и критических статей о нем не уступало количеству публикаций о Шекспире.

Вскоре после семидесятилетия он перенес несколько ударов. В последней (из двадцати шести) пьесе, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», Ибсен подверг суду свой творческий путь и оценил его как трагический провал.

Умер Ибсен в Христиании 23 мая 1906 г.

В России Ибсен был одним из «властителей дум». Его пьесы действовали на общество как наркотик. Его мотивы звучали в прозе Л.Н. Толстого, драматургии А.П. Чехова, поэзии А. А. Блока.

На русский язык Ибсена переводили А. и П. Ганзен, Н. Мирович, Ф. Золотаревская, А. Шарапова, Вс. Рождественский,

В. Адмони, Т. Сильман и многие другие.

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ (ЧАРЛЬЗ ЛЮТВИДЖ ДОДЖСОН) (1832–1898)

После смерти Кэрролла большую часть его рукописного наследия сожгли. Нет, не инквизиция – родные братья. Надо было куда-то девать кипы бумаг, мешки макулатуры, чтобы освободить комнаты для нового хозяина. Вытащили во двор и подожгли. Хорошо занялось! Рисунки, рукописи, письма, фотографии. Кто его знает, может, там была еще одна «Алиса», а может, и не одна. Наверняка была глава о том, как два серых зайца подбрасывают хворост в костер, на котором сжигают зайца белого – «Святая простота!».

Чарльз Лютвидж Доджсон родился в небольшой деревушке Дарсбери в графстве Чешир 27 января 1832 г. Он был старшим сыном скромного приходского священника Чарльза Доджсона и Фрэнсис Джейн Лютвидж. При крещении ему дали два имени: Чарльз – в честь отца, Лютвидж – в честь матери. У него было семь сестер и три брата.

Образованием Чарльза до двенадцати лет занимался отец, эксцентричный и глубоко религиозный. Чарльз был заводилой среди детей, придумывал игры, показывал фокусы, сочинял рассказы, стишки, писал пьесы для домашнего театра марионеток, рисовал картинки, «издавал» рукописные литературные журналы.

Учиться Доджсон начал в грамматической школе Ричмонда, а затем продолжил в элитной Регби-Скул. Учился легко, проявив большие способности к математике и классическим языкам. Чарльз был левшой; ему запрещали писать левой рукой, и это, видимо, привело к заиканию.

В девятнадцать лет юноша был зачислен в аристократический колледж Христовой церкви Оксфордского университета со стипендией Боултера. Окончив Оксфорд с отличием по двум факультетам – математики и классическим языкам, Доджсон был допущен к научной работе и выиграл конкурс на чтение математических лекций в колледже. Ему предложили профессорский пост, для чего он должен был принять духовный сан и обет безбрачия. Приняв обет, Чарльз не спешил принять сан, так как не мог отказаться от увлечения фотографией и театром. Лекции давали приличный заработок, но не были его призванием.

Первое художественное произведение Доджсона, увидевшее свет, – поэма «Одиночество». На латыни «Чарльз Лютвидж» пишется как «Каролюс Людовикус». Сделав рокировку имен и обратный перевод на английский, Доджсон получил свой псевдоним: «Льюис Кэрролл». С этим именем он и вошел в клуб великих писателей.

В двадцать пять лет Чарльз получил степень магистра математики, в двадцать девять лет – посвящен в сан диакона. Вся его дальнейшая жизнь была связана с Оксфордом. Доджсон жил в небольшом доме с башенками. Слыл педантом и эксцентриком, затворником и чудаком, знакомств избегал, часами бродил по окрестностям.

Доктор работал без устали. Вставал на рассвете. Письменный стол, лекции, обед в колледже, прогулка (не меньше десяти километров) – и снова работа, далеко за полночь. Страдая бессонницей, Чарльз ночами придумывал алгебраические и геометрические головоломки и не засыпал, пока не находил решения. Позже он опубликовал эти головоломки под названием «Полуночные задачи, придуманные бессонными ночами».

У Доджсона было несколько любимых занятий, которым он посвящал свободное время. Он неплохо рисовал. Больших успехов достиг в искусстве фотографии. Особенно удачными получались у него снимки детей. Его считали одним из лучших фотографов столетия. Сохранились фотографии выдающихся людей того времени – поэта Теннисона, актрисы Эллен Терри, с которой писатель был дружен много лет, Фарадея, Томаса Гексли.

Страстью Доджсона был театр. Он, как ребенок, смотрел все

кряду: детские спектакли, трагедии, фарсы, водевили. Любил все сказочное, чудесное и терпеть не мог пошлости.

Его обширную библиотеку составляли книги на самые разные темы – от оккультизма до евклидовой геометрии; религиозные трактаты шли вперемешку с брошюрами о неврозах, словари и справочники с фолиантами о чудесах.

Эпистолярное наследие Доджсона можно было бы занести в «Книгу рекордов Гиннесса», сохранись оно до сегодняшних дней. Писатель написал свыше ста тысяч писем, столько же и получил. Увы, уцелело всего 1305 писем.

Самой большой любовью доктора были дети. Скованный, заикающийся, робкий со взрослыми, Доджсон с детьми становился крайне занимательным собеседником; гулял с ними, играл, водил их в театр, придумывал для них рассказы. Общение с детьми предполагало непрерывный экспромт, и этот экспромт породил «Алису».

В 1856 г. в колледже появился новый декан – Генри Лидделл, вместе с которым приехали его жена и пять детей, среди которых была четырехлетняя Алиса, ставшая любимицей Доджсона. Как-то во время совместной лодочной прогулки Кэрролл рассказал историю о девочке Алисе. Детям сказка чрезвычайно понравилась, и они умоляли продолжить ее, а Алиса попросила записать ее. Через два года Кэрролл подарил Алисе рукописную тетрадку, наклеив на последней странице ее фотографию в семилетнем возрасте (столько лет героине сказки).

По совету друзей автор переписал сказку для широкого круга читателей. Так и явилась миру «Алиса в Стране чудес». Через шесть лет читатели с восторгом встретили вторую часть книги – «Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье». Спустя еще двадцать лет Кэрролл издал вариант «для детей», породивший споры (вполне в духе самой сказки) вокруг этой книги: кому она предназначена – взрослым или детям.

В 1861 г. Доджсон принял сан диакона, что было промежуточным шагом к принятию сана священника. Изменения университетского статуса избавили его в дальнейшем от необходимости принимать этот сан, и он целиком посвятил себя математике. Доктор не раз привлекал внимание научной общественности своими математическими трудами, в том числе «Символической логикой». Особой виртуозности он достиг в составлении и решении сложных логических задач, с которыми в XX столетии не справлялись даже ЭВМ.

В 36 лет Доджсон взвалил на себя тяжкое бремя – после смерти отца на его попечении остались семь сестер и три брата,

несколько племянников и племянниц, и всем он до своего последнего часа помогал материально. Может, от такой реальности он и убегал в свое Зазеркалье.

Летом 1867 г. Доджсон предпринял свое единственное заграничное путешествие – в Россию, заглянув по пути в Кале, Брюссель, Потсдам, Данциг, Кенигсберг. За месяц он побывал в Петербурге и его окрестностях, Москве, Сергиевом Посаде и съездил на ярмарку в Нижний Новгород. Россия его поразила, а Малый театр и театр в Нижнем Новгороде восхитили «первоклассной игрой актеров».

Помимо двух «Алис» Кэрролл опубликовал сборник стихов «Фантасмагория», поэму в жанре нонсенса «Охота на Снарка», сборник загадок и игр «Словесные звенья», сборники «Дублеты, словесная загадка», «Стихи? Смысл?», «История с узелками», «Логическая игра», двухтомный роман – «Сильви и Бруно» и «Заключение «Сильви и Бруно» – огромный фантастический эпос, не имевший успеха. Роман, однако, прославило стихотворение-нонсенс «Песня Безумного Садовника», за которое английские филологи почитают Кэрролла знаменитым английским поэтом.

Чарльз безвыездно жил в Оксфорде; изредка бывая в Лондоне, посещал театр; каникулы проводил обычно в Гилфорде, где жили его сестры. В последний год жизни Кэрролл издал сборник стихов «Три заката».

14 января 1898 г. писатель умер в Гилфорде.

Над его могилой стоит простой белый крест. На родине Кэрролла, в деревенской церкви Дарсбери, есть витраж с Алисой и персонажами его сказок.

Ныне Льюис Кэрролл – самый цитируемый (после Шекспира) в мире автор. Представители семантики и семиотики необычайно высоко оценивают эксперименты писателя с языком, а историки науки признали, что логические работы Доджсона намного опередили его время.

Кэрролла переводили на русский язык В. Набоков, С. Маршак, Т. Щепкина-Куперник, Д. Орловская, О. Седакова, В. Харитонов, Е. Сквайрс, Н. Демурова.

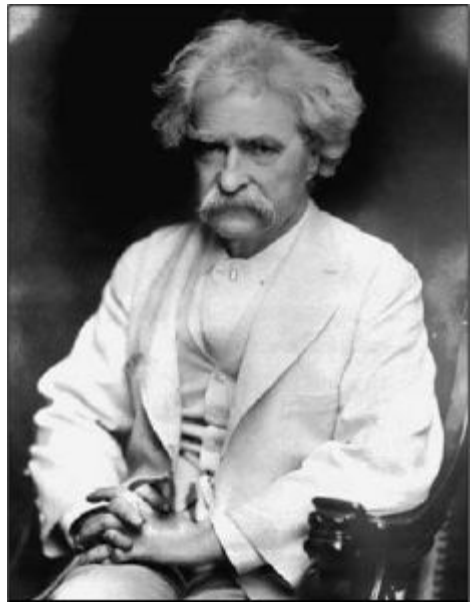
МАРК ТВЕН (СЭМЮЭЛ ЛЭНГХОРН КЛЕМЕНС) (1835–1910)

Марк Твен родился в последний день осени, 30 ноября, как и Джонатан Свифт. И, как Свифт, стал к концу жизни сатириком и мизантропом. Разве что не безумцем, хотя окружающие воспринимали сатирические эскапады бывшего юмориста и весельчака как настоящее безумие. И был знаменит как Свифт. Во всяком случае, письма с адресом «Америка, Марку Твену» доходили до адресата.

Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс родился в 1835 г. в американском городке Флорида (штат Миссури). Он был третий из четырех детей Джона Маршала и Джейн Лэмптон Клеменс, американских поселенцев английского происхождения с примесью ирландской крови. Через четыре года семья в поисках лучшей доли перебралась в городок Ганнибал, описанный в «Приключениях Тома Сойера» как Санкт-Петербург.

Отец, далеко не удачливый юрист, умер, когда Сэму было 12 лет. Семья осталась на мели. Подросток поступил учеником наборщика в местную газету, а затем типографом в «Вестерн юнион», издаваемую его старшим братом, Орайоном. В ней он напечатал несколько своих статей.

В 18 лет Сэм пошел «по штатам»: Сент-Луис, Филадельфия, Мескатин и Кеокука (штат Айова), Цинциннат (Огайо); Нью-Йорк, Вашингтон – за четыре года сменив несколько редакций, он стал классным наборщиком, продолжая публиковаться у брата.



В 1857 г. Клеменс едва не подался в Южную Америку, но познакомился с лоцманом Х. Биксби и поступил к нему учеником. Получил права и стал весьма искусным лоцманом на Миссисипи – так сбылась его детская мечта. Скорее всего, свою старость он встретил бы на реке, но в 1861 г. война Севера и Юга положила конец гражданскому пароходству, и Клеменс оказался на дальнем Западе, в Неваде. Туда его взял с собой Орайон, получивший пост помощника губернатора.

В Неваде Сэм хлебнул прелестей жизни на серебряных копях. Руды не нашел, зато в старательском поселке Аврора нашел массу колоритных типов и сюжетов для своих будущих произведений. «Территориэл Энтерпрайз» – газета в Вирджиния-Сити пригласила его к себе репортером. Там он и взял себе псевдоним из лоцманских времен – «Марк Твен» («Мерка 2»), означавший достаточную глубину для безопасного плавания (около четырех метров). Газета стала литературной школой Твена, а его излюбленным жанром – фельетон.

После Невады Твен оказался в Сан-Франциско. Пытался найти золото в золотоискательских лагерях Калифорнии, но нашел только фольклорный сюжет о скачущей лягушке. Напечатав рассказ «Джим Смайли и его знаменитая скачущая лягушка», Твен стал известным. Прибавили популярности и разоблачительные очерки о продажности городской полиции и о преследовании китайцев-иммигрантов.

Писатель оставил поденщину и подался на Сандвичевы острова, после которых ездил по городам Америки и читал свои юмористические рассказы.

Издав в 1867 г. в Нью-Йорке отдельной книгой рассказы и очерки, Твен отправился газетным корреспондентом в Европу на туристском пароходе «Квакер Сити». Свои впечатления о Франции, Италии, Греции, Турции, Палестине, России писатель отразил в «Простаках за границей», воспринятых американцами на «ура».

Когда Твен увидел дочь богатого углеторговца Оливию Ленгдон, его пронзила стрела Амура. Преодолев предубежденность чинного семейства, бойкий юморист очаровал девушку и женился на ней.

12 тысяч долларов, взятые у тестя, помогли писателю стать совладельцем газеты «Экспресс» в Буффало (штат Нью-Йорк) и окунуться в мир бизнеса, вызвавший у него отвращение. Тогдашнюю эпоху бурного экономического роста, пронизанную коррупцией, с его легкой руки назвали «позолоченный век». Позднее Твен основал издательскую фирму, просуществовавшую десять лет, в которой опубликовал свои произведения, а также ставшие бестселлером «Воспоминания» восемнадцатого президента США У.С. Гранта.

Поселившись с семьей в Гартфорде (штат Коннектикут), Твен посвятил себя литературной работе. Здесь он прожил счастливейших 20 лет. Оливия помогала писателю, но она же, увы, и мешала ему развернуться во всю мощь. С первых же дней замужества она взялась за «перевоспитание» мужа. Оливия не могла допустить компрометации писателя в глазах «приличной» публики и на правах домашнего цензора вымарывала из его текстов малейшие опасные социальные и политические высказывания. В результате часть произведений Твена так и не увидела свет при его жизни, а он сам, вынужденный говорить полуправду, с годами замкнулся в себе и стал желчным пессимистом. «Меня бесконечно поражает, – написал он в скрываемой от всех записной книжке, – что весь мир не заполнен книгами, которые с презрением высмеивали бы эту жалкую жизнь, бессмысленную вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую, смехотворную канитель… Почему я не пишу эту книгу? Потому что я должен содержать семью. Это единственная причина. Быть может, так рассуждали и все другие».

В Гартфорде Твен написал лучшие свои произведения: «Жизнь на Миссисипи», «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий», «Янки при дворе короля Артура».

В эти годы у Твена родился сын Ленгдон (он умер в двухлетнем возрасте) и три дочери, Сюзи, Клара и Джин.

Писатель много путешествовал с семьей и один по Штатам и Европе; встречался с писателями Р. Браунингом, И.С. Тургеневым, Л. Кэрроллом, Г. Лонгфелло, Г. Джеймсом, Р. Стивенсоном (позднее он познакомился с А.М. Горьким и Б. Шоу). Ему выпал огромный успех публичных чтений в Лондоне.

Слава Твена как ниспровергателя косной бюрократии и обличителя пороков, прежде всего глупости и суеверия (к которой он причислял и религиозное верование), достигла зенита. Ярый сторонник республиканской формы правления и социального равенства, он высоко оценивал Великую французскую буржуазную революцию, высказывался в поддержку революционного движения в России.

Финансирование новой наборной машины Пейджа привело Твена к большим тратам, а затем в пору общего финансового кризиса и к банкротству фирмы. В поисках заработков в 1891 г. писатель с семьей переехал в Европу. Начался почти десятилетний период мотания по «европам»: Англия, Германия, Франция, Швейцария, Италия.

Твен ездил по миру с публичными чтениями, пока не расплатился с долгами. Его звезда неподражаемого юмориста закатилась после блестящего рассказа «Человек, который совратил Гедлиберг».

Работа над «Таинственным незнакомцем» ознаменовала новый этап его творчества – философско-сатирический, и новый этап в отношениях с Оливией, не удержавшей супруга в узде. Повесть была опубликована в 1916 г.

Едва вернувшись в 1900 г. в США и поселившись в Нью-Йорке, Твен произнес речь против агрессии колониальных держав в Китае, начав, таким образом, широкую антиколониалистскую кампанию.

Одну за другой писатель получил почетные степени: доктора изящной словесности от Йельского университета, доктора прав от Миссурийского университета, доктора изящной словесности от Оксфорда. В 1905 г. литературная общественность торжественно отметила его 70-летие.

Прежнего безмятежного существования уже было не вернуть. Рассказы и статьи писателя были пронизаны крайним пессимизмом, и он все реже брался за перо, хотя продолжал выступать с лекциями и чтениями. Привлек внимание его философский трактат «Что такое человек?». Произведения последних лет в основном не были закончены.

Несчастья преследовали Твена: в 1896 г. от менингита умерла любимая дочь Сюзи, в 1904 г. – Оливия, а в 1909 г. – от приступа эпилепсии младшая дочь Джин.

Умер писатель в Реддинге 21 апреля 1910 г.

Похоронен в Элмайре (штат Нью-Йорк).

До последнего дня Твен работал над автобиографией, которая увидела свет в 1924 г. Произведения писателя «из стола» появлялись на протяжении всего XX в. Его последнее, наиболее едкое обличение «проклятого человеческого рода» – «Письма с Земли» дочь Клара опубликовала в 1962 г. В 1990 г. была обнаружена первая часть рукописи «Гекльберри Финна». Шесть лет спустя этот роман был опубликован в том виде, в каком предполагал его выпустить автор. Филологи характеризуют новые публикации позднего Твена как уникальное явление мировой литературы.

Твена переводили на русский язык Л. Уманцев, Н. Дарузес, К. Чуковский, А. Паршин, А. Старцев, С. Маркиш и многие другие.

МАШАДУ ДЕ АССИЗ (1839–1908)

Казалось бы, покойника ничего не должно беспокоить. И странно, когда ему мешает жить на том свете совесть. Как герою романа бразильского писателя Машаду де Ассиза «Посмертные записки Браса Кубаса» (в русском переводе «Записки с того света»), освободившемуся от прижизненного лицемерия, притворства и боли. Упомянутый Брас Кубас сухо и цинично вещает нам о себе самом, подводя итоги своей бессмысленной и никчемной жизни, отданной интригам и вообще непонятно чему.

Странно (и удивительно), что это повествование о законченном эгоисте вызывает в душе такое сопереживание, которое не часто встретишь в литературе, особенно сегодняшней. Ассиз – уникальный писатель, в своем творчестве вобравший несколько культур и литературных направлений. Родившийся в то время, когда своей основной задачей бразильские литераторы считали создание национальной литературы, Ассиз создал новый не только для бразильской, но и для всей латиноамериканской литературы тип романа.

Жоакин Мария Машаду де Ассиз родился в Рио-де-Жанейро 21 июня 1839 г. в семье бедного маляра. С детства страдал эпилепсией. Происхождение Ассиза, как отпрыска негра и белой женщины, сказалось позднее на общем драматически-

ироническом направлении его творчества и стало определяющим фактором становления его мировоззрения как писателя.

И без того тяжелое детство Машаду окончилось с ранней смертью родителей. Едва успев получить начальное образование, он вынужден был начать работать – сначала наборщиком в типографии, затем корректором, а впоследствии и сотрудником редакции газеты «Диарио де Рио-де-Жанейро». За неимением возможности продолжать обучение в учебных заведениях, Ассиз все свое свободное время уделял самообразованию, для чего собрал в домашней библиотеке лучшие книги той поры. Проштудировав всех ведущих европейских и национальных авторов, включая Стерна, Филдинга, Шатобриана, Стендаля, Бальзака, а позднее Флобера, Шопенгауэра и русских классиков, особенно Ф.М. Достоевского, Машаду получил, несомненно, такие обширные знания в области литературы, которые не давались и в университете. Благодаря упорству и трудолюбию он стал мастером, перенявшим лучшее в каждой традиции – романтизме, реализме и натурализме, и разработавшим свой несравненный стиль. Это тем более удивительно, что писатель вел уединенную жизнь. На его творческом становлении почти не сказались литературные веяния его времени. Он посещал лишь литературные вечера в крупнейшем книжном магазине Рио-де-Жанейро, поскольку составлял театральные обзоры и вел новостные колонки в различных бразильских газетах и журналах.

Ассиз с ранней юности вошел в литературу широким фронтом, как поэт, публицист, драматург, а несколько позднее как автор рассказов. Свое первое стихотворение «Она» Машаду опубликовал в 16 лет в журнале, принадлежавшем владельцу книжного магазина. Публикации составили ему имя сначала в пределах столицы, а потом и во всей стране.

Первый сборник стихотворений «Хризалиды» писатель выпустил в 1864 г. За ним последовала комедия «Ты, только ты, непорочная любовь», несколько сборников стихов и рассказов. Читателей сразу же привлекли рассказы писателя, часто с неожиданными концовками. Так, например, в рассказе «Приют для безумцев» Ассиз с ироничным блеском рассказал совершенно невероятную историю о некоем священнике, который в провинциальном городке затеял строительство не церкви, а сумасшедшего дома. В дурдом, в конце концов, стеклись жители всей округи. Рассказы Ассиза оценили все, стихам отдавали должное ценители поэзии, а известность к его пьесам, утонченным и поэтическим, пришла много позже.

Всеобщее безоговорочное признание пришло к писателю в 1881 г., когда он напечатал «Посмертные записки Браса Кубаса»,

роман о жестоком мире и о духовной нищете героя, у которого даже его слуга рабвольноотпущенник копирует хозяина: купив себе раба, он зверски мучает его, мстя за перенесенные страдания. (В Бразилии рабовладение было отменено в 1888 г.)

До этого Ассиз опубликовал уже четыре романа, в которых исследовал впервые в латиноамериканской прозе психологические аспекты личности персонажей. Первый же роман писателя «Воскресение» стал его первой попыткой создать национальный роман.

Пять романов-шедевров «позднего периода»: «Посмертные записки.», «Кинкас Борба», «Дон Касмурро», «Исав и Иаков» и «Дневник Айреса» были уже настоящими психологическими исследованиями, без которых сегодня трудно представить латиноамериканскую прозу. Герои Машаду в тисках социального неравенства не могут жить «нормальной» жизнью: они рано или поздно начинают ненавидеть весь мир.

Так, роман «Кинкас Борба» о полусумасшедшем философе, придумавшем новое учение «гумантизм», в основе которого лежит идея собственного могущества, и провинциальном юноше Рубиане, жертве этой доморощенной философии. Неожиданно унаследовав большое состояние, Рубиан, считая себя победителем жизни, оказывается беспомощным в мире стяжателей и беспринципных деляг, разоряется, теряет возлюбленную и сходит с ума.

Романы Машаду были полны горькой иронии, зачастую пессимистического сарказма. Мораль современного общества писатель с презрением отвергал. И хотя он не был законченным мизантропом, от человечества ничего хорошего не ожидал. Наиболее характерный мотив творчества Ассиза виден в строках:

> В существовании – две грани:
> Одна – печаль по невозвратным, навек минувшим временам,
> Другая – светлая надежда, что счастье все же снидет к нам…

А еще Б. Паскалю, заявившему, что человек – всего лишь мыслящий тростник, Ассиз возразил: «Человек – это мыслящая опечатка». И этим отразил свой взгляд на человека, да и на любое творчество, даже самое реалистичное.

В его романах нашли отражение элементы его биографии. В 1881 г., когда министерство сельского хозяйства, торговли и общественных работ Бразилии возглавил поэт П. де Соуза, Ассиз получил должность в его кабинете, а через несколько лет, в

1889 г., стал директором департамента торговли этого министерства. Государственная служба позволила писателю заниматься творчеством, не утруждая себя поиском денег и заработков. Знание «коридоров власти» и всех ее закутков позволило Ассизу освещать политическую кухню, ее поваров и блюда, которые они готовили обществу.

В 1897 г. Машаду стал одним из основателей и первым президентом Бразильской академии словесности.

О личной жизни писателя мало чего известно. Роман «Дневник Айреса» Ассиз написал в 1908 г. после смерти своей жены Каролины (детей у него не было) и посвятил его тихому семейному «гнезду», которого лишился навсегда. Этот роман стал последним, в том же году, 29 сентября, Машаду де Ассиз скончался в Рио-де-Жанейро.

Ассиз давно стал классиком бразильской и мировой литературы. Статьи о писателе можно найти в любой энциклопедии или истории национальной литературы Бразилии. Премия Машаду де Ассиза является самой почетной премией, ежегодно присуждаемой Бразильской Академией за цикл произведений.

В Москве недавно был открыт бюст Ассиза.

На русский язык переведены, к сожалению, далеко не все произведения писателя. Переводили Ассиза Е. Голубева, И. Чижегова, Т. Иванова, Е. Белякова.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ (1840–1902)

Когда писатель утверждает, что «ненависть священна» – это необычно. Причем не в годину войны, не отдельным своим высказыванием или даже произведением, а на протяжении всей жизни, взяв этот постулат за основу всего творчества. Редко кому удавалось объединить понятия любви и ненависти так, как это сделал Золя: «Ненависть – это возмущение сильных и могучих сердец, это воинствующее презрение тех, в ком пошлость и глупость вызывают негодование. Ненавидеть – это значит любить, значит ощущать в себе душу пылкую и отважную, значит глубоко чувствовать отвращение к тому, – что постыдно и глупо». Золя имел право на эти слова, и он не лукавил.

Эмиль Золя – гордость французов, был французом наполовину. Отец – полугрек-полуитальянец, мать – француженка. Родился будущий писатель в Париже 2 апреля 1840 г. Детство и юность провел в провинциальном городке Эксе, где его отец возглавлял строительство водопроводных сетей. Когда Эмилю было шесть лет, отец умер, оставив семью в бедственном положении. Мать, сильная, властная женщина, одинаково ненавидела и местную буржуазию, не принявшую ее, и бедноту, внушавшую ей ужас. Собственно, она и предопределила судьбу писателя и основные мотивы его творчества.

В 1858 г. мать и сын переехали на окраину Парижа. Одно

время Золя снимал жилье с другом юности художником Полем Сезанном. После окончания лицея он не смог поступить в высшую школу, служил писцом на товарных складах, писал статьи для газет, в том числе по искусству. «Питался» скудно, часто ловил воробьев и жарил их.

В 1864 г. вышел сборник рассказов Золя – «Сказки Нинон», а затем ряд романов, тяготеющих к социальной проблематике. «Исповедь Клода», а также пылкая защита живописи Э. Мане в обзоре художественной выставки 1866 г. доставили Золя скандальную известность. Роман «Тереза Ракен» исследовал чувство раскаяния, постигшее убийцу и его сообщницу.

На фоне остальных французских писателей Золя по части амурных похождений выглядел бледно. После продолжительной связи с Александриной Мелей, Эмиль с благословения матери женился на ней. Супруга обладала счастливым даром гасить в писателе его эмоциональные вспышки, чем какое-то время благотворно влияла на его творчество.

Незадолго до франко-прусской войны в газете «Век» появились главы «Карьеры Ругонов», первого романа грандиозной социальной эпопеи – «Ругон-Маккары», имевшей подзаголовок: «Биологическая и общественная история одной семьи в эпоху Второй империи». Золя посвятил эпопее четверть века. Проследив судьбу одной семьи на протяжении четырех-пяти поколений, писатель показал многие стороны французской жизни. И хотя его интересовала в первую очередь наследственность, как биологический фактор развития индивидуума, показ социальных сил все же оказался в его творчестве куда убедительней. Первоначально запланированный проект представить жизнь дворцов и трущоб Франции в десяти книгах в конечном счете вылился в двадцать томов.

Отражая в натуралистической манере жизнь Франции середины XIX в., писатель несколько лет самым натуральным образом оставался нищим, пока его в 1872 г. не вывел на русских издателей И.С. Тургенев. Автор «Ругон-Маккаров» не смог сдержать эмоций: «Да будет мне позволено публично выразить всю мою благодарность великой нации, которая согласилась приютить и усыновить меня в момент, когда ни одна газета в Париже не желала дать места моим писаниям, не прощая мне моей литературной борьбы».

Первые шесть томов ярчайшей социальной критики остались в тени критики литературной. Но после публикации седьмого тома, «Западни», писатель проснулся знаменитым. Вместе со славой пришли и деньги, которые Золя тут же употребил на приобретение дома в Медоне, фешенебельном районе Парижа,

который обставил с нарочито роскошной помпезностью – не иначе, сказалась наследственность. К нему под крыло потянулись молодые писатели – Ж.К. Гюисманс, Г. де Мопассан. Образовался недолговечный творческий союз – «натуралистическая школа».

Каждый очередной роман эпопеи с нетерпением ожидали и читатели, и критики. Получив его, все заходились либо в восторге, либо в поношении. Писатель показывал все классы общества, у каждого из которых был свой идеал и свои «ценности», подвергаемые в романах бесстрастному анализу и беспощадной критике. Бросив вызов буржуазным вкусам, Золя познал всю горечь издевательств буржуазной прессы. Вынужденный обороняться, он опубликовал несколько теоретических сборников, обосновывающих принцип натурализма: «Экспериментальный роман», «Наши драматурги», «Натурализм в театре», «Кампания», «Литературные документы».

Золя замечательно организовал свой труд. В основном работал дома, отлучаясь из Медона лишь когда ему надо было изучить место действия следующего романа и порыться в архивах или библиотеках.

Романы «Чрево Парижа», «Западня», «Нана», «Жерминаль», «Творчество», «Земля», «Разгром» (да и все остальные) стали образцами жанра. Завершил эпопею Золя в 1893 г. романом «Доктор Паскаль».

И тут же приступил к созданию новой серии романов – «Три города» («Лурд», «Рим», «Париж»), в которых оптимизма было больше. Золя вдруг поверил, что общество способно исправить само себя. Эту перемену можно объяснить в духе самого Золя – физиологией. Брак писателя с Александриной был, увы, бесплодным, что не могло не подействовать на его творческую натуру самым радикальным образом. Он сошелся с молодой швеей Жанной Розера, купил ей дом, а она подарила ему двух детей. Мадам Золя, узнав про то, разнесла в щепки прекрасную мебель супруга. Писатель же после этих встрясок утих и стал излишне сентиментальным. Во всяком случае, критики отметили, что в его новых вещах появилось больше солнца.

Скорее всего, жизнь писателя оставалась бы относительно безоблачной и в последующие годы, и он стал бы членом Французской академии, куда мечтал попасть всю жизнь, но ему помешали собственная дотошность и тщеславие – захотелось стать притчей во языцех. Ею он и стал.

Досконально разобравшись в обстоятельствах ложного обвинения в шпионаже Альфреда Дрейфуса, капитана-еврея во французской армии, писатель опубликовал в газете «Аврора» открытое письмо президенту Форе – «Я обвиняю». Обвинил он

армию, суд и правительство в фальсификации доказательств обвинения и диффамации. Понятно, что состоявшийся в 1888 г. суд вынес обвинительный приговор самому обвинителю: приговорил его к одному году тюремного заключения и денежному штрафу. Подав апелляцию, Золя от греха подальше укатил в Лондон и там на досуге задумал новую серию романов – «Четыре Евангелия».

Дрейфуса через год оправдали, и Золя вернулся на родину. Разумеется, таких дел проходило тогда немало, но имя знаменитого писателя сделало знаменитым и само дело. Мужество Золя было высоко оценено современниками.

Первый роман новой серии, «Плодовитость», был опубликован в 1899 г., второй роман, «Труд», вышел в свет в 1901 г. Третий – «Истина», не был дописан.

В ночь на 29 сентября 1902 г. Золя скоропостижно скончался на своей парижской квартире от отравления угарным газом. Обстоятельства смерти остались до конца не выясненными; рассматривалась и версия его гибели от рук политических врагов.

На похоронах писателя присутствовало пятьдесят тысяч человек. С речью выступил Анатоль Франс. Толпа скандировала: «Жерминаль! Жерминаль! Жерминаль!»

Александрина заявила, что ее гениальный муж имел право на свой особый моральный кодекс, и усыновила его детей.

6 июня 1908 г. прах писателя был перенесен в Пантеон.

На русский язык Золя переводили Н. Немчинова, О. Добровольский, В. Фиников, Е. Бирукова, Г. Еременко, Т. Иванова, Д. Обломиевский, Н. Жаркова, Д. Лифшиц и многие другие.

ФРИДРИХ НИЦШЕ (1844–1900)

Писатель Ницше неотделим от Ницше-философа, положившего в основу своих рассуждений эволюционную теорию Ч. Дарвина и трактат А. Шопенгауэра «Мир как воля». Суть же его философии в следующем. Эволюция и борьба за выживание – это проявление воли к власти. Больные и слабые должны погибнуть, а сильнейшие – победить. «Падающего толкни!» В борьбе человек эволюционирует в «сверхчеловека». Сверхчеловек больше человека на несокрушимую волю; он – «сверхнравственный», а значит, «по ту сторону добра и зла»; он – разрушитель старых ценностей и творец новых; он – господин поколений. (Пример тому – Гёте, Леонардо да Винчи.) Однако его воля со временем сковывается обещаниями, что он дал. Поэтому должен прийти новый сверхчеловек – Антихрист, который разрушит старые ценности, исчерпавшие себя, поскольку «Бог мертв», и создаст новые.

Смиренной и завистливой морали рабов он противопоставит мораль господ.

«Ну и что? – спросите вы. – При чем тут Ницше? Ну, написал. Что он Гекубе?» Дело даже не в том, что он написал, а в том, что под флагом ницшеанства вот уже второй век выступает вся интеллектуальная рать мира, вся элита, мнящая себя господами. А под рабами у них идет народ, чернь. Второй век народ захлебывается в крови, второй век длится шабаш «звезд»

политики и искусства.

Фридрих Вильгельм Ницше, сын лютеранского пастора Карла Людвига Ницше и Франциски Ницше, урождённой Элер, родился 15 октября 1844 г. в местечке Рёккен у Лютцена, Германия.

От отца Ницше унаследовал слабое здоровье. Когда ему было пять лет, отец, добрейшей души человек, скончался от размягчения мозга. Через полгода от нервного припадка умер и брат Фридриха. Эта трагедия оставила в душе мальчика сильный след и убежденность, что и его постигнет участь отца.

Семья переехала в Наумбург. В кафедральной гимназии Фридрих сочинил первые свои стихи и музыкальные пьесы, а в школе-пансионе Пфорта углубился в греческую и латинскую классику и написал сочинение «О музыке». Ницше мечтал стать музыкантом, но и увлеченно штудировал Шиллера, Байрона, Гёльдерина. С восемнадцатилетнего возраста его стали мучить регулярные головные боли.

После публикации в 1862 г. стихотворения «Эрманарих» и трех философских статей Фридрих поступил в Боннский университет и стал изучать теологию и филологию. Сочинил несколько музыкальных произведений.

В 21 год молодой человек переехал в Лейпциг, где в университете у профессора Ричли углублял свои познания в филологии, участвовал в организации филологического кружка. Музыка и философия Шопенгауэра сблизила Ницше с композитором Р. Вагнером.

Высокий уровень дипломных работ проложил Фридриху путь к научной деятельности, результатом которой стала публикация нескольких статей в «Рейнском научном журнале». В 24 года Ницше, без защиты кандидатской и докторской диссертаций, был утвержден в должности экстраординарного профессора классической филологии Базельского университета. А вскоре и Лейпцигский университет без защиты присудил ему докторскую степень.

Семья и знакомые были в восторге от его успехов, на что философ фыркал: «Подумаешь, какое событие: стало на свете одной пешкой больше, вот и все!» И это была не рисовка. В обычной жизни Фридриха отличала удивительная скромность и предупредительность. Одно время его даже называли «святым».

До своего прорыва на научно-педагогическом поприще, Ницше проходил военную службу в конном подразделении полка полевой артиллерии в Наумбурге, но из-за сильной травмы грудной клетки был комиссован.

С началом франко-прусской войны Фридрих в качестве санитара пошел на фронт. Кошмар войны навсегда вошел в него

кошмаром психики: он лишился спокойного сна и душевного равновесия. Сопровождая транспорт раненых, Ницше заразился дизентерией и дифтеритом зева, едва выжил (вызывали даже на причащение священника), демобилизовался и вернулся к лекциям в Базеле.

Здоровье писателя всегда было в прямой зависимости от степени признания его обществом, в иные годы у него случалось до ста и более мучительных многочасовых приступов, сопровождавшихся непрерывной рвотой и частыми обмороками. Несколько раз он писал завещание. Фридрих вынужден был соблюдать строжайшую диету, не употреблять спиртных напитков, не курить. Удивительно, что при этом он писал: «Борьба за жизнь воспретила мне философию уныния».

Из-за болезни Ницше временно освободили от преподавания, а затем предоставили годовой отпуск для лечения на швейцарских курортах.

Не считая нескольких друзей, Ницше был очень одинок. От матери и сестры отдалился. Женщин избегал – «мне неизбежно пришлось бы лгать». Он мечтал найти идеальную особу и, понятно, не находил. Однажды познакомился с дочерью петербургского генерала Лу фон Саломэ, дважды делал ей предложение и оба раза получал отказ. Тут приложила руку Элизабет, сестра Фридриха, противница этого брака. Однако философ не был праведником. Несколько случайных связей вознаградили его сифилисом.

Выход в свет «Человеческого, слишком человеческого» был резко принят критиками и читателями, в том числе Вагнером. Поскольку Ницше не мог поступиться своими философскими воззрениями, а они у них резко не совпадали, с композитором произошел разрыв.

В связи с резким обострением болезни Ницше ушел в отставку с ежегодной пенсией по инвалидности в 3000 франков. Простившись с Базелем, философ по совету врачей сменил десятки мест жительства и лечения и как перекатиполе мотался по всей Европе. Пенсии едва хватало на переезд, съем комнаты и пропитание. Гонораров не было, и если бы не финансовая поддержка друзей, Фридрих вряд ли выжил бы.

В 1883–1884 гг. увидели свет написанные в порывах вдохновения четыре части поэтическо-пародийного романа «Так говорил Заратустра», в которой писатель свел воедино свои основные идеи. Эти выпуски никто не заметил. Четвертая часть вышла тиражом в сорок экземпляров. Фридрих раздал семь из них друзьям и отказался от завершения своего труда. С «Заратустрой» одним Геростратом в мире стало больше. И если

тот, классический, просто сжег храм одной из богинь, то Ницше, заявив: «Бог умер», спалил своим словом и Самого Бога.

После «Заратустры» философ за свой счет издал книгу «По ту сторону добра и зла». Не получая удовлетворения от писательской деятельности, Ницше находил отдушину в музыке. Он был прекрасным пианистом. «Меня раздражает все, что нельзя выразить музыкой».

Вскоре Ницше вступил в переписку с Г. Брандесом, который стал читать в Копенгагенском университете курс лекций о его философии. Тем временем философ создал еще несколько работ: «Казус Вагнер», «Переоценки», «Сумерки идолов», «Антихрист», «Ессе Homo». Его популярность росла. С удивлением Ницше узнал, что ему поклоняются и революционные марксисты, и атеистические нигилисты. Беда Ницше была в том, что все его творчество было необыкновенно афористично и эмоционально. Из 7000 афоризмов можно было выбрать на любой вкус.

«Вера спасает, – следовательно, она лжёт».

«Идёшь к женщине – бери плетку».

«Культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом».

Осенью 1888 г. были отмечены первые явные признаки душевного расстройства писателя. 3 января 1889 г. его на улице настиг апоплексический удар и помрачение рассудка.

Ницше вывезли в Базель и поместили в психиатрическую клинику. Диагноз – ядерная «мозаичная» шизофрения – не вскрыл природу безумия писателя. Может, наследственное, а может, и возданное по вере его. Поведение больного было неадекватным, сумбурным. Его обуревала мания величия, и он полностью потерял способность к умственной работе. Фридрих все время играл на фортепьяно, и играл чудно – мозг умер, а душа вот пела. О чем?

Через год мать перевезла его к себе в Наумбург, но так и не дождалась, когда к нему вернется рассудок. Она умерла за три года до кончины сына.

Сестра Элизабет стала диктовать издателям свои правила и вносить в тексты Ницше поправки, часто подделывая их под его руку. Через три года она оформила опекунство и приобрела в собственность сочинения и наследие брата. В 1890-е гг. вышли два издания собрания сочинений Ницше.

После третьего апоплексического удара Ницше скончался 25 августа 1900 г. в Веймаре.

После смерти Ницше превратили в идола и растаскали его творения на цитаты. Писатель предвидел, что его неверно поймут и рассудят. Сделал даже заключение об этом: «В самой природе

высших "многострунных" культур заложено, что они всегда неверно понимаются низшими». Но вряд ли он предвидел, что станет молитвенником и нацизма, и демократии, и вообще всех кому не лень. Каждый выдергивал из него свое, поскольку его удобно делать и стягом, и жупелом, на нем удобно ломать популистские копья. Вина ли это его? Беда – уж точно. Например, Элизабет написала трехтомник его биографии, в котором представила брата апологетом тоталитарной тирании, чем нашла понимание у Муссолини и Гитлера.

Идея «Бог умер» (впервые высказанная и опровергнутая Ф.М. Достоевским) оказала воистину дьявольское влияние на все интеллигентское сообщество, сросшееся с властью. Именно лозунг «Бога нет» – а, значит, нет и совести – сопровождал вакханалию XX века. И неважно, какая власть – тоталитаризм или демократия – это всё одно и то же: власть без совести. Но с претензиями на заботу о малых сих – народе, и с демагогией, что именно она – власть самого народа. Вот дилемма, забота без совести. Возможно ли такое?

Ныне «Заратустра» признан классикой мировой литературы, переведен почти на все языки, а сам Ницше признан самым влиятельным философом после Гегеля. Ни один крупный писатель не избежал влияния Ницше. Его философия породила экзистенциализм, постмодернизм, дала мощный толчок развитию психологии, лингвистики, филологии. В России идеи Ницше были восприняты еще при жизни философа. «Ницшеанцами» были объявлены Минский, Мережковский, Гиппиус, Бальмонт, Брюсов, молодой Горький.

Ницше переводили на русский язык В. Микушевич, Ю. Антоновский, А. Бакусев, В. Рынкевич, А. Михайлов, Г. Рачинский и другие.

АНАТОЛЬ ФРАНС (1844–1924)

«Великий писатель, хотя бы и очень самобытный, заимствует больше, нежели сочиняет сам: язык, на котором он пишет, – не его изобретение; форма, в которую он отливает свою мысль – ода, комедия, повесть – созданы не им; даже самая его мысль подсказана ему со всех сторон; краски ему уже даны: он привносит только оттенки. Будем разумны и согласимся, что наши произведения далеко не всецело принадлежат нам. Они зреют в нас, но корни их – в питающей нас почве» – этой фразой Франс закрыл отчасти вопрос, в чем тайна творчества. В той его части, которая зависит от человека, но не от Бога. На другую часть у писателя свой взгляд: «Бог, небеса, все это – ничто. Истинна только земная жизнь и любовь живых существ». Не ведал, что говорил. Оттого и не ответил, почему же так мало великих произведений.

Жак Анатоль Франсуа Тибо родился 16 апреля 1844 г. в центре Парижа, в семье букиниста-книготорговца Франсуа Ноэля Тибо и Антуанетты (Галла) Тибо. Он был единственным ребенком в семье. Книги естественным образом вошли в его жизнь.

Поступив в столичный коллеж Станислас, школу иезуитов, мальчик по уши влез в греческих и римских классиков. Почти все его товарищи по коллежу были из знатных и богатых семей, и мальчик страдал от своей униженности. Школу он не любил и учеником был слабым, отличаясь лишь сочинениями. Выпускные экзамены дались ему не с первого захода.

Мать, словно провидя будущее, советовала сыну стать писателем.

Когда отец ушел от дел, надо было зарабатывать деньги. И Анатоль стал писать статьи в энциклопедические словари и справочники, небольшие заметки в библиографические журналы и каталоги, затем устроился библиографом в издательство А. Лемерра, где рецензировал рукописи и писал к издаваемым книгам предисловия. В газете «Тан» подрабатывал в качестве литературного критика. В издательстве юноша познакомился с литературной группой «Парнас». После выхода в свет его очерка о творчестве поэта Альфреда де Виньи Анатоль стал одной из центральных фигур в «Парнасе».

Во время франко-прусской войны Тибо служил в армии, демобилизовавшись, писал и редакторствовал. Десять лет прошли довольно однообразно – Анатоль не хватал звезд с литературного небосклона, да и не спешил. Издав в 1873 г. сборник стихов «Золотые поэмы», он через три года издал драматическую поэму «Коринфская свадьба», после чего оставил поэзию.

Парижская газета «Темпе» заказала Тибо серию критических статей о современных писателях. Вскоре он стал литературным критиком этой газеты, ведущим рубрику «Литературная жизнь». Позже статьи вышли отдельным изданием в четырех томах. Свой псевдоним «Франс» писатель образовал от уменьшительного имени отца – Франсуа.

В 1876 г. Франса назначили заместителем директора Библиотеки сената; он занимал этот пост 14 лет. На следующий год писатель женился на Валери Герен де Совиль.

У издателя К. Леви Франс издал повести «Иокаста» и «Тощий кот», а также роман «Преступление Сильвестра Боннара», героя которого – одинокого старика-скептика, умного, мыслящего, ироничного и очень мягкого – ученого многие из читателей сочли автобиографическим персонажем. Роман принес Франсу известность, премию Французской академии и пропуск в высшее общество столицы.

Писатель стал завсегдатаем одного из самых блестящих литературных, политических и художественных салонов г-жи Леонтины Арман де Кайаве. Пять лет разговоров о прекрасном, подкрепленные привитием писателю светских манер и продвижением его сочинений, сблизили Анатоля и хозяйку

салона настолько, что они стали любовниками. Романтические поездки в Италию способствовали закреплению чувств. После развода с женой Франс жил с Леонтиной в неофициальном браке. Она заботливо ухаживала за житейски беспомощным писателем.

В 1880–1890 гг. Франс опубликовал несколько повестей, сборников новелл, отличающихся стилевым изяществом, роман о христианском фанатике и аскете Пафнутии «Таис» и роман «Харчевня королевы Гусиные лапки», где вывел еще одного «сквозного» героя – аббата Жерома Куаньяра, мудреца, бродягу и жизнелюбца XVIII в. Образ Куаньяра Франс использовал для социальной критики современной французской жизни в романах «Суждения господина Жерома Куаньяра» и «Красная лилия».

В 1896 г. Франса избрали членом Французской академии, после чего он стал живо интересоваться социальными и политическими вопросами и тут же приступил к работе над тетралогией под общим названием «Современная история», главным героем которой стал господин Бержере, провинциальный школьный учитель.

Бержере воплотил философский идеал автора: снисходительно-скептическое отношение к действительности, ироническую невозмутимость в суждениях о поступках окружающих лиц. Герой походил на Франса, испытывавшего отвращение к мрачной комедии человеческого бытия, рассматривавшего мир, как сцену, а людей, как марионеток. «Современная история» чем-то напоминала китайский театр масок. В ней Франс с документальной точностью описал политическую и общественную жизнь своего времени, грязную и подлую, как и во все другие времена.

В 1898 г. писатель, под влиянием М. Пруста, принял участие в деле Дрейфуса, первым подписав письмо-манифест Э. Золя «Я обвиняю» (см. очерк «Эмиль Золя» в настоящей книге). Франс описал это дело в романе «Господин Бержере в Париже», после чего неизбежно стал близким другом лидера социалистов Жана Жореса и литературным мэтром Французской социалистической партии. Он выступил в защиту русской революции 1905 г., был председателем «Общества друзей русского народа и присоединенных к России народов». Писатель активно принимал участие в устройстве народных университетов, читал лекции рабочим, произносил речи на народных собраниях.

В 1910 г. Франса постигло глубокое личное горе – смерть госпожи де Кайаве. Однако занятий политикой и литературой он не бросил. Его двухтомный исторический труд «Жизнь Жанны д'Арк» был принят плохо и католиками, и историками. Зато подлинным триумфом сатиры в духе Свифта стал «Остров

пингвинов», в котором близорукий аббат Маэль по ошибке принял пингвинов за людей и окрестил их, чем вызвал массу сложностей на небесах и на земле, а сам Франс не оставил камня на камне от набравшего в конце XIX в. оголтелого расизма и колониализма.

Для писателя настал час трагического осознания действительности. В историческом романе о французской революции, «Боги жаждут», он показал трагедию революции, не изменившей жизнь страны и самих людей. В романе «Восстание ангелов» провел мысль, что установление новой власти не избавит мир от тирании. Сомнения и колебания Франса отчасти сняла Великая Октябрьская социалистическая революция в России. В эти годы Франс вернулся к автобиографическим темам своих ранних произведений, написал ряд очерков о детстве и отрочестве, а также романы «Маленький Пьер» и «Жизнь в цвету».

В 1920 г. писатель примкнул к Французской коммунистической партии. Это совпало с включением Римской католической церковью его книг в список запрещенных.

В 1921 г. Франсу, как «последнему великому классику», была присуждена Нобелевская премия по литературе «за блестящие литературные достижения, отмеченные изысканностью стиля, глубоко выстраданным гуманизмом и истинно галльским темпераментом».

Франс умер 13 октября 1924 г. в Туре. На его похоронах присутствовали члены французского правительства.

На родине французского острослова ставят рядом с Рабле, Мольером и Вольтером.

На русский язык писателя переводили И. Мандельштам, Н. Жаркова, Е. Гунст, Е. Корш, Я. Лесюк и другие.

ГИ ДЕ МОПАССАН (1850–1893)

«Не дай мне бог сойти с ума» или что-то вроде этого повторял себе Мопассан довольно часто, пока не лишился рассудка, написав до этого за десять лет 27 томов прозы, пьес, статей, стихотворений. «С ума сойти, сколько понаписал!» – скажет обыватель и будет прав. Увы, не только умственное перенапряжение, но и наследственный недуг погубили великого новеллиста.

Анри Рене Альбер Ги де Мопассан родился в Нормандии 5 августа 1850 г. в обедневшей дворянской семье. Отец писателя, Гюстав де Мопассан, почитал искусство, писал акварели. Мать, Лора Ле Пуатвен, мучилась неврозами. После развода родителей Ги с братом Эрве и матерью поселились в приморском городе Этрета на вилле Верги.

Какое-то время Ги жил вольготно: болтался по окрестностям, ходил с рыбаками в море, ловил рыбу, управлял парусами, а в тринадцать лет пошел в духовную семинарию городка Ивето. Там взбунтовался против суровой дисциплины, запрещавшей даже писать стихи, несколько раз убегал домой, пока его не исключили.

В руанском лицее, где он продолжил учебу, за стихи не наказывали. Став бакалавром, Мопассан поступил на юридический факультет в Канне. С началом франко-прусской войны летом 1870 г. Ги призвали на военную службу рядовым. Воевал мало, зато много читал.

С окончанием войны в стране начался экономический кризис. В семье денег не было, и Ги поступил на службу в Морское министерство. Жалованья не хватало, немного помогал отец. На службе молодой человек не горел, своих литературных пристрастий от сослуживцев не скрывал, отчего в должности за шесть лет не продвинулся. После этого он перевелся в министерство народного образования.

Свой досуг Мопассан посвящал гребному спорту и литературе. Осенью, зимой, весной график был простой: письменный стол – работа – письменный стол. Летом: река – работа – река. В отпуск – путешествовал: в Англию, Швейцарию, Алжир, на Корсику, по Бретани. Он не был кабинетным затворником: ходил в театр, посещал художественные выставки, проводил вечера в гостиных своих знакомых, был мастером любовных авантюр. Один из романов писателя едва не закончился женитьбой, но провидению было угодно оставить его холостым.

Однако главное для него была все же литература. Много помогал ему советами и редактурой знаменитый писатель Г. Флобер, добрый приятель его матери. Флобер заставлял ученика отшлифовывать стиль, запрещал печататься и заниматься журналистикой. Через шесть лет Ги ослушался учителя и опубликовал свою первую новеллу «Рука трупа». А вскоре уже с благословения Флобера в журнале «Литературная республика» появилась первая поэма Мопассана «На берегу» и первый очерк о творчестве Флобера. Сближение с молодыми прозаиками – последователями Золя ускорило его переход от поэзии к прозе.

Первый рассказ Мопассана «Пышка» вышел в свет в 1880 г., вместе с повестями Золя, Гюисманса и др. в сборнике «Меданские вечера». Заклеймив нормандскую буржуазию, идущую на соглашение с национальным врагом, начинающий писатель влетел в литературу как метеор. Шумный успех «Пышки» сопровождался приглашением Мопассана к сотрудничеству в газете «Голуа», где вскоре появился цикл его новелл-очерков

«Воскресные прогулки парижского буржуа».

После смерти Флобера Мопассан сблизился с И.С. Тургеневым, взявшим над ним шефство. Русскому классику Мопассан посвятил первый сборник своих рассказов «Заведение Телье».

Хотя четких позиций по социальным вопросам у Мопассана не было, общественные низы он изображал охотнее, чем верхи, а о равноправии женщин чаще высказывался – за, чем против. Не выражая сочувствия революционному движению, тем не менее признавал закономерность гражданской войны. Писатель принципиально публиковался в самых разных печатных органах: от бульварных газетенок до монархически-бонапартистской «Голуа». Не желая примыкать ни к какому литературно-политическому лагерю, он не мирился с политическим торгашеством и погоней за наживой, социальной несправедливостью и лицемерием буржуазной морали. Всем своим творчеством он продолжил бальзаковскую тему опустошающей, губительной власти золота над человеком.

Литературный успех Мопассана был впечатляющ. Выходящие один за другим сборники новелл «Мадемуазель Фифи», «Лунный свет», «Иветта» и др., а также романы «Жизнь» и «Милый друг» выдвинули Мопассана в первый ряд современных ему французских писателей. К 1891 г. имя Мопассана было известно во всем мире, гонораров хватало и на себя, и на помощь матери и семьи брата. Найдя поддержку у великих русских писателей – И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, с французскими – Э. Золя, А. Доде, Э. Гонкуром Мопассан не сошелся ни литературными взглядами, ни житейски, хотя связи с писателями и художниками «средней руки» имел обширные. Близких друзей у него почти не было. Чувство одиночества и тяготение к аристократической элите подтолкнуло было его на сближение со светскими кругами, но он и там не нашел себе единомышленников.

Регулярный труд был первейшим условием творчества Мопассана. С семи утра до полудня он писал шесть страниц заранее обдуманного текста, чем заткнул за пояс и Бальзака, и Диккенса, и даже Дюма-отца, а вечером записывал впечатления дня.

Напряженная творческая работа сильно расшатала здоровье Мопассана: болезнь глаз, постоянные головные боли. Накопленная с годами усталость не снималась ежегодной сентябрьской охотой в Нормандии. Писатель больше времени стал проводить в разъездах по курортам Франции, Италии, Англии, Бельгии, Алжира. Чтобы как-то развеяться, летал на воздушном шаре, ходил на своей яхте «Милый друг» по

Средиземному морю.

Во второй половине 1880-х гг. писатель выпустил всего четыре сборника: «Орля», «Избранник г-жи Гюссон», «С левой руки», «Бесполезная красота».

Смерть в 1889 г. брата Эрве в лечебнице душевнобольных угнетающе подействовала на писателя. Не без оснований, спроецировав такую кончину на себя, он сильно переживал утрату своей прежней работоспособности. Терзался сомнениями, впадал в ипохондрию. Уже несколько лет писатель страдал от нервных расстройств, навязчивых идей и галлюцинаций. В 1891 г. он перестал писать, перестал спать.

В своих сочинениях Мопассан дал уничтожающие характеристики представителям титулованной знати и разноплеменной финансовой аристократии, за которые многие на него имели зуб. Духовно убогие и пошлые паразиты покупали, обольщали, но не прощали таланта. И вот тут-то они при поддержке прессы устроили Мопассану травлю. Дом писателя оказался в осаде, в поступающей к нему почте обязательно находилась газета, где на первой странице обсуждалось, не сошел ли он с ума.

1 января 1892 г. Мопассан посетил свою мать, жившую на вилле близ Канн. Вернувшись домой, писатель в приступе безумия нанес себе глубокую рану ножом в горло.

Через неделю его поместили в лечебницу душевнобольных близ Пасси. Надежда на его выздоровление не покидала близких и друзей – напрасно: из окружающего безумия он сбежал в свое.

Незадолго до смерти Ги в смирительной рубашке привезли на берег повидать его яхту «Милый друг». По воспоминаниям биографа, Мопассан, похоже, осмыслил это свидание с яхтой, как прощание с жизнью.

Смерть от прогрессивного паралича мозга наступила 6 июля 1893 г.

Мопассан погребен в Париже, на кладбище Монпарнас.

Во Франции и в России Мопассан был признан классиком еще при жизни. Его на русский язык переводили Н. Любимов, И. Бабель, Н. Аверьянова, И. Смидович, Л. Каган, М. Абкина, А. Чеботаревская, Е. Бунст и другие.

РОБЕРТ ЛЬЮИС СТИВЕНСОН (1850–1894)

Внешне Стивенсон напоминал нашего писателя Александра Грина, автора «Алых парусов», да и внутренне был таким же романтиком, вечным странником. «Суди о прожитом дне не по урожаю, который ты собрал, а по тем семенам, что ты посеял в этот день», – сказал он. А сказав, и жил так. Поскольку он все время был в пути и непрестанно что-то сочинял, то отборные семена элитной литературы он посеял во всех частях света и во всех литературных жанрах.

Роберт Льюис Стивенсон родился 13 ноября 1850 г. в Эдинбурге, столице Шотландии. Дед и отец будущего писателя, Роберт и Томас Стивенсоны, были видными инженерами-строителями маяков, мостов и волнорезов, а по линии матери, Маргарет Изабель, он принадлежал к старинному роду Бэлфуров. Льюис (так называли его домашние) был в семье единственным ребенком. Биографы отмечали, что свой стиль Стивенсон почерпнул в речевой манере отца, отличавшейся точностью и красочностью.

На третьем году жизни мальчик перенес тяжелую болезнь бронхов, последствия которой мучили его всю жизнь. Частые приступы лихорадки и затяжного кашля иссушили его как щепку.

Писатель до смерти не мог избавиться от чувства собственной физической неполноценности.

В шесть лет мальчик поступил в школу. Из-за частых болезней, переездов и лености занятия доставляли ему мало радости, но их с лихвой компенсировало чтение книг. После нескольких школ, по настоянию отца, видевшего сына строителем маяков, Льюис в семнадцать лет поступил в Эдинбургский университет. За сочинение «Новый вид проблескового огня для маяков» Стивенсон был удостоен серебряной медали Королевского шотландского общества искусств. Казалось бы, и карты в руки – продолжай семейную традицию: строй маяки! Однако Льюис наотрез отказался от этого и опять по настоянию отца перевелся на юридический факультет, который окончил в 1875 г.

К этому времени Льюис сделал свой выбор – стал писателем. Впервые его имя в печати появилось в шестнадцатилетнем возрасте над очерком «Пентландское восстание. Страница истории, 1666 год». Первым же произведением Стивенсона, с которого он начался как литератор, стал очерк «Дороги», напечатанный в 1873 г.

Окончив университет, Стивенсон занялся не адвокатурой, а путешествиями. Большой след в его жизни оставила Франция, Париж и особенно Барбизон, воспитавший немало художников и литераторов. Там же Льюис встретил Франсес (Фанни) Матильду Осборн, урожденную Ван де Гриф, замужнюю даму, старше его на десять лет, мать двоих детей, ставшую через несколько лет его женой. А его пасынок, Ллойд Осборн, впоследствии стал его соавтором.

Возвратившись в Эдинбург, Стивенсон подготовил книгу очерков «Путешествие внутрь страны», а в журналах «Темпл Бар» и «Корнхилл мэгэзин» напечатал первые свои рассказы «Ночлег Франсуа Вийона» и «Вилли с мельницы».

Во Франции же Стивенсон закончил серию из семи рассказов, которые под заголовком «Новые тысяча и одна ночь» вышли в 1882 г. и состояли из двух циклов – «Клуб самоубийц» и «Алмаз Раджи». В рассказах писатель, ставя своих героев в исключительные обстоятельства, обнажил скрытые пороки общества.

К этому времени Стивенсон сочетался браком с Фанни Осборн, для чего поехал в Америку, пересек в поезде и верхом в поисках возлюбленной Штаты (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Монтерей в Калифорнии). В скитаниях едва не погиб от болезни и усталости; его, лежащего два дня без памяти в горах, нашел охотник на медведей и долго выхаживал на своем козьем ранчо.

Американских впечатлений хватило на книгу очерков «Эмигрант-любитель» и повесть «Дом на дюнах».

Самый известный роман Стивенсона «Остров сокровищ», вышедший отдельным изданием в 1883 г., а затем еще в двух изданиях, принес автору мировую славу. (Напечатанный за год до этого в «Янг Фолкс» под псевдонимом «Капитан Джордж Норт», он остался незамеченным.) «Остров» стал классическим образцом приключенческой литературы, им зачитывались люди всех кругов и возрастов, от школьников до английского премьер-министра Гладстона.

Роман был создан случайно: пасынок попросил «написать что-нибудь интересное», и отчим нарисовал карту острова, а потом сочинил и текст к ней. В нем писатель выразил свои сокровенные мысли о деятельной жизнеспособности зла и порока, их коварной привлекательности, а еще о неизбежном воздаянии за добро и возмездии за зло.

Образ одноногого пирата Джона Сильвера, «списанный» с видного литератора той поры, соавтора Стивенсона по ряду пьес, Уильяма Хенли, внес раскол в их былую дружбу и привел, в конце концов, к неминуемому разрыву, тяжело пережитому Льюисом.

Другое знаменитое произведение, психологическая повесть «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», было написано Стивенсоном после прочтения им романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», произведшего на него потрясающее впечатление. Раскрытая Стивенсоном тема двойника оказала сильное влияние на жанры научной фантастики и детектива.

После романов «Похищенный» и «Черная стрела» Стивенсон выпустил свое третье значительное произведение «Владетель Баллантрэ», которое рецензенты того времени расценивали как самое высокое по шкале литературных достоинств сочинение на английском языке. Затем вышли «Потерпевшие кораблекрушение» и «Катриона», в которых миру наживы и корысти писатель противопоставил чистоту помыслов и высокую нравственность.

Два года Стивенсон провел в путешествиях по Южным морям. Сменив три судна, он посетил семь архипелагов Тихого океана. В декабре 1889 г. писатель приобрел на острове Уполу (архипелаг Самоа) участок земли в двадцать гектаров и на нем начал строительство дома. Последние годы писателя и все его художественные произведения, политические статьи, обширная переписка были связаны в основном с этим островом, хотя одной из главных тем оставалась его родная Шотландия.

Последним (неоконченным) романом Стивенсона стал «Уир Гермистон» (издан посмертно в 1886 г.), который сам писатель

считал своим лучшим произведением. Шотландские литераторы полагают, что именно с этого романа началось возрождение шотландской литературы.

Последние годы его жизни были отравлены страхом творческого кризиса и утраты средств к существованию. Интересы семьи были для него превыше всего. Он работал «через не могу». Почти отнялась правая рука, участились кровотечения из горла. Творческая работа, однако, продолжалась заведенным порядком. Каждое произведение, написанное Стивенсоном, можно рассматривать как человеческий подвиг, ибо давалось оно ему неимоверным напряжением сил и большими физическими страданиями. «Я работаю непрестанно, – признавался он в письме к писателю Дж. Мередиту. – Пишу в постели, пишу, поднявшись с нее, пишу при кровотечении из горла, пишу совершенно больной, пишу, сотрясаемый кашлем, пишу, когда голова моя разваливается от усталости, и все-таки я считаю, что победил, с честью подняв перчатку, брошенную мне судьбой».

3 декабря 1894 г. Стивенсон скончался от кровоизлияния в мозг. Не прошло и месяца, как ему исполнилось всего 44 года. С почестями, в окружении самоанцев, покрытого государственным английским флагом, его захоронили на вершине горы Веа.

Феномен Стивенсона, по мнению многих его биографов, состоит в том, что за какой бы из литературных жанров он ни взялся, он создавал нечто классическое. Так было с путевыми очерками, приключенческим романом, с несколькими стихотворениями, ставшими хрестоматийными, как, например, «Вересковый мед».

В России произведения Стивенсона переводили К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Кашкин, К. Чуковский.

ОСКАР УАЙЛЬД (1854–1900)

«Портрету Дориана Грея» Уайльд предпослал свое изящное кредо: «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо. Вот и всё». Оказалось не всё. Жизнь сложнее афоризмов. Гениально написанный, этот роман оказался универсальным губителем морали. Овладевая умами и душами людей, он вытравливает в них остатки нравственности либо наполняет ядом их пустоту. Но перейдем к мастеру.

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд родился в Дублине 16 октября 1854 г. Его отец, сэр Уильям Роберт Уайльд, – знаменитый хирург-офтальмолог, отоларинголог, археолог, собирал антиквариат, писал книги об ирландском фольклоре. Мать, леди Джейн Франческа Уайльд, – поэтесса, экстравагантная, как все поэтессы, царица литературного салона, любила позу, жесты и тайну. Мальчик сполна поднабрался изящного и эпатажного. Впрочем, он был потрясающе трудолюбив и любознателен.

Оскар получил блестящее образование. С золотой медалью окончил Королевскую школу. Удостоившись Королевской стипендии, окончил дублинский колледж Святой Троицы и получил стипендию на обучение в оксфордском колледже Святой Марии Магдалины на классическом отделении. В Оксфорде

получил престижнейшую Ньюдигейтскую премию за поэму «Равенна».

Юноша увлекся идеями теоретика искусства Д. Рескина, проповедника облагораживающей роли физического труда, и несколько раз нанимался на строительство дорог, разбивая там камни.

К счастью, после университета Уайльд стал не дорожным строителем, а журналистом и лектором – «апостолом красоты». «Ирландский остроумец» быстро влился в светскую жизнь столицы. Викторианской эпохе он противопоставил свой эстетизм, отгороженный от действительности непроницаемой стеной иронии. Образующуюся в замкнутом пространстве гниль поэт под соусом декадентства излагал в виде каламбуров и острот. Кто бы ему разъяснил, что его пресыщенность и усталость идут не от жизни, а от бегства из нее. Тогда-то он и стал апологетом искусства ради искусства. Даже организовал движение с таким названием. Богемный образ жизни наложил на него свой отпечаток, который забавлял окружающих. Им было занятно, в каком наряде он блеснет сегодня и что воткнет в петлицу – лилию или подсолнух.

В Париже и Нью-Йорке Уайльд прочитал несколько лекций по вопросам эстетики и этики, в которых сформулировал основные принципы декаданса, базирующиеся на неприятии жизни и культе красоты, подчас аморальной. Любил поражать слушателей неординарным умом и экстравагантностью. Когда на американской таможне ему предложили задекларировать ценности, он ответил: «Мне нечего декларировать, кроме моей гениальности». А за пассажем, что лондонские туманы существуют потому, что «поэты и живописцы показали людям таинственную прелесть подобных эффектов», следовали другие, не менее изысканные.

Устав от лекций, Уайльд женился на дочери богатого дублинского адвоката, Констанс Ллойд. Она родила ему двух сыновей, Вивиана и Сирила. Не успев после родов прийти в норму, она разонравилась мужу-эстету. Разочаровавшись в женщинах, Уайльд увлекся студентом Р. Россом, что, правда, широко не афишировал.

Появились первые книги Уайльда: «Стихотворения», пьеса «Вера, или Нигилисты», сочиненные для своих детей сказки в сборнике «Счастливый принц», а также рассказы «Кентервильское привидение» и др. В сказках прекрасное и нравственное, добро и красота выступали как единое целое. Стремясь к тому, чтобы его произведения доставляли удовольствие своей красотой, писатель прекрасно справлялся с этой задачей.

В 1891 г. увидел свет «Портрет Дориана Грея», в котором Уайльд обосновал свою «раздвоенность» независимо существующими в нем ипостасями – творца и личности. В изданных незадолго до этого трактатах «Истина масок», «Критик как художник» и др. уже проводилась эта мысль. Герой романа – убийца и одновременно самоубийца, подобно Фаусту продавший свою душу дьяволу за вечную молодость и красоту, хоть и пребывающий в раскаянии, не достоин никакого оправдания. Сам писатель признал, что «пытаясь убить свою совесть, – Дориан Грей убивает себя». Многие критики утверждали, что в этом романе Уайльд проявил свои бунтарские настроения и неприятие буржуазного общества и его морали. Отчасти это так. Не менее сильно писатель проявил себя в «Портрете» и как высокоинтеллектуальную жертву эпохи. Об Уайльде заговорили как о литературном светиле первой величины. Одновременно на него обрушился шквал критики и обвинений в безнравственности, на которые писатель ответил многочисленными публикациями в прессе.

Своей славой Уайльд обязан пьесе «Саломея» и блистательным комедиям, возродившим этот жанр на английской сцене: «Веер леди Уиндермир», «Женщина, не стоящая внимания», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным». «Саломея» была написана драматургом на французском языке и поставлена в Париже со знаменитой Сарой Бернар в главной роли. На английский пьесу перевел поклонник Уайльда, лорд Альфред Дуглас, сыгравший роковую роль в жизни писателя.

Воспользовавшись тем, что Уайльд пленился его красотой и «свежестью», Дуглас тянул из него деньги и вынуждал публично превозносить его несуществующие литературные таланты. Несколько писем Уайльда к Альфреду попали к отцу Дугласа, маркизу Квинсберри, и тот направил писателю намеренно оскорбительное письмо. Уайльд возбудил против маркиза уголовное дело, но тот хорошо подготовился и на суде представил список свидетелей, готовых подтвердить то, что Уайльд является содомитом. Был назначен новый процесс, на котором обвинителем выступил уже Альфред. Уайльда за гомосексуальные притязания к Дугласу приговорили к двум годам каторжных работ. Книги его тут же изъяли из библиотек, пьесы сняли со сцены.

В вынесении приговора сыграл роль не только моральный облик писателя, но и его ирландское происхождение. А еще его остроумие. Своими парадоксами он высмеивал предрассудки, лицемерие, пошлость, распространенную среди мещан всех рангов. Оттого-то они, следуя рецепту Ницше, не только

подтолкнули упавшего, а и всласть потоптались на нем.

Тюрьма сломала хребет эстету, но открыла глаза гению. Вся великосветская шелуха спала с поэта, и за два года он создал два шедевра, равных которым по отчаянию не знал мир – «Балладу Редингской тюрьмы» и тюремную исповедь «De Profondis». В них поэт вернулся к Богу и признал преданность, правду и доброту превыше всего. Не иначе, как во искупление, пока он находился в заточении, умерла его обожаемая мать и эмигрировала Констанс, изменив свою фамилию и сыновей на Холландов.

Провозгласив искусство важнейшей из ценностей жизни, поэт не предполагал, что куда важнее свобода. Вышел он на нее надломленным. Бежал общества, отвергшего его, жил в одиночестве на окраине Парижа, называясь Себастьяном Мельмотом (подразумевая бесприютного Мельмота Скитальца английского писателя-романтика Ч. Мэтьюрина).

«Я не переживу XIX столетия. Англичане не вынесут моего дальнейшего присутствия», – как-то пошутил Уайльд и вскоре скончался, 30 ноября 1900 г., от острого менингита. Он был похоронен как правоверный католик (после исповеди и отпущения грехов) в Париже на кладбище Баньо. Через десять лет прах его перенесли на кладбище Пер-Лашез, а на могиле установили крылатого сфинкса из камня работы Эпстайна.

Его кончиной весьма символично закончился и XIX век, и славная викторианская эпоха. Впереди были войны, всеобщее падение нравов и полное торжество Дориана Грея, неувядаемого красавца со сгнившей душой.

Конечно же, Уайльд не Шекспир и не Свифт, но он в мировой литературе перл, которым не только любуются, но и не прочь помахать как знаменем все ныне здравствующие эстеты и декаденты.

Возлюбленных все убивают, —
Так повелось в веках, —
Тот – с дикой злобою во взоре,
Тот – с лестью на устах,
Кто трус – с коварным поцелуем,
Кто смел – с клинком в руках!

Он сам себя возлюбил и сам убил себя.

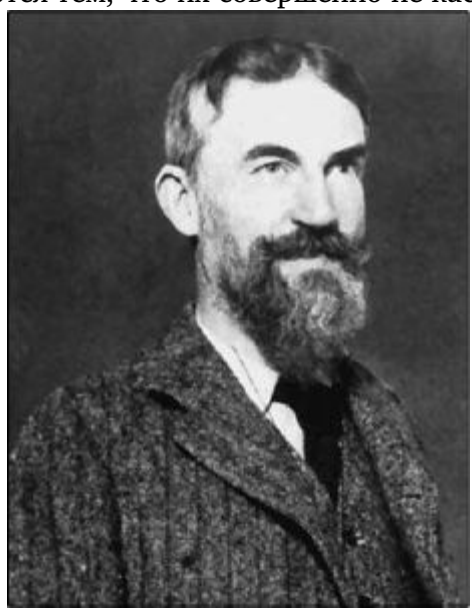
В конце 2007 г. британская газета «Телеграф» признала Уайльда самым остроумным человеком Великобритании.

Переводили Уайльда на русский язык К. Бальмонт, В. Брюсов, Н. Гумилев, А. Минцалова, М. Абкина и другие.

XX ВЕК

ДЖОРДЖ БЕРНАРД ШОУ (1856–1950)

Место и время действия его 57-ми пьес, хоть географию с историей изучай – от Эдема до России и от Адама до 31 920 г. (sic!) от Р.Х. На сцене – шествие империй и цивилизаций, в толпе героев все равны: и цветочница Элиза Дулиттл, и Гай Юлий Цезарь. А вот личная жизнь самого Шоу осталась за закрытым занавесом. Сам он утверждал, что с ним «никогда ничего не случалось». Оно так, если, конечно, не считать того, что он появился на свет и стал одним из самых знаменитых драматургов современности. Тех, кто лез к нему, он осаживал: «Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается».



Джордж Бернард Шоу родился 26 июля 1856 г. в Дублине. Он был третьим ребенком в протестантской семье Джорджа Карра Шоу и его жены Элизабет. Будущий писатель мало чему научился в школе, но многое почерпнул у английских классиков, в Библии и в сказках «Тысячи и одной ночи». На его художественный вкус повлияли картины в Ирландской национальной галерее, а на музыкальную грамотность – дирижер Д. Ли, который учил мать пению и жил в доме на правах друга семьи. Отец разорился на торговле зерном и запил, а мать (она была много моложе мужа) развелась с ним, уехала в Лондон с дирижером и двумя дочерьми и там продолжила петь оратории.

С пятнадцати до двадцати лет судьба испытывала юношу в

роли клерка по продаже земельных участков, а затем кассира. Дойдя до предела отвращения к этой профессии, он уехал к матери с твердым намерением зарабатывать на жизнь литературным трудом. Поработал аккомпаниатором, телефонистом, потом перешел к статьям и большой прозе. Каждый день, исписав пять страниц, он шел заниматься в Британский музей, а вечером слушал лекции. Девять лет Шоу осаждал редакции, получив за единственную опубликованную статью пятнадцать шиллингов. Пять дурно написанных романов издательства не взяли. Не умер с голоду только потому, что мать давала уроки музыки.

Не иначе, как бедность, невезение и вегетарианство подтолкнули Шоу к изучению социальных проблем. Лекции экономистов, труды по экономике, прежде всего «Капитал» Маркса, привели начинающего писателя в «Фабианское общество», состоящее из умеренных социал-демократов, занятых неспешным распространением социалистических идей. 27 лет Шоу произносил в парке зажигательные речи.

Из них десять лет он занимался журналистикой, музыкальными и театральными рецензиями, выпустил книги о Г. Ибсене и Р. Вагнере. Первая пьеса Шоу – «Дом вдовца» была встречена прохладно. «Профессию миссис Уоррен», поднявшую тему проституции, запретили. В дальнейшем этой участи подверглись еще несколько социальных пьес. Когда Шоу было под сорок, пьеса «Ученик дьявола», поставленная в Америке, впервые имела кассовый успех.

К Шоу пришла известность, граничащая со скандальной славой. А с ней и болезнь – писатель в непрестанных трудах и заботах надорвался. На его счастье, рядом оказалась социалистка Шарлотта Пейн-Таунзенд, обладательница немалого состояния, которая вышла за него замуж и стала следить за его здоровьем. На ее деньги был издан двухтомник «Пьесы приятные и неприятные».

Во время затянувшейся болезни Шоу написал еще две пьесы – «Цезарь и Клеопатра» и «Обращение капитана Брасбаунда». Их вместе с «Учеником дьявола» он опубликовал в сборнике «Три пьесы для пуритан».

Имеющий на все свое собственное мнение, от телесной пищи до духовной, нонконформист Шоу объявил Шекспира своим оппонентом и стал в пьесах изображать не страсти, а идеи. Даже написал программную пьесу «Шекс против Шо». «Театр идей» предполагал интеллектуальную драматургию, а поскольку зрителей-интеллектуалов почти нет, драматург писал к пьесам предисловия размером с роман.

Шоу проповедовал Жизненную Силу: что живет – то полезно, что мертво – губительно. Не очень оригинально, но зато конгломерат из Шопенгауэра, Маркса, Бергсона, Ламарка, Ницше. В пьесах-дискуссиях сталкивались персонажи, носители различных мнений и идеологий, решались вопросы общественной и личной нравственности. Шоу шел на известный риск, подменив в пьесах действие рассуждениями, но этот риск в конечном счете оправдался.

Шоу творил свой мир из парадоксов. Все ставилось с ног на голову и доказывалось «от противного»: священник становился воином, скульптур – художником, дон Жуан – проповедником. И при этом драматург дал замечательную по своему реализму картину жизни общества – от лондонских пролетариев до уродливого быта буржуа.

В начале XX в. практически одновременно поставили пьесы Шоу в Вене, Берлине, Нью-Йорке, а лондонский театр «Корт» за три года осуществил 701 постановку. Драматург обрел мировую славу. Наибольшим успехом в разные годы пользовались философская комедия «Человек и сверхчеловек», социальная сатира «Майор Барбара» и «Пигмалион».

«Пигмалион» шел с Патрик Кэмпбелл в роли Элизы Дулиттл. Шоу не устоял перед чарами актрисы. «26 числа этого месяца мне исполняется 56 лет, а я все еще не стал взрослым», – посетовал он и завязал с актрисой любовный роман. Бурный восторг перешел в теплую дружбу, от которой остался целый том переписки.

Во время Первой мировой войны писатель занимался политикой. За призывы к враждующим сторонам начать переговоры и осмеивание слепого патриотизма Шоу исключили из Клуба драматургов, он потерял нескольких друзей. Не добавил он себе популярности, противопоставляя интересы Ирландии и Англии. Пресса, публика, коллеги осыпали его оскорблениями. Но писатель мало обращал внимания на чужие мнения, с завидным постоянством отстаивая свои при любой политической погоде.

В послевоенной пьесе «Дом, где разбиваются сердца» Шоу показал утрату духовных ценностей поколения, ответственного за кровопролитие. В грандиозной по объему пенталогии – «Назад, к Мафусаилу» писатель изложил свои эволюционистские идеи. В 1924 г. Шоу вновь обрел мировое признание своей единственной трагедией «Святая Иоанна». В последующих пьесах он отошел от реализма.

В 1925 г. Шоу «за творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искрометную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой», присудили Нобелевскую

премию по литературе. Будучи принципиальным противником всевозможных премий, Шоу на церемонию награждения не приехал; премию вручили послу. На премиальные деньги Шоу учредил англо-шведский литературный фонд для переводчиков, в особенности переводчиков Стриндберга. Шоу – единственный лауреат Нобелевской премии, ставший лауреатом «Оскара» (в 1938 г. за сценарий «Пигмалиона»).

В годы, когда мир пребывал в кризисе, Шоу побывал в США, Южной Африке, Индии, Новой Зеландии. В 1931 г. посетил СССР. Беседовал со Сталиным. Его глубоко впечатлили успехи страны, за десять лет преодолевшей немыслимую разруху.

Когда в 1943 г. тяжело заболела его жена, Шоу самоотверженно ухаживал за ней. После ее смерти переехал в Эйот-Сент-Лоренс (графство Хертфордшир).

Лейбористы предложили писателю дворянство, титул пэра, но он отказался. Согласился, и то в возрасте девяносто лет, – стать почетным гражданином Дублина и лондонского округа Сент-Панкрас, где он жил в молодые годы.

Писатель всю жизнь вел здоровый образ жизни: не пил, не курил, много ходил пешком, ездил на велосипеде, увлекался садоводством. До конца дней сохраняя бодрость и ясность ума, в 92 года Шоу закончил свою последнюю пьесу «Миллиарды Байанта». Пьесу «Почему она не пожелала» дописать не успел. В возрасте 94 лет, вскоре после своего дня рождения, работая в саду, он упал и сломал бедро. Шоу хорошо перенес операцию, но от падения обострилась болезнь печени, и писатель умер 2 ноября 1950 г. Согласно завещанию, тело драматурга было сожжено и прах развеян по саду.

На русский язык Шоу переводили Е. Калашникова, Е. Корнилова, О. Волкова, И. Гурова, Н. Рахманова и другие.

АРТУР КОНАН ДОЙЛ (1859–1930)

Удивительный человек Конан Дойл, сочетавший в себе несочетаемое, – врач-хирург, пропагандист оккультизма, создатель главного сыщика всех времен и народов Шерлока Холмса, который подобно Франкенштейну погубил его. Знал бы Дойл, что он вослед за А. Дюма-отцом и иже с ним породил вместе с Холмсом силу куда более страшную, чем сверх-человек, – масскульт, победивший сначала массы, а потом и культуру.

Артур Игнатиус Конан Дойл родился 22 мая 1859 г. в столице Шотландии городе Эдинбурге. Его отец художник Чарльз Алтамонт Дойл был хроническим алкоголиком. Мать – Мэри Дойл (до замужества Фоли), чей род уходил корнями в XIV в., – воспитывала шестерых детей; она приобщила мальчика к чтению, привила любовь к книге, а также внушила почтение к кодексу рыцарской чести.

После обучения в колледже иезуитов в Стоунихерсте Артур поступил в медицинский университет Эдинбурга. Чтобы помогать семье, он подрабатывал аптекарем, ассистентом доктора. Преподаватель университета – доктор Джозеф Белл, аналитик и логик, впоследствии послужил прототипом Шерлока Холмса.

Опубликовав два рассказа, начинающий писатель почувствовал вкус творчества. Спившегося отца поместили в психлечебницу, и Артур остался единственным кормильцем

большой семьи. Отходив на китобое «Надежда» в качестве корабельного хирурга семь месяцев, он заработал 50 фунтов.

Получив в 1881 г. степень бакалавра медицины и степень магистра хирургии, Дойл вновь устроился корабельным врачом на судно, ходившее между Ливерпулем и западным побережьем Африки. Однако вскоре ушел с корабля, перебрался в Англию в Портсмут и открыл практику. Клиентов не было, от нечего делать он стал писать рассказы.

Женившись в 1885 г. на Луизе (или Туи) Хоукинс, Дойл занялся в основном литературой. Несколько опубликованных рассказов не принесли ни денег, ни удовлетворения, роман «Торговый дом Гердлстонс» не заинтересовал издателей, также как и первый роман о Шерлоке Холмсе «Этюд в багровых тонах» – рукопись два года болталась по издательствам, пока не была опубликована в «Рождественском еженедельнике Битона» за 1887 год. Пришла известность, причем Холмс и Ватсон стали более знамениты, чем автор.

Это вполне реалистическое событие совпало с увлечением Дойла – изучением возможности «жизни после смерти». Посещение спиритических сеансов, знакомство с медиумами (часто шарлатанами), а также чтение соответствующей литературы не только оставили глубокий след в его душе, но и подтолкнули самого заняться спиритизмом. С годами эта склонность стала его наваждением.

Однако оккультизм не отбил у писателя интереса к истории, в частности к Столетней войне. Роман «Белый отряд» был объявлен лучшим английским историческим романом после «Айвенго» и открыл писателю дверь в Великую литературу, но он не вошел в нее. И тут судьба сыграла с ним не злую, но и не добрую шутку – Дойл с подачи О. Уайльда получил предложение от американского редактора «Липпинкотс мэгэзин» написать рассказ о Холмсе. В 1890 г. в американских и английских выпусках этого журнала появился «Знак четырех».

Два года после этого писатель колесил по Европе (Вена, Париж, Лондон), тяготясь разъездами и разрываясь между литературой и медициной. Медицинская практика приносила малый доход, впрочем, как и короткие рассказы. Переболев гриппом, едва не унесшим его в могилу, Дойл написал шестой рассказ о Холмсе «Человек с рассеченной губой» и тут же получил заказ еще на шесть рассказов (по 50 фунтов за каждый), после чего оставил медицину. Выполнив этот заказ, он, к своему удивлению, получил новый, уже по 1000 фунтов за каждый. Написал и этих шесть. Шесть да шесть да шесть – «число зверя» – в духе самого Дойла. Однако, устав от своего героя, писатель

утопил Холмса в водопаде, чем вверг читателей в уныние, а издателей в недоумение. Все клерки Лондона по случаю смерти сыщика демонстративно оделись в траур. А писатель сочинил тепло принятую пьесу «Ватерлоо». Следующая пьеса «Джейн Анни, или Приз за хорошее поведение» провалилась. Бросив занятие драматурга, Дойл отправился в турне по Швейцарии и Англии (позднее по США) с чтением отрывков из своих произведений и лекций на тему «Беллетристика как часть литературы».

Узнав, что жена больна туберкулезом, Дойл занялся ее лечением, для чего возил в Альпы (Давос) и Египет. Написанные в это время рассказы о бригадире Жераре имели большой успех у читателей. Дойл затеял строительство особняка в Андершо (графство Суррей), но не было средств, и тогда он воскресил Холмса в пьесе. В последующих рассказах он уже с иронией писал о сыщике, но читатели не замечали откровенных издевок автора над своим героем.

Знакомство с Джин Лекки, необычайно красивой женщиной, которую он полюбил, побудило писателя создать необычную для него книгу о любви «Дуэт со случайным хором», принятую читателями с пожиманием плеч. Верный супружескому долгу, Артур не предпринял никаких шагов, чтобы разрушить свой брак.

С началом англо-бурской войны Дойл, как истинный патриот, отправился на юг Африки полевым врачом, разбил госпиталь и несколько месяцев, не зная сна и отдыха, спасал раненых и умирающих от лихорадки и тифа солдат. Написанная им книга «Великая бурская война» стала шедевром военной учености. На волне успеха Дойл занялся политикой, однако все его попытки пробиться во власть окончились ничем. Король Эдуард VII за услуги, оказанные Короне в течение англо-бурской войны, присвоил Дойлу рыцарский титул.

В 1902 г. Дойл опубликовал «Собаку Баскервилей», и тут же пошли разговоры о том, что якобы идею этого романа он украл у своего друга журналиста Ф. Робинсона, и даже отравил его по сей причине. Писатель, породивший в обывателях страсть к детективам, сам стал детективным персонажем.

Ритм жизни Дойла был бешеный: литература, спорт, политика, лечение Луизы, тайное ухаживание за Джин Лекки, игра в гольф, вождение автомобилей, полеты на воздушных шарах и самолетах. Несколько человек он спас от судебных ошибок. Не считаясь со временем и затратами, Дойл собирал доказательства их невиновности и добивался освобождения невинно осужденных. Он восхищал современников – ведь «преступники» не были ему даже знакомы.

После смерти супруги Дойл впал на полгода в депрессию, а через год женился на Джин. Писатель опубликовал несколько произведений о Шерлоке Холмсе, бригадире Жераре, а также о новом персонаже – профессоре Челленджере («Затерянный мир» и «Отравленный пояс»), принятыми читателями на ура. Тогда же он выпустил книгу «Преступления в Конго» о зверствах бельгийцев.

Перед началом Первой мировой войны Дойл вступил в гражданский отряд добровольцев-резервистов. Во время войны он потерял многих близких ему людей, а также веру в «эту» жизнь, и стал маниакальным сторонником «той» жизни. Его интерес к оккультизму всячески поддерживала жена. Пресса потешалась над ним, духовенство осуждало, но писателю было на это плевать. Два турне по Америке он посвятил пропаганде оккультизма, издал двухтомный труд «История спиритизма» за собственный счет. На это ушли все деньги, пришлось в 1926 г. написать «Когда земля вскрикнула», «Страну туманов» и «Дезинтеграционную машину».

Через три года Дойл предпринял последнее турне по Голландии, Дании, Швеции и Норвегии, откуда вернулся больной и смертельно усталый, хотя и нашел в себе силы написать роман «Маракотова бездна».

Писатель умер 7 июля 1930 г. в кругу семьи. Перед смертью он прошептал жене: «Вы замечательны».

Архив писателя – двадцать огромных ящиков – до сих пор не опубликован. Там кладезь информации, в котором письма писателю от У. Черчилля, Т.Ф. Рузвельта, короля Эдуарда VII и еще много-много чего…

Дойла переводили в России М. и Н. Чуковские, Н. Дехтерева, Н. Вольпин, Г. Панченко, Р. Облонская и другие.

РАБИНДРАНАТ ТАГОР (1861–1941)

Если песня умрет, то, как все, я по жизни пройду —
Безымянною каплей в потоке великой реки;
Буду, словно цветы, я выращивать песни в саду —
Пусть усталые люди заходят в мои цветники,
Пусть склоняются к ним, пусть срывают цветы на ходу,
Чтобы бросить их прочь, когда в пыль опадут лепестки.

Тагор написал более 3000 песен. Одна из них, «Ты, Господь душ всех людей», стала национальным гимном Индии. Другая, «Моя Золотая Бенгалия» – гимном Народной Республики Бангладеш. Достаточно, чтобы остаться в памяти индийского народа. Но два гимна – всего лишь две капли в потоке великой поэзии кабигуру (поэта-учителя), классика мировой литературы.

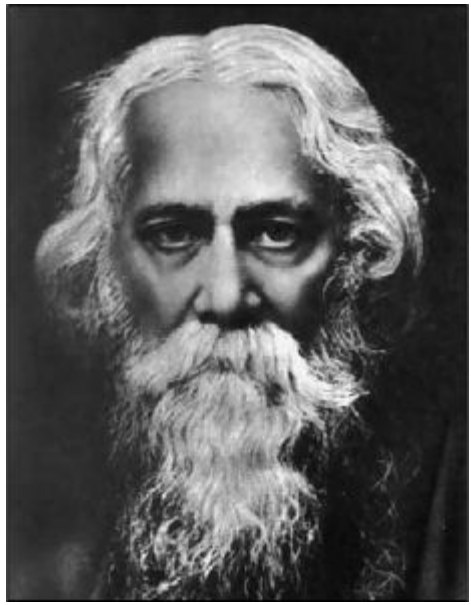
Рабиндранат Тагор родился 7 мая 1861 г. в Калькутте в аристократической семье. Он был младшим из четырнадцати детей брахмана Махариши Дебендраната Тагора и Сарады Деви. Отец поэта, прозванный за свою ученость «великим мудрецом», отстаивал культурную самостоятельность индийцев, боролся с преклонением перед всем западным.

Первоначальное образование мальчик получил дома, проявив большой интерес к музыке, живописи и сценическому искусству; с восьми лет начал писать стихи. Путешествовал с отцом по северу Индии. В Восточной семинарии в Калькутте, в педагогическом училище и Бенгальской академии изучал бенгальскую историю и культуру. Когда юноше было четырнадцать лет, умерла мать, и он стал вести одинокую и замкнутую жизнь. Тогда же опубликовал свои первые стихи. Эпическая поэма «История поэта» вышла в свет, когда Рабиндранату было семнадцать лет.

В 1878 г. Тагор уехал в Англию изучать право в Университетском колледже Лондона, но занимался там преимущественно литературой и музыкой. Через год он вернулся домой и напечатал поэтические сборники «Вечерние песни» и «Утренние песни», а также музыкальную драму «Гений Вальмики». Начало поэтической карьеры Тагора совпало с его женитьбой на Мриналини Деви, от брака с которой у него родились два сына и три дочери.

После нескольких поэтических сборников, драм и

исторических романов, вышедших в 1880-е гг., и редакторства литературно-общественного журнала «Шадхода» писатель стал хорошо известен в Бенгалии. Пятнадцать лет он был секретарем религиозно-реформаторского просветительского общества «Брахмо самадж».



В 1890 г. по просьбе отца Тагор стал управляющим родового поместья в Шелайдехо в Восточной Бенгалии, где жил в плавучем доме на реке Падма. За десять лет писатель написал лучшие свои рассказы, поэтические циклы «Маноши», «Золотая ладья», «Сбор урожая», «Крупинки», несколько философских драм. Редкое по своей поэтичности и многосторонности творчество Тагора критика восприняла не однозначно: уж слишком широк был диапазон его поэтического языка – от торжественно-возвышенного до разговорного.

В конце XIX – начале XX в. в стихах Тагора (сборники «Мгновения» и «Дары») философские раздумья сменились воспеванием природы, любовной лирикой, гражданскими мотивами, а в прозаических вещах писатель показал конфликт между феодальной семейной моралью и демократическими веяниями в жизни бенгальцев.

Продав авторское право на издание своих сочинений, Тагор вместе с женой, также продавшей большую часть своих драгоценностей, и пятью другими учителями открыл в Шантиникетане, семейном поместье под Калькуттой, школу. Главной задачей писатель считал борьбу с английской методой обучения, прививавшей бенгальцам раболепие. Преподавание он совмещал не только с литературным трудом, но и написанием

книг по истории Индии, учебников и статей по вопросам педагогики.

Вскоре на поэта обрушились несчастья: в 1902 г. умерла жена, а на следующий год – от туберкулеза одна из дочерей. Не успел писатель оправиться от потерь, как в 1907 г. от холеры скончался его младший сын. Вышедшие в те годы книги лирических стихов «Память», «Дитя», «Паром» были пронизаны щемящим чувством утраты. Тогда же был опубликован его роман «Песчинка» – первое крупное реалистическое произведение на бенгальском языке.

Во время подъема национально-освободительного движения поэт от слов перешел к делу и стал одним из его руководителей, писал патриотические песни, а также издавал общественно-политический журнал «Бхандар». Когда движение перешло к насильственной борьбе, Тагор отошел от него и обратился к просветительской деятельности. В романе «Гора» Тагор призывал к единству всех индийцев независимо от их религиозной и кастовой принадлежности в борьбе за освобождение. В драме «Возмездие» и сатирической пьесе «Крепость консерватизма» бичевал конформизм общества.

В 1912 г. старший сын писателя отправился учиться в США. Тагор поехал вместе с ним, но по пути сделал остановку в Лондоне, где показал свои стихи в собственном переводе на английский язык знакомому живописцу и литератору У. Ротенстайну. Тот принял живое участие в публикации в «Индийском обществе» сборника Тагора «Жертвенные песни», с предисловием знаменитого поэта, а по совместительству главы самой могущественной масонской ложи Европы того времени «Герметический Орден Золотой Зари» У.Б. Йитса. Тагор очень быстро стал известен в Англии и США. Критики заходились в восторге, хваля автора ста с лишним стихотворений, исполненных в миноре, за «высшую мудрость» и за мистический голос народа Индии, а сам автор выступал в это время с лекциями об индийской философии и культуре. Его популярность на Западе совпала с порой увлечения Востоком, индийской философией и культурой. Поэзия Тагора была равно интересна самым простым индийским крестьянам, считавшим его стихи и песни народными, и высоколобым западным интеллектуалам, видевшим в ней постижимую только для них тайну.

Прошел год, и Тагор получил Нобелевскую премию по литературе – «за глубоко прочувствованные, оригинальные и прекрасные стихи, в которых с исключительным мастерством выразилось его поэтическое мышление, ставшее, по его собственным словам, частью литературы Запада». Представитель

Шведской академии Х. Йерне назвал поэта «фигурой, сближающей мир Востока и Запада».

Поскольку Тагор находился в то время в США, награда была вручена английскому послу в Швеции. Денежную премию писатель пожертвовал своей школе – Вишватхарати, ставшей после Первой мировой войны университетом с бесплатным обучением.

В 1915 г. Тагор получил рыцарское звание, однако через четыре года, после расстрела британскими войсками мирной демонстрации в Амритсаре, от него отказался.

В течение последующих тридцати лет поэт совершил несколько поездок в Европу, в США, в Южную Америку и на Ближний Восток. Его картины – преимущественно акварели и рисунки пером (Тагор начал заниматься живописью в возрасте 68 лет) экспонировались в Мюнхене, Нью-Йорке, Париже, Москве, в других городах мира. Они оказали большое влияние на развитие индийского искусства XX в.

Творчество Тагора сыграло решающую роль в становлении бенгальского литературного языка и литературы. Автора многочисленных социальных и философских пьес, новелл из жизни крестьянства, социально-критических романов (самый значительный из которых «Гора»), публицистических статей, сочинителя балетов удостоили почетной степени четырех университетов Индии. На Западе он был больше известен как поэт и как почетный доктор Оксфорда.

В 1930 г. Тагор посетил СССР. В «Письмах о России» он высоко оценил достижения нашей страны в области просвещения и миролюбивую политику Советского государства.

С конца 1920-х гг. политические взгляды Тагора стали более радикальными. Это совпало с подъемом национально-освободительного движения 1929–1934 гг.

7 августа 1941 г. Тагор умер в Калькутте после продолжительной болезни.

В 1961 г. во всём мире отмечалось столетие со дня рождения писателя.

Некоторые книги Рабиндраната Тагора не переведены на иностранные языки и по сей день. В России его произведения вызвали отклик еще в предреволюционные годы.

На русский язык Тагора переводили многие писатели и переводчики: А. Ахматова, Б. Пастернак, Н. Тихонов, В. Тушнова, Н. Воронель.

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ (1865–1936)

Киплинг велик тем, что в малом умел находить великое и превыше всего на свете ставил интересы Империи и нации, за что демократическая общественность Европы готова была стереть его в порошок. Не справившись с «железным Редьярдом» при жизни, после смерти она объявила его персоной нон грата. Хорошо, поэт обратился к потомкам с просьбой: «Расспрашивайте про меня / Лишь у моих же книг». А еще обронил: «Счастлив тот, кто не испытал разочарования при встрече лицом к лицу с обожаемым писателем». Лицо Киплинга – его книги, а они только очаровывают читателей.

Джозеф Редьярд Киплинг родился 30 декабря 1865 г. в Бомбее (Индия), в семье преподавателя художественной школы. Отец, Джон Локвуд Киплинг, крупный специалист по истории индийского искусства, впоследствии стал директором музея; мать, Алиса Макдональд, происходила из известной лондонской семьи. Благодаря туземным слугам Редьярд с малых лет говорил на хинди и знал местный фольклор.

В шесть лет Киплинга отправили в Англию получать образование. Своенравный ребенок был не по нраву хозяйке частного пансиона, и шесть лет прошли для него в запугивании и побоях. От переживаний мальчик на несколько месяцев ослеп. Узнав об этом, мать в ужасе забрала его домой. Через несколько месяцев Редьярда отдали в Юнайтед Сервис Колледж, где готовили офицеров и колониальных чиновников. Суровые будни колледжа заложили в будущем писателе основы стоицизма и самодисциплины.

После выпуска Киплинг вернулся в Индию, в Лахор, устроился помощником редактора «Гражданской и военной газеты». Газету пришлось тянуть одному, быть и репортером, и корректором, и редактором. Не по летам развитый юноша удивлял местное общество своим умом и знанием Индии.

В 1882 г. был напечатан первый сборник подражательных стихов Киплинга «Школьная лирика», а через два года второй «Отзвуки» – уже пародирующий кумиров. Это была еще не поэзия, а проба пера. Но когда в двадцать лет Редьярд выпустил «Департаментские песни», те разошлись мгновенно.

Перейдя в газету «Пионер» в Аллахабаде, Киплинг за три года написал шесть сборников коротких рассказов для серии «Библиотека Индийской железной дороги», что принесло ему широкую известность во всей Британской империи. Начиная с первого сборника «Простые рассказы с гор» Киплинг соблюдал жесткое условие – создавал рассказ объемом не более 1200 слов. Самыми известными книгами стали «Три солдата» и «Ви-Вилли-Винки». Как репортер он писал о войнах, эпидемиях, вел светскую хронику.

В 24 года Редьярд через Японию и Северную Америку вернулся в Англию знаменитым писателем. Читатели и критики открыли дотоле невиданный для английской литературы жанр рассказа. Вышедший вскоре роман Киплинга «Свет погас» поразил всех значительностью проблематики и художественной цельностью.

Каторжной работой писатель подорвал здоровье и вынужден был год провести в путешествиях по Америке и британским доминионам. В Штатах он совместно с издателем У. Балестье написал не замеченный публикой приключенческий роман «Наулака». После внезапной смерти соавтора Редьярд женился на его сестре Каролине. Ощутить прелесть медового месяца, проводимого в Японии, молодоженам помешал крах банка, в

котором Киплинг держал свои средства. Чета осталась без денег и вернулась в США, где на четыре года обосновалась в доме Балестье в Братлборо (штат Вермонт). У Киплингов родились трое детей – дочери Жозефина и Элси и сын Джон.

В доме, названном «Наулака», Киплинг сочинил стихи, ставшие достоянием мира, в первую очередь, «Балладу о Востоке и Западе». Проза, написанная здесь, также оказалась лучшей его прозой. Один за другим вышли сборники рассказов «Масса выдумок» и «Труды дня», роман «Отважные капитаны». Две «Книги джунглей» о Маугли, написанные по просьбе М. Додж (автора «Серебряных коньков») для детского журнала, заняли достойное место в мировой литературе.

«Американский период» Киплинга закончился со смертью Жозефины от воспаления легких и после нелепой ссоры с шурином. Писатель вернулся в Англию, несколько охладевшую к его сочинениям. Но Редьярд не впал в уныние, а создал лучший свой поэтический сборник «Семь морей», книги «Дневная работа», «Стоки и кампания», «Ким» – о мальчике – английском шпионе, ставший первым (и лучшим) романом в шпионском жанре.

К рубежу столетий Киплинг оказывал мощное воздействие на общественное мнение. Его прославление Британской империи нашло отклик у молодых людей, покоренных «мужской» силой его произведений. Публикации оплачивались Киплингу по небывало высокой цене, – по шиллингу за слово.

На зиму писатель уезжал поправлять здоровье в Южную Африку. Англо-бурская война (1899–1902) стала вершиной его судьбы. Киплинг в качестве специального корреспондента при штабе английской армии направился на фронт и вместе с молодым военным корреспондентом У.Черчиллем писал забойные статьи в газеты и журналы. Заодно сочинял стихи, рассказы, очерки, редактировал армейскую газету, исполнял обязанности политического и военного консультанта. Сам Киплинг хвастал, что его авторитет среди рядовых превосходил авторитет большинства генералов, хотя и вызывал бурю негодования со стороны тех, кого особо не заботила судьба Империи (в том числе и многих писателей).

Противоречия, раздиравшие самого писателя, проступали в его сочинениях, как швы и раны. Воспевание мужества и отваги простых людей сочетались с прославлением культа силы, а «бремя белого человека» с искренней симпатией к индийцам. На вершине славы и богатства Киплинг избегал публичности, игнорировал критику, отказался от звания поэта-лауреата и многих иных почестей.

В 1902 г. он поселился в глухой деревне в графстве Суссекс и

создал там изумительные «Сказки просто так» и поэтический сборник «Песни казармы», который не имел аналогий в тогдашней поэзии. Это была новая манера английского стихосложения, начисто лишенная «эстетизации», которой, как ядом, были пропитаны все сочинения главенствующих в литературе интеллектуалов. Отказавшись от салонной культуры стиха, Киплинг вернул поэзию к первоосновам – к Гомеру.

После публикации еще ряда произведений Киплинг в 1907 г., первый из английских писателей, стал лауреатом Нобелевской премии – «за мужественность стиля… за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя». Тут же писателя удостоили своими почетными степенями Оксфорд, Кембридж, Эдинбургский и Даремский университеты, университеты Парижа, Страсбурга, Афин и Торонто. После этого Киплинг больше занимался политикой, писал неторопливо, публикуя в год по сборнику: «Пак с холма Пука», «Награды и Феи», «Действие и противодействие» и др.

Во время Первой мировой войны Киплинг с женой работал в Красном Кресте. После гибели сына в 1915 г. на фронте во Франции писатель не оправился до конца своих дней, хотя и перенес это стоически. Тогда же он заболел гастритом, который впоследствии перешел в язву. После войны писатель много путешествовал, в том числе и как член Комиссии по военным захоронениям. Во Франции он познакомился с английским королем Георгом V, ставшим его другом.

В 1920-е гг. благодаря многолетним стараниям «прогрессивных» критиков популярность Киплинга уменьшилась. И хотя он выпустил несколько книг, в том числе исследование «Ирландские гвардейцы в Великой войне», посвященное полку, где служил его сын, они уже не имели прежнего успеха. Последний сборник «Ограничение и обновление» был опубликован в 1932 г.

18 января 1936 г. Киплинг скончался от кишечного кровотечения. Похоронили писателя в Уголке поэтов Вестминстерского аббатства. Гроб, накрытый британским флагом, несли премьер-министр Ст. Болдуин и Б.Л. Монтгомери, братья по перу, ныне мало кому известные, это «мероприятие» проигнорировали. Посмертно была опубликована автобиография писателя «Кое-что о себе».

Среди почитателей Киплинга были М. Твен, Б. Брехт, Э. Хемингуэй, у нас А. Куприн, М. Горький, Ю. Олеша.

На русский язык Киплинга переводили А. Онишкович-Яцына, Вяч. Иванов, К. Симонов, В. Корнилов, С. Маршак, Н. Дарузес, М. Лозинский.

РОМЕН РОЛЛАН (1866–1944)

Если на одну чашу весов положить небольшую повесть, случайную, но закономерную в творчестве Роллана, а на другую все прочие его сочинения, перевесит эта повесть – «Кола Брюньон». Так уж получилось, что мастер из Кламси оказался живучее всех других героев писателя из этого же бургундского городка. Почему Кола, а не Жан-Кристоф, за которого дали Нобелевскую премию? Да потому, что в образе Брюньона писатель явил миру саму Францию, а в образе Жана-Кристофа всего лишь Бетховена да самого себя.

Ромен Роллан родился 29 января 1866 г. в состоятельной семье нотариуса Эмиля Роллана и Антуанетты Мари Куро. Отец верил в веселье и право, а мать в Бога и музыку. Она привила сыну любовь к Бетховену и игре на пианино, а отец поведал мальчику историю рода Ролланов и Боньяров, уходящую вглубь веков и неразрывно связанную с городком Кламси, центром галльского жизнелюбия и свободомыслия.

Ликвидировав свою контору, отец в 1881 г. перевез семью в Париж. Ромен поступил в лицей Людовика Великого, а затем на педагогический факультет Высшей нормальной школы. Будущий писатель увлекся искусством итальянского Ренессанса и творчеством Льва Толстого (обменялся с ним письмами) и, по его собственному признанию, «запоем читал Гоголя, Герцена,

Гончарова, Тургенева и Достоевского».

По окончании Нормальной школы Роллан уехал в Рим, работал в архивах Ватикана, изучал изобразительные искусства, жизнь и творчество итальянских композиторов. Отдыхал Роллан за инструментом (обладая исключительной музыкальной памятью, он часами мог играть без нот) либо в беседах с писательницей М. Мейзенбуг, знавшей Герцена, Вагнера, Листа, Ницше.

Вернувшись во Францию, Роллан защитил в Сорбонне диссертацию и читал лекции в Нормальной Высшей школе и в Сорбонне. Семнадцать лет он совмещал писательский труд с преподаванием. Несколько монографий – «Музыканты прошлого», «Музыканты наших дней», «Гендель» и др. – прославили его как музыковеда. В «Ревю де Пари» Роллан помещал также рецензии на художественные выставки.

Испытав на себе влияние исторических трагедий Шекспира, Роллан взялся за создание трагедий. Уделяя творчеству редкие часы, свободные от преподавания, он быстро и успешно справился с циклом пьес «Трагедии веры». Следующим оказался цикл пьес «Театр революции», над которым Роллан работал свыше тридцати лет.

В 1892 г. Роллан женился на Клотильде Бреаль, дочери знаменитого французского лингвиста и филолога еврейского происхождения Мишеля Бреаля. Брак продлился меньше десяти лет, и когда Клотильда покинула Ромена, он очень тяжело пережил этот разрыв.

Первое десятилетие XX в. Роллан посвятил решению сверхзадачи – воспеть сверхчеловека, явить дряхлой Европе титанов духа, дав ей взамен «умершего Бога» другой нравственный ориентир. Писатель создал цикл «Героические жизни» (биографии Бетховена, Микеланджело, Толстого) и десятитомный роман-эпопею «Жан-Кристоф». Посвятив свой роман «свободным душам всех наций, которые страдают, борются и – победят», он даже не предполагал, что большая часть этих душ погибнет в мировой бойне. Да и о каких душах могла идти речь в мире, лишенном Бога, а значит и душ? Пока же Роллан, пропитанный отравой ницшеанской философии, «проветривал» затхлую атмосферу европейских государств и давал гражданам великие образцы для подражания, Европа начала войну.

Еще летом 1913 г. в Швейцарии и Ниверне Роллан создал «Кола Брюньона». Наделив Кола натурой несравненно более широкой, чем Кристофа, Роллан словно чувствовал, что в грядущей войне выживут не титаны Кристофы, а простачки Брюньоны – выживут сами и спасут от гибели страну. Писателю

помогла интуиция, даже не художника, а человека, проросшего своими корнями в почву Франции. Повесть не успела выйти перед империалистической войной, да она бы и не была услышана в лязге оружия. Книга увидела свет в 1919 г., ее очень быстро перевели на многие языки и с восторгом приняли миллионы читателей во всем мире, интуитивно чувствующих, что пока будет «жив курилка», ницшеанский сверхчеловек не сведет народ к куче навоза, из которого он был вылеплен своим сумасшедшим создателем.

В начале войны в статье «Над схваткой» Роллан наивно и запоздало призвал интеллектуалов всех стран сплотиться во имя спасения достижений человеческого духа. Увы, интеллектуалы – как мавр, сделали свое дело и под грохот пушек ушли вслед за музами с мировой арены. Быть «над схваткой» – все равно что быть «над родами». Вскоре Роллан таки вступил в схватку и разродился иными речами. Перестав уповать на пацифистские организации и пустые призывы уничтожить войну, он стал обличать фальшь и ложь современного общества, обвинять немецкий и французский империализм.

После войны его публицистические статьи были изданы в сборнике «Предтечи». Все это время он вел «Дневник военных лет», которому поверял свои мысли, легшие в основу новых произведений, в которых он обвинил банкиров и пушечных королей, дипломатов и журналистов, приведших народы к войне. Верховной богиней писатель изобразил «Общественное мнение», которое, будучи мнением власти и карманной культуры, выдавалась как мнение всего общества.

Роллана в его борьбе поддержали многие выдающиеся люди того времени: А. Эйнштейн, О. Роден, Б. Шоу, С. Цвейг, Г. Уэллс, А. Швейцер. Его деятельность по объединению прогрессивных сил в борьбе против войны подготовила почву для демократического движения в защиту мира 1930-х гг.

В 1915 г. Роллану была присуждена Нобелевская премия – «За высокий идеализм литературных произведений, за сочувствие и любовь к истине, с которой он описывает различные человеческие типажи». Премию писатель отдал Международному Красному Кресту.

Роллан, хоть и осуждал всякие насильственные действия, поддержал Февральскую и Великую Октябрьскую социалистическую революцию в нашей стране, осудил агрессию Антанты, основал журнал «Европа», в котором опубликовал ряд статей в поддержку Советской России.

В книге-манифесте «Народный театр» Роллан изложил основные свои воззрения на предназначение искусства. Позже он

увлекся опытом социальных учений Индии, теориями Ганди (с ним он встречался в Швейцарии) и продолжил серию биографий – Вивекананды, Ганди, Рамакришны. Главным произведением писателя поры меж двух мировых войн стала эпопея «Очарованная душа». Назревавшая в Европе угроза фашизма заставила Роллана критически пересмотреть свои прежние идеалы. Он выступил с множеством публицистических статей, которые опубликовал в двух книгах – «Пятнадцать лет борьбы» и «Через революцию – к миру».

Пытаясь представить Роллана выразителем «немецкого духа», правительство Третьего рейха предложило ему медаль Гёте, но писатель отказался от нее. Тогда фашисты сожгли его «Жана-Кристофа».

В 1935 г. по приглашению А.М. Горького Роллан приехал в нашу страну, встречался с писателями, беседовал с И.В. Сталиным. Русскому языку его обучала жена, поэтесса и переводчица Мария Павловна Кудашева. Кудашева была дочерью полковника русской армии и французской гувернантки, вдовой русского офицера князя Сергея Кудашева, умершего от сыпного тифа. Ее знакомыми были М. Цветаева, Б. Пастернак, М. Волошин, И. Эренбург. Говорят, она вошла в безраздельное доверие к Роллану по указанию сверху.

В годы Второй мировой войны писатель активно противоборствовал фашистскому режиму, публиковал антифашистские памфлеты. Несмотря на строгий надзор властей, ему удавалось сохранять связи с борющейся Францией.

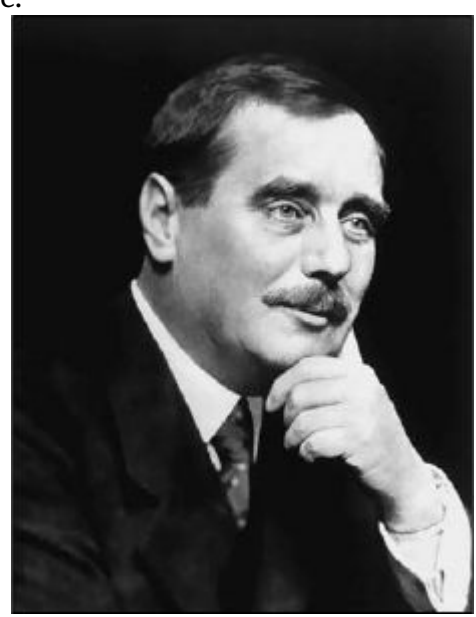
Он успел завершить многотомную музыковедческую работу о Бетховене, биографию поэта Ш. Пеги, книгу мемуаров «Путешествие вглубь себя».

Писатель не дожил до разгрома Германии. Роллан скончался от туберкулеза 30 декабря 1944 г. Похоронили его на старом кладбище в местечке Брев, рядом с прадедом-якобинцем.

На русский язык Роллана переводили Н. Любимов, М. Лозинский, В. Набоков, М. Богословская, А. Худадова, И. Гревс и многие другие.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС (1866–1946)

Чтобы стать великим фантастом, мало придумать свой мир, надобно людей убедить, что он и есть реальный, притом чертовски интересный. Адля этого всего-то надо предсказать несколько пустяков, как, например, создание военных летательных аппаратов или ядерного оружия, либо предвосхитить идею Эйнштейна об относительности времени, а заодно озаботиться созданием науки о будущем – футурологии. Именно это можно найти в романах Уэллса. Уж чем-чем, а своей прозорливостью писатель не уступал Ж. Верну. В романе «Освобожденный мир», написанном в 1913 г., он с ошибкой на один год указал дату мирного освоения атомной энергии – 1953 г. Складывается впечатление, что и о своей жизни он наперед знал всё.



Герберт Джордж Уэллс родился 21 сентября 1866 г. в Бромли (пригород Лондона) в семье лавочника Джозефа Уэл-лса, профессионального игрока в крикет, и экономки Сары Нил. У Берти было два старших брата, которым он страшно досаждал своими приставаниями и ревом, когда что-то было не по нему. Он неплохо рисовал, запоем читал, запоминая прочитанное на всю жизнь. По общему развитию он намного опережал сверстников.

После окончания частной школы подросток не смог продолжить обучение, т. к. отец сломал ногу и лишился ос-

новного «крикетного» заработка. Торговля фарфором, кото-рую вели родители, оказалась хрупкой, как фарфор – короче, семья разорилась. Берти сменил несколько мест работы: рас-сыльного, кассира, уборщика, помощника провизора, ученика драпировщика – отовсюду его увольняли за безалаберность, пока юноша не образумился. В короткое время его как подменили: он стал жить независимо от родителей, распланировал свой день по минутам, поступил в лондонскую Нормальную школу наук и там под руководством выдающегося ученого биолога-дарвиниста Т. Гексли налег на биологию. Именно Гексли научил Герберта мыслить как ученого и просветителя, и обрести себя как личность.

Так уж повелось, что знаменитые люди часто начинают свою карьеру с нищеты – это придает им большее ускорение. Уэллс тоже стартовал с «меблирашек», скудного питания и жалкой одежды. При этом находил силы посещать Дискуссионное общество, где оттачивал ораторское мастерство, пригодившееся ему, когда он занялся политикой. Окончив курс на биологическом факультете по первому разряду, Герберт тем не менее диплом не получил, т. к. срезался на выпускных экзаменах из-за своего неровного, взрывного характера. В течение последующих четырех лет он работал преподавателем в частных школах. В 1891 г. переехал в Лондон, где женился на кузине Изабелле. Два года работал преподавателем в Колледже корреспонденции, затем оставил эту работу и занялся журналистикой.

В 1893 г. был напечатан первый рассказ Уэллса «Препарат под микроскопом». Через два года вышел в свет его первый роман, принесший ему известность, «Машина времени», а затем один за другим «Остров доктора Моро», «Человек-невидимка», «Война миров», «Первые люди на луне». Этими романами Уэллс вошел в историю литературы как создатель научно-фантастического жанра, а будущим фантастам сделал воистину царский подарок, дав им импульс и работу на добрые сто лет.

Биографы и критики Уэллса отмечали равновеликость двух составляющих его творческого наследия, своеобразное «двоемирие». С одной стороны, он автор фантастических романов, написанных в основном в первый период его творчества, а с другой – мастер социальной сатиры, критик и разоблачитель изъянов общества, борец за социальное равенство и справедливость и в то же время противник революций. Два десятка мастерски написанных во вторую половину жизни реалистических и бытовых романов, наиболее известным из которых у нас является «Тоне-Бенге», прекрасное тому подтверждение.

Мировую славу писателю принесли, безусловно, его фантастические произведения – они и сегодня читаются, как только что написанные, поскольку ничуть не измельчали ни темами, ни художественным исполнением. Среди главных идей и образов его романов на первом месте стоит «сверхчеловек», как Гулливер, связанный социальными нормами лилипутской жизни. Только в отличие от Свифта, Уэллс уготовил ему печальную судьбу. Так стало с ученым Гриффином, и с доктором Моро, возомнившим себя Творцом, создающим из животных людей; да и с всемогущими марсианами, прибывшими на Землю, легко справились земные микроорганизмы.

По молодости Герберта тянуло к фабианцам – состоятельным людям, развивавшим социалистические проекты всеобщего благоденствия. Уэллса уже как знаменитого писателя приняли в клуб в 1903 г. Там он узнал много выдающихся людей той поры: Б. Шоу, Б. Рассела, У. Черчилля. Покинув фабианцев, писатель в течение целого десятилетия занимался пересмотром своего мировоззрения в пользу богостроительства, придя, в конце концов, к выводу, что переделать мир к лучшему можно только на основе христианской морали. Тогда же он пробился и к мировой аудитории своей книгой «Очерк истории», долгие годы остававшейся в списках бестселлеров, и стал президентом ПЭН-клуба.

Писатель трижды побывал в России: в 1914, 1920 и 1934 г. С В.И. Лениным Уэллс обсуждал план ГОЭРЛО и возможность построения социализма в нашей стране. Книгой «Россия во мгле», написанной по возвращении домой, он положительно воздействовал на общественное мнение Запада. После встречи с И.В. Сталиным, буквально очаровавшим его, писатель написал книгу «Опыт автобиографии».

Уэллс легко писал, легко сходился с женщинами. И хотя в нем было мало брутального, также как и утонченного, дамам он нравился. Прожив с Изабеллой четыре года, Уэллс развелся с ней и женился на своей студентке Эми Кэтрин Робинс, или Джейн, родившей ему двоих сыновей – Джорджа Филиппа и Фрэнка Ричарда. Джейн всю жизнь терпеливо сносила походы благоверного на сторону, где две писательницы также осчастливили его детьми. Уэллс состоялся как писатель во многом благодаря Джейн. Она внесла в его жизнь смысл и порядок, сцементировала семью, и когда у супруга в очередной раз загорались глаза, она говорила: это пройдет, это вспышка какой-то хронической болезни. К чести Уэллса надо сказать, что он был превосходным отцом. Заботился не только о том, чтобы чада получили прекрасное образование и воспитание, но и сам

часами самозабвенно возился с ними.

Всего Уэллс написал 40 романов, несколько томов рассказов, два-три десятка работ по философии и о перестройке общества, две всемирные истории, 30 томов социально-политических прогнозов, десятки брошюр о вооружении и национализме, 3 книги для детей и автобиографию.

Во время Второй мировой войны писатель жил в Лондоне. В 1942 г. ему присвоили степень доктора биологии. Тогда же с ним случился первый удар. Уэллс очень тяжело переживал лишения войны, много болел, стремительно дряхлел. Последние годы его жизни скрасила переводчица Мария Закревская, или Мура, с которой он был знаком много лет. В 1944 г. у него обнаружился цистит печени. После этого Уэллс перестал подходить к телефону. Он велел домашним отвечать: «Уэллс подойти не может. Он занят. Он умирает». А всем прочим оставил эпитафию: «Я вас предупреждал – так будьте все вы прокляты».

Уэллс умер в Лондоне 13 августа 1946 г. Д.Б. Пристли произнес над его гробом речь о «великом провидце нашего времени». После кремации сыновья Уэллса забрали урну с его прахом и, исполняя волю писателя, рассыпали прах с острова Уайт по волнам Ла-Манша.

В завещании Уэллс не обидел никого, не забыл ни друзей, ни дальнюю родню – раздал всем сестрам по серьгам.

На русский язык Уэллса переводили А. Зверев, К. Морозова, Р. Облонская, Е. Бондаренко, В. Горбатько, С. Ревуцкая, Е. Фролов и многие другие.

ДЖОН ГОЛСУОРСИ (1867–1933)

По аналогии с тем, как словом «тепло» бедуины Сахары называют 30-градусную жару, а якуты Оймякона – 30-градусный мороз, российские популисты «средним классом» именуют граждан, имеющих хотя бы трехразовое питание. Потрудись они открыть «Сагу о Форсайтах», узнали бы о среднем классе много интересного. Ведь писал о нем человек, сам принадлежавший классу «форсайтов».

Джон Голсуорси родился 14 августа 1867 г. в Кингстон-Хилле (графство Суррей) в состоятельной буржуазной семье, склонной к либерализму. Он был единственным сыном Джона Голсуорси, богатого адвоката, директора Лондонской компании, и Бланш Голсуорси.

Будущий писатель получил блестящее образование в привилегированной школе Харроу и на юридическом факультете Оксфорда, где специализировался по мореходному праву. Там у него впервые закрались сомнения в правильности сделанного им по настоянию отца выбора своей профессии.

Получив в 22 года степень бакалавра юриспруденции, Голсуорси был принят в адвокатуру. Однако не спешил заняться юридической практикой и под предлогом изучения мореходного права отправился в страны Южного архипелага, Австралию, США, Канаду, Россию.

Пересекая Индийский океан на пароходе «Торренс», Голсуорси познакомился со старшим помощником капитана, начинающим писателем Д. Конрадом. Долгий путь сделал их друзьями на всю жизнь. Под влиянием взглядов нового друга Джон тоже захотел стать писателем.

Это решение только укрепилось по возвращении молодого человека домой. Незадолго до этого кузен Джона майор Артур Голсуорси женился на милой девушке Аде Купер, вырвавшейся из-под опеки своей матери, но их брак с самого начала не заладился. Познакомившись, Ада и Джон прониклись взаимной симпатией, а через два года стали любовниками. Эта связь плодотворно воздействовала на Джона. За девять лет он под псевдонимами опубликовал два сборника рассказов и два романа. Первой книгой, которую он выпустил под своей фамилией, стал «Остров фарисеев». Недовольство своей судьбой, нравами викторианского общества, начавшейся англобурской войной вылилось на страницы его книг лирическим пафосом, смешанным с сатирой.

Любовники «раскрылись» через девять лет, после того как умер отец Голсуорси, чувства которого они старались щадить. После бракоразводного процесса Ада вышла замуж за Джона. Их брак был счастливым. Ада, обладавшая незаурядной музыкальной одаренностью, не только услаждала слух мужа игрой на рояле, но и невольно наполнила музыкой почти все его сочинения. И хотя Джон однажды увлекся юной танцовщицей, это брак не разрушило.

История их взаимоотношений послужила канвой первого романа трилогии о Форсайтах – «Собственник». В посвящении к «Саге» писатель позднее написал: «…той, без чьей поддержки, сочувствия и критики я не смог бы стать даже таким писателем, каким я являюсь». Центральный конфликт эпопеи автор определил в предисловии, как «набеги Красоты и посягательства Свободы на мир собственников». Роман принес Голсуорси репутацию серьезного писателя, хотя официальная критика не спешила зачислить его в ряды ведущих английских писателей, «присматриваясь» к нему более 10 лет.

В это же время Голсуорси создал пьесу о двойном лице английского правосудия – «Серебряная коробка», за ней последовали несколько драм и сборников новелл, посвященных социальным конфликтам. По словам премьер-министра У. Черчилля, пьеса «Справедливость», осуждавшая практику одиночного заключения, оказала серьезное влияние на его программу тюремной реформы.

С первых шагов в литературе Голсуорси был сторонником

социально направленного искусства критического реализма. В творческом становлении писателя большую роль сыграла английская, французская и русская литературные традиции. Особенно сильное влияние на Голсуорси оказали Г. Флобер, Г. Мопассан, И.С. Тургенев и Л.Н.Толстой.

Первая мировая война была воспринята писателем как безумие, но отразилась в его романах, пьесах и новеллах лишь косвенно, поскольку он из-за возраста не был мобилизован (хотя зимой 1916/17 г. он с женой работал в частном госпитале во Франции). В своих же публицистических статьях Голсуорси клеймил войну как преступление против человечества. Весть о революционных событиях в России вызвала у него сочувственный интерес, а английская интервенция против молодой Советской Республики бурный протест.

Баловень судьбы, обеспеченный материально и защищенный социально Голсуорси тем не менее, с сочувствием откликался на страдания униженных и оскорбленных. И не только в своих произведениях – половину своих доходов он тратил на благотворительность.

В 1917 г. правительство от имени короны хотело пожаловать писателю рыцарское звание и титул «сэр», но он, ценя свою независимость, отказался, объяснив, что, по его мнению, писатели и реформаторы подобных отличий принимать не должны. Почетные степени Тринити-колледжа, университетов Дублина, Кембриджа, Оксфорда, Принстона, Манчестера и Шеффилда Голсуорси отвергать не стал, также как и британский орден «За заслуги».

Послевоенная Англия нашла свое отражение в произведениях писателя 1920-х гг. Опубликовав две новеллы-интерлюдии «Последнее лето Форсайта» и «Пробуждение» и два романа «В петле» и «Сдается внаем», Голсуорси создал свою первую трилогию «Сага о Форсайтах», ставшую его «паспортом к берегам вечности». Эпопея нашла признание во всем мире, а Голсуорси стал ведущей фигурой в англо-американской литературе. Свой успех писатель закрепил добрым десятком пьес, четырьмя сборниками новелл, самым известным из которых был итоговый «Караван», стихами, критикой и публицистикой, в которой активно выступал за социальные реформы, свободную печать и свободный театр.

Вторая форсайтовская трилогия «Современная комедия» отразила поиски, разочарования и надежды английской молодежи в послевоенную эпоху, и вместе с первой трилогией охватила сорокалетний период частной и общественной английской жизни, оставшись в русле главной темы

«Собственника» – осуждения собственности во всех ее проявлениях и показа иллюзорности покупаемого счастья.

Третья трилогия «Конец главы» была посвящена судьбам английского поместного дворянства в новую эпоху. «Трилогия трилогий» стала уникальным в мировой литературе произведением.

В 1932 г. Голсуорси была присуждена Нобелевская премия по литературе «за высокое искусство повествования, вершиной которого является "Сага о Форсайтах"». Писатель был тяжело болен (опухоль мозга) и на церемонии награждения не присутствовал. Он передал премию ПЕН-клубу (поэты, эссеисты, новеллисты) – международной писательской организации, которую он основал в 1921 г.

31 января 1933 г. Голсуорси умер в Хампстеде (Лондон). Его прах согласно завещанию был развеян над холмами любимого им южного Суссекса.

Всего Голсуорси написал 20 романов, 27 пьес, 3 сборника стихотворений, 173 новеллы, 5 сборников эссе, около 700 писем и множество очерков и заметок различного содержания.

При жизни, а особенно после смерти писателя критиковали в полную силу своих способностей интеллектуалы и «новые» писатели (Д. Лоуренс, В. Вульф и др.). В чем только не обвиняли Голсуорси! В пропаганде, рационализме, холодности, отсутствии эстетизма. Ничего удивительного – для них его реализм был чересчур громоздок. Голсуорси был одним из последних великих писателей, не ставший выдумывать ничего нового, развивать и без того развитый до совершенства литературный язык и жанры. Он лишь обобщил и подвел черту под вековым развитием реалистического романа. Жаль, что он не сказал своим критикам: не можете так, так и не беритесь! Правда, ответил им по-другому: «Подлинное произведение искусства вечно остается прекрасным и живым, хотя приливы и отливы моды могут иной раз ненадолго выбросить его на мель. Оно остается прекрасным и живым просто потому, что живет своей собственной жизнью».

Голсуорси на русский язык переводили Н. Волжина, М. Лорие, М. Богословская, С. Таманцева, Г. Ярхо.

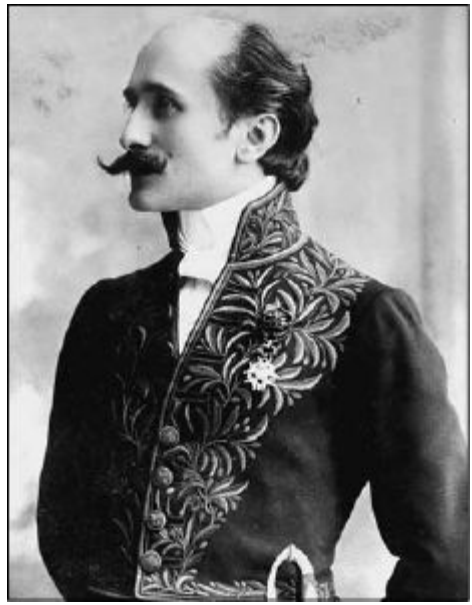
ЭДМОН РОСТАН (1868–1918)

Мы не знаем точно, сколько трагедий написал Гомер, достаточно одной «Илиады», чтобы причислить его к величайшим поэтам человечества. О Ростане, жившем сто лет назад, мы знаем несравненно больше, знаем все, что он написал, но одного лишь «Сирано де Бержерака» достаточно, чтобы его имя осталось жить в веках рядом с Гомером, также как Бержераку суждено занять место рядом с Ахиллесом. И как гомеровский герой подменил собой реального грека, наводившего ужас на троянцев, точно так же поступил и с поэтом, утопистом и дуэлянтом XVII в., «демоном храбрости» Савиньеном де Сирано де Бержераком герой Ростана. Заодно литературный Сирано своей шпагой перечеркнул и всё прочее, что написал его создатель. «Что за комиссия, Создатель?» – вправе задать риторический вопрос поэт.

Мы не сравниваем здесь двух поэтов.
Избави нас от этого Бог!
Разве можно сравнивать двух поэтов?
Ведь каждый из них в чем-то бог.

Эдмон Ростан родился 1 апреля 1868 г. в Марселе в семье интеллигентов, близко знакомых с литературными знаменитостями того времени. Море, океанские суда, солнце Прованса дали будущему поэту широту и глубину, а его сочинениям свежесть и яркость. В доме часто собиралась элита, почитавшая и знавшая литературу Прованса. После их споров мальчик зачитывался поэзией трубадуров и пьесами французских романтиков, мечтал о благородных героях и о театре.

Вскоре семья перебралась в Париж, и отец, видевший сына успешным адвокатом, отдал Эдмона в коллеж Святого Станислава. Ростан зачитывал драматургов-классиков и пьесы Гюго и Мюссе до дыр. Карьера юриста была не по нему. Не для него была роль велеречивого адвоката – это так, уровень бессловесного слуги, он мечтал о центральной роли драматурга! Правда, одно дело мечты, а другое – реальность. Первая пьеса «Красная перчатка» получилась откровенно слабой. И хоть ее поставил театр Клюни, это был всего-навсего реверанс в сторону начинающего драматурга, подкупившего скорее своей молодостью, нежели зрелым мастерством.



В двадцать лет самолюбие (особенно уязвленное) не порок. Оно помогло поэту после окончания колледжа создать новую комедию «Два Пьеро, или Белый ужин», а еще и сборник стихотворений «Шалости музы». Жизнь в Париже располагала к светским усладам, но Эдмон не только услаждал себя литературными салонами, художественными выставками и приятными знакомствами, но и познал соль и горечь литературного труда. Благо, не надо было зарабатывать на хлеб, и природа подарила ему удивительно легкий язык и скорую руку. Слава о молодом виртуозе пера разошлась по столице.

Знакомство с очаровательной поэтессой Роземондой Жерар завершилось благополучной женитьбой. Супруге, посвятившей себя Эдмону, Ростан посвятил свой поэтический дар. «Любовь – это сон упоительный…», «Кто в жизни раз хотя б узнал мечту, / Тому вернуться к пошлости уж трудно» и т. п. Роземонда стала его музой, и об этом знал не только поэт, но и весь Париж – тогда стремление к популярности было не меньше, чем сегодня. Впрочем, они всю жизнь писали друг другу пылкие поэтические послания о неразделенной вечной любви.

Написав ироничную комедию «Романтики», Ростан не спешил увидеть ее на сцене. Только через три года, в 1894 г. ее поставил театр «Комеди Франсез». Пьеса покорила публику. А на следующий год была создана «Принцесса Греза», посвященная Роземонде. Пьеса о принесенной в жертву любви послужила автору наброском к героической комедии «Сирано де Бержерак». Идею написать пьесу о незаслуженно забытом Сирано подсказал Ростану писатель Шарль Нодье. До «Сирано» драматург успел

опубликовать «Самаритянку» – пьесы он пек, как блины.

Премьера «Сирано» состоялась в парижском театре «Порт-Сен-Мартен» 28 декабря 1897 г. при огромном стечении публики. В заглавной роли блистал выдающийся французский актер Коклен-старший, которому и была посвящена пьеса. И зрители, и критики были в восторге. Это был триумф романтического театра и мастерства поэта. Даже недруги писали о том, что Ростан совершил чудо. Еще бы, Сирано стал примером настоящего героя, умного и смелого правдолюбца.

Постановка «Сирано» принесла Ростану славу и деньги. Он стал одним из самых известных европейских драматургов. Роскошный особняк в центре Парижа и вилла в Пиренеях, домашние концерты и великосветские приемы – были всего лишь дешевыми атрибутами славы. Поэт как был доступен для всех, так и остался в центре общественной жизни французской столицы. В своих письмах, статьях и стихах он призывал пересмотреть дело Дрейфуса, помочь грекам в их борьбе против турецкой агрессии, а бурам в их борьбе за независимость.

Интересом к героическому прошлому своего народа была пронизана пьеса Ростана «Орленок», поэтическая драма о судьбе сына Наполеона. Эта пьеса была необычайно популярна в начале XX в. Ростану везло с актерами. Впрочем, и он сам был не промах. «Орленка» Эдмон написал специально для знаменитой Сары Бернар. И хотя актрисе шел 56-й год, автор не сомневался в том, что она достоверно сыграет роль 20-летнего герцога Рейхштадтского. Премьера спектакля 15 марта 1900 г. завершилась тридцатью вызовами на бис. Ростан в это время болел, ему был сделан специальный «театрофон», и он слушал пьесу по телефону. Героическая драма Ростана поразила 9-летнего Шарля де Голля, во многом определив его будущую судьбу.

В 1903 г. Ростан был выбран во Французскую академию.

Светская жизнь тем не менее отрывала драматурга от творческого труда. Следующую свою пьесу он завершил лишь в 1910 г. Это была сатирическая комедия «Шантеклер», использовавшая приемы басни о животных – аллегория о назначении искусства. Пьеса, в которой автор с блеском продолжил линию Эзопа и Лафонтена, поставленная в театре «Порт-Сен-Мартен», с треском провалилась. Признание к ней пришло после смерти автора, причем признание, вполне заслуженное. Сегодня герой пьесы, петух Шантеклер является национальным героем и любимцем детей и взрослых. Его именем названы музей, улицы, отели, рестораны во Франции.

Свою литературную карьеру Ростан закончил книгой

патриотических стихов, написанных в годы империалистической войны, – «Полет Марсельезы» – она вышла в 1919 г.

В последние годы жизни писатель тяжело болел.

Умер Эдмон Ростан 2 декабря 1918 г. в Париже.

В каждой следующей постановке «Сирано» в любом году и любом месте Бержерак в финале пьесы, в какой уже раз, выхватит шпагу и станет наносить удары невидимым врагам – лжи, подлости, клевете – и умрет со шпагой в руке. Кончина поэта была прозаична, но он остался для нас навсегда альтер-эго своего главного героя.

«Смерть – единственная вещь, которая больше слова, ее обозначающего».

Несмотря на то что герои Ростана боролись с отвлеченной пошлостью и лицемерием и обличали «неправду», вовсе не задевая основ буржуазного общества, драматург снискал самую широкую популярность среди всех слоев общества во всех странах. В России постановки пьес Ростана пользовались неизменным успехом. Принцесса Греза, как заметили многие русские критики, навсегда вплыла на золотой галере Врубеля в сегодняшнюю Москву, а Сирано прописался на театральных подмостках нашей страны.

Почти все произведения Ростана на русский язык замечательно перевела Т.Л. Щепкина-Куперник, заметившая, что их автор все стороны своей жизни поворачивал к солнцу.

В 1908–1909 гг. М.И. Цветаева, влюбленная в «мученика Рейхштадтского», героя «Орленка», сделала русский перевод пьесы, к сожалению, не сохранившийся.

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР (1871–1945)

«Мир холодно проходит мимо тех, кто не принимает участия в его безумствах» – эти слова Драйзера можно ставить эпитафией миллионам людей, достойно и недостойно проживших свою жалкую жизнь, но их, увы, не сделаешь главным пунктом обвинения тем, кто обрек эти миллионы на жалкое существование. Ну да им – опять же по Драйзеру – гореть в аду либо умереть при жизни. Что же касается сочинения писателями трагедий, в том числе и «американских», он ответил: «Никто не создает трагедий – их создает жизнь. Писатели лишь описывают их».

Теодор Герман Альберт Драйзер родился 17 августа 1871 г. в городке Терре-Хот (штат Индиана) в многодетной семье мелкого разорившегося предпринимателя, эмигранта из Германии. Голод и холод были постоянными спутниками семейства. В 5 лет Теодору приходилось подбирать куски угля вдоль железной дороги, чтобы было чем топить печь, а в 14 он уже перебирал профессии, как четки.

Благодаря тому, что старший брат Поль Дрессер стал актером и композитором, семье удалось выкарабкаться из нищеты, и Теодор смог ходить в церковную школу, а потом в публичную городскую. После окончания школы юноша уехал в Чикаго, работал мойщиком посуды в ресторане, на железной дороге, подносчиком на складе. Там Теодора разыскала его бывшая учительница и оплатила ему один год учебы в Индианском университете. Драйзер самозабвенно изучал английскую литературу, историю, латинский язык, геометрию, философию, творчество Л.Н. Толстого.

Через год Драйзер вернулся в Чикаго – и снова работал клерком, шофером, сборщиком платы, пока не устроился учеником репортера в малотиражную газету «Дейли Глоб». По рекомендации перешел в респектабельную сент-луисскую газету «Глоб демократ». В газетах и журналах Сент-Луиса, Толедо, Питтсбурга, Нью-Йорка молодой человек оттачивал свое перо и редакторский глаз, пока не возненавидел это дотошное ремесло. Два года работал редактором в музыкальном журнале «Эври манс», организованном его братом Полем; довел тираж до 65 тысяч экземпляров и, поняв, что еще чуть-чуть и журнал сожрет его с потрохами, расстался с древнейшей профессией и посвятил себя писательскому труду.

Первая публикация Теодора в 1897 г. – полуфантастический рассказ «Сияющие рабовладельцы». За три года писатель написал 42 статьи и несколько поэм. В 1899 г. его включили в справочник «Кто есть кто в Америке» как редактора, журналиста и писателя.

В 1900 г. увидел свет первый роман Драйзера «Сестра Керри», открывший новую страницу в истории американской литературы. В его основу писатель положил жизнь своей сестры, сбежавшей в Канаду с женатым кассиром ресторана. Роман, в котором было сильно влияние социального дарвинизма Спенсера, критика встретила в штыки, обвинив писателя в жестокости за то, что он показал, как пресловутая американская мечта об успехе делает из простого человека бессовестного прагматика. При этом отсутствие пуританизма в романе трактовалось как безнравственность.

Из 1250 напечатанных экземпляров до читателей дошли только 450. «Совратителю молодежи» дали 68 долларов и 40 центов гонорара и заткнули рот на десять лет. Теодор впал в депрессию, едва не покончил с собой, хорошо, брат поместил его в лечебницу. Поправив душевное здоровье, Драйзер вернулся к работе. Денег хватало, чтобы снять клетушку, да на бутылку молока с куском хлеба.

Тем временем «Сестра Керри» вышла в Англии, стала бестселлером и была переведена на все европейские языки, после чего была издана в Штатах повторно. Публика приняла роман с восторгом. В 1911 г. Драйзер опубликовал свой второй роман – «Дженни Герхардт», в котором развил мотивы «Сестры Керри». Идея романа зародилась у писателя еще в 1901 г. Драйзер вообще

годами вынашивал свои произведения, прежде чем садился писать их. Пресса обошла выход романа молчанием, но мавр сделал свое дело. Драйзер постфактум стал одним из ведущих писателей Америки. По приглашению английского издателя он впервые посетил Европу.

Главными героями «Трилогии желания» («Финансист», «Титан» и «Гений») стали делец и приобретатель Каупервуд и художник Витла, обретающие и теряющие себя в мертвящей атмосфере власти денег. Тяготение Драйзера к социальным темам сочеталось в нем с мастерством тонкого психолога. Пресса с ожесточением грызла писателя за каждый роман. По настоянию «Общества уничтожения порока» суд запретил распространение «Гения», и лишь позднее (в 1923 г.) этот запрет был снят. Несмотря на успех и признание, книги не продавались, и писателю жить было не на что. Со временем его финансовые дела несколько улучшились, но не за счет литературных трудов, а когда он стал главным редактором женских журналов.

Помимо крупных вещей Драйзер в первую четверть XX в. создал два сборника рассказов и два тома пьес, сборник стихотворений и две книги путешествий, сборник биографий и том автобиографии, книгу очерков о Нью-Йорке и том публицистики. Это были годы каторжного труда. И не меньшего, судя по всему, яростного желания Драйзера публиковаться. Толстые журналы под любым предлогом отказывались печатать его. Только за 1918 г. редакторы семьдесят восемь раз отвергали сочинения писателя.

Драйзер покинул Нью-Йорк и уехал в Калифорнию, где создал свой самый знаменитый роман «Американская трагедия». Именно ею закончилась радужная «американская мечта». Публикация в 1925 г. сразу же стала литературной сенсацией, а ее автор – знаменитостью. История молодого «середнячка» Грифитса, рвущегося к преуспеянию и успеху, любой ценой жаждущего заполучить как можно больше денег, и его крах, широкая панорама американской жизни стали блестящим образцом реализма в литературе США. Поскольку история Грифитса была типичной для США, она неизбежно повторялась много раз. Доходило до того, что писателя обвиняли в поощрении убийств и даже привлекали к суду.

Отправившись в Европу, Драйзер посетил СССР, встречался с Маяковским, Станиславским, Эйзенштейном, выпустил книгу «Драйзер смотрит на Россию».

В 1930 г. писатель был выдвинут на получение Нобелевской премии по литературе, но большинством голосов премию присудили С. Льюису.

«Американская трагедия» принесла Драйзеру всемирную славу, сделала его вполне состоятельным человеком, но не оградила от нападок врагов, не мыслящих в Америке возведение поклепа на американский образ жизни. В 1930-е гг. его статьи почти не печатались, книги не переиздавались, а Великая депрессия лишила и финансового благополучия. Семья у Драйзера не сложилась. Он был неудачно женат, жил с женой-католичкой, не дававшей ему развода, порознь до ее смерти. Вторично женился за три года до своей кончины на Элен Ричардсон, с которой был знаком много лет.

Когда в горнорудных районах США произошли столкновения шахтёров с полицией, Драйзер отправился туда. Несмотря на угрозы физической расправы со стороны владельцев шахт и полиции, и привлечение его к суду, Драйзер не прекратил освещение событий в газетах и на радио, а также издал книгу «Трагическая Америка».

Предвидя надвигающуюся угрозу фашизма, писатель поехал в сражающуюся Испанию, участвовал в конгрессе деятелей культуры в Париже, где выступил в поддержку антифашистской коалиции. Вернувшись в США, добился встречи с Рузвельтом, после которой по указанию президента в Испанию было отправлено несколько грузовых судов с мукой. До своей кончины писатель выступал в городах США с осуждением фашизма и милитаризма. В 1944 г. он вступил в компартию США.

В 1944 г. Американская академия искусств и литературы наградила Драйзера почётной золотой медалью, присуждаемой раз в пять лет за выдающиеся достижения в области искусства и литературы.

Между тем средств у писателя не осталось. Он продал свой дом и обратился к советскому правительству за помощью. Вскоре на его имя пришел гонорар за изданные в нашей стране произведения, избавившие писателя от нищеты. За несколько дней до смерти Драйзер окончил роман «Стоик», который вместе с романом «Оплот» был опубликован уже после его смерти.

28 декабря 1945 г. Драйзер скончался в Лос-Анджелесе.

Драйзер занимает одно из первых мест среди зарубежных писателей XX в. по степени их популярности в России во многом благодаря тому, что наша страна, увы, повторяет печальный опыт американского образа жизни, столь блистательно развенчанный им.

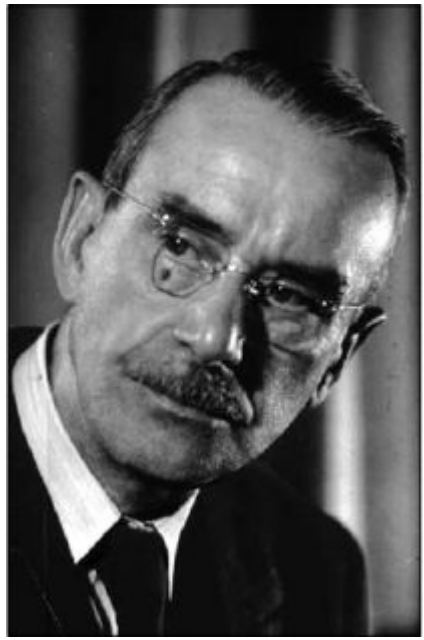
Переводили Драйзера на русский язык М. Волосов, В. Стелецкий, М. Лорие, Н. Галь, Р. Облонская, В. Тамохина, М. Богословская, Т. Кудрявцева.

ТОМАС МАНН (1875–1955)

«Земля наша – не обитель счастья и нравственной чистоты… Но стремление приблизить жизнь человеческую к доброму и разумному, ко всему, что продиктовано духом, дано нам свыше, и никакой скепсис не в состоянии лишить эту задачу ее злободневности, как нельзя укрыться от нее ни в каком квиетизме (здесь: непротивление)» – эти слова раскрывают кредо Томаса Манна, стремившегося преодолеть в своих монументальных произведениях «духовный упадок, загнивание культуры, равнодушие к злодеяниям юстиции, поставившей себя на службу политике, самоуправство чинуш, безрассудное стяжательство, отмирание понятий „преданность“ и „вера“».

Томас Манн родился 6 июня 1875 г. в Любеке, в семье состоятельных коммерсантов. Род отца восходил еще к временам Ганзы, мать была латиноамериканского происхождения.

После смерти отца в 1891 г. семья переехала в Мюнхен. После окончания школы Томас работал в страховой компании, занимался журналистикой, намереваясь, как и старший брат Генрих, стать писателем. Устроившись редактором в сатирический еженедельник «Симплициссимус», опубликовал свой первый рассказ «Падшая», написал еще несколько для сборника «Маленький господин Фридеман». В них наметилась тема мятущегося «современного» художника, который бьется в поисках смысла жизни, тогда как вокруг него заветный монолит бюргерского быта.



Став студентом университета, Манн штудировал А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Р. Вагнера. После неудачной попытки сделать деловую карьеру, Томас в середине 1890-х гг. отправился в Италию, где пробыл два с половиной года, посвятив их главным образом работе над своим первым романом.

Вернувшись в Мюнхен, Манн вел жизнь, обычную для благополучных «аполитичных» интеллектуалов того времени. В 1901 г. он опубликовал роман «Будденброки», в котором настолько ярко изобразил упадок семейства, принадлежащего к потомственному среднему классу, что он стал символом взаимоотношения мира бюргерского и мира духовного. И символично, что писатель, всю жизнь раздираемый противоречивыми устремлениями к высоте духа и надежности быта, не отдал предпочтения ни одному из этих миров.

В 1905 г. Манн женился на Кате Прингсхейм. Из шестерых детей от этого брака трое – Клаус, Эрика и Голо – стали известными литераторами.

До Первой мировой войны писатель опубликовал несколько новелл, в том числе и такие знаменитые как «Тонио Крёгер» и «Смерть в Венеции», и в известной мере автобиографический «роман воспитания» «Королевское высочество».

Мировая бойня повергла писателя в глубокий моральный и духовный кризис. И хотя он поначалу проявил себя патриотом-консерватором, из-за чего даже порвал отношения с братом Генрихом, позднее он сменил свои взгляды и стал республиканцем-демократом. Эти колебания отразились и в его

публицистике и эссеистике, в частности в «Размышлениях аполитичного».

После войны творческая судьба Манна вынесла его на интеллектуально-философские выси монументальной прозы. Книга идей «Волшебная гора» стала одной из важных в его творчестве. Вышедший в 1924 г. ироничный «роман воспитания» стал не только историей духовного развития главного героя заурядного инженера Ганса Касторпа, но и глубоким анализом всей предвоенной европейской культуры. Писатель обозревал своих героев уже не с героических высот юношеской категоричности, а с иронией и глубоким сочувствием к человеческому несовершенству.

Художественные искания Т. Манна оценили в 1929 г. – ему вручили Нобелевскую премию по литературе «прежде всего за роман "Будденброки", который стал классикой современной литературы, и популярность которого неуклонно растет», и за его способность примирить «поэтическую приподнятость, интеллектуальность с любовью ко всему земному, к простой жизни». Это был аванс, да еще какой. Впереди были грандиозные романы. После получения премии писатель снискал признание во всем мире.

Накануне прихода в Германии к власти фашистов Манн неоднократно предостерегал соотечественников от угрозы гитлеризма, призывал создать общий фронт рабочих-социалистов и буржуазных либералов для борьбы против нацистской угрозы. Помимо призывов и очерков об опасности фашизма писатель опубликовал в 1931 г. аллегорическую новеллу «Марио и волшебник» о продажном гипнотизере, олицетворяющем собой А. Гитлера и Б. Муссолини.

В 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером Германии. Манн с семьей в это время находился в Швейцарии, недалеко от Цюриха. На родину писатель не вернулся; много путешествовал, пока не перебрался в 1938 г. на постоянное местожительство в США. К тому времени он уже был лишен немецкого гражданства, а также почетной докторской степени Боннского университета, присвоенной ему в 1919 г. (степень вернули в 1949 г.). В Принстоне писатель читал лекции по гуманитарным дисциплинам, а в длительных турне по стране выступал с политическими обвинениями в адрес Гитлера и его режима. Его речи пользовались неизменным успехом и у бизнесменов, и у домохозяек.

В 1940 г. увидел свет роман Манна «Лотта в Веймаре» о Гёте и Шарлотте Буфф, вдохновившей поэта на «Страдания юного Вертера». Через четыре года появилась тетралогия, на которую

писатель потратил 10 лет, – «Иосиф и его братья». Библейский рассказ Манн превратил в еще одну «волшебную гору», наполненную политикой, мифологией и психоанализом, а судьбу Иосифа в универсальную и вечно повторяющуюся историю о предательстве, прощении и приношении себя в жертву.

В 1947 г. был опубликован самый сложный роман-миф Манна «Доктор Фаустус» о «продаже души» дьяволу талантливым музыкантом Адрианом Леверкюном. В контексте продажи своей души немецкой нацией для достижения ею мировой власти, роман уникален в переплетении личной судьбы музыканта (Фауста XX в.) и истории гитлеровского рейха. Как отмечали многие исследователи, образ и биография Леверкюна были навеяны не только гётевским персонажем, но и чрезвычайно напоминали А. Шёнберга, выдающегося музыканта-экспериментатора, а также философа Ф. Ницше. Тем самым писатель создал метафору, относящуюся не только к судьбе художника, но и ко всему искусству, к истории Германии, да и ко всей цивилизации. По большому счету он создал новый тип философского романа, романа-мифа, в котором властвует не герой, а идея. Словно в подтверждение этому, писатель опубликовал свой следующий роман-пародию «Избранник» – о грехе, искуплении и Божьем прощении. Через все произведения Манна золотой нитью прошла одна тема – тоска и одиночество художника, «заблудшего бюргера», тщетно пытающегося преодолеть грань между творчеством и реальной жизнью.

Став еще в 1944 г. гражданином США, Манн решил не возвращаться в Германию после войны, жил в Калифорнии, работал консультантом по немецкой литературе в Библиотеке конгресса. В 1952 г. он покинул США и поселился в Швейцарии, в Кильхберге близ Цюриха.

«Признания авантюриста Феликса Круля» – самый известный из поздних романов Манна. Задуманный еще на заре столетия, до кошмара мировых войн, этот «плутовской» роман развенчивал мошенничество любого плана, в том числе и человека творческой профессии. Книга имела у публики широчайший успех.

Помимо крупной прозы и новелл, Манн написал целый ряд эссе о А. Шопенгауэре, Ф. Ницше, Р. Вагнере, И.В. Гёте, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, Ф. Шиллере, З. Фрейде.

За несколько дней до смерти писатель был награжден высшим орденом Германии «За заслуги». 12 августа 1955 г. Манн умер, а с ним завершилась и эпоха буржуазного романа.

Литература о писателе во много раз превосходит его собственное наследие, насчитывающее десятки тысяч страниц.

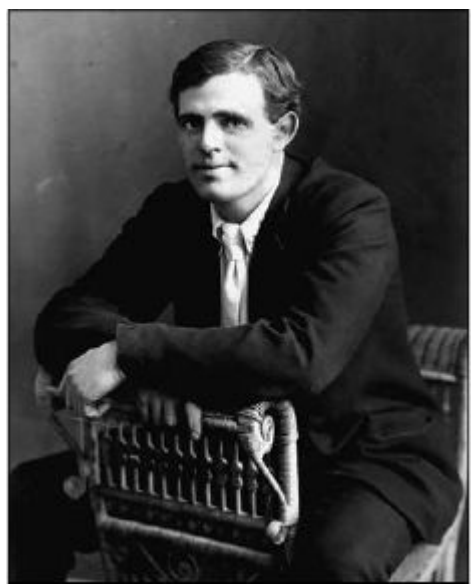
В 1970-е гг. были обнародованы его многочисленные

дневники, а также несколько тысяч писем.

Манна на русский язык переводили С. Апт, Э. Бородина, А. Федоров, Д. Горнфинкель, И. Гринберг, Н. Манн, В. Курелла, В. Вальдман, И. Каринцева и др.

ДЖЕК ЛОНДОН (1876–1916)

В 1960 г. – еще до полета Ю. Гагарина – весь мир говорил о четверке советских моряков: А. Зиганшине, Ф. Поплавском, А. Крючковском и И. Федотове – больше, чем о группе «Битлз». После того как их баржу штормом унесло в океан, они 49 дней боролись за жизнь, имея в запасе буханку хлеба, две банки консервов и три ведра картошки, смешанной с соляркой. Страшно экономя, они съели это, а также все, что можно было съесть: ремни, сапоги, книги. Оставили только одну, чтобы читать. Они не выбросились за борт, не стали людоедами. Умирающих от истощения моряков спас американский авианосец. На пресс-конференции им задали вопрос: «Что это была за книга?» – «Мартин Иден».



Что это было – очередным рассказом Джека Лондона, или проверкой на прочность тех, кто поверил в его несгибаемых героев, – почем знать. Конечно же, мужественная четверка детей войны лишний раз доказала жизнеспособность нашего народа, но и магнетическая сила жизнелюбивой прозы великого американского писателя сыграла тут свою воспитательную роль, хотя тот же Мартин Иден и свел счеты с этой жизнью. Лишний раз люди во всем мире убедились, что Лондон едва ли не самый светлый писатель из когда-либо творивших на земле. И это притом, что большую часть своей жизни он провел на самом ее дне.

Будущий писатель родился 12 января 1876 г. в Сан-Франциско. При рождении получил имя Джон Чейни. Отец, бродячий астролог, еще до рождения сына оставил семью. Мальчика усыновил фермер Джон Лондон, труженик и добрая душа, чью фамилию он и принял. Двух сводных сестер он любил, как родных. Семья все время бедствовала. Воспитал и питал Джека (тут простителен каламбур) один только голод. Чтобы как-то помочь семье, он с малых лет подрабатывал, разнося газеты и развозя лед.

В тринадцать лет Лондон окончил среднюю школу и поступил чернорабочим на консервную фабрику, а в пятнадцать стал «устричным пиратом» – ловил в запрещенных местах устриц – рискованное, зато прибыльное занятие! Лишние деньги он тратил на пиво и виски, что едва не погубило его. Однажды он пьяный упал с лодки и его, полуживого, спасли рыбаки. Джек одумался, бросил пить, но тяга к алкоголю осталась. С того дня и завязалась его борьба с Джоном Ячменным зерном.

Бросив «пиратство», Джек в семнадцать лет поступил матросом на шхуну «Софи Сазерленд», которая отправлялась на промысел морских котиков к берегам Японии. А уже через восемь месяцев юноша принял участие в походе безработных на Вашингтон, заодно выступая на митингах, после чего месяц просидел в тюрьме за бродяжничество, выйдя из которой вскоре вступил в Социалистическую рабочую партию США.

Тогда же он принял участие в литературном конкурсе – написал очерк «Тайфун у берегов Японии» и завоевал первый приз. Несколько заметок и рассказов, написанных после этого, опубликованы не были.

В 1896 г. Джек самостоятельно подготовился и поступил в Калифорнийский университет в Беркли. Однако за неимением средств на учебу вынужден был оставить его после третьего семестра.

В это время началась «золотая лихорадка», и Джек уехал старателем на Аляску. Зима, проведенная у слияния Юкона и реки Стюарт, не сделала его богатым, но дала ему сюжеты и героев его будущих книг. Там же он заработал цингу, от которой потерял почти все зубы.

К двадцати трем годам Лондон, усвоив взгляды К. Маркса, Г. Спенсера, Ф. Ницше и переняв лучшее в писательской манере Т. Смоллетта, У. Коллинза, Д. Мильтона, Р. Киплинга, решил стать писателем. К этому решению он шел много лет. Много лет после изнурительной работы он при свете ночника читал книги, вел конспекты и картотеку, переписывал стихи. Начал Джек с коротких рассказов в «Трансконтинентальном ежемесячнике» и

вскоре завоевал литературный рынок восточного побережья рассказами о приключениях на Аляске.

После 1900 г. он издал несколько сборников рассказов – «Сын волка», «Бог его отцов», «Дети мороза» и др., роман «Дочь снегов», повести о животных, шедевры литературной анималистики – «Зов предков» и «Белый клык», книгу «Люди бездны» о жизни беднейшего квартала Лондона Ист-Энда, написанную под впечатлением от романа М. Горького «Фома Гордеев». В северных рассказах Лондон противопоставил буржуазной цивилизации мир нетронутой природы, а откровенным хищникам благородного человека. Сборники северных рассказов и повесть «Зов предков» принесли Лондону мировую славу.

В эти годы в жизни Лондона произошло еще несколько перемен: он стал материально благополучным, женился на учительнице Элизабет Мэддерн, у него родились две дочери; он вступил в Социалистическую партию США.

В 1904 г. вышел в свет один из самых знаменитых романов Лондона «Морской волк» о капитане Вульфе Ларсене, в котором писатель развенчал идею сверхчеловека.

В это время Лондон работал в Корее корреспондентом американской газеты, в которой освещал события русско-японской войны. Без разрешения властей он пересек линию фронта и на короткое время оказался у японцев в плену.

Писатель восторженно встретил русскую революцию 1905–1907 гг., ездил с лекциями по стране, выступал перед рабочими и студентами; опубликовал цикл публицистических статей о классовой борьбе в США, баллотировался на пост мэра Окленда от Социалистической партии, но избран не был, читал лекции в Гарвардском и Йельском университетах, издал утопический роман-предупреждение «Железная пята», в котором подверг острой критике финансово-промышленный капитал и предсказал появление фашизма.

После развода с женой Лондон женился на её бывшей подруге Чармейн Киттредж и отправился с ней на построенной им по собственным чертежам яхте «Снарк» в кругосветное путешествие. На корабле за четыре месяца написал автобиографический роман «Мартин Иден», в котором впервые в американской литературе поднял тему «умерщвления» таланта, а также замахнулся на сам смысл существования в мире, где все перевернуто с ног на голову и где самое важное в человеке – его продажная цена. К этому времени Лондон, ставший самым высокооплачиваемым писателем Америки (его гонорар доходил до 50 тысяч долларов за книгу, что было фантастической суммой), разочаровался не только в политической деятельности, из-за чего вышел из

Социалистической партии, но и в писательской. После «Мартина Идена» жизнь его покатилась по инерции. И под уклон.

За последние пять лет жизни писатель создал на прежнем уровне социально острую пьесу «Кража», сборник «Рассказы южных морей», автобиографический трактат об алкоголизме «Джон Ячменное Зерно», но в целом по художественным достоинствам его произведения были намного слабее предыдущих. «Время не ждет», «Лунная долина», «Маленькая хозяйка большого дома», «Сердца трёх» стали образцами чуть ли не «легкого» чтения.

Обострился в эти годы и алкоголизм, возникли проблемы в браке. Писатель занимался сельским хозяйством на своем ранчо в Глен-Эллене (штат Калифорния), страдал тяжёлой болезнью.

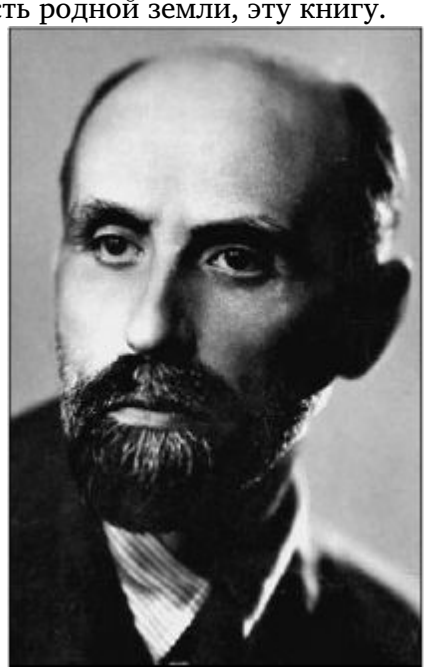
22 ноября 1916 г. Лондон умер от смертельной дозы морфия, которую он принял или с целью умерить боль, вызванную уремией, или сознательно, желая покончить с собой, что менее вероятно.

За неполные 20 лет литературной деятельности Лондон создал 400 публицистических произведений, 200 рассказов, 20 романов и 3 пьесы. Его творчество оказало существенное влияние на многих писателей XX в., книги переведены на многие языки.

На русский язык произведения Лондона переводили Е. Калашникова, Н. Волжина, Н. Галь, Т. Кудрявцева, Б. Акимов, В. Курелла, С. Кирсанов, Т. Озерская, Н. Дарузес, Н. Емельянникова.

ХУАН РАМОН ХИМЕНЕС (1881–1958)

Видимо, настанет время, когда в наши учебники литературы включат маленькую повесть Хименеса о серебристом ослике – «Платеро и я». Эту книгу (там нет и сотни страниц) поэт писал девять лет. Ослик прожил у Хименеса два года, потом, отравившись, погиб. Поэт воскресил его на бумаге, больше того – он его вознес на небеса. А саму книгу посвятил памяти сумасшедшей девочки Агедильи с соседней улицы, приносившей поэту и его ослу цветы. «Платеро» принес поэту всенародную любовь и славу первого поэта. Испанцы вообще считают, что в нем не меньше, чем у Сервантеса, запечатлена вся Испания. Нет ни одного эмигранта испанца, который не взял бы с собой на чужбину, как горсть родной земли, эту книгу.



Спроси сегодня у любого испанца, кто такой Х.Р.Х. или «поэт из Могера», и он ответит: это Хуан Рамон Хименес из Могера, что в Андалусии. Будущий поэт родился в этом «роднике горькой радости» 23 декабря 1881 г. В семье банкира Виктора Хименеса и его жены Пурификасьон Мантекони-Лопес Парейо; кроме Хуана, было еще двое детей, а также дочь Виктора Хименеса от первого брака.

Болезненный мальчик не терпел взрослых празднеств и детских игр, любил природу, а еще книги Данте, Шекспира,

Камоэнса, Гонгоры, Ронсара, Гете, Байрона, Шелли, Верлена, Рембо – всех не счесть.

Одиннадцати лет Хуан отбыл в Пуэрто-де-Санта-Мария, близ Кадиса, в монастырскую школу при монастыре иезуитов. Затем по настоянию отца стал изучать право в Севильском университете, правда, занимался больше живописью, чтением и сочинением стихов. Стихи юноши, напечатанные в мадридском обозрении «Новая жизнь», привлекли внимание поэтов-модернистов и их главы знаменитого никарагуанца Р. Дарио. В короткий срок Хименес сблизился с ними, подружился с Р. Дарио, принял участие в создании журналов «Гелиос» и «Возрождение». Первые книги поэта – «Души фиалок» и «Кувшинки» – увидели свет в 1900 г.

Интроверт Хименес не мог долго выносить столичного шума и вскоре вернулся домой. Неожиданная смерть отца подкосила его, в результате чего он впал в депрессию, от которой лечился в клинике Кастелла д'Андроте в Бордо. И хотя в санатории Хименес изредка организовывал в своей комнате встречи с поэтами, после лечения он вел жизнь затворника.

Вернувшись в 1902 г. в Мадрид, Хуан Рамон написал свои первые зрелые стихотворения, вошедшие в сборники «Рифмы», «Печальные напевы», «Дальние сады», «Пасторали», принесшие ему славу поэта-новатора.

Через три года Хименес вновь покинул Мадрид и на семь лет вернулся к обедневшей семье. Жил уединенно, однако активно переписывался со столичными издателями и провинциальным учителем, выдающимся испанским поэтом А. Мачадо. В Могере поэт написал книги стихов «Гулкое одиночество», «Весенние баллады», три тома «Элегий».

В 1912 г. Хуан Рамон переехал в Мадридскую студенческую резиденцию, центр гуманитарной культуры, где познакомился с американкой Зенобией Кампруби Аймар, переводчицей Р. Тагора. В это же время он выпустил сборник стихотворений «Лабиринт» и книгу «Лето», посвященную Зенобии. В 1916 г.

Хименес приехал к ней в Нью-Йорк, и они повенчались в католической церкви Св. Стефана.

По возвращении в Мадрид поэт по-прежнему вел уединенный образ жизни. Книга стихов и прозы «Дневник только что женившегося поэта» («Дневник поэта и моря») открыл новый период творчества Хименеса. В его поэзии неразрывно соединились слово, музыка, живопись. У Хуана Рамона был «абсолютный слух» на родную речь; увлечение живописью помогло ему передавать цвет не только на холсте, но и в слове; а музыка Шуберта, Глюка, Шумана, Мендельсона вдохновила его

на создание стихов, отличавшихся исключительной музыкальностью. В сборнике «Вечные мгновения» поэт в поисках «чистой поэтической сущности» стал проповедовать «нагую» поэзию, свободную от всего лишнего, даже рифм. Именно это обнажило его душу и дало миру истинные шедевры поэтической лирики. У Хименеса были великие образцы такой поэзии – японские танка и хокку, а также произведения Р. Тагора.

В 1917 г. была опубликована лирическая повесть «Платеро и я», получившая всемирную известность.

В 1920-е гг. Хименес – общепризнанный мастер, мэтр, учитель. Одного за другим он открывал молодых талантливых поэтов. Среди его учеников Ф.Г. Лорка, Р. Альберти. Работая критиком и редактором в испанских литературных журналах, поэт выпустил сборники «Вечность», «Камень и небо», «Красота», подготовил антологию «Круглый год песен нового света», изданную в 1946 г.

В 1935 г. Хименес получил приглашение на вакантную должность в Академию испанского языка, а годом позже, когда в Испании началась гражданская война, республиканское правительство направило его почетным атташе по культуре в Соединенные Штаты. Семья покинула Испанию навсегда.

Поэт тосковал по родной речи и вскоре перебрался из Штатов в испано-язычный Пуэрто-Рико, несколько месяцев лечился в госпитале от депрессии, затем по приглашению кубинских поэтов переехал на Кубу. Поэта не покидала надежда вернуться на родину. Но когда в Испании к власти пришел Франко, Хименес решил не возвращаться. Ностальгия мучила его. «Я всем своим существом, душой и телом, был… с далекой, обезумевшей землей», – тосковал «вечный испанец».

Новые стихи Хименеса были опубликованы в сборниках «Духовные сонеты», «Голоса моих стихов», «Красота», «Романсы из Кораля Гейблз», «Глубинное существо».

С 1939 г. семья переехала в США и поселилась в Майами в поместье Корол Гейблс. Поэт читал лекции в американских университетах, писал большую поэму «Пространство», издавал критические исследования.

В 1946 г. поэт снова пережил депрессивный кризис, на этот раз он провел в клинике восемь месяцев. Затем два года семья находилась в разъездах по Латинской Америке: Аргентина, Уругвай, Пуэрто-Рико. На корабле, возвращаясь из Южной Америки в США, Хименес создал книгу «Глубинное существо».

В 1951 г. Хименес с женой окончательно переехали туда, где люди говорили по-испански – в столицу Пуэрто-Рико Сан-Хосе. Там поэт занимался преподавательской деятельностью, а также

работал над поэтическим циклом «Бог желанный и желающий». Сборник этот не был закончен, но фрагменты из него поэт включил в «Третью поэтическую антологию». Последний цикл его стихотворений назывался «Реки, что уходят». В конце жизни Хуан Рамон признался: «Поэзия всегда была самой сутью моей».

25 октября 1956 г. Хименес получил Нобелевскую премию в области литературы «за лирическую поэзию, образец высокого духа и художественной чистоты в испанской поэзии», а через три дня от рака умерла его жена. Хименес вновь впал в депрессию, из которой так и не вышел. Через два года, 29 мая 1958 г., он скончался в той же клинике, где умерла жена. 6 июня тела Хименеса и Зинобии перевезли в Испанию, отдали им последние почести и похоронили на кладбище Иисуса в Могере.

В речи на церемонии вручения премии прозвучали слова: «Воздавая должное Хуану Рамону Хименесу, Шведская академия тем самым воздает должное целой эпохе великой испанской литературы». И хотя это была одна из тех премий, что выдали в том числе и по политическим мотивам – США таким образом высказали свое «фэ» независимой политике генерала Франко, она стала тем не менее премией за выдающиеся литературные достижения испанского поэта.

Поэзия Хименеса пришла в Россию полвека назад. Наиболее полный перевод произведений поэта на русский язык осуществил Анатолий Гелескул.

Я не вернусь. И на землю
успокоенье ночное
спустится в теплую темень
под одинокой луною.
Ветер в покинутом доме,
где не оставлю и тени,
станет искать мою душу
и окликать в запустенье.
Будет ли кто меня помнить,
я никогда не узнаю,
да и найдется ли кто-то,
кто загрустит, вспоминая.
Но будут цветы и звезды,
и радости, и страданья,
и где-то в тени деревьев
нечаянные свиданья.
И старое пианино
в ночи зазвучит порою,
но я уже темных окон

задумчиво не открою.

ДЖЕЙМС ДЖОЙС (1882–1941)

В рое прославляемых ныне писателей Джойс занимает едва ли не главное место. И хотя он стал литературным «отцом» Х.Л. Борхеса, Г.Г. Маркеса, Э.М. Ремарка, А. Камю, Ж.П. Сартра, Э. Хемингуэя и Х. Кортасара, у них не найти того, что есть у него, – дороги и поиска. Джойс в двадцать лет, еще ничего не создав сам, пренебрежительно говорил о многих мэтрах от литературы, будто знал, что XX в. назовут его веком, что он пропустит через мясорубку сознания все литературные течения, что после него все писатели вынуждены будут если не повторять его путь, то хотя бы учитывать. Мало кто из них пошел по нему только потому, что он проложен в тумане и заканчивается тупиком. Редко кто, сразу не вчитавшись, может прочитать Джойса от корки до корки, но он существует вполне комфортно и вне поля читателей, кормит специалистов, написавших о нем тысячи увесистых томов, а еще тысячи умников, сходящих потихоньку за его чтением с ума.

Джеймс Августин Алоизиус Джойс родился 2 февраля 1882 г. в Рэтгэре, пригороде Дублина, столицы Ирландии. Большая семья Джона Станислава Джойса и Мери Джейн Мюррей прозябала в вечной нищете и неустроенности. Несмотря на это, Джеймсу удалось получить приличное образование в дублинских колледжах, иезуитском и Университетском, где он окончил искусствоведческий факультет. Во время учебы юноша начал писать свои статьи, памфлеты, стихи, перевел две пьесы Гауптмана. Первая публикация Джойса – эссе о пьесе Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» вышла в солидном лондонском журнале «Двухнедельное обозрение». Джеймс помимо гонорара вскоре получил благодарность и похвалы от самого Ибсена.

Не желая участвовать в обострившейся борьбе ирландцев за отделение от Британии, Джеймс в 22 года уехал в Париж с намерением изучать медицину, но вместо этого работал журналистом, учителем, писал стихи, позднее опубликованные в сборнике «Камерная музыка», готовил книжные обозрения. Через год вернулся в Ирландию, похоронил мать. Несколько месяцев зарабатывал на хлеб статьями и пением, писал рассказы, вчерне завершил свой первый автобиографический роман «Стивен-герой», после чего опять покинул родину, захватив с собой горничную Нору Барнакл. Через 27 лет он осчастливил ее, мать двоих его детей, браком.

В 1914 г. появился первый сборник реалистических рассказов Джойса «Дублинцы» о жизни ирландской интеллигенции. За девять лет рукопись отвергли сорок издательств (один напечатанный тираж даже сожгли), из-за того что они были непатриотичными. Хотя мастерство писателя оценили многие критики, в т. ч. и соотечественник Джойса Б. Шоу, почти весь тираж «завис» в книжных лавках, не дойдя до читателя.

Первую мировую войну Джойс переждал в Цюрихе. В тиши кабинета он переработал «Стивена-героя» в «Портрет художника в юности» и опубликовал его с подачи американского поэта-модерниста Э. Паунда в лондонском журнале «Эгоист», для антологий имажизма писал стихи, создал драму «Изгнанники». Уже первый роман писателя принудил читателя не просто читать, а напряженно размышлять над каждой строкой. Сотканный из мифологических и литературных символов, случайных мыслей и ассоциаций, он сам превратился в некий символ, хотя в нем

Джойс всего-навсего показал внутренний мир мечущегося художника, не принимающего внешний мир.

В 1920 г. Джойс с семьей перебрался в Париж, где через два года Сильвия Бич, владелица книжного магазина «Шекспир и Компания», за свой счет опубликовала его роман «Улисс», перевернувший литературу того времени и принесший автору мировую славу. Его признали шедевром и самым новаторским произведением XX в. Это произведение повествует об одном дне (16 июня 1904 г.) дублинского рекламного агента Леопольда Блума, его жены Мэрион и вечно недовольного собой художника Стивена Дедала. День 16 июня (именно тогда Джеймс познакомился с Норой) отмечается почитателями Джойса во всем мире как День Блума. 700 страниц текста сплетены в пухлую косичку трех потоков сознания этих героев, венчает которую сорокапятистраничный без знаков препинания бантик – излияния Мэрион по поводу своей сексуальности. Последними словами романа, то ли продуманными героиней во сне, то ли еще в яви, стали: «и как он целовал меня под Мавританской стеной и я подумала не все ли равно он или другой и тогда я сказала ему глазами чтобы он снова спросил да и тогда он спросил меня не хочу ли я да сказать да мой горный цветок и сначала я обвила его руками да и привлекла к себе так что он почувствовал мои груди их аромат да и сердце у него колотилось безумно и да я сказала да я хочу Да».

Вывернув наизнанку «Одиссею» Гомера, писатель показал современных Одиссея, Пенелопу и их сына Телемаха, начисто лишенных не только героизма, но и мало-мальски симпатичных черт характера, занятых не судьбой родины, семьи или, в конце концов, своей собственной, а исключительно и только своими виртуальными размышлениями и физиологическими реакциями по поводу этих судеб. Задуманный писателем роман как энциклопедия современной жизни получился замечательной пародией на человечество. Героев «Улисса» трудно назвать даже героями, они мелки и пошлы, как был мелок и пошл окружавший писателя мир, едва не сгоревший в пожаре мировой войны. Перед этим на родине писателя было жестоко подавлено восстание ирландцев «Красная пасха», но писатель остался далек от прозы жизни, его больше занимала рефлексия.

В Великобритании и Франции последовал цензурный запрет на роман, в Штатах публикация «Улисса» в журнале «Малое обозрение» закончилась также судебным процессом, возбужденным обществом по обвинению в порнографии; роман запретили (до 1933 г.). На родине писателя этот роман опубликовали только в 1936 г.

В Париже Джойс начал работу над своим последним масштабным произведением – романом «Поминки по Финнегану». Этот роман высоколобая критика считает самым сложным из всех концептуальных произведений нашего времени. К его созданию Джойс привлек всю художественную литературу, философию, мистику, мифологию и науку (в современную физику частиц вошло слово «кварк», один из неологизмов писателя).

Книга, которую он писал 17 лет, пронизанная ирландскими мотивами, была опубликована в 1939 г. и воспринята публикой довольно сдержанно, хотя на нее и набросились специалисты, как на лакомое блюдо. Еще бы! Роман написан на тридцати языках, с использованием неологизмов, выдуманных самим Джойсом, перенасыщен головоломками, половину из которых не мог разгадать к завершению романа сам автор. Похоже, что писатель, пародирующий все, что движется, в конце концов, написал пародию на самого себя. Хотя и остался при этом волшебником слова!

После оккупации Франции немецкими войсками в начале Второй мировой войны Джойс с Норой бежали из Парижа и вернулись в Цюрих. Последние годы писатель сильно страдал от последствий глаукомы.

9 января 1941 г. Джойса госпитализировали с желудочными коликами, диагностировали у него язву желудка и сделали операцию. Однако здоровье его продолжало ухудшаться, и 13 января 1941 г. он умер.

К столетию писателя в Дублине был сооружен памятник Джойсу на деньги американских меценатов.

С Джойса началась интеллектуализация литературы, ее эссеизация, а бессознательное творчество стало сознательным, анализируемым и оттого зачастую омерзительным. Однозначные выводы и ясные трактовки реалистической литературы стали дурным тоном, а приветствуется лишь непостижимый полифонизм неудержимой ничем мысли. Но это не вина великого писателя, а наша с вами беда. Впрочем, все пустяки.

«Я загадал столько загадок и головоломок, – признался писатель, – что ученым потребуются века, чтобы разгадать, что же я имел в виду, и это единственный путь обеспечить бессмертие».

Джойса на русский язык переводили В. Хинкис, С. Хоружий, И. Кашкин, М. Богословская-Боброва, М. Лорие, К. Беляева, И. Романович, Е. Федотов.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК (1883–1923)

Дай волю всем, кто хотел бы свести счеты с «журналюгой» Гашеком, бедняге раз сто набили бы морду и не меньше десяти раз расстреляли. Хотя часто доходило и до этого. Да хотя бы в тот раз, когда Гашек в журнале «Мир животных» поместил жизнерадостную статью о серебристо-серых вурдалаках, которые, оказывается, очень хорошо приручаются и становятся человеку ближе кошек. Тогда издателя завалили угрозами расправиться с «ненормальным редактором», а журнал едва не лишился всех своих подписчиков. Видимо, только таким образом писатель мог, не свихнувшись, выжить в нашем славном мире. Точно так же, как выжил его главный герой – бравый солдат Швейк. Да и мы разве не выживаем, часто возводя себя в степень идиота?

Ярослав Гашек родился 30 апреля 1883 г. в Праге в семье учителя Йозефа Гашека и домохозяйки Катержины Ярешовой. В тринадцать лет мальчик потерял отца. Семья оказалась в нищете. Ярослав учился в гимназии, из которой был исключен за участие в демонстрации, потом в торговой школе, по окончании которой бродяжничал по Австро-Венгрии. Оказавшись дома, расслаблялся в пивнушках и потасовках, после чего отдыхал в полицейских участках. Впечатления просились на бумагу, и он стал писать в газеты. К тому же надо было как-то кормить себя. Вскоре фельетоны и юморески Гашека стали пользоваться популярностью у обывателей. С 1909 г. Ярослав стал писать тексты для сатирического журнала «Карикатуры», издаваемого его другом Й. Ладой.

В 1910 г. Гашек женился на Ярмиле Майеровой, дочери домовладельца, но Гименей не удержал его от Бахуса. Уже через год он вернулся к вольной жизни пражской богемы. Супруга позже оправдывала своего благоверного, что он-де был зело горд, честолюбив и, не находя применения своему таланту, страдал и пил. Может и так, но он тогда ничем не выделялся из массы кабацкой теребени. Был обычный литературный поденщик, разве что с неистощимым чувством юмора. Как-то Гашек провозгласил в пивной создание «Партии умеренного прогресса в рамках закона», программу которой тут же накатал и подписал у околоточного надзирателя как представителя власти, а себя представил как кандидата от этой партии в имперский парламент. В день выборов на окнах трактира, в котором он сидел, красовались призывы: «Если вы изберете нашего кандидата, мы защитим вас от землетрясения в Мексике» и т. п. Не зарегистрированный нигде кандидат получил двадцать голосов.

Его предприимчивости (чаще всего пустой) можно было позавидовать. Однажды он открыл торговлю собаками под вывеской «Кинологический институт», бездомными с королевской родословной или «позаимствованными» в другой части города. Погорел на этом деле, разорился и попал под суд. Едва не бросился с Карлова моста во Влтаву, благо, беднягу поймали чуть ли не за полу пальто и поместили в Институт для душевнобольных, откуда матушка забрала его домой. Дома Ярослав отъедался, восстановил отношения с Ярмилой.

Благопристойная жизнь длилась меньше года и закончилась со смертью матери. Вскоре родился его сын Рихард. Как-то раз Гашек унес его похвастать перед приятелями и забыл в пивной. Младенца принесли матери, а Гашек лишился семьи.

В 1912 г. вышел в свет сборник рассказов под названием «Бравый солдат Швейк и другие удивительные истории» – обычные солдафонские «мемуары», простительные автору только тем, что в них был зародыш бессмертного Швейка.

Уйдя из семьи, Ярослав чудом не окончил свои дни на пражском дне – не дали спиться и умереть с голоду друзья, а еще. Первая мировая война. В январе 1915 г. Гашека призвали на действительную воинскую службу. Однако жизнелюб Гашек вовсе не собирался воевать с русскими, а решил при первом же удобном случае сдаться в плен. Чехи тогда сдавались русским войскам целыми частями. Встретив в лесу группу наших солдат, он поднял руки, но не на тех напал. Оказывается, те тоже были не прочь сдаться австрийцам, и поскольку их было больше, «победил» чех. В итоге Гашек стал героем, его наградили большой серебряной медалью и произвели в ефрейторы. Через несколько месяцев ефрейтор все же сдался в плен и попал в Тоцкие лагеря под Бузулуком, что в Самарской губернии, где хлебнул всех прелестей лагерной жизни, переболел тифом. Лишения не сломили Гашека, а сделали из беспутного прожигателя жизни человека, всерьез задумавшегося о ней.

Весной 1916 г. Гашек вступил в Чешскую дружину, набранную для войны с Австро-Венгрией, и уехал в Киев корреспондентом газеты «Чехославан». Скоро он стал популярным фельетонистом и через год опубликовал «Бравого солдата Швейка в плену». Писал Ярослав необычайно легко и быстро. Часто рассказы создавались прямо в кабаке, между двумя кружками пива. Пришлось ему поучаствовать и в боевых операциях. За сражение под Зборовом, где отличились его соотечественники, Гашек был удостоен Георгиевской медали четвертой степени.

В начале Гражданской войны командование Чешского легиона, расквартированного в Самаре, стало на сторону Белого движения. Гашек дезертировал и, прикинувшись идиотом, блуждал по Поволжью, пока не попал в Симбирск. Там вступил в партию большевиков и стал комиссаром. В Омске и Красноярске в составе политотдела 5-й армии вел агитационную работу. Вместе с венгерским режиссером М. Эрвином он создал театр, назвав его «Будапештским».

В 1920 г. Ярослав женился на Александре Львовой, служащей типографии в Уфе, и через полгода, после всеобщей амнистии,

был направлен в Чехословакию на помощь революционному движению. Вернулся он в мещанское болото мирной жизни и тут же был взят в штыки буржуазной печатью и обвинен в двоеженстве. Однако советские законы Чехословацкому правительству были не указ, обвинение сняли, посчитав его брак с Львовой недействительным.

Поскольку жить было не на что, Гашек стал делать то, что умел. В печати стали появляться главы «Похождений бравого солдата Швейка», иллюстрированные Й. Ладой. На гонорары писатель купил в городке Липнице дом. Он много рассказывал приятелям о своем пребывании в России. Например, о том, что осуществлял сверхсекретную миссию в Монголии, где от имени командующего армией вел переговоры с китайским генералом. Так ли это, до сих пор не установлено, хотя китайский язык Ярослав действительно учил.

Вскоре Гашек перестал писать тексты, а между делом диктовал их своему секретарю и потом, не редактируя, отсылал в издательство. Он, словно предчувствуя скорый конец, спешил. Каждый выпуск встречался читателями с восторгом; Швейк, доводящий все приказы до абсурда, сопровождающий их уморительными разъяснениями, вызывал у всех оздоравливающий утробный смех. Критикуя военную машину, писатель обличал все общественное устройство, а противопоставив Швейка государству, невольно сделал его народным героем. Закончить плутовской роман писатель не успел, смерть оборвала его на середине четвертой части. Позже фельетонист газеты «Руде право» К. Ванек делал попытку дописать «Швейка», но, увы, это мог сделать один только Гашек.

3 января 1923 г. Гашек умер от неизвестной болезни, спалившей его в несколько недель. Хоронить его было не на что и не в чем. Гроб нашли с трудом. Священник долго не соглашался хоронить безбожника на кладбище. Друзья писателя так и не поверили в его смерть – решили, что он опять их всех дурачит.

Возрожденная Гашеком традиция народного юмора, восходившая к Тилю Уленшпигелю, стала спасением целого ряда национальных литератур, погрязших в XX в. в интеллектуализме и полной неясности самовыражения. Недаром эстеты от критики и литературы так и не смирились с новым вульгарным народным героем. Но зато любой человек, прочитавший «Швейка», уже точно знает, что при любом государственном строе и при любой власти его может спасти только здравый смысл и чувство юмора.

Замечательный роман принес его автору посмертную славу. В 1959 г. в городе Липнице был открыт музей Гашека.

На русский язык Гашека переводили П. Богатырев, Д. Горбов.

КАРЕЛ ЧАПЕК (1890–1938)

«Когда животное бьют, глаза его приобретают человеческое выражение. Сколько же должен был выстрадать человек, прежде чем стал человеком». В этом замечании Чапека ёмкость целой эпопеи. Оно сродни сну Раскольникова (из «Преступления и наказания»), в котором на глазах толпы убивают бедную лошаденку. Одно и то же ощущение жуткой выстраданной правды. Глазами такого не увидишь. Умом не сконструируешь. Это постигнешь, только пропустив чужие страдания через себя. У Чапека много таких строк, едких и правдивых. Собственно, всё его творчество – едкая жизнерадостная и грустная правда.

Карел Чапек родился 9 января 1890 г. в богемском местечке Мале Сватонёвице, на территории Австро-Венгрии (ныне Чехия), в обеспеченной семье деревенского врача Антонина Чапека. Детство провел в г. Упице, посещал школу в Градце Кралове. С 17 лет начал публиковать в журналах стихи, позднее прозу.

В 1907 г. семья переехала в Прагу. После окончания гимназии молодой человек изучал философию в университетах Праги, Берлина и Парижа. В 25 лет получил степень доктора философии в Карловом университете.

Во время Первой мировой войны Карел по состоянию здоровья не был призван в армию и какое-то время работал воспитателем в семье графа Лажанского.

В 1917 г. Чапек стал журналистом и критиком «Народной газеты». Журналистика забирала все время, но взамен давала деньги и сюжеты. К этому времени Карел был уже автором нескольких книг рассказов, пронизанных ощущением беззащитности человека в сложном непознаваемом мире: «Сияющие глубины и другие рассказы», «Распятие», «Сад Краконоша». Трагедия мировой войны нашла отражение в сборнике «Мучительных рассказов», близких к экспрессионизму, в которых писатель сопоставлял несколько «правд», сохраняя при этом свой этический идеал.

Перевод Чапеком стихотворения Г. Аполлинера «Зона» – своеобразного манифеста нового поколения поэтов, сделал его имя известным во всей стране. Писатель переводил также с французского стихи А. Рембо и С. Малларме.

Мировую известность Чапеку принесли социально-фантастические произведения, написанные в первой половине 1920-х гг.: драмы «R.U.R.» и «Средство Макропулоса», а также романы-антиутопии «Фабрика Абсолюта» и «Кракатит». В каждом из них писатель поставил грандиозный мысленный эксперимент, посвященный влиянию того или иного научного открытия на жизнь человечества. Критика бесчеловечности, милитаризма, церкви поднялась у него до вселенских масштабов, когда он предостерег человечество от дегуманизации общества и стремления к социальным и межнациональным конфликтам. В этих сочинениях проявился дар художественного предвидения писателя.

В пьесе «R.U.R.» о восстании роботов (это слово вошло в мировые языки) драматург высмеял машинообразную цивилизацию, в «Средстве Макропулоса» – пустоту и утомительность вечной жизни. В «Кракатите» рассказал об изобретении взрывчатки, способной уничтожить весь мир, а в «Фабрике Абсолюта» – о гениальном изобретении «божественной» энергии – «абсолюте», перепроизводство которого привело к мировой войне. Чапек был сторонником возрождения фабулы в прозе, и это принесло ему успех. Особой популярностью пользовались драмы Чапека в Великобритании. Писатель неоднократно посещал Англию, был участником заседаний ПЕН-клуба. В 1925 г. он стал первым председателем Чехословацкого ПЕН-клуба.

Тогда же Карел вместе со своим старшим братом Йозефом, известным литератором и крупным художником-авангардистом, приобрели на окраине Праги двухэтажный дом, впоследствии ставший одним из центров культурной жизни столицы. Несколько произведений братья создали совместно. Наиболее известные из

них – аллегорическая комедия «Из жизни насекомых», где в личинах жуков и бабочек были высмеяны алчность, тунеядство, себялюбие и солдафонство; и пьеса «Адам творец», герой которой уничтожил мир и воссоздал новый, оказавшийся хуже прежнего. Много лет по пятницам в доме Чапеков собирались видные представители чешской науки, искусства, политики, в т. ч. и президент Чехословакии, выдающийся философ Т.Г. Масарик.

Карел любил путешествовать и с юмором описывал свои путешествия в путевых дневниках: «Письма из Италии», «Письма из Англии», «Прогулки к испанцам», «Путешествие на Север», «Открытки из Голландии».

Литературные интересы Чапека поражают своим разнообразием. Его перу принадлежат не только пьесы, рассказы, романы и путевые заметки, но и книги для детей, и «Апокрифы», и сборники детективных рассказов, и многотомная биография Масарика. Были у него и книги о садоводстве, и фотоальбомы, один из которых «Дашенька, или Житие щенка» побил все рекорды по числу изданий, и сборники фельетонов, юморесок, эссе. Всего биографы насчитали у писателя 44 книги. В 1936 г. Чапек был номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Обострение социальных противоречий и угроза фашизма обнажили перед Чапеком несостоятельность пропагандируемого им тезиса «каждый прав по-своему». В последние пять лет жизни писатель создал самые значительные свои вещи, посвященные проблемам частной жизни и в то же время проникнутые антифашистским и антивоенным духом: трилогию «Гордубал. Метеор. Обыкновенная жизнь» и пьесы «Белая болезнь» и «Мать». В трилогии писатель призывал людей к большей терпимости и сочувствию по отношению друг к другу, как носителей одних и тех же еще нераскрытых и нереализованных возможностей, в драмах критиковал военную диктатуру Италии и Германии. Героиня пьесы «Мать», потерявшая мужа и четырёх сыновей, пыталась уберечь последнего, рвущегося в бой. Но, узнав, что вражеский лётчик расстрелял с самолёта маленьких детей, она сама вложила в руки сына винтовку.

Вершиной творчества Чапека стал роман-утопия, роман-предупреждение «Война с саламандрами», написанный в 1936 г., предвосхитивший «1984» Дж. Оруэлла. Капитан Ван Тох с миллиардером Бонди создали синдикат «Саламандра», торгующий гигантскими разумными саламандрами, обнаруженными на одном из островов. Саламандры использовались как дешевая рабочая сила. Дошло до того, что мировая экономика уже не могла обходиться без них. Саламандр вооружили и начали использовать как военную силу. В итоге эта

страшная тупая сила обернулась против самого человечества, бессильного против смертельного врага. А. Гитлер узнал себя в образе Верховного Саламандра и объявил писателя своим личным врагом.

Помимо сочинительства Чапек много сил отдавал антифашистской деятельности, работе в Комитете Лиги Наций по литературе и искусству. В 1935 г. Г. Уэллс выдвинул его на должность президента Международного ПЕН-клуба, но Чапек из-за болезни позвоночника, которой он страдал всю жизнь, отказался. Из-за этой болезни он и поздно женился на популярной актрисе и писательнице Ольге Шейнпфлюговой, с которой был знаком в течение 15 лет. В качестве свадебного подарка они получили парковый участок земли в местечке Стрж в селе Стара-Гуть под Прагой. Писатель с женой перебрались туда и занялись благоустройством дома и парка.

30 сентября 1938 г. в результате Мюнхенского сговора глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии Чехословакия должна была уступить нацистской Германии свои пограничные области. Чапек отказался покинуть страну после отставки и эмиграции президента Э. Бенеша, оказался в полной политической и личной изоляции и подвергся травле со стороны фашистских и профашистских изданий, политиков правого крыла и писателей-католиков. Он не дожил до оккупации страны фашистскими «саламандрами». В середине декабря 1938 г. Чапек наводил в доме порядок после наводнения и заполучил жестокое воспаление легких. (По легенде, писатель подхватил воспаление в неотапливаемом храме Св. Витта, куда, будучи скептиком и агностиком, пришел молиться за Чехословакию.) 25 декабря, в рождественскую ночь он скончался. Его брат Йозеф умер от тифа в немецком концлагере Берген-Бельзен в 1945 г.

Похоронен писатель на мемориальном кладбище в пражском Вышеграде.

Перед оккупацией Ольга закопала архив мужа в саду. Фашисты не нашли его, и архив сохранился.

Творчество Чапека оказало значительное влияние не только на развитие социальной фантастики, но и явилось большим вкладом в мировую классическую литературу. В Чехии существуют два музея Чапека: загородный дом-музей «На Стржи» и мемориальный музей на родине писателя.

Исследователи не раз отмечали, что главной темой творчества Чапека был «человек в осаде», пытавшийся разрешить загадку своего бытия. Сам же писатель был гораздо шире рамок своего писательства. «Даже если бы этот человек ничего не писал, все равно он был бы выдающейся личностью», – сказала о нем его

жена.

На русский язык Чапека переводили Т. Аксель, Н. Аросева, Д. Горбов, Ю. Молочковский, Б. Заходер, В. Венчура.

РЮНОСКЭ АКУТАГАВА (1892–1927)

Всю жизнь Акутагава Рюноскэ прожил с копьем в руке и отброшенным щитом. Он поразил много целей, но не меньшее число раз был поражен и сам. Только гениям дозволяется в короткий срок жизни свершить дела целого поколения и принять на себя его грехи.

Чтобы показать ад, Данте спустился в него. Акутагава пошел дальше, и путь его короче: «Человеческая жизнь – больше ад, чем сам ад». Земную жизнь пройдя до половины, он отказался от другой. «Человеческая жизнь похожа на коробку спичек. Обращаться с нею серьезно – смешно. Обращаться не серьезно – опасно». Опасное сравнение пришло ему в голову и спалило его до того, как он успел осознать, что мир шире его ужаса перед ним.

Рюноскэ Ниихаро родился в час, день и месяц Дракона – 1 марта 1892 г. в семье 42-летнего Ниихаро Тосидзе, торговца молоком, владельца пастбищ на окраине Токио; 33 летняя мать принадлежала к семье Акутагава. Мальчику дали имя Рюноске («рю» означает «дракон»). По поверью, если родителям за тридцать, новорожденному грозили одни лишь несчастья. Мать младенца, пережившая до этого смерть дочери и обвинявшая в этом только себя, после родов сошла с ума. Ребенка отдали в дом дяди – Акутагавы Митиаки, начальника строительного отдела Токийской префектуры. В этой семье Рюноскэ получил прекрасное образование и воспитание, а также фамилию – Акутагава.

С детства мальчик зачитывался Франсом, Ибсеном, Уайльдом, Готье. Окончив в числе лучших муниципальную среднюю школу, изучал английскую литературу в Первом колледже. Там увлекся Мопассаном, Бодлером, Стриндбергом, Ролланом, Львом Толстым. Через три года Рюноскэ стал студентом отделения английской литературы Токийского университета.

Разочаровавшись в скучных лекциях, он все силы отдал изданию журнала «Синситё», в котором провозгласил с друзьями-литераторами неореализм. Акутагава всю жизнь взращивал себя на лучших образцах мировой литературы; в эти годы ими стали Стендаль и Мериме.

В начале 1914 г. в журнале появилась новелла А. Франса «Валтасар» в переводе Акутагавы, а затем и его первый рассказ «Старость» – символичное название для начала литературной жизни! Задав себе с первой же новеллы планку, писатель обрек себя на вечные сомнения в способности писать на этом уровне. «Я очень несчастлив – из всех участников журнала я самый неумелый». Кто бы сказал ему, что он задал себе планку шедевра!

Обратившись к литературному памятнику X1 в. «Повесть о временах давних», Рюноскэ в рассказах «Ворота Расёмон», «Нос» и «Бататовая каша» использовал материал этих хроник. Провоцируя своих героев необычайными событиями, он исследовал их психологию в экстремальной ситуации нравственного выбора. Японцев, к тому времени уже отравленных европейским модернизмом, эти несколько рассказов заставили взглянуть на себя японскими глазами. Крупнейший писатель того времени Нацумэ Сосэки, придя в восторг от новеллы «Нос», похвалил Акутагаву: «Написав еще таких двадцать-тридцать произведений, вы превратитесь в писателя, которого еще не знала литература». Акутагава на правах ученика Нацумэ посещал литературные вечера, устраиваемые в его доме.

После окончания университета в 1916 г. Акутагава получил должность преподавателя английского языка в Морском механическом училище города Камакура, с нищенским жалованием – 60 иен. Мечтая вырваться из школьной рутины, писатель за девять месяцев написал двадцать новелл, миниатюр, статей и эссе, подготовил к печати сборник «Ворота Расёмон», после чего женился, бросил ненавистное преподавание, подписал

со столичной газетой «Осака майнити симбун» договор, заметно улучшивший его материальное положение, и поселился с женой в родительском доме.

В несколько лет Акутагава стал непревзойденным мастером короткого рассказа, традиционного для Японии, которая, по словам Р. Тагора, «дала жизнь совершенной по форме культуре и развила в людях такое свойство зрения, когда правду видят в красоте, а красоту – в правде». Творчество Акутагавы по сути близко поэзии Басё.

Акутагава был далек от войн, революций, стихийных бедствий. Он одержим был одной лишь страстью – искусством. «Человеческая жизнь не стоит и одной строки Бодлера», – провозгласил писатель. Искусство приносит художнику высшие радости, окупает любые жертвы, оправдывает любые преступления, считал Акутагава. К 1919 г. уже вышли три сборника его рассказов, восторженно встреченных читателями. Среди них был истинный перл «Муки ада».

В нем Акутагава изобразил средневекового придворного художника, любившего только свое искусство и пятнадцатилетнюю дочь. Правитель повелел ему расписать ширмы, представив на них муки ада. Мастеру никак не удавалось изобразить падающую карету, а в ней охваченную огнем придворную даму. Он попросил его светлость сжечь у него на глазах карету. Правитель согласился и велел посадить в карету связанную дочь художника, до этого отвергнувшую его притязания. Перед сеансом дочь показали отцу и подожгли карету. Ужас и муки девушки и отца, оказавшихся в безвыходной ситуации, завершились самозабвенным восторгом творца, спешащего запечатлеть «натуру». После завершения своего шедевра художник повесился.

Писатель без отдыха работал, совершал лекционные поездки по стране, редактировал хрестоматийные сборники. По воскресеньям в своем кабинете он собирал друзей, единомышленников и начинающих писателей, из которых создал свою школу. Находил время и на посещение банкетов, на коллекционирование старинных картин и антиквариата. За границей писатель побывал лишь однажды – по заданию редакции «Осака майнити» он совершил путешествие по Китаю и по Корее. Великое землетрясение 1923 г., опустошившее столицу, Акутагава за своей работой почти не заметил.

В 1920-е гг. вышли сборники его новелл: «Волшебный фонарь», «Цветы ночи», «Весеннее платье», в которых ярко проявилось неприятие писателем милитаризма и капитализма. Рассказ «В чаще» вошел в хрестоматии как пример виртуозного

построения сюжета. (Выдающийся кинорежиссер А. Куросава поставил по нему знаменитый фильм «Расёмон».) От критики нравов писатель перешел к неприятию социальных пороков общества. Не видя возможности примирить человека и общество, страдал вдвойне: как гражданин и как писатель. Несколько лет он жил, потеряв душевное равновесие, часто болел. В минуту отчаяния как-то признался: «То, что стоило бы написать, никак не пишется. То, что мог бы написать, писать не стоит». По совету врачей Рюноскэ прошел курс лечения на водах.

Однако с каждым днем его все сильнее одолевал страх перед надвигающимся безумием. Он всю жизнь боялся повторить судьбу матери. Его стали посещать мысли о самоубийстве, от которых спасала только работа. В «Диалоге во тьме» он сам себе приказал: «Писать – в этом надежда, писать – в этом твое спасение. Возьми в руки перо, Акутагава Рюноскэ. Ты должен жить. Тебе еще есть что сказать людям».

Взяв объектом своего анализа не личность, а общество в целом, писатель в 1927 г. создал блестящую сатирическую утопию «В стране водяных» («Каппа»). Кульминацией же его творчества и высшим взлетом всей довоенной литературы Японии явились два произведения Акутагавы – «Зубчатые колеса» и «Жизнь идиота». В них писатель показал бездну, в которую упал не только он сам, но и вся современная культура. Они отразили психическое состояние писателя в последние месяцы жизни, когда его одолели депрессия, галлюцинации и видения.

«В конце концов я сам не более чем мсье Бовари среднего уровня», – с надрывом написал писатель и в предсмертном письме своим детям сказал: «Если и вы потерпите поражение в жизненной борьбе, тоже уйдите из жизни сами, как это сделал ваш отец».

Акутагава покончил с собой 24 июля 1927 г., приняв смертельную дозу веронала. Его самоубийство шокировало друзей и знакомых, но не стало для них чем-то неожиданным. Никто так и не узнал истинной причины его смерти.

За 12 лет Акутагава создал 150 новелл, несколько циклов миниатюр, несколько сценариев, ряд литературно-критических статей и лирико-философских заметок, а также венец минимализма – «Молитва пигмея».

В 1935 г. в Японии была учреждена литературная премия имени Акутагавы для молодых писателей. По числу художественных переводов Акутагава занимает одно из первых мест среди японских писателей.

В России к Акутагаве был непреходящий интерес с момента выхода первых его переводов, которые осуществляли В. Маркова,

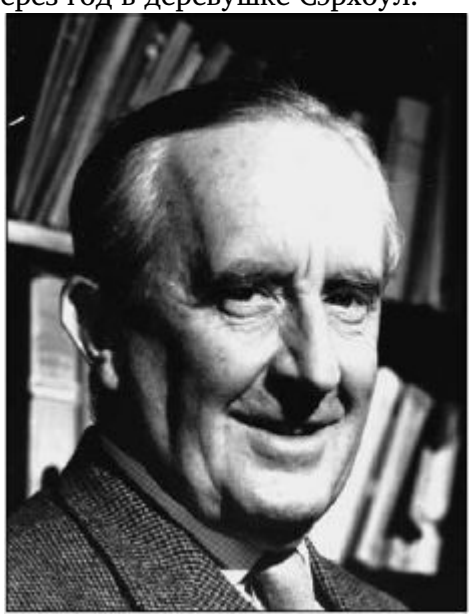
Б. Дубин, В. Мазурик, А. Стругацкий, А. Ермакова, В. Гривнин, Н. Фельдман, Т. Редько-Добровольская и др.

ДЖОН РОНАЛЬД РУЭЛ ТОЛКИЕН (1892–1973)

Толкиен как-то обронил: «Изучение биографии автора – самый пустой и ложный путь к познанию его работ. Только Ангел-хранитель или Сам Господь могли бы показать нам истинную связь между фактами личной жизни и произведениями писателя».

На хребте литературы, на уровне позвонка XX столетия – перелом. Его нанес Толкиен. Это стало заметно с годами. Тогда цивилизация вошла в штопор «развития», и людей, как читателей, стала занимать не их реальная жизнь, т. е. описания этого штопора, а способы спасения из него пусть даже волшебным способом. Нужна стала сказка о добром и злом волшебнике, и о чем-то нечеловеческом. Есть что-то детское в этом. На детей такая литература и рассчитана в первую очередь. Да и дряхлая наша цивилизация, похоже, окончательно впала в детство, забыв о Платоне и Данте.

Джон Рональд Руэл Толкиен родился 3 января 1892 г. в южноафриканском Блумфонтейне, в семье Артура и Мэйбл Толкиен, приехавших на край света в поисках заработка. Когда трехлетний Джон с матерью гостил в Бирмингеме у ее родителей, от лихорадки умер отец, и они остались жить в Англии, сначала в Бирмингеме, а через год в деревушке Сэрхоул.



Мальчик получил прекрасное образование и воспитание. Мать и дед всячески поддерживали его интерес к латыни и

греческому, а также к чтению волшебных сказок, преданий американских индейцев, песен «Старшей Эдды». В четыре года он уже хорошо читал и писал, обожал «Алису в Стране чудес», а в семь лет сочинил свою первую сказку о драконе.

Через несколько лет Мэйбл Толкиен перешла вместе с детьми в католическую веру, чем весьма осложнила себе и им жизнь. В школе Толкиен изучал греческий, немецкий, валлийский, готский, древнегерманский, средневековый английский и древнеанглийский, исландский и древнеисландский языки. Ему настолько нравилась история языков и сравнительная филология, что он стал создавать новые языки.

Когда мальчику было 12 лет, от диабета умерла мать; по ее завещанию опекуном Джона и его брата стал ее духовник отец Френсис Ксавье Морган, живший в Бирмингеме.

Толкиен обнаружил незаурядные способности в рисовании и филологии. Начал писать стихи, выдавая их за переводы с древних языков. Подросток много и хорошо рисовал, устраивал персональные выставки. Джон вообще был всесторонне развит, немалых спортивных успехов достиг он и в школьной команде по регби.

В 1910 г. Толкиен поступил в Оксфорд. Стал изучать древнефинский язык, чтобы читать в оригинале «Калевалу». Позже на основе древнефинского языка он изобрел эльфийский язык, на котором говорят его герои. Первая художественная публикация в марте 1911 г. – стихотворение «Битва на восточной равнине». Стихотворение «Путешествие Эарендела» стало началом его мифологии, разработке которой он посвятил всю свою жизнь.

После нескольких лет знакомства с Эдит Брэтт Джон женился на ней. Его семейная жизнь сложилась удачно. У него родились три сына и дочь. Каждый год перед рождеством он писал им письма от лица Деда Мороза. Жена во всем поддерживала его, хотя и не совсем понимала маниакальный интерес супруга к сотворенному им Средиземью. Впрочем, драконы и волшебники в семейные дела не вмешивались.

Получив степень бакалавра, Толкиен пошел в армию младшим лейтенантом в полку ланкаширских стрелков. Обучившись на связиста, Джон отбыл на войну во Францию. В качестве батальонного связиста он участвовал в боях, однако заболел «окопной лихорадкой» (гипертермией), и его вернули в Англию. Больше он не воевал.

В лазаретах, где он лежал несколько раз, Толкиен стал учить русский и освежать в памяти испанский и итальянский языки, начал писать «Книгу утраченных сказаний», которая позже стала

«Сильмариллионом». Этой книгой писатель ни много ни мало хотел компенсировать отсутствие английских серьезных легенд или мифологических произведений, вроде «Калевалы», «Старшей» или «Младшей Эдды». После войны Толкиены переселились в Оксфорд, и там «способнейший лингвист-филолог» Толкиен был допущен к составлению «Всеобщего словаря нового английского языка».

С 1920 г. Джон стал преподавать английский в Лидском университете. Через пять лет его избрали профессором англосаксонского языка и литературы в Оксфорде. Скоро он заработал репутацию одного из лучших филологов в мире. Как ученый он стал широко известен своим комментированным изданием англосаксонской эпической поэмы «Беовульф», а также огромным количеством научных работ по лингвистике и истории языков; прославился он и переводами на современный английский язык средневековых рыцарских романов.

Однажды при проверке экзаменационных работ профессору попался чистый лист бумаги, и он написал на нём: «В норе под землёй жил хоббит». А дальше пошло-поехало. Ехало, правда, десять лет, пока в 1937 г. «Хоббит, или Туда и обратно» не увидел свет. Издатель Ст. Анвин перед публикацией отдал рукопись «на рецензию» своему десятилетнему сыну, Рейнеру. Мальчик написал: «Эта книга с помощью карт не нуждается в иллюстрациях она хорошая и понравицца всем детям от 5 до 9». Рейнер Анвин позже стал главным издателем Толкиена. Книга стала бестселлером, получила премию издательства «Нью-Йорк геральд трибьюн» как лучшая книга года, и издатели запросили продолжения. Толкиен взялся за него, оно и стало началом «Властелина Колец». «Кольца» писатель ковал 12 лет.

Прочитанная Толкиеном лекция «О волшебных историях», а также одноименное эссе стали манифестом его художественных принципов. Писатель выступил против бытующего мнения о том, что сказки предназначены для детей, доказывая, что это естественная ветвь литературы, в которой человек, пусть даже с помощью волшебства, становится победителем. Этот принцип он и реализовал во «Властелине Колец».

Через десять лет вышел сборник детских повестей-сказок Толкиена – «Фермер Джайлс из Хэма», а еще через пять – в издательстве «Аллен энд Анвин» три тома трилогии «Властелина Колец» – «Братство Кольца», «Две башни» и «Возвращение короля». «Я породил монстра», – признался сам Толкиен. К нему пришла невиданная всемирная слава. Мир сошел с ума, взахлеб рассуждая про эльфов, гномов и хоббитов, на какое-то время оттеснивших все прочие проблемы человечества. Трилогия только

с 1954 по 1966 г. выдержала пятнадцать изданий, как в Англии, так и в США. В США было основано Американское Толкиенское общество. Читательский и литературно-критический мир раскололся на два лагеря. Для одного это был шедевр и книга столетия, для другого – макулатура для корзины. Приходится демократично признать правомерность обеих позиций. Фэнтези, который как жанр возник еще до «Колец», с их выходом стал венком не только реалистического, а и всякого другого искусства. Ну а Толкиен наконец-то перестал считать копейки и стал получать удовольствие от созерцания жизни, от которой он был отвернут столько лет. Его стали приглашать повсюду, но он только раз в 1958 г. съездил в Голландию.

В последующие годы вышли еще сборник стихов и поэм «Приключения Тома Бомбадила», сборник рассказов и фрагментов «Дерево и лист» и последняя сказка Толкиена – «Кузнец из Большого Вуттона».

Незадолго до смерти Толкиен получил звание доктора литературы от Оксфордского университета, а в Букингемском дворце королева Елизавета вручила ему орден Британской империи второй степени. Писатель стал лауреатом шести премий, в т. ч. одной посмертно.

2 сентября 1973 г. Толкиен умер от острой язвы желудка и плеврита. Был похоронен в Оксфорде, рядом с Эдит, умершей двумя годами ранее.

Через четыре года старший сын писателя Кристофер Толкиен окончил и издал окончательный, полный вариант «Сильмариллиона», и еще несколько трудов отца, неопубликованных при его жизни.

Сегодня Толкиена прочли, наверное, все – от школяров до королей. Его собрат по перу, воинствующий язычник и агностик, Клайв Льюис, автор «Хроник Нарнии», под влиянием «Властелина Колец» обратился в христианство. То же самое сделала королева Дании Маргрете II. Ну а в России он стал кумиром тех, кто думает возродить ее мощь не иначе, как только самым волшебным образом.

На русском языке в 1990-е гг. появилось множество переводов Толкиена. К числу лучших можно отнести переводы Н. Семеновой, Н. Григорьевой, В. Грушецкого, А. Кистяковского, В. Муравьева.

ФРЕНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД (1896–1940)

Главная тема творчества Фицджеральда – американская мечта и ее крушение – это и тема его судьбы, не только постучавшей в дверь писателя, но и ворвавшейся с бетховенской силой в жилище грешного тела и обиталище отчаянного духа. Он был вознесен к небесам и брошен в пропасть, откуда, срывая ногти, выбрался и снова был вознесен к небесам – теперь уже навсегда. Скотт говорил, что «никогда еще не было хорошей биографии писателя. Нет, и не будет. По-настоящему хороший писатель состоит из слишком многих индивидуальностей» – тем не менее сам он прекрасно вписался в эту тему, вместе со своей личной жизнью, писательской карьерой и судьбой его книг.

Френсис Скотт Ки Фицджеральд родился 24 сентября 1896 г. в Сент-Поле (штат Миннесота) в семье бизнесмена-неудачника Эдварда Фицджеральда, выходца из аристократической семьи, и провинциалки Мэри Макквиллан, дочери иммигранта-ирландца, сколотившего состояние на бакалейной торговле. Только благодаря помощи дедушки Макквиллана семья не пошла по миру. Мать посвятила сыну свою жизнь и рано внушила ему мысль о его исключительности. Различие в социальном статусе родителей позволило Скотту в дальнейшем воспринимать американскую действительность, где перемешалось и высокое и низкое, более адекватно и наделило его способностью видеть мистическую сторону богатства.

Мать видела сына священником и отправила его учиться в Нью-Джерси, в католический колледж. Скотт же предпочитал играть в футбол, писать стихи и изящные опусы, которые помещал в школьном журнале. В школе Ньюмена – элитной обители для шестидесяти отпрысков состоятельных семей Америки – Фицджеральд сочинял песни и пьесы, отмеченные талантом и пользовавшиеся успехом у «золотой» молодежи. Уже тогда у Скотта появилась заветная мечта – стать, говоря сегодняшним языком, «звездой».

Поступив в Принстонский университет, Скотт, игнорируя занятия, занимался театром, публиковал рассказы и пьесы, побеждавшие в конкурсах, в студенческих журналах, чем завоевал себе большой авторитет. Однако не воспользовался этим, оставил университет, через год вернулся, через полгода снова ушел – добровольцем в армию. Молодой человек горел желанием попасть на фронт Первой мировой войны, сдал экстерном экзамен

на звание лейтенанта пехоты, но, к его счастью, оказался не в окопах Франции, а в лагере «Шеридан» (штат Атланта). Там он имел время для сочинений, там же познакомился и со своей будущей женой Зельдой Сейр, дочерью судьи Верховного суда Алабамы, ставшей его счастьем и несчастьем на всю жизнь. Зельде он представился как «писатель, и, скорее всего, великий», хотя к тому времени накопил уже сто двадцать два отказа от издателей.

Скотт предложил Зельде руку и сердце, а та потребовала от бедного влюбленного прежде улучшить свое материальное положение. Фицджеральд уволился из армии и стал работать в рекламном агентстве в Нью-Йорке; одновременно он рассылал по журналам свои рассказы. Издательство «Скрибнер» отвергло роман «Романтичный эгоист», но после переработки опубликовало его под названием «По ту сторону рая». Гонорара молодому человеку, ставшему вмиг и богатым, и знаменитым, хватило на бракосочетание. Книга имела успех, бурно отмеченный молодоженами. Собственно, спиваться Френсис начал еще в университете. Зельда же от радости отплясывала на обеденных столах. Это была крайне экстравагантная, скандальная, вечно окруженная поклонниками особа, сыгравшая роковую роль в жизни писателя. То она прыгала с вышки в бассейн, в чем мама родила, то прыгала со второго этажа ресторана в роскошном платье на мраморную лестницу. Хемингуэй, хорошо знавший чету Фицджеральдов, считал, что именно она погубила Скотта.

В романе «По ту сторону рая» Фицджеральд изобразил «потерянное поколение» 1920-х гг. – времени, названном им «веком джаза». Выразив настроения американской молодежи, возжаждавшей немедленных радостей жизни в раю земном, Скотт стал культовой фигурой и символом этого века. Роман переиздали много раз. Все его герои нанизаны, как бабочки, на иглу собственного эгоизма. Этой теме, одной из главных в его творчестве, посвящено большинство последующих рассказов писателя, два сборника которых – «Распутники и философы» и «Сказки века джаза» – добавили ему славы. «Век джаза» стал метафорой дикой эпохи, в которой отразилась жалкая американская мечта о материальном богатстве, которую семьдесят лет спустя примерили на себя наши недалекие умом соотечественники.

Ну а Скотт с супругой стали сумасбродными прожигателями жизни, завсегдатаями светских «тусовок» и скандальными персонажами светской хроники. Писатель упивался счастьем от возможности быть «молодым, красивым и знаменитым». И добавлял: «Не знаю, реальные ли мы с Зельдой люди или персонажи одного из моих романов».

Одно достойно удивления: как при таком богемном образе жизни Фицджеральд умудрялся создавать свои шедевры?

Правда, он больше писал для «глянцевых» журналов, выплачивавших ему бешеные гонорары, но ведь и там публиковались его перлы.

В следующем романе «Прекрасные и обреченные» Фицджеральд подверг сомнению эгоистичные идеалы молодого поколения, а в самом значительном своем произведении «Великий Гэтсби», увидевшем свет в 1925 г., писатель и вовсе представил американскую мечту американской трагедией – на примере главного героя Гэтсби, сконструировавшего свою жизнь по правилам успеха и потерпевшего жизненный крах. В «Гэтсби» Скотт провидел и свою судьбу. Книга, в которой удачно соединилось романтическое видение жизни с острой социальной критикой, получила превосходные обзоры, но уже не принесла желанных денег.

Театральная версия «Гэтсби» была вскоре представлена в Нью-Йорке. После успеха пьесы на подмостках Голливуд снял по роману фильм.

В 1930 г. с диагнозом «шизофрения» Зельда попала в швейцарскую психиатрическую клинику, после которой до конца жизни меняла одну клинику за другой (она погибла при пожаре лечебницы в 1948 г.), а следом за ней путешествовал и Скотт. Пытался заработать деньги на лечение жены уже ненавистными

самому рассказами, мучительно сомневался, – не он ли причина ее сумасшествия, отчего подолгу и помногу пил. Незадолго до смерти Фицджеральд в письме к своей дочери Скотти проговорился: «Я ненавижу женщин, воспитанных для безделья».

Горькой исповедью стал самый знаменитый роман Фицджеральда «Ночь нежна», изданный в 1934 г. Ни у кого еще из писателей до него (да и после) лирическая проза не была так нежна и щедра на добрые чувства. И это при том, что в романе жестко показана бесчеловечность богатых людей и гибельность близости с ними для каждого, кто им доверится. В этом произведении Скотт безжалостно сорвал маски с уродливых лиц.

Писатель пытался бороться со своим недугом – сотрудничал как киносценарист с Голливудом, но со штучным товаром плохо подходил к конвейеру грез, да и, в конце концов, его уволили оттуда из-за алкоголизма. Интерес к Фицджеральду в его отечестве угас. В его 40-летний юбилей «Нью-Йорк пост» назвал Скотта «писателем-пророком послевоенных неврастеников». Фицджеральд едва не покончил с собой. Он потерял надежду и полагал, что не создал ни одной первоклассной книги. Терзался и пил. Однако, пережив духовный кризис, как хирург анатомировал свою прошлую жизнь и свое творчество в статье-исповеди «Крах», опубликованной в 1946 г., и начал работать над романом «Последний магнат».

После второго инфаркта 21 декабря 1940 г. Фицджеральд скончался в Голливуде; денег, оставшихся после его смерти, хватило только на гробовщика и перевозку тела на родину.

«Его талант был таким же естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки. Одно время он понимал это не больше, чем бабочка, и не заметил, как узор стерся и поблек. Позднее он понял, что крылья его повреждены, и понял, как они устроены, и научился думать, но летать больше не мог, потому что любовь к полетам исчезла, а в памяти осталось только, как легко ему леталось когда-то». Лучше Хемингуэя не скажешь.

1940-е гг. ознаменовались новым интересом к сочинениям писателя; Фицджеральда назвали американским классиком и выдающимся летописцем времени.

Упоительной прозе Фицджеральда обязательно должен быть конгениальный перевод. На русском языке произведения писателя можно прочитать в переводах Е. Калашниковой, Т. Краснолуцкой, Н. Ярошевской, В. Харитонова, В. Голышева, С. Ильина, А. Руднева, Н. Лавровой.

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА (1898–1936)

«Самая печальная на свете радость – быть поэтом. Все остальное не в счет. Даже смерть». Свои слова Лорка подтвердил всей жизнью, и даже смертью.

Федерико Гарсия Лорка родился 5 июня 1898 г. в испанском селении Фуэнте Вакерос, недалеко от Гранады. Он был старшим из четырех детей землевладельца Федерико Гарсиа и школьной учительницы Висенты Лорки. Родительский дом был наполнен радостью: светом, поэзией и музыкой. Отец играл на гитаре и пел старинные андалузские песни, мать прекрасно играла на фортепиано.

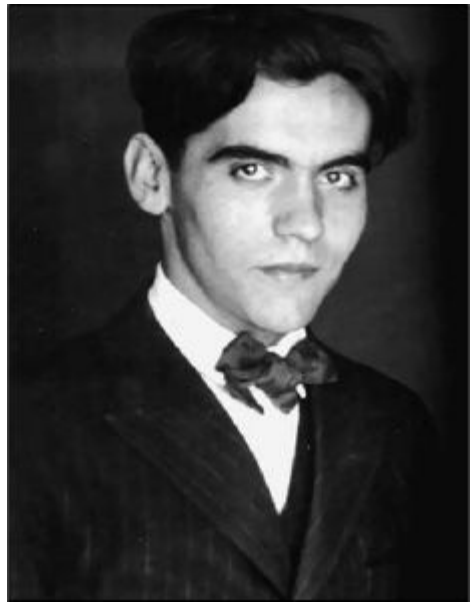
В 1909 г. семья переехала в Гранаду. Федерико поступил в школу. Брал уроки музыки у А. Сегуры, ученика Д. Верди, обнаружившего у мальчика незаурядные музыкальные способности.

Через пять лет Лорка стал студентом на факультете права Гранадского университета. Писал стихи, однако не спешил отдавать их в печать. Первой его публикацией стали путевые очерки «Впечатления и картины», вышедшие в 1918 г.

На следующий год Лорка поступил в Мадридский университет на факультет литературы и философии. Юноша присоединился к группе радикальной молодежи, проводившей жизнь в кафе и до одури споривший об искусстве, организовывал театральные представления, читал свои стихи.

В студенческом городке («Студенческой резиденции») Федерико близко сошелся с будущими мэтрами испанской культуры С. Дали и Л. Буньюэлем, к которым испытывал «нетрадиционные» чувства, на что друзья лишь посмеивались над ним. Каждое лето Лорка гостил у Дали в Кадакесе, пока жизнь не развела их, дав повод ряду биографов и журналистов сводить ее к одной лишь биологии.

В 1921 г. вышла первая «Книга стихов» поэта, отмеченная влиянием Х.Р. Хименеса и Р. Дарио и выросшая из народной культуры. В последующие годы Лорка продолжал писать стихи, читал лекции, ставил кукольные спектакли для детей.



В 1923 г. Федерико сдал экзамен на степень лиценциата права в Гранадском университете, но так юристом и не стал.

Его сжигала одна, но пламенная страсть – поэзия, которая в конце концов его и спалила.

Вторая половина 1920-х гг. вознесла поэта на вершину славы. Его патриотическая трагедия «Мариана Пинеда», над которой он работал несколько лет, была поставлена в 1927 г. на Мадридской сцене с декорациями С. Дали и имела большой успех. Второй поэтический сборник «Песни» был близок андалузским народным песням, которыми Лорка увлекался всю жизнь. Не прекращал Федерико и свои занятия живописью – в 1927 г. в Барселоне состоялась выставка его рисунков.

Затем вышла книга «Цыганских баллад», мгновенно ставшая «народной». Эти стихи Лорка писал как песни – для голоса и слуха. Люди декламировали и пели их на улицах, а Федерико пребывал в меланхолии, то ли от размолвки с Дали, то ли от разлада с самим собой. Эта потрясающе эмоциональная книга о цыганах, в которой властвуют рок и смерть, стала поворотным пунктом в судьбе поэта, после которого он оказался знаменит во всем мире, и жизнь его стремительно понеслась к концу. Именно этой книгой Лорка впервые заявил, что не принимает общество, принявшее его стихи. За баллады он был прозван «цыганским поэтом».

Лорке предложили поехать в Нью-Йорк изучать английский язык и литературу Америки, поэт тут же согласился. В США Федерико поселился в общежитии Колумбийского университета, общался в основном с испанцами. Город потряс поэта своими

вертикалями и бешеным ритмом, но и нагнал на него тоску. В книге «Поэт в Нью-Йорке» (опубликованной в 1940 г.) Федерико впервые в своем творчестве затронул социальные темы.

Я в этом городе раздавлен небесами.
И здесь, на улицах с повадками змеи,
где ввысь растет кристаллом косный камень,
пусть отрастают волосы мои.
Немое дерево с культями чахлых веток,
ребенок, бледный белизной яйца,
лохмотья луж на башмаках, и этот
беззвучный вопль разбитого лица,
тоска, сжимающая душу обручами,
и мотылек в чернильнице моей…
И, сотню лиц сменивший за сто дней, —
я сам, раздавленный чужими небесами.

Побывав по приглашению президента Испано-кубинского института на Кубе, Федерико создал знаменитый сборник стихов «Мотивы сна».

Через полтора года Лорка вернулся на родину, над которой сгустились грозовые тучи социальных перемен. На муниципальных выборах победили республиканцы, монархия пала, была создана Вторая республика. Начался разгул демократии, закончившийся диктатурой. Культура, перед тем как вскипеть и испариться на много лет, забурлила и зашумела.

Лорка стал директором «Ла Барака» («Балаган») – путешествующей (на манер средневековой) театральной труппы, состоящей в основном из студентов. Он же был режиссером и ведущим представлений. На площадях и улицах деревень и небольших селений труппа приобщала зрителей к испанской классике – Л. де Веге, Кальдерону, Сервантесу. Огромным успехом пользовалась пьеса Лорки «Кровавая свадьба» – о трагедии женщины, ставшей причиной кровавой распри.

1930-е гг. – время триумфа Лорки как драматурга. «Чудесная башмачница», «В своем саду дон Перлимплин любит Велису», «Йерма», «Донья Росита, девица, или Язык цветов», «Дом Бернарды Альбы» пользовались неизменным успехом у испанских зрителей, а вскоре завоевали и театральные сцены всего мира. Сегодня это классика, посвященная трагической судьбе испанской женщины. Не забывал Лорка и поэзию: вышел знаменитый сборник стихов «Канте хондо», была опубликована поэма «Плач по Игнасио Санчесу Мехиасу».

Но вскоре музы вынуждены были смолкнуть – заговорили

пушки будущего каудильо Испании генерала Ф.Б. Франко, и смерть, которая властвовала в поэзии Лорки, взяла власть и над ним. После бомбардировки республиканской Астурии поэт дал интервью газете «Эль Соль», в котором подтвердил свою приверженность республике. Партер пытался сорвать премьеру его новой пьесы «Иермы», но галерка спасла положение.

16 февраля 1936 г. был создан Народный фронт. В стране назревала гражданская война. В это тревожное время Лорка, несмотря на отговоры друзей, поехал в Гранаду на день святого Федерико – праздник их семьи. Через несколько дней вспыхнул военный мятеж на юге Испании. Городской гарнизон присоединился к мятежникам, начались массовые аресты и расстрелы «левых» и сторонников республиканцев. «Фалангисты» врывались в дома и проверяли документы. Для начала Федерико принесли анонимку, полную угроз, через день избили, после чего он вынужден был спрятаться у поэта Л. Росалеса. Через две недели его арестовали. Старый друг Лорки, композитор М. де Фалья тщетно пытался спасти поэта. «К поэтам нельзя относиться серьезно. Иначе их пришлось бы расстреливать, – сказали ему, – но пока борьба не окончена, мы вынуждены относиться к поэтам вполне серьезно».

19 августа 1936 г. по приказу франкистского центра в Севилье вместе со школьным учителем и двумя матадорами Лорка был расстрелян на рассвете в местечке Виснар в предгорьях Сьерра-Невады.

Сегодня существует несколько версий причин казни поэта, от прямого указания Франко до многовековой вражды между семьей поэта и другими родственниками – семьями Ролдан и Альба, инициировавшими расстрел. Упоминают также и его гомосексуальные наклонности. Как бы там ни было, смерть Лорки, пресекшая источник печальной радости, никоим образом не отразилась на том главном, что он успел сделать, чему посвятил и отдал свою жизнь – великой поэзии, подобной которой вряд ли еще когда узнает мир.

При франкистах произведения Лорки были объявлены вне закона и сожжены в Гранаде. Запрет действовал сорок лет, но сегодня Лорка – гордость Испании и испанцев. В центре Мадрида высится памятник поэту.

Над берегом черные луны,
и море в агатовом свете.
Вдогонку мне плачут
мои нерожденные дети.
Отец, не бросай нас, останься!

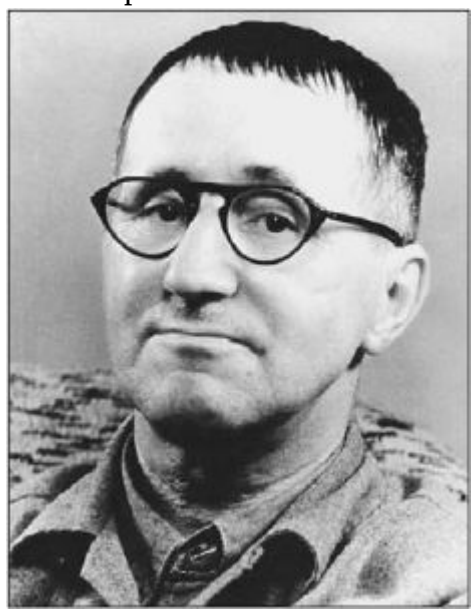
У младшего сложены руки.
Зрачки мои льются.
Поют петухи по округе.
А море вдали каменеет
под маской волнистого смеха.
Отец, не бросай нас!..
И розой
рассыпалось эхо.

«Черные луны» перевел Анатолий Гелескул, один из лучших переводчиков Лорки. Поэта переводили на русский язык М. Цветаева, Ю. Мориц, И. Тынянова, Б. Дубин, М. Самаев, А. Кагарлицкий и многие другие.

БЕРТОЛЬД БРЕХТ (1898–1956)

Когда сегодня очередная жертва телевизионной раскрутки рассказывает восхищенным слушателям о своих многочисленных браках и внебрачных связях, знайте: ее подвигли к этому пьесы, взгляды и образ жизни авангардиста современного искусства Брехта.

Когда сегодня мы видим десятки трактовок «Короля Лира» или «Чайки», от традиционных до откровенно профанированных, этим мы обязаны тоже ему, утверждавшему, что в театре как в жизни должен быть «плюрализм» мнений.



Когда сегодня мы видим насилие и похоть, правдоподобные до биологических подробностей, мы должны благодарить Брехта, по заветам которого актеры играют роли грешников, и на самом деле став ими.

Когда мы говорим о Брехте как о писателе, то причисляем его к разряду «великих» за его самобытность и уникальную способность воспроизводить в своих произведениях реальность нашего мира, за его влияние на современную драматургию.

Бертольд Брехт родился 10 февраля 1898 г. в Аугсбурге, в семье директора бумажной фабрики. Отец был католиком, мать протестанткой – она и воспитала сына в духе своей веры.

После окончания гимназии Бертольд в 1917 г. поступил в Мюнхенский университет, чтобы учиться философии и медицине,

но уже в следующем году был мобилизован и работал санитаром в военном госпитале в Аугсбурге.

Сочинял пацифистские песни и броские, как лозунги, стихотворения, применяя к ним свой знаменитый принцип «очуждения», когда на старые ситуации и приемы уже из дня сегодняшнего бросается новый, «очужденный» взгляд. После Ноябрьской революции 1918 г. Брехт был избран членом Аугсбургского солдатского совета. С того времени он на всю жизнь стал марксистом.

Заклеймив в ряде стихотворений немецкий милитаризм, войну, империализм, Брехт едва не переступил грань, за которой начинаются голые агитки. Спас поэта присущий ему лиризм и решение целиком обратиться к театру. Первой пьесой стал экспрессионистический «Ваал», затем «Барабаны в ночи», поставленные в сентябре 1922 г. на сцене Мюнхенского камерного театра, где Брехт служил штатным драматургом. За пьесу он был удостоен премии Г. Клейста.

В 1922 г. Бертольд женился на актрисе и певице Марианне Цофф. После рождения дочери Ханны этот брак распался, так как в то же время у Брехта родился сын от Хелены Вайгель, на которой он вскоре и женился. В 1929 г. у них родилась дочь Барбара. Но на этом «поиски» драматурга не закончились. Познакомившись с богато одаренной природой и образованием Маргарет Штеффин, он сделал ее своей стенографисткой, референтом и любовницей. Десять лет она сопровождала его в мытарствах по Европе, пока драматург на пути в США не оставит ее одну умирать от туберкулеза в СССР.

Но вернемся к творчеству. В 1924 г. Брехт перешел в столичный театр Макса Рейнхарда и написал для него социальную комедию «Человек есть человек». Как теоретик – реформатор театра он выступал с отдельными статьями, позднее объединенными в сборники «Против театральной рутины» и «На пути к современному театру». Главная мысль его состояла в том, что «на сцене реалистического театра место лишь живым людям, людям во плоти и крови, со всеми их противоречиями, страстями и поступками. Сцена – не гербарий и не музей, где выставлены набитые чучела».

Сотрудничество с композитором К. Вайлем привело к созданию триумфально встреченной «Трехгрошовой оперы», сделавшей Брехта знаменитым. Плагиат из нескольких музыкальных и драматических произведений английских и французских авторов (главным из которых была пьеса Дж. Гэя «Опера нищих») отличался острой пародийностью и остроумием. Брехт впервые использовал здесь хоры и зонги, которые станут

неизменным атрибутом всех его пьес. За пять лет драматург создал пять мюзиклов и новаторскую пьесу «Что тот солдат, что этот».

В стихотворениях начала 1930-х гг. и оде «Гитлеровские хоралы» Брехт разоблачал гитлеровскую демагогию и призывал пролетариат к революции. В 1933 г. он вынужден был эмигрировать из фашистской Германии в Данию, после чего, лишенный немецкого гражданства, исколесил всю Европу: Швеция, Австрия, Швейцария, Франция, Финляндия…

В 1934 г. увидел свет «Трехгрошовый роман», время действия которого происходило в годы Англо-бурской войны (1899–1902). В нем Брехт ярко и публицистично представил классовое расслоение общества той поры, разбушевавшуюся стихию собственничества, послужившую основой для возникновения фашизма в Европе.

Наиболее знаменитая пьеса эмиграции – «Матушка Кураж и ее дети» написана в 1939 г. В ней война изображена как стихия, органически враждебная человеческому существованию, и в то же время люди предстают как создания, не достойные другой участи. А мечущаяся в своих заботах о собственном благополучии героиня драмы, напоминающая взбалмошную курицу, из-за своей продажной мелочности вызывает одну лишь неприязнь. В пьесе «Жизнь Галилея», имевшей две редакции (1938–1939 и 1945–1946), Брехт создал могучие и многогранные характеры, и, вопреки традиции, резко осуждал Галилея, отрекшегося от истины. Пьесу-притчу «Добрый человек из Сезуана», написанную в 1941 г., драматург посвятил утверждению доброты, невозможной, по его мнению, в атмосфере буржуазного мира, и как альтернативу ей – разумной жизни в мире без эксплуатации. Еще одна пьеса-притча, «Кавказский меловой круг», была создана в 1945 г. Широко ставилась также пьеса «Карьера Артура Уи», а также «Господин Пунтила и его слуга Матти».

В 1941 г. Брехт проездом через СССР очутился в Калифорнии. Будучи «оголтелым марксистом», сумел тем не менее поставить в США несколько своих пьес и даже работал в Голливуде. Узнав о кончине возлюбленной Маргарет, разразился циклом стихов в ее память.

После Второй мировой войны писателя преследовала в США Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Драматург вернулся в Европу, два года прожил в Швейцарии, а в 1949 г. поселился в Восточном Берлине, где и провел последние семь лет жизни. В Швейцарии он написал свою важнейшую теоретическую работу, «Краткий театральный Органон», в которой изложил свои взгляды на искусство и на театр.

Завершила путь драматурга публицистическая пьеса «Дни Коммуны».

В 1955 г. писатель стал лауреатом Сталинской (позднее Государственной) премии СССР.

Брехт скончался 14 августа 1956 г. в Берлине.

Социально-психологический реализм, отличающий драматургию Брехта, ставит ее в один ряд с величайшими достижениями мирового театра.

На русский язык Брехта переводили С. Третьяков, Е. Витковский, Л. Копелев, А. Белых, Э. Львов, С. Апт, Б. Заходер, Вс. Розанов.

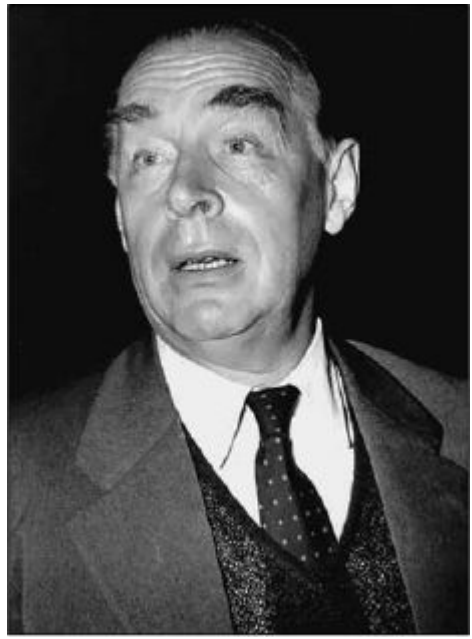
ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК (1898–1970)

Вряд ли кто из писателей столько писал об одиночестве, и вряд ли кто предложил от него более действенное лекарство, чем Ремарк: «Что может дать один человек другому кроме капли тепла? И что может быть больше этого?»

Эрих Пауль Ремарк родился 22 июня 1898 г. в Оснабрюке, в Нижней Саксонии, в скромной католической семье. Прадед Эриха был французом, женившимся на немке. Питер Франц, отец Ремарка, был переплетчиком, интересовался оккультизмом. Мать, Анна Мария, коренная немка, до замужества носила древнюю фамилию Штальknехт.

Семья бедствовала, каждый год переезжала на новое место, из-за чего Эрих трижды менял школу. Бедность не порок, но толкает к пороку: всю жизнь Эрих стремился к роскоши и успеху. А пока он много читал, любил Достоевского, Т. Манна, Гете, Пруста, Цвейга. С 17 лет начал писать сам, заслужив кличку «Пачкун»; вступил в литературный «Кружок мечтаний», которым руководил местный поэт – бывший маляр; мечтал стать музыкантом, художником. Первая журналистская публикация Ремарка появилась в 1916 г. в газете «Друг Родины».

В учительской семинарии Эрих проучился пять месяцев. Его мобилизовали и направили в резервную часть. Через год он оказался на Западном фронте. 50 дней провел в окопах, в одном из боев получил ранения в правую руку, левую ногу и шею, притащил на себе раненого товарища, после чего провалялся в госпитале до конца войны. В это время умерла его горячо любимая мать, Эрих с трудом смог приехать на ее похороны. Позже Ремарк поменял свое второе имя на второе имя матери и стал называться Эрих Мария.



После войны Ремарк окончил учительские курсы для бывших солдат, преподавал в народной школе, по воскресеньям играл на органе в доме для умалишенных, работал бухгалтером, агентом по продаже могильных плит, резчиком по камню, библиотекарем, редактором рекламного издания, театральным критиком, спортивным журналистом. После ужасов войны Ремарку хотелось пожить с шиком. Он вел «рассеянный» образ жизни: появлялся на публике в приобретенной где-то форме лейтенанта, с чужим «железным крестом» на груди, рисовал, играл на рояле, сочинял сентиментальные стихи, за свой счет издал в дрезденском издательстве «Красота» провальный роман «Каморка мечты» о судьбе художника. Богема, кальвадос, женщины – все это он позднее перенес в свои романы. Следующий роман «Гэм» Эрих писал целый год, но так и не решился издать его (впервые он был опубликовано через 74 года).

В декабре 1924 г. Ремарк переехал в Берлин, где устроился редактором в журнал «Иллюстрированный спорт». Вскоре он женился на танцовщице Ильзе Ютте Замбона, страдавшей от чахотки (она стала прообразом нескольких его героинь, в том числе Пат из «Трех товарищей»).

Элегантно одетый, с моноклем, Эрих стал завсегдатаем концертов, театров, ресторанов. Купив за 500 марок у обедневшего аристократа баронский титул, он заказал визитные карточки с короной. Дружил со знаменитыми автогонщиками, которым посвятил роман «Станция на горизонте».

Неожиданно забросив все, он вечерами за четыре недели

создал шедевр о войне «На Западном фронте без перемен». Ремарк позже признался, что роман «написался сам». Полгода держал рукопись в столе, а затем послал ее С. Фишеру, самому известному в те времена немецкому издателю. Тот вернул рукопись, сославшись на то, что в Германии никто не хочет даже слышать о войне. Роман все же был напечатан в 1929 г. в берлинском издательстве «Ульштайн» и сразу же получил оглушительный успех и самую разнообразную критику, от восторженной до злобной.

Роман о группе новобранцев-патриотов, погибших в войне, стал проклятием войне и беспощадным разоблачением ложного пафоса военного героизма. Общий тираж составил восемь миллионов экземпляров. Роман перевели на тридцать шесть языков, в т. ч. и на русский. В Голливуде Л. Майлестоном был снят одноименный фильм. Книга и фильм принесли Ремарку деньги, он стал собирать ковры и живопись импрессионистов. Брак с Юттой распался из-за бесконечных измен обоих супругов.

Ремарка выдвинули на Нобелевскую премию, но помешал протест Лиги германских офицеров, обвинивших писателя в том, что он написал роман по заказу Антанты, а рукопись украл у убитого товарища. Нападки привели Ремарка на грань нервного срыва.

С приходом в Германии в 1933 г. к власти фашистов, книги Ремарка «за литературное предательство солдат Первой мировой войны» были публично сожжены, фильм запрещен, а писателя безосновательно объявили потомком французских евреев по фамилии Крамер (Ремарк, записанное наоборот). К этому времени писатель уже жил в итальянской Швейцарии, где купил виллу возле городка Аскона.

В Швейцарии Ремарк лечился от общей усталости, туберкулеза и нервной экземы; страдал от одиночества, много пил. Приход фашистов к власти поверг его в депрессию. Несмотря на это, он написал продолжение «На Западном фронте без перемен» – «Путь домой» и роман «Три товарища».

В 1937 г. писатель познакомился с Марлен Дитрих, знаменитой кинозвездой, вившей из своих любовников веревки. С ней у него начался долгий и мучительный роман. На следующий год Ютта попросила его помочь ей уехать из Германии. Он повторно заключил с ней брак и пригласил ее к себе в Швейцарию.

Марлен помогла Эриху получить визу, по которой писатель вместе с Юттой прибыл в Америку. В Голливуде сняли фильм «Три товарища», который принес Ремарку 235 тысяч долларов, экранизировали еще четыре книги. Ремарк был желанным гостем

на официальных приемах и вечеринках, стал настоящим «салонным львом». Но фальшивая «Страна грёз» раздражала Ремарка снобизмом и тщеславием. К тому же европейская колония во главе с Т. Манном его не жаловала, именуя писателем «средней руки».

Расставшись с Марлен, он переехал в Нью-Йорк и там в 1945 г. закончил «Триумфальную арку», роман об эмигрантской жизни в Париже, принесший ему всемирный успех. Под впечатлением от смерти сестры Элфриды Шольц, казненной по приговору фашистского суда, Ремарк начал работать над романом «Искра жизни», посвященным ее памяти.

После излишне щепетильной процедуры, вызванной безосновательными подозрениями в симпатиях к нацизму и к коммунизму, а также его «моральным обликом», Ремарку в 1947 г. дали гражданство США. Но писатель в тот же год вернулся в Швейцарию. Жил уединенно, часто покидал дом, объездил всю Европу, снова уехал в Америку.

Здоровье Ремарка ухудшилось, а душевное смятение усилилось. Писатель обратился к психиатру, но излечила его от неврастении встреча с голливудской актрисой Полетт Годар, бывшей женой Ч. Чаплина. Под ее благотворным воздействием писатель завершил «Искру жизни» и создал «Время жить и время умирать».

В 1957 г. Ремарк развелся с Юттой, выплатив ей 25 тысяч долларов и назначив пожизненное содержание в 800 долларов в месяц, и в 1958 г. женился на Полетт. В тот же год Ремарк вернулся в Швейцарию, где и прожил остаток жизни.

В 1964 г. делегация из родного города писателя вручила ему почётную медаль. Три года спустя, в 1967 г., немецкий посол в Швейцарии вручил ему орден ФРГ, хотя немецкого гражданства писателю так и не вернули. К этому времени Ремарк написал еще несколько книг, хотя и перенес инсульт и два сердечных приступа. В 1968 г. город Аскона сделал его своим почётным гражданином, а Немецкая академия языка и литературы в западногерманском городе Дармштадте избрала своим действительным членом.

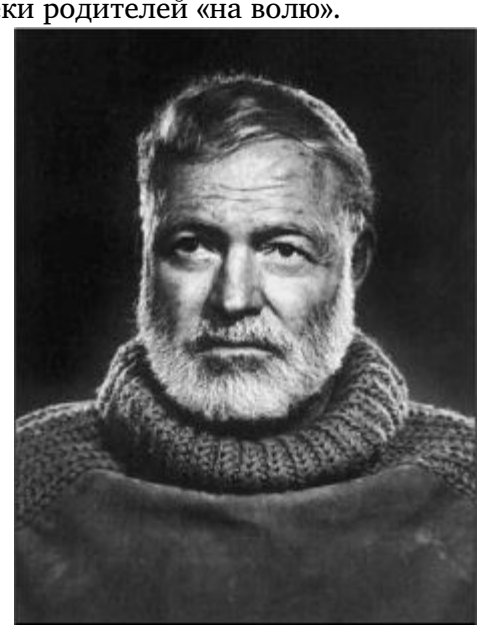
Умер Ремарк 25 сентября 1970 г. в клинике Сант Агне в Локарно. Похоронен на швейцарском кладбище Ронко в кантоне Тичино.

Ремарк один из самых популярных немецких писателей в нашей стране. На русский язык его переводили В. Станевич, А. Егоршев, А. Сергеев, Л. Черная, В. Котелкин, И. Стреблова, Д. Трубчанинов и другие.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ (1899–1961)

Прежде чем Хемингуэй приставил дуло к голове и нажал на спусковой крючок, он раз десять был на грани жизни и смерти. В бою его поразили 237 минных осколков, а ноги прошила пулеметная очередь. В двух автомобильных и двух авиационных авариях он получил сотрясение мозга, сильнейшие ушибы и переломы. Дважды серьезно пострадал во время охоты. При тушении лесного пожара едва не сгорел в огне… Судьба испытывала его на стойкость. А он то же самое делал со своими героями. Как немногие из писателей, он имел право сказать: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Такое же право он отпустил своим героям. Из любой его книги несет войной. Там дух мужской, охотой пахнет. И побеждает не сильный, а храбрый. И каждый проходит через поражение, из которого выходит победителем.

Эрнест Хемингуэй родился 21 июля 1899 г. в Оук-Парке под Чикаго (штат Иллинойс) в многодетной семье врача и оперной певицы. И хотя дом был полной чашей, просторный и наполненный музыкой, Эрнест с детства рвался из-под чрезмерной опеки родителей «на волю».



По окончании средней школы Хемингуэй стал работать репортером в провинциальной газете «Канзас-Сити стар», черпая материалы с городского «дна». В это время Штаты вступили в

Первую мировую войну. В армию Эрнеста не взяли из-за слабого зрения, и тогда он записался добровольцем в американский Красный Крест. На итальянском фронте был водителем санитарной машины, затем перешел в пехотные ударные части. После тяжелейшего ранения три месяца пролежал в миланском госпитале. Там покорил медсестру Агнес фон Куровски, первую свою большую любовь, которой посвятил позже роман «Прощай, оружие!». Излечившись, Эрнест в звании лейтенанта вернулся на фронт.

После войны Хемингуэй приехал домой и женился на начинающей пианистке Хедли Ричардсон, брак с которой продлился шесть лет.

В 1921 г. газета «Торонто Стар» откомандировала Эрнеста в Европу. Поселившись в Париже, он совершал радиальные выезды и освещал из Константинополя греко-турецкий вооруженный конфликт, из Италии – марш Муссолини на Рим. Сошелся с литературной элитой Парижа, Э. Паундом, Дж. Джойсом, Г. Стайн, назвавшей сверстников Хемингуэя «потерянным поколением», начал писать короткие рассказы. Несмотря на то что модернисты склоняли его на сторону авангардизма, он остался верен старому реализму, хотя и названному тогда «новым». «Он выглядит современным, но пахнет музеем», – раздраженно бросила Стайн.

В 1923 г. вышла первая книга Хемингуэя – «Три рассказа и десять стихотворений» тиражом в триста экземпляров. Через два года Эрнест очень быстро написал свой первый роман «И восходит солнце» («Фиеста»), который принес ему широкое признание. Убедившись сам, что война – грязное и бессмысленное дело, писатель героем книги сделал человека, жестоко пострадавшего в войне, утратившего вкус к жизни.

В 1926 г. Эрнест оформил развод с Хедли, выделив ей и сыну все доходы от «Фиесты», и женился на молодой и богатой Полине Пфейфер, дочери президента компании по производству пива в Арканзасе.

Воспоминания о войне, молодости, первой своей любви понудили писателя взяться за новый роман. «Прощай, оружие!» принес ему всемирную известность.

В разгар работы над романом из-за денежных затруднений в состоянии депрессии покончил с собой отец писателя. Его смерть потрясла Эрнеста. Он распорядился высылать постоянную сумму матери, а сам не избавился от назойливых воспоминаний и угрызений совести до конца жизни.

Известность писателю дали не только его книги. Будучи спортсменом и путешественником, заядлым охотником и

рыболовом, выпивохой и бузотером, журналистом, которому есть до всего, кроме политики, дело, человеком, стремящимся быть во всем победителем, он невольно возбуждал у читателей интерес и к своей жизни, полной скандалов и приключений. Он был заядлым любителем острых ощущений: охотился на американском Западе и в Африке, рыбачил на Гольфстриме у берегов Кубы, смотрел на бои быков в Испании. Он любил принимать в своем двухэтажном особняке многочисленных гостей. Каждое свое впечатление писатель, как правило, потом делал литературным фактом, чаще всего прекрасным рассказом.

В 1930-е гг. Хемингуэй совершил путешествие по Африке, четырежды посещал Испанию в качестве военного корреспондента, описывал события Гражданской войны, выступал в защиту республиканского правительства. По испанским впечатлениям писатель создал свой знаменитый роман о Гражданской войне «По ком звонит колокол», опубликованный в 1940 г. К этому времени он обосновался на Кубе с новой женой Мартой Геллхорн, молодой одаренной журналисткой.

В годы Второй мировой войны Хемингуэй добровольно патрулировал на своей яхте в ожидании немецких подлодок вдоль берегов Кубы, с 1944 г. в качестве военного корреспондента участвовал в высадке союзнического десанта в Нормандии и в освобождении Парижа.

В марте 1945 г. писатель перебрался в свою усадьбу на Кубе, погрузился в хозяйственные заботы и между дел написал «Э. Хемингуэй. Писатель и фермер». А вскоре к нему из Парижа прилетела Мери Уэлш, тоже американская журналистка, которая стала его очередной (на этот раз последней) женой. Впрочем, свой шедевр – повесть «Старик и море» – этот греховодник посвятил молодой итальянке Андриане Иванчич.

Опытнейший рыбак, Хемингуэй вошел в историю всемирной рыбалки как рекордсмен; поймавший на спиннинг акулу более ста килограммов. Поэтому эту новеллу он написал со знанием дела. Героем Хемингуэй избрал старого рыбака Сантьяго, всю жизнь мечтавшего о «большой рыбе». Тяжелейший поединок в открытом море старика и огромной рыбы закончился победой Сантьяго, но победу у него забрали акулы. Старик до конца вел свой неравный бой, и, потерпев поражение, не был сломлен духом. Недаром после этой повести о Хемингуэе стали говорить как о философе, проповедующем стоицизм.

Через год за «Старика и море» писатель получил Пулицеровскую премию, а затем и Нобелевскую 1954 года. По состоянию здоровья писатель не мог присутствовать на церемонии вручения награды. В Стокгольме его представлял

американский посол в Швеции Д. Кэбот, который зачитал приветствие Хемингуэя, главной мыслью которого было то, что «жизнь писателя, когда он на высоте, протекает в одиночестве».

Несмотря на ухудшающееся здоровье, тяжелое физическое и психическое состояние, писатель вел трудную борьбу с самим собой, пытаясь сохранить творческую форму. «Все работе и ничего развлечениям», – говорил он. Но ничего не мог поделать со своей порочной наклонностью к алкоголю и охватывающей с каждым днем все сильнее слабостью и раздражением. Сказывались многочисленные травмы и ранения, беспорядочный образ жизни, крайнее напряжение сил в борьбе за место под солнцем. Он уже не мог подняться в творчестве к той высокой планке, которую задал своим «Колоколом». Видимо, подпитывали его как писателя только битвы и жизненные поражения, но для поиска новых битв у него уже не было сил. Человек и писатель исчерпали себя.

В 1960 г. Хемингуэя стала мучить мания преследования – ему казалось, что он находится «под колпаком» у ФБР. Пролежав дважды в клинике Рочестера в штате Миннесота, Хэмингуэй 2 июля 1961 г., застрелился из ружья.

Согласно его завещанию, дом на Кубе и все, что было собрано в нем более чем за двадцать лет, – книги (более 7400 томов), картины, произведения прикладного искусства, охотничьи трофеи, а также знаменитая старая пишущая машинка – были переданы его вдовой в дар кубинскому народу.

Посмертная слава писателя была огромной. Несколько десятилетий люди стремились перенять образ жизни его героев и его самого. «Писатель, если он настоящий писатель, каждый день должен прикасаться к вечности или ощущать, что она проходит мимо него». Вечность прошла через него, и он остался в ней.

Иван Кашкин стал первым переводчиком Хемингуэя в нашей стране. Он был составителем и пропагандистом всех сборников его сочинений. Произведения писателя на русский язык переводили также Е. Калашникова, Н. Галь, Н. Волжина, М. Брук, Л. Петров, О. Хомская.

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС (1899–1986)

Борхес в своем творчестве замахнулся на роль Бога. Стремясь объять необъятное, он словно боялся, что с ним уйдет из мира не только литература, но и вообще Слово. Слово у него в начале всего – и в мировоззренческом понимании, и в понимании слова как текста любого содержания. Из чужих текстов, накопленных человечеством за тысячи лет, с их смыслом, сведениями, символами, он сооружал свои. Каббалу и астрономию, буддизм и арабскую математику, философию и культуру индейцев переплавлял и давал им новый вид и новое толкование. Произведения Борхеса можно рассматривать как вторичные, если бы не одно «но». Они и впрямь подвели черту под многовековым развитием литературы накануне, быть может, ее исчезновения. Современная цивилизация балансирует над пропастью, и если она сорвется вниз, для непонятно кого останется этот памятник непонятно чему.

Хорхе Франсиско Исидоро Луис Борхес родился 24 августа 1899 г. в Буэнос-Айресе в семье адвоката и преподавателя психологии Хорхе Гильермо Борхеса и Леонор Асеведо де Борхес. Это был «домашний» ребенок. Отец собрал огромную библиотеку англоязычной литературы. Бабушка Борхеса по отцовской линии была англичанкой и нашла внуку английскую няню. Мальчик свободно владел испанским и английским языками. С шести лет

он уже что-то сочинял, а в восемь перевел сказку Уайльда «Счастливый принц», которую напечатали в газете «Паис» и журнале «Юг».

Перед Первой мировой войной семья переехала в Европу и поселилась в Швейцарии, где Хорхе окончил Женевский колледж. Оказавшись в Испании, юноша вошел в группу авангардистов, написал стихи, посвященные русской революции, и эссе, не опубликованные при его жизни. В 1919 г. в журнале «Греция» появилось первое его стихотворение.

В 1921 г. Борхесы вернулись в Буэнос-Айрес. Через два года Хорхе опубликовал свой первый сборник стихов: «Страсть к Буэнос-Айресу». За десятилетие, названное им «бесцельным», Борхес написал и опубликовал семь книг, основал три журнала и сотрудничал еще в двенадцати. Огромное влияние на творчество молодого писателя оказал друг отца, известный поэт М. Фернандес, пополнивший его авангардистские увлечения «метафизическим видением реальности».

В конце 1920-х гг. Хорхе начал писать рассказы. Тогда же Борхес познакомился с А.Б. Касаресом, который стал его другом и соавтором. В книге эссе «Обсуждение» писатель провозгласил: «наша традиция – это вся западная культура», чем дистанцировался от регионализма и начал сбивать подмостки собственного литературного мира.

В 1933 г. журнал «Мегафоно» провел круглый стол, посвященный творчеству Борхеса, что стало фактом признания избранного им направления.

Во «Всемирной истории бесславья» писатель, как кошка с мышкой, наигрался с чужими персонажами, пародируя или восхищаясь ими; в сборнике «История вечности» написал рецензию на вымышленный роман. Этими мистифицированными приемами Борхес упредил постмодернистов. Дальше – больше. В «Пьере Менаре, авторе "Дон Кихота"» вымышленный писатель Пьер Менар сочинил «Дон Кихота», повторив текст Сервантеса дословно, но привнес в него дух, пульс и ритм XX века и сделал его, таким образом, более совершенным. Новые тексты в принципе невозможны, утверждал Борхес, поскольку они все уже написаны, также как и новые авторы, поскольку литература реальнее самого писателя. Писатель не создает, а лишь «передирает» уже готовые книги из Универсальной («Вавилонской») библиотеки – похоже, Борхес мистически постиг действительную тайну творчества, когда творит не автор, не его интеллект, рука или «черт дернул написать», а нечто неподвластное и непостижимое ни для кого. (Вынесем по-борхесовски Бога за скобки рассуждений.) Все эти прелестные

эссе были созданы писателем в 1930-е гг. в тишине библиотеки столичного пригорода, в которой он «девять глубоко несчастливых лет» нес свою службу библиотекаря. Здесь были созданы перлы: «Тлен, Укбар, Орбис Терциус», «Лотерея в Вавилоне», «Вавилонская библиотека», «Сад расходящихся тропок» и др. Благо, работы и денег было мало, а свободного времени хоть отбавляй. Однако его книги никто не покупал. «Историю вечности» за год приобрели 37 человек, и автор собирался обойти их всех по домам, чтобы извиниться и сказать спасибо.

В 1938 г. на Хорхе Луиса свалились несчастья: смерть отца и тяжелая болезнь. Поправившись, Борхес продолжил создание эссе и стихотворений для новых сборников. В 1944 г. Аргентинское общество писателей вручило Борхесу учрежденную специально для него почетную премию, а в 1950 г. он был избран председателем этого общества.

Хотя писатель был классическим «книжным червем», он не оставался равнодушным к таким тенденциям современности, как нацизм и фашизм, о чем не раз заявлял в печати. Как аукнулось, так и откликнулось. После прихода в 1946 г. к власти Х.Д. Перона, Борхеса уволили из библиотеки и предложили должность рыночного инспектора птицы и дичи. Писатель отказался и стал зарабатывать на жизнь лекциями по английской и американской литературе в Аргентине и Уругвае. В основанном им журнале «Анналы Буэнос-Айреса» он познакомил читателей с Х. Кортасаром. В 1949 г. вышел знаменитый сборник рассказов «Алеф».

После революции 1955 г. Борхеса назначили директором Национальной библиотеки, избрали членом Аргентинской академии литературы, пригласили в Буэнос-Айресский университет профессором на кафедру немецкой, а затем английской и американской литературы, вручили государственную премию по литературе. В это время Борхес, начав терять зрение еще в молодости, ослеп (это была наследственная болезнь рода по мужской линии). «Слава, как и слепота, пришла ко мне постепенно. Я ее никогда не искал». 1950-е гг. стали для Борхеса временем интенсивной работы и широкого признания на родине, а затем и в мире. В 1960 г. вышел сборник стихов и прозы «Создатель», который Борхес назвал своей лучшей книгой.

В сборнике «Золото тигров» Борхес опубликовал знаменитую новеллу о технике писательского труда – «Четыре цикла». Любой автор перебирает всего четыре истории, утверждал Борхес. Первую – об укрепленном городе, который штурмуют и

обороняют герои. Вторую – о возвращении. Третью – о поиске. Четвертую – о самоубийстве Бога.

Борхес в своих творениях предвосхитил не только постмодернизм, но, как оказалось, и структурализм, и герменевтику Гадамера, и труды баденской школы неокантианства (см. энциклопедии).

С 1963 г. звезда Борхеса засияла на небосклоне мировой литературы. Он ездил по странам Европы, Азии, Америки; получил множество национальных и международных литературных премий; был удостоен десяти высших орденов Италии, Франции, Перу, Чили, ФРГ, Исландии, в том числе Ордена Британской империи и ордена Почетного легиона. Французская академия наградила его золотой медалью. Он был избран членом академии в США, стал почетным доктором ведущих университетов мира. В середине 1970-х гг. писателя выдвинули на Нобелевскую премию по литературе, но он ее не получил, так как одобрительно отозвался о перевороте А. Пиночета в Чили.

Личная и семейная жизнь, понятно, занимали важное место в его жизни, но, увы, им уже нет места в этом очерке. Достаточно упомянуть, что в 1967 г. Борхес женился на Э. Астете Мильан, в которую он был влюблен больше тридцати лет, но через три года развелся с ней. Во второй раз женился за полтора месяца до смерти на Марии Кодаме, своей секретарше. Эта дама стала распорядительницей всего наследства писателя.

Незадолго до смерти Борхес заявил: «И все же у меня нет чувства, что я исписался. В каком-то смысле молодой задор как будто мне стал ближе, чем когда я был молодым человеком. Теперь я уже не считаю, что счастье недостижимо…» Книги его блистательных стихов, эссе и рассказов продолжали выходить и после его смерти.

14 июня 1986 г. Борхес умер в Женеве от рака печени.

Писателя переводили на русский язык Б. Дубин, В. Алексеев, Е. Лысенко, А. Щетников, В. Кулагина-Ярцева и многие другие.

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900–1944)

Если нужно будет воздвигнуть памятник самому достойному литератору мира, достойному как писателю и как человеку, как солдату и как мыслителю, лучшей кандидатуры, чем Сент-Экзюпери, не сыскать. Да он, собственно, и сам оставил такой памятник. Его можно найти где угодно: в Сахаре, Аргентине, на крохотной планете «астероид Б-612», в душе каждого, кто прикоснулся хоть раз к волшебной прозе писателя. Особенно в России, где Экзюпери стал культовой фигурой.

Антуан Жан-Батист Мария Роже де Сент-Экзюпери родился 22 июня 1900 г. в Лионе в семье провинциального аристократа, графа Жана де Сент-Экзюпери, страхового маклера, который умер, не оставив никакого состояния, когда малышу исполнилось три года. Воспитанием пяти детей занималась мать, Мари де Фонскольмбе. Жили они в фамильном замке Сан-Морис де Реман.

У мальчика было счастливое детство. Оно в нем осталось навсегда. «Если вы спросите, откуда я родом, я пришел из детства». Домашние звали его Тонио, а еще Король-Солнце. Тонио очень любил сказки, особенно Г.Х. Андерсена и Ж. Верна.

С девяти лет Антуан учился в коллеже в городе Ле-Мане, а затем в католическом пансионе в швейцарском Фрибуре. Там он в четырнадцать лет написал свою первую сказку «Приключения цилиндра».

С детства Антуан увлекался механикой, часто ездил на аэродром на велосипеде. Однажды его взял с собой в полет знаменитый летчик Жюль Ведрин. Тонио сочинил о своем первом полете стихи. Но увлекала его не авиация, а морской флот. Он хотел стать моряком и штудировал математику.

Со смертью брата Франсуа, потрясшей семнадцатилетнего Антуана, у него закончилось беззаботное детство. Получив аттестат зрелости, он поехал в Париж поступать в Военно-морское училище. На экзаменах срезался и стал слушателем Академии художеств по отделению архитектуры. Много читал, особенно Достоевского, Ницше, Платона. Мать, экономя на всем, присылала ежемесячно 120 франков на жилье.

«Стоит только подрасти, и милосердный Бог оставляет вас на произвол судьбы», – вспоминал позже он, но тогда у него хватило благоразумия, чтобы после двух лет богемного образа жизни бросить ее навсегда и начать жизнь мужчины. Прервав действие отсрочки, он ушел из Академии на армейскую службу – в авиаполк, базирующийся под Страсбуром. Его направили в ремонтные мастерские. Но Антуан рвался в небо. Пройдя обучение, он получил летные права и перевелся в летную школу в Марокко, где сдал экзамен на военного летчика и стал младшим лейтенантом. Служить он начал в авиачасти в Бурже, пригороде Парижа. Через год попал в аварию, получил тяжелую травму головы, демобилизовался и устроился в заводской конторе, торговал автомобилями, был продавцом в книжном магазине, мучился и не знал, как порвать с пошлыми буднями.

Знакомство с видным деятелем французской авиации Б. де Массими вновь открыло Антуану дорогу к летному делу. В 1926 г. он стал пилотом компании «Аэропосталь», доставлявшей почту на северное побережье Африки, через год начальником промежуточного аэродрома в Кап-Джуби (Западная Сахара), а еще через два – техническим директором Аргентинской Компании Аэропосталя. После Южной Америки и Африки два года он испытывал самолеты.

Все эти годы Сент-Экзюпери не прекращал свою литературную деятельность. В 1926 г. в журнале «Серебряный корабль» впервые был опубликован его рассказ «Летчик». В Кап-Джуби Антуан написал первую свою книгу – «Южный почтовый», опубликованную в издательстве Галлимара. Книга принесла ему известность. Во Францию он вернулся знаменитым писателем – с ним заключили договор на семь книг и выдали аванс.

1931 г. ознаменовался несколькими событиями: Сент-Экзюпери издал написанный в Буэнос-Айресе «Ночной полет», который вскоре получил приз «Фемина», женился на овдовевшей

писательнице и художнице Консуэло Сунсин Сандоваль, взбалмошной, но прелестной сальвадорке, с которой промучился всю жизнь (впрочем, они стоили друг друга), и был произведен в кавалеры ордена Почетного легиона. «Пилот редкой смелости, отличный мастер своего дела, проявлял замечательное хладнокровие и редкую самоотверженность, провел несколько блестящих операций… Без колебаний переносил суровые условия жизни в пустыне, постоянно рискуя жизнью», – говорилось в представлении к ордену.

В 1934 г. Сент-Экзюпери в качестве чиновника по особым поручениям авиакомпании «Эр Франс» ездил по миру – от Турции до Индокитая, а на следующий год в качестве спецкора был откомандирован газетой «Пари-Суар» в Москву. В пяти очерках писатель пытался понять, почему в России есть то, чего нет во Франции – духовной жизни.

На собственном самолете Антуан предпринял попытку побить мировой рекорд скорости на маршруте Париж – Сайгон, однако потерпел аварию в Ливийской пустыне. Позже он еще раз попытался сделать это, но во время перелета по маршруту Нью-Йорк – Огненная земля снова попал в тяжелейшую аварию в Гватемале, после чего находился пять дней в коме. Будучи на лечении в Нью-Йорке, начал писать «Планету людей», которую закончил во Франции. Книга была отмечена премией Французской академии. Все произведения писателя отличала редкая достоверность, обусловленная и личностью автора, и высотой, с которой он смотрел на мир, и его жизненным стоицизмом, которому позавидовал бы и Хемингуэй.

С началом Гражданской войны в Испании писатель неоднократно бывал в ней, каждый раз возвращаясь с циклом очерков.

Когда в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, Сент-Экзюпери вернулся в военную авиацию, летал с французским эскадроном разведки, сражался с нацистами в Испании, был награжден Военным Крестом Французской республики, а после капитуляции Франции эмигрировал в США.

В Нью-Йорке писатель вел агитацию за вступление США в войну с Германией, написал «Военного летчика». Затем вышли «Письмо заложнику» и «Маленький принц», уникальная книга о «вечном» ребенке в душе человека. «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил», – написал он в ней. Это он списал с себя. Его обожали дети. Его любили взрослые. Он никогда не ошибался в людях – все считали его добрым волшебником.

Последнюю книгу – «Цитадель» он дописать не успел.

С июля 1943 г. Сент-Экзюпери совершил несколько

разведывательных вылетов в Алжире и Тунисе и был уволен в запас по состоянию здоровья. Но он уже не мыслил себя без полета и риска. После долгих хлопот снова был допущен к полетам в составе группы дальней разведки. Генерал Эйзенхауэр, от которого зависело принятие этого решения, после очередного звонка французского генерала Жиро, протежировавшего Экзюпери, бросил трубку и сказал:

– Сент-Экзюпери меня достал. Внесите его обратно в списки! Возможно, в воздухе с ним будет меньше забот, чем на земле!

Мечта снова летать сбылась, но его друзья, которые тряслись над ним, как над ребенком, отметили, что Сент-Экс казался «потерявшимся на этой планете», искал опасность и смерть. За свою «летную» жизнь он получил столько ранений и увечий, что не мог уже, без посторонней помощи (левая рука была наполовину парализована) натянуть комбинезон и забраться в кабину самолета. Однако взлетев, этот немолодой двухметровый увалень становился асом.

Все полеты проходили с огромным риском для жизни майора. Чудом ускользнул он от истребителей, невредимым миновал зенитный обстрел, дотянул до базы на одном моторе. Перед последним вылетом гадалка предсказала, что он погибнет в морской воде.

31 июля 1944 г. писатель сделал этот вылет с авиабазы Борго на Корсике. Другу Пьеру Даллозу он оставил записку: «Если меня собьют, я абсолютно ни о чем не жалею». Из полета самолет не вернулся… В 2000 х годах обломки самолета нашли, но и по сей день никто не знает точно, как и по какой причине он погиб. Версий много, а смерть одна. До этого ему много раз везло. Он падал с неба и в Сахаре, и в Средиземном море, и в горах Гватемалы, пока, наконец, не ушел в свой последний беспосадочный полет, навсегда оставшись на той высоте, откуда всю жизнь обозревал землю и где по-настоящему был счастлив.

В годы войны писателя неотступно преследовала мысль: «За что я сражаюсь? Если бы Францию не победили в 40-м, я не ввязался бы в эту нелепую свалку, в гражданскую войну цивилизованных народов. Когда мы освободим Францию, которая этого не заслуживает, останется только одно: пустить под пресс все, что породил наш дурацкий прогресс, и любой ценой вернуться на век назад, а может, и дальше, чтобы вернуть духовности ее истинное место. Если этого не сделать, человечество похоронит себя собственными руками».

Многие переводчики почитали за честь переводить произведения Сент-Экзюпери на русский язык: Г. Велле, М. Ваксмахер, Л. Лунгина, Н. Галь, М. Баранович, А. Тетеревникова,

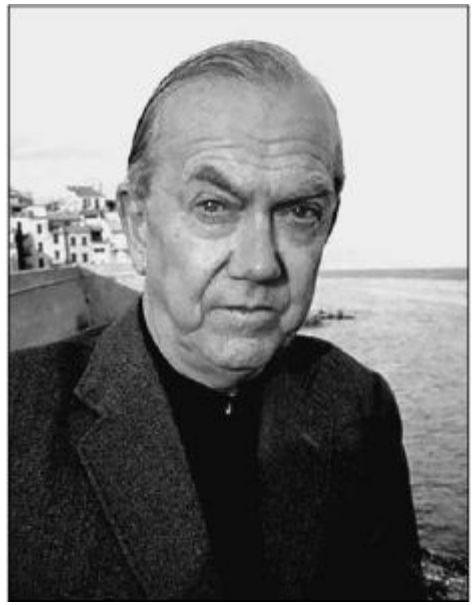
М. Кожевникова.

ГРЭМ ГРИН (1904–1991)

Двойственную натуру Грэма Грина всю жизнь раздирали антагонизмы. «Меня всегда мучает противоречие: я убежден, что жизнь должна быть лучше, чем она есть, и в то же время верю, что всякое видимое благополучие непременно скрывает темную изнанку». Чтобы снять это противоречие, Грэм писал. «Писательский труд – это форма терапии, и мне непонятно, как спасаются от безумия, тоски и панического страха, которые подстерегают человека на каждом шагу, те, кто не пишет книг, не сочиняет музыки, не рисует картин».

Своим писанием он одновременно угодил и высоколобым интеллектуалам и читающей «массе». И хотя Грин делил свои произведения на «серьезные» и «развлекательные», они одинаково были полны интриг, драматических приключений, размышлений о человеке и его месте в мире, одинаково исполнены сочувствия к эксплуатируемым и неимущим. Писатель критиковал всё на свете: и США и СССР, и атеизм и католичество, и брак и распутство, но вряд ли мог причислить себя к какому-либо одному лагерю. Книги Грина нельзя разбить по менявшимся на протяжении его жизни политическим пристрастиям. Он всегда оставался верен себе в главном – категорически не принимал никакого насилия и произвола.

Будущий писатель родился 2 октября 1904 г. в многодетной семье Чарльза Генри Грина и Мэрион Грин (урожденная Рэймонд) в Беркампстеде (графство Хартфордшир). В детстве запоем читал Хаггарда и Конрада.



Учился в привилегированной школе, где его отец был директором. Грэм был застенчивым и впечатлительным мальчиком. Придирки и насмешки одноклассников ставили его не раз на грань самоубийства, пока он не бросил школу. Родители обратились к психоаналитику; тот посоветовал мальчику писать и познакомил его с друзьями-литераторами. Надо отметить, что Грин, вечно погруженный в собственные переживания, на протяжении всей жизни страдал депрессиями, граничившими с самоубийством.

В Бэллиол-колледже Оксфордского университета Грэм изучал современную историю. Одновременно он работал в табачной компании, надеясь с ее помощью попасть в Китай. Во время учебы юноша увлекся политикой, вступил в компартию, сотрудничал в местном еженедельнике, написал повесть «Энтони Сент».

В 1925 г. Грин получил степень магистра, принял католичество и стал работать в отделе писем лондонской «Таймс». С журналистикой Грэм распрощался после успеха своего первого романа «Человек внутри», увидевшего свет в 1929 г. После целого ряда литературных неудач писатель написал остросюжетный политический детектив «Стамбульский экспресс», горячо принятый публикой. Романы «Это поле боя» и «Меня создала Англия» отражали социально-политическое брожение 1930-х гг. «Брайтонский леденец» стал первым «развлекательным» романом, события которого высвечены религиозной проблематикой.

Женитьба на Вивьен Дейрелл-Браунинг не освободила Грина от «рассеянного» образа жизни, благодаря которому его пассии

(при всем его женоненавистничестве) были рассеяны по всему миру. При этом он был сильно привязан к двум своим детям и отличался исключительным пониманием детской психологии. До начала Второй мировой войны семья проживала в особняке в Клапаме. Грин довольствовался скромными гонорарами за художественные произведения и рецензии на книги и фильмы, а также за путевые заметки и сценарии. Писатель не вставал из-за письменного стола, уходя, таким образом, и от финансовых проблем, и от семейных.

В конце 1930-х гг. Грин путешествовал по Либерии и Мексике, результатом чего стали две книги путевых заметок «Путешествие без карты» и «Дороги беззакония». Политические гонения на католическую церковь в Мексике подвигли писателя на создание в 1940 г. одного из его лучших романов «Сила и слава». Его он писал вечерами, прибегая к допингу (бензедрин), поскольку до обеда писал «развлекательный роман» «Доверенное лицо». Книга поначалу вызвала резкую критику со стороны католической церкви, поскольку герой романа, хоть и противостоял гонителям церкви, был греховодником (по большому счету, мелким) и изрядно «пьющим падре». Дерзкий роман Грина испугал даже папу Пия XII, но в то же время заставил обратить внимание на то, что процветающее духовенство далеко от нужд бедствующего народа.

Грин воздержался от участия в Гражданской войне в Испании, поскольку ему была далека идеология обеих сторон. Большинство католиков были на стороне Франко, защищавшего святую церковь от гонений республиканцев, но Грин не мог принять и фашистский режим.

Когда началась Вторая мировая война, Грина из-за плохого здоровья в действующую армию не взяли. Он дежурил на крышах во время ночных бомбежек Лондона, затем устроился работать в Министерстве информации. В 1941 г. Грэм стал сотрудником британской секретной службы, где работали еще несколько его родственников. Биографы замечали, что «по натуре Грин был идеальным шпионом, и „.с рвением предавался этому занятию». Рвение, правда, было весьма своеобразное. Так, один из его планов о спонсировании публичного дома, «сотрудники» которого передавали бы ему информацию о его клиентах, руководство «центра» отвергло. Грин полтора года с комфортом прожил в Африке, посылая в Лондон два раза в месяц донесения, компилируемые им из текущих новостей и обзоров местных газет, а также приправленные собственными фантазиями и излагаемые безукоризненным слогом. По вечерам он приглашал к себе в гости друзей-англичан и развлекал их охотой на тараканов.

Штирлица из Грина не получилось, и в 1943 г. его перевели в португальский сектор пятого отдела МИ-6, занимающегося контрразведкой. Там он сдружился со своим начальником К. Филби, впоследствии перебежавшим в СССР. За два года Грэм не написал ни строчки (а у него был ритуал – писать не менее 500 слов в день), уволился из МИ-6 и взялся за издательскую деятельность, принесшую ему довольно неплохой доход. Но, в конце концов, ушел и оттуда, и отдался литературе. Из-под его пера один за другим вышли романы «Суть дела» и «Конец одного романа», сценарии фильмов «Третий человек» и «Поверженный идол», а также пьеса «Комната для живых». «Суть дела» принесла писателю международное признание. «Конец одного романа» рассказывал о трогательной любовной истории, произошедшей с самим писателем в Лондоне во время германских бомбежек.

После войны Грин в качестве корреспондента журнала «Нью рипаблик» побывал в «горячих точках» – в Мексике, во Вьетнаме, в Польше, в Африке, на Гаити. И хотя он называл себя аполитичным писателем, сюжеты почти всех его романов («Тихий американец», «Наш человек в Гаване», «Комедианты», «Ценой потери») происходили на фоне острых политических событий, часто с религиозным подтекстом.

В «Тихом американце» Грин дал острую критику политике США, развязавших военные действия в Юго-Восточной Азии. Писателю тут же приклеили ярлык «антиамериканиста». Грин против этого не возражал. В пику американизму он поддержал революционные движения в Доминиканской республике, Панаме, Никарагуа. В одной из заметок он написал о том, что глубоко презирает Голливуд и ни во что не ставит вклад, внесенный его деятелями в мировой кинематограф.

К началу 1960-х гг. Грин стал одним из самых почитаемых английских писателей – не только у себя дома, но и за рубежом. Его собирались наградить орденом Британской империи, но он отказался. В 1966 г. Грин принял орден Кавалеров Славы, а через 20 лет орден «За заслуги». В 1981 г. стал лауреатом Иерусалимской премии. Писатель неоднократно выдвигался на Нобелевскую премию по литературе, но так и не получил её из-за претензий критиков.

Всего Грин написал 25 романов, но это далеко не все в его творчестве. Еще – три пьесы, три сборника рассказов и два эссе, три книги путевых очерков, две биографии, книги для детей, киносценарии.

Писатель трижды бывал у нас, на родине своего любимого писателя А.П. Чехова – в 1957, 1960 и 1987 гг. В 1990-е гг. в России вышло его шеститомное собрание сочинений.

В последние годы жизни писатель жил в Швейцарии. Умер Грин в Веве 3 апреля 1991 г. Причастил и соборовал писателя его друг испанский священник Л. Дуран.

На русский язык Грина переводили Н. Волжина, А. Ставиская, Н. Рахманова, Н. Трауберг, Е. Голышева, Б. Изаков, М. Виленский, З. Юрьев, А. Бураковский.

ЖАН ПОЛЬ САРТР (1905–1980)

«Человек несет всю тяжесть мира на своих плечах: он ответствен за мир и за самого себя как за определенный способ бытия… Поэтому в жизни нет случайности. Ни одно общественное событие, возникшее внезапно и увлекшее меня, не приходит извне: если я мобилизован на войну, это есть моя война, я виновен в ней, и я ее заслуживаю». Сартр имел право это сказать, т. к. не только чувствовал так и говорил, но и жил.

Жан Поль Шарль Эмар Сартр родился 21 июня 1905 г. в Париже в семье морского инженера, умершего от тропической лихорадки, когда мальчику не исполнилось и года. Воспитывали мальчика его дед, профессор Шарль Швейцер, филолог-германист, основавший в Париже институт современного языка, протестант по вере, и бабушка-католичка. За столом каждый из них подтрунивал над религией другого, из чего ребенок сделал вывод, что оба вероисповедания ничего не стоят и, в конце концов, стал убежденным атеистом.

Дед считал своего внука одаренным мальчиком и, забрав из школы, пригласил ему домашних учителей. Годы уединения дали Сартру многое: он успел прочитать столько, сколько иному не прочитать и за жизнь.

В 1920 г. Сартр поступил в столичный лицей Генриха IV, где начал печататься в столичной периодике, а через четыре года в привилегированную Высшую нормальную школу. Там он изучал философию и познакомился с будущей подругой жизни и соратником Симоной де Бовуар.

Получив диплом первой степени, Жан Поль два года служил в метеорологических войсках, после чего десять лет преподавал

философию в лицеях Гавра, Лана, Нейи, стажировался в Берлине во Французском институте, изучал опыт феноменологии Э. Гуссерля и онтологии М. Хайдеггера, увлекался психологией, следствием чего стали его четыре философских труда о природе явлений и работе сознания.

В конце 1930-х гг. были напечатаны первые значительные литературные произведения Сартра – роман «Тошнота» и сборник новелл «Стена», ставшие во Франции книгами года. В них (помимо своих умозаключений) писатель подверг критике буржуазную рутину.

«Тошноту», физическую и интеллектуальную, испытал герой романа Антуан Рокентен. Занимаясь биографией деятеля XVIII в., Рокентен до тошноты проникся абсурдностью существования, в котором он никак не мог изменить внешний мир. Чтобы преодолеть тошноту, понял он, ему надо написать роман. Только творчество имеет смысл – решил в 33 года Сартр. «Антирвотная» пилюля пришлась по вкусу миллионам его современников.

В начале Второй мировой войны Сартр из-за дефекта зрения (он был практически слеп на один глаз) попал не в окопы, а в метеорологический корпус. После захвата Франции нацистами его бросили в концлагерь для военнопленных под Триром. Жан Поль симулировал тяжелое заболевание и через девять месяцев был выпущен.

Вернувшись к литературной и преподавательской деятельности, Сартр стал активным участником Сопротивления (не боевиком, разумеется), познакомился с А. Камю, введшим его в редакцию подпольной газеты «Комба», писал для нее, опубликовал свой главный философский труд – «Бытие и ничто». Успехом пользовалась его пьеса «За запертой дверью» – за которой, оказывается, находится ад, поскольку «ад – это другие». Постановку другой пьесы, «Мухи», в которой был призыв к свободе, немецкие власти запретили.

Труд «Бытие и ничто» стал библией для молодых французских интеллектуалов. Им импонировало, что надо отвечать за свои действия только перед самим собой; что каков внешний мир в сознании человека, таков он и на самом деле; что набором своих внутренних ценностей можно оценить мир. Все это они назвали «сартризмом». К концу войны Сартр стал вождем экзистенциалистов, заседавших в одном из уютных парижских кафе. Рассуждения о свободе всеми посетителями увязывались с движением Сопротивления и вселяли надежду на то, что экзистенциализм объединит интеллектуалов и создаст новую французскую культуру.

Писатель оставил преподавание «для других» и посвятил себя

философствованию «для себя», т. е. развитию экзистенциальных идей. Поскольку существование предшествует сущности, утверждал Жан Поль, то и человек есть то, что он являет собой в решающий момент «экзистенциального» действия – или трус, или герой. По большому же счету человек таков, каков он в восприятии окружающих.

Став редактором литературного журнала «Новые времена», Сартр сошелся с коммунистами, поддержал проект их Конституции, отказавшись голосовать за него. Попытался организовать Демократическое революционное объединение.

Засим настало плодотворное десятилетие, в которое было создано множество рецензий и критических статей; шесть пьес, лучшая из которых – «Грязные руки»; незавершенная тетралогия «Дороги свободы»; исследования жизни и творчества Ш. Бодлера и Ж. Жене.

Потом Сартр забросил литературу, театр, порвал с Камю и стал пропагандировать марксизм. При этом гуманизм он увязывал с обязательностью насилия и революций. Писатель выступил на Венском конгрессе народов в защиту мира, был избран членом Всемирного Совета Мира. После неоднократных угроз французские фашисты взорвали его квартиру.

Прошли и эти десять лет, и в 1964 г. писатель опубликовал автобиографический роман о первых десяти годах своей жизни – «Слова», в котором он отверг «буржуазные» духовные ценности, литературу, отвечающую эстетическим критериям, и провозгласил приоритет политической и литературной «ангажированности». В философской работе «Критика диалектического разума» Сартр предпринял попытку примирить марксизм и экзистенциализм – с помощью «индивидуальной свободы» освободить марксизм от предрассудков, а с помощью «очищенного» марксизма превратить экзистенциализм из философии личности в философию общества.

В том же году Сартр был удостоен Нобелевской премии по литературе «за богатое идеями, пронизанное духом свободы и поисками истины творчество, оказавшее огромное влияние на наше время», однако отказался от нее, сославшись на то, что «не желает, чтобы его превращали в общественный институт», и что слава нобелевского лауреата помешает его радикальной политической деятельности. Более того, он заявил о своем отказе от литературной деятельности, поскольку литература, по его мнению, всего лишь суррогат действенного преобразования мира.

В бурные «шестидесятые» Сартр стал человеком действия: много путешествовал; приветствовал демонстрации парижских студентов 1968 г.; отстаивал права ультралевых групп; стал

редактором запрещенного во Франции маоистского журнала «Дело народа»; осудил «оппортунизм» коммунистических партий, а также советские вторжения в Венгрию и Чехословакию; возглавил газету «Либерасьон». Став председателем антивоенной комиссии, Сартр обвинил США в военных преступлениях во Вьетнаме; горячо поддержал китайскую и кубинскую революции. Свои идеи он проводил и в творчестве. Так, в пьесе «Затворники Альтоны» сравнил французскую колониальную политику в Алжире с нацистскими преступлениями.

Это был апогей популярности Сартра. Он считал любое социальное установление посягательством на человека, а любую норму – нивелировкой личности, приветствовал спонтанный протест против всякой социальности – бальзам для все отрицающей молодости! Она и сделала его своим поп-идолом. Увы, из философической «свободы выбора» молодых людей волновала больше всего свобода сексуальных отношений да битье витрин лавок своих отцов.

В 1970-е гг. Сартр оказался в полной изоляции, отошел от политической деятельности, вновь стал писать статьи и эссе об искусстве, пока к концу жизни из-за глаукомы не мог уже делать и этого. Сидеть сложа руки он не мог: давал многочисленные интервью, обсуждал с друзьями политические события, слушал музыку; Симона часто читала ему что-нибудь вслух…

Испытывая постоянный (но и критический) интерес к психоанализу и его создателю З. Фрейду, Сартр в последний год жизни написал киносценарий, посвященный жизни психоаналитика.

15 апреля 1980 г. Сартр умер в Париже. Официальных похорон по просьбе писателя не было. Однако к похоронной процессии стихийно присоединились 50 тысяч человек, что стало грандиозной демонстрацией во славу великого человека слова и дела. Среди откликов на его смерть можно выделить слова философа-структуралиста Л. Альтюссера: «Он был нашим Жаном Жаком Руссо» и некролог газеты «Монд», сообщившей, что «ни один французский интеллектуал XX века, ни один лауреат Нобелевской премии не оказал такого глубокого, длительного и всеобъемлющего влияния, как Сартр».

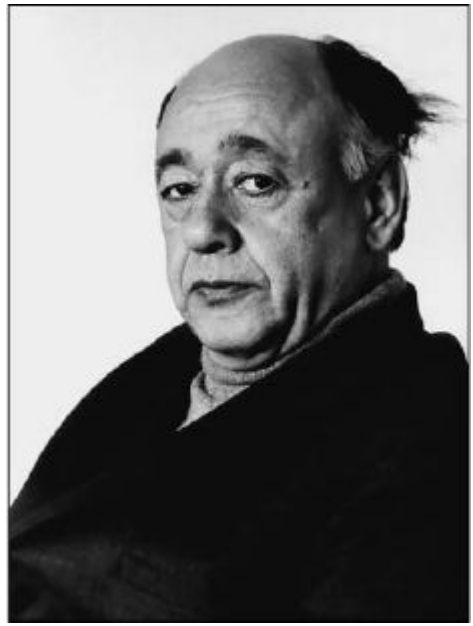
Писателя переводили на русский язык Ю. Яхнина, Л. Григорьян, Л. Зонина, В. Колядко, О. Волчек, С. Фокин и другие.

ЭЖЕН ИОНЕСКО (1909–1994)

Театр начинается не с вешалки. Театр начинается с абсурда. Ибо только абсурдом и можно взять зрителя, всю жизнь пребывающего в абсурде реальной жизни. Когда абсурда в жизни меньше предельно допустимой концентрации, театр можно называть как угодно: реалистическим, «брехтовским», королевским, народным – все равно он отражает какие-то реальные вещи, даже подвергнутые внутреннему распаду. Когда вследствие продолжающегося распада эта концентрация возрастает на порядок, и жизнь уже без всяких метафор превращается в один лишь абсурд, тогда и театр начинают называть «масломасляным», или «театром абсурда». Ярчайшим представителем этого театра и одним из его основателей был Эжен Ионеско. И хотя слову «абсурд» он предпочитал слово «парадокс», это сути не меняет.

В его пьесе «Стулья» – стулья являются гостями двух стариков-супругов. Это даже не ироничный чеховский «многоуважаемый шкаф», а всамделишные (с точки зрения супругов) собеседники, которым они собрались сообщить некую важную весть. Когда к хныкающим, не знающим чем занять себя старикам «явился» сам государь-император, они от радости едва не сошли с ума. Приглашенный ими Оратор, который и должен был сообщить «весть», лишь разевал рот как рыба – он глухонемой. От переизбытка пустоты в жизни и в мыслях чета в пароксизме счастья с воплем «Да здравствует император!» выбросилась из окна.

Эжен Ионеско родился 26 ноября 1909 г. (по версии самого писателя – 1912 г.) в румынском городе Слечине в семье румына-адвоката. Родители в раннем детстве увезли его во Францию (мать была француженкой), до 11 лет он жил в деревне Ла Шапель-Антенез, потом – в Париже. Частые ссоры родителей мальчик пережидал в приютах, пока те не развелись. Эжен остался с матерью. Под впечатлением семейных неурядиц он стал сочинять пьесы о детях, которые выбрасывали родителей из окна.



В 13 лет подросток уехал в Бухарест к отцу, сдал экзамены на аттестат зрелости и в Бухарестском университете стал изучать французскую литературу и язык. В 1928 г. опубликовал свои первые стихи на румынском языке, позднее он стал писать и на французском. Сочинил дерзкий памфлет под названием «Нет!» в духе дадаистов.

В начале 1930 х гг. в среде румынской интеллигенции процветали нацистские идеи, однако они воздействовали на молодого человека «от противного»: он возненавидел любое идеологическое давление, любой тоталитарный режим.

В 1935 г. Ионеско женился на студентке философского факультета Родике Бурляну, вернулся в Париж, некоторое время получал стипендию от румынского правительства, через три года защитил в Сорбонне докторскую диссертацию по философии «О мотивах страха и смерти во французской поэзии после Бодлера».

Первая пьеса Ионеско в жанре «театра абсурда» – «Лысая певица» была поставлена в парижском «Театре полуночников» в 1950 г. Затем из-под пера драматурга каждый год выходило по пьесе: «Урок», «Стулья», «Жертвы долга».

Наибольшая известность выпала на долю драматической тетралогии, написанной в 1959–1962 гг., объединенной общим героем – драматургом Беранже: «Бескорыстный убийца», «Носороги», «Воздушный пешеход», «Король умирает».

Зрители, вкусившие к середине XX в. разных причуд драматургов и режиссеров, приученные к эквилибристике ума, не сразу могли «въехать» в произведения Ионеско, отражавшие по своей сути глубинные процессы изменения самой жизни. Да и

пьесы не помогали им сделать это, т. к. действие в них происходило «как бы» во сне. Ионеско считал, что «реализм, социалистический или нет, остаётся вне реальности. Он сужает, обесцвечивает, искажает ее… Изображает человека в перспективе уменьшенной и отчужденной. Истина в наших мечтах, в воображении… Подлинное существо только в мифе…». Зрители на спектакле не отдыхали от дневных забот и не испытывали катарсис, но получали отнюдь не мифический, а реальный заряд тревоги, растерянности перед своим будущим, полным неопределенности и опасности.

Подавляющим большинством критиков и зрителей пьесы Ионеско воспринимались как «бред» их создателя. Их высмеивали, снимали с репертуара. Однако небезразличный к земной славе драматург не унывал. «Прошло семь лет с того момента, когда в Париже сыграли мою первую пьесу, – писал он. – Это был скромный успех, посредственный скандал. У моей второй пьесы провал был немного более громким, скандал несколько покрупнее. И только в 1952 г., в связи со "Стульями" события начали принимать более широкий разворот. Каждый вечер в театре присутствовало восемь человек, весьма недовольных пьесой, но вызванный ею шум был услышан значительно большим количеством людей в Париже, во всей Франции, он долетел до самой немецкой границы. А после появления моих третьей, четвёртой, пятой… восьмой пьес слух об их провалах стал распространяться гигантскими шагами. Возмущение перешагнуло Ла-Манш… Перешло в Испанию, Италию, распространилось в Германии, переехало на кораблях в Англию… Я думаю, что если неуспех будет распространяться таким образом, он превратится в триумф».

Так оно и вышло. Две первые комедии драматурга «Лысая певица» и «Урок» в 1957 г. были возобновлены на сцене, и каждый вечер шли в парижском «Ла Юшет». Человечество каждый раз наступает на одни и те же грабли своей забывчивости. Ведь еще в античной комедии и средневековом фарсе, в «Алисе» Л. Кэрролла, да даже в фильмах Ч. Чаплина и Б. Китона действие разворачивалось один к одному как в пьесах театра абсурда. Разве что Ионеско довел сценический абсурд до совершенства. Опять же потому, что его к этому подвела сама жизнь.

В 1960—1970-е гг. в пьесах Ионеско зазвучал апокалипсис, как отзвук мировой тоталитарной идеологии: «Бред вдвоем», «Жажда и голод», «Макбет», «Этот потрясающий бордель», «Человек с чемоданами». Главные темы последних пьес писателя – поиск утраченного рая и сатирическое разоблачение идеологии как средства морального подавления и порабощения людей.

Пути развития театра виделись писателю в гипертрофии примитивного гротеска, он стремился создать «свирепый, безудержный» театр – так называемый «театр крика». Ионеско, как один из самых ярких представителей драматургов-абсурдистов XX в. (С. Беккет, С. Мрожек, Г. Пинтер), сделал нонсенс основой не только своего творчества, но и философии. Соединив талант драматурга и знатока сцены с талантом гипнотизера масс, он заставил зрителей увидеть то, что виделось ему самому, смог примитивом и криком «взять» за душу не только интеллектуальную элиту, но и массового зрителя, требующего «хлеба и зрелищ».

Пьесы требовали пояснений, и Ионеско часто и много пояснял и растолковывал. С его слов, драмы предостерегали общество от опасности превращения его членов в носорогов, анонимных убийц и т. п. Впрочем, искусство, как всегда, предостерегало, а общество «несмотря на» превращалось в то, во что оно превратилось. Напуганная интеллигенция, пожалуй, самый характерный слой общества XX столетия, и ярче всего он представлен именно в лучших произведениях своих представителей.

Французская академия наук в 1970 г. услышала предостерегающий голос писателя и сделала его своим членом. К тому времени он успел создать произведения других жанров: сборники рассказов «Фотография полковника», эссе и воспоминаний «Крохи из дневника», «Прошедшее настоящее, настоящее прошлое», «Открытия», статьи об искусстве и размышления о театре «Заметки и опровержения». До 1980 г., когда Ионеско подвел итоги своего творческого пути в драме «Путешествия к умершим», он создал еще несколько подобных сборников, а также роман «Отшельник», в котором в скучный мир жалкого человечишки, огребшего вдруг богатство, ворвалась то ли виртуальная, то ли реальная гражданская война, развязанная в пределах одной улицы.

Скончался Ионеско после тяжелой продолжительной болезни 28 марта 1994 г. в Париже. Одна из последних записей в его дневнике: «Что же хорошего я сделал в жизни? По-моему, я попусту тратил время, бросал слова на ветер. Внутри у меня пустота – экзистенциальная пустота, заполняющая мир. Как всегда, я думаю о смерти – она может наступить еще сегодня или же – будем надеяться – завтра, послезавтра и даже еще позднее. Как знать, ждет ли нас там какое-нибудь продолжение, ждет ли нас радость. Иногда я думаю, что молюсь, обращаю к Богу молитвы. Но как выглядит Бог? Мне думается, что Бог – овальный».

Каждому – свой Бог.

В нашей стране впервые пьесу Ионеско «Носорог» поставили в 1987 г. в московском «Театре на Юго-Западе», и с тех пор его произведения оказались востребованными самим временем. На русский язык Ионеско переводили Е. Суриц, Е. Дюшен, Л. Завьялова, Н. Мавлевич, И. Кузнецова, А. Гаврилов.

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ (1911–1993)

Можно вальяжно рассуждать о добре, о том, что оно спасет мир, подразумевая, что «мир» – это человек. Вот только спасет ли? Можно жестко говорить о зле, имманентном самому миру. Это тем более не спасет, хотя, быть может, откроет человеку глаза в его душу. «На протяжении моей жизни я не раз был потрясен и оглушен, узнавая, что мы, люди, можем проделывать друг с другом… Вот почему я и пишу со всей страстностью, на какую только способен, и говорю людям: „Смотрите, смотрите, смотрите: вот какова она, как я ее вижу, природа самого опасного из всех животных – человека“», – сказал английский писатель Голдинг, не обольщавший себя надеждой, что человек, увидев в себе зверя, испытает стыд и очистится, как некий фильтр. Скорее всего, писатель был уверен, что человек от осознания в себе зверя лишь испытает неуемную гордость и эйфорию самопознания. Ибо человек уже давным-давно отрекся от Бога и из Божьего дитя стал пасынком сатаны.

Уильям Джеральд Голдинг родился в городке Сент-Колам-Майнер (графство Корнуолл), в семье школьного учителя. Сочинять разные истории мальчик начал с семи лет. После окончания грамматической школы поступил в Оксфорд, в колледж Брэйзноз. Проучившись два года по профилю естественных наук, перешел на филологию и завершил обучение со степенью бакалавра искусств. Дилемма «физики и лирики» позднее будет разрешаться в его произведениях противопоставлением рациональных людей людям религиозным.

Свою трудовую деятельность в Лондонском приюте для бездомных Голдинг начал, будучи автором сборника стихов,

которые он позже назовет «худосочными творениями», и успешно продолжал ее, создавая в свободное время пьесы и ставя их в небольшом столичном театре. В них он исполнял и ряд ролей.

В 1939 г. Уильям женился на Энн Брукфилд, специалистке по аналитической химии, и перебрался с ней в Солсбери, где устроился преподавателем английского языка и философии в школу епископа Водсворта.

Всю Вторую мировую войну Голдинг прослужил в Королевском флоте, начав с матроса, а закончив командиром торпедоносца. После увольнения из флота Голдинг вернулся к преподавательской деятельности в Солсбери, а в свободное время изучал древнегреческий язык и писал романы. Продолжалось это больше восьми лет.

Война не зарубцевалась в душе писателя до последних его дней, определив главную тему творчества – раскрытие природы зла в человеке. Это требовало от него не юмора и иронии, не сатиры и публицистики, а совсем иного инструмента, которым стал роман в форме мифа и притчи. Четыре таких романа были отвергнуты всеми издательствами, пока, наконец, «Фабер» (двадцать второе по счету), не взялось опубликовать один из них, «Повелитель мух». Роман стал в Великобритании бестселлером и разошелся тиражом более 20 млн экземпляров. Книга завоевала невероятную популярность в Англии и США, а затем и во всем мире; Голдинг был избран в Королевское общество литературы. Коллективная «робинзонада» группы английских мальчишек, оказавшихся на необитаемом острове и, чтобы выжить, ставших строить некий социум, основанный на звериных инстинктах, – явилась откровением для всего «прогрессивного» человечества, давно мучимого вопросом: почему «культурный» человек, оказавшись вне цивилизации, мгновенно превращается в зверя? Сия притча вызвала многочисленные критические споры, но большинство критиков, в конце концов, вынуждено было согласиться с Голдингом, что «в человеке больше зла, чем можно объяснить только давлением социальных механизмов».

Вслед за «Повелителем мух» увидели свет романы «Наследники», «Воришка Мартин», «Свободное падение», повесть «Чрезвычайный посол», а также пьеса «Медная бабочка». Все эти произведения различны по тематике, что соответствовало творческому кредо писателя: не повторяться в своих сочинениях. В них Голдинг изложил свои мысли о судьбах человеческой цивилизации, о суетности и грешности жизни, о неизбежности морального падения при забвении библейских заповедей, о конфликте между религией и рационализмом, мифом и историей.

В 1961 г. Голдинг посчитал свою преподавательскую миссию

завершенной и целиком посвятил себя литературе. Поселился с Энн и двумя детьми, Дэвидом и Джудит, в крытом соломой коттедже недалеко от Солсбери, писал, занимался древнегреческим, читал литературу по археологии, а для отдыха глаз садился за фортепьяно.

1960-е гг. были насыщены разнообразной деятельностью. Писатель читал лекции в университетах США; принял участие во встрече Европейского сообщества писателей в Ленинграде, после чего еще несколько раз посещал нашу страну, встречался с писателями, литературоведами, студентами; опубликовал два романа – «Шпиль» и «Пирамида», сборник эссе «Горячие врата», подготовил к печати три повести.

«Шпиль» – одно из самых интересных произведений Голдинга, кульминация его творчества. Главный герой романа, настоятель Джослин, в непоколебимой решимости украсить собор 400-футовым шпилем, дабы «вознести молитву в камне», возносит ее, невзирая ни на какие потери – жертвы, обман, убийство, невзирая даже на потерю самой веры. «Ничто не совершается без греха. Лишь Богу ведомо, где Бог», – то ли утешает себя перед смертью герой, то ли порицает.

После этой книги творчество писателя, несколько затормозив в 1970-е гг. из-за семейных проблем, развивалось по двум независимым направлениям – метафизическому (роман «Зримая тьма», горячо встреченный в США) и социальному (роман «Ритуал на море» – за него писатель получил главную английскую литературную премию Букера-Макконнела). Не забывал Голдинг и эссе – в 1982 г. вышел сборник «Движущаяся мишень».

В 1983 г. Голдингу была неожиданно для литературного мира (видевшего лауреатом Грэма Грина) присуждена Нобелевская премия по литературе «за романы, которые с ясностью реалистического повествовательного искусства в сочетании с многообразием и универсальностью мифа помогают постигнуть условия существования человека в современном мире».

«Романы и рассказы Голдинга – это не только угрюмые нравоучения и темные мифы о зле и предательских разрушительных силах, – сказал в свой речи представитель Шведской академии Л. Июлленстен, – это еще и занимательные приключенческие истории, которые могут читаться ради удовольствия».

На упреки в пессимизме писатель ответил: «Размышляя о мире, которым правит наука, я становлюсь пессимистом… Тем не менее я оптимист, когда вспоминаю о духовном мире, от которого наука пытается меня отвлечь… Нам надо больше любви, больше человечности, больше заботы».

После публикации в 1980-е гг. «Бумажных людишек» – романа об академической среде, и морского романа «Лицом к лицу» Голдингу за заслуги перед Англией было пожаловано рыцарское звание.

Написав третий морской роман «Огонь внизу» и завершив, таким образом, «Морскую трилогию», Голдинг в 1993 г. начал работу над новой книгой «Двойной язык», но не успел закончить ее. 19 июня 1993 г. он скончался от обширного инфаркта в своем доме в Перранаруортоле. Писателя похоронили на церковном кладбище близ Солсбери.

На протяжении творческой жизни Голдинг оценивался критикой по-разному. Большинство критиков считали его «самым интересным современным английским писателем».

На русский язык Голдинга переводили Е. Суриц, Б. Любарцев, И. Гурова, Ю. Здоровов, А. Глебовская.

ЭРВЕ БАЗЕН (1911–1996)

В девятом вале агрессии и примитива, идущем из СМИ и со страниц книг сегодня как никогда актуальна мысль Базена, высказанная им 30 лет назад: «Быть литератором – значит обладать возможностью влиять на умы. Это привилегия. Но она обязывает ко многому. Тут нужно задать себе вопрос: а для чего я взял в руки перо? Собираюсь я строить или разрушать? Собираюсь помочь человеку или лишить его последней надежды?» Духовная потребность общества в литераторе, который не уподобился комку сухой травы – перекати-полю, носимому ветрами перемен, за прошедшие годы стала еще острее. Сегодня как никогда нужен строитель, который возводит здание литературы на земле, на которой все мы живем, а не в виртуальных мирах, населенных нелюдями. Такого здания, фундамент которого стоит на земле, а купол упирается в небо. Таким писателем-строителем был и сам Базен.

Жан Пьер Мари Эрве Базен родился во французском городке Анже 17 апреля 1911 г. в состоятельной семье, кичившейся своей буржуазно-аристократической породой. В доме царил железный порядок, установленный деспотичной матерью, и когда мальчик проявил строптивость и взбунтовался против него, его тут же отдали в закрытый католический лицей. Несмотря на то что будущий писатель с младых лет заявлял о своей склонности к

литературе, его особо не слушали: перевели в другой лицей, затем сунули на юридический факультет, когда он отказался учиться на юриста, определили служащим на фабрику родственника. И вот там молодой человек стал тем, кем оставался потом всю жизнь – самим собой. Он женился на фабричной девушке, чем навсегда отвратил от себя свое чванливое семейство, и поступил на филологический факультет Сорбонны. Работа газетным хроникером позволяла сводить концы с концами, но супруга вскоре сбежала вместе с ребенком от нищеты. Студент тяжело перенес это, долго болел; в поисках заработка сменил множество профессий: продавца платков, каменщика, штукатура, плотника, столяра, слесаря, электромонтера, уборщика трамвайных рельсов вдоль Сены…

На литературное поприще Эрве Базен вступил в 1930-е гг.: выпустил сборники стихов, к которым такой авторитет в поэзии, как П. Валери, отнесся весьма скептически, а также свой первый прозаический опыт, воспринятый также критически, что, однако, не погасило пыл начинающего писателя.

В 1940 г. Жан Пьер оказался на фронте; раненный, едва не попал в плен и понял, что «война ничего не дарит, она умеет только отнимать». В годы оккупации Франции он примкнул к левому крылу движения Сопротивления, участвовал в освобождении Парижа от фашистов.

После войны, в 1946 г., Эрве Базен вместе с другими молодыми писателями, поэтами и художниками основал журнал «Ракушка». А также построил свой дом. За небольшие деньги он приобрел полуразрушенный бомбежками замок, сам возвел стены, лестницы, отремонтировал комнаты, поставил камин, разбил сад. Каждый год потом вспахивал трактором огород, разводил зелень и снабжал ею сыновей и дочерей от четырех своих браков. Многообразие интересов писателя удивительно. Из обрывков и фрагментов старинных гобеленов он складывал новые, пользующиеся большим спросом «гобелены Базена», собирал богатейшую коллекцию ракушек со всего мира, профессионально занимался астрономией.

С этой поры и начался тот Эрве Базен, которого мы знаем сегодня. Издатель Грассэ разорвал его фамилию и создал это литературное имя. За стихотворный сборник «Дин» Базен получил премию Г. Аполлинера и вскоре после этого выпустил роман «Змея в кулаке», который принес ему скандальную известность. Эта вещь отражала художественно преображенный конфликт писателя со своей семьей, прежде всего с матерью. Писателя тут же обвинили в том, что он опозорил свой род, а он и не думал оправдываться. Мало того, к очередному изданию

«Змеи» он еще приложил фотографии из семейного архива Базенов. Это было вполне в духе базеновского реализма. Позднее писатель в своем письме к молодому литератору Франции написал о том, что замкнутое на самом себе творчество (его он символически называл «Византией») обречено по самой своей сути на забвение. «Удивительное безразличие к важнейшим сторонам современной реальной жизни» представителей «новой волны» в литературе, в конце концов, вызывает такое же безразличие к ним самим, утверждал он и громил тех, кто в своих новых по форме вещах уничтожил сердцевину прозы – сюжет. Сам Базен реальную жизнь обожал и страстно жил ею. Оттого и творчество его получилось таким живым и страстным, и таким же сюжетным. Все обожали брать у него интервью – и репортеры газет, и на радио, и на телевидении. Его молниеносная реакция на вопросы интервьюеров подчас ставила в тупик самых пройдошных мастеров этого жанра, а от обилия изливаемых на них мыслей у них и вовсе ум заходил за разум.

Через несколько лет он стал «лучшим романистом десятилетия», имея на своем счету романы «Головой об стену», «Встань и иди», «Масло в огонь», «Кого я решаюсь любить», вторую книгу трилогии «Семья Резо» – «Смерть лошадки», сборник рассказов «Бюро бракосочетаний».

В 1960—70-е гг. вышли в свет сборник рассказов «Шапку долой», романы «Ради сына», «Супружеская жизнь», «Счастливцы с острова Отчаяния», «Крик совы», «Анатомия развода», в которых нашла продолжение тема семьи. Все они пронизаны стремлением писателя спасти, защитить человека от алчного мира наживы, в котором утонула и современная семья, от бессмысленности бездуховного существования. Главным персонажем, которого развенчивал без устали писатель, являлся «буржуа – это олицетворение благоразумия, рассудка и традиций Франции… Не Франции, а франка. Так будет вернее».

В 1957 г. Базена наградили Большой литературной премией Французской академии, через несколько месяцев избрали членом, а с 1973 г. – президентом Гонкуровской академии. Писателя ни разу не удостоили этой премии, поскольку для необходимого единогласного мнения жюри каждый раз не хватало согласия мадам Коллетт, голосовавшей против «человека, так оскорбившего свою мать» (в романе «Гадюка в кулаке»). Несмотря на это мнение, Базен был признан самым читаемым писателем Франции в 1985 (да и не только в этом) г.

Базен и в своем искусстве, и на общественном поприще вел неустанную борьбу против реакции и войны: с 1950 г. он являлся членом Национального бюро Французского движения за мир, с

1974 г. – членом Всемирного Совета Мира. В 1980 г. Базену была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Осенью 1986 г. Базен во главе делегации Академии Гонкуров посетил нашу страну, побывал в Москве и Ленинграде, встречался с писателями и читателями, выступал на пресс-конференции, давал многочисленные интервью.

Писатель в 1991 г. получил титул командора ордена Почетного легиона Франции.

Базен трудился до последних дней. Задавал простые вопросы, на которые и по сей день не смогли ответить ни политики Франции, ни лучшие умы мира. «Вы не находите забавным, что то, ради чего живет обыкновенный француз, от него неумолимо ускользает? Он живет, чтобы накопить побольше денег. Деньги – это божок. Он на них молится, добывает, копит, кладет под проценты. А что получается? Накопления увеличиваются на 7—10 проц., а стоимость жизни – на 12–15 процентов. Выходит, что, богатея, он беднеет. И никто не спрашивает себя об абсурдности такого устройства жизни, при котором главная цель удаляется быстрее, чем ты к ней приближаешься».

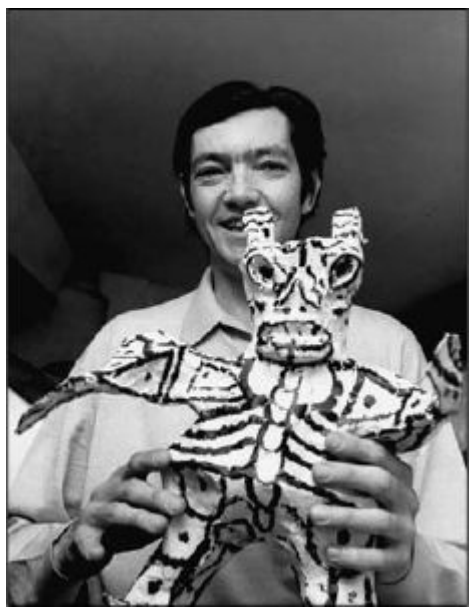
Писатель оставил десятки произведений – сборники эссе, стихотворений, репортажей, рассказов, романов, особое место среди которых занимает трилогия «Семья Резо». Особое – поскольку в ней отразилась и динамика семьи, и динамика общества, не только французские, а и всего западного мира.

Скончался писатель в Анже 17 февраля 1996 г.

Переводили Базена на русский язык Ю. Жуков, Р. Измайлова, Г. Сафронова, Р. Закарьян, Л. Токарев, Р. Родина.

ХУЛИО КОРТАСАР (1914–1984)

«Однажды я сильно заболел, – поведал в одном из интервью Кортасар. – У меня был тот самый грипп, от которого температура подскакивает до сорока. Я лежал один – дома в Буэнос-Айресе и, надо думать, от жара впал в слегка бредовое состояние. Я вдруг въяве представил себе, что чувствует человек в доме, по которому гуляет тигр. Самый настоящий живой тигр – но прирученный обитателями дома. И дом был другой, не тот, где я тогда лежал. Скорее всего, это не тигр бродил вокруг меня, а мучивший меня жар, мой бред. Иначе говоря, в рассказе описывается то, что случилось на самом деле… Фантастическое для меня – часть реальности, и эту часть порой можно потрогать руками – когда в буквальном смысле слова, а когда только мысленно».



Все произведения Кортасара – смесь реальности и фантастики. Фантастическое в них рождается из повседневности самых заурядных людей, отчего и судьба их становится фантастической. Но чтобы полнее ощутить эту не поддающуюся анатомированию двойственность, надо, конечно, Кортасара читать, а не пересказывать.

Хулио Флоренсио Кортасар родился 26 августа 1914 г. в Брюсселе, в семье аргентинского дипломата. Из-за оккупации Брюсселя германскими войсками семья переехала в Швейцарию, а

после войны вернулась в Аргентину.

Отец оставил семью, и четырехлетний Хулио остался с матерью, теткой, бабушкой и младшей сестрой Офелией. Детство мальчик провел в Банфильде, пригороде Буэнос-Айреса.

Окончив школу, где он уже в восемь лет пробовал сочинять стихи и рассказы, Кортасар прослушал курс лекций в Педагогическом училище и получил диплом преподавателя средней школы. Прочитав книгу Ж. Кокто «Опий», юноша открыл для себя французский сюрреализм.

В 1935 г. Хулио поступил на литературно-философский факультет столичного университета, но из-за отсутствия средств через год оставил учебу и семь лет проработал сельским учителем в городках Боливаре и Чивилкое. Увлекался джазом, много читал, писал «в стол» рассказы. Под псевдонимом Хулио Динис в 1938 г. опубликовал эссе об А. Рембо в журнале «Уэлья» и книгу сонетов «Явь» (другое название «Присутствие»). Это была последняя прижизненная публикация его стихов, которые он писал всю жизнь. Уже посмертно была издана книга стихов и поэм «Только сумерки».

Будучи преподавателем, Кортасар впервые вошел в конфликт с властями, который стал обычным состоянием в его жизни. Позже писателя обвиняли «в следующих серьезных преступлениях: а) недостаток рвения и любви к правительству; б) коммунизм; в) атеизм». Его атеизм начался в Чивилкое, куда с визитом прибыл монсеньор А. Серафини. Кортасар был единственным из 25 преподавателей, кто не поцеловал перстень священника.

После военного переворота в Аргентине в 1943 г., когда к власти пришел полковник Х.Д. Перон, Кортасар преподавал французскую литературу в университетах городов Куйо и Мендосы. Первая прозаическая публикация – новелла «Ведьма» появилась в 1944 г. в журнале «Коррео Литерарио». Кортасар активно участвовал в антиперонистских политических манифестациях, а с победой Перона на президентских выборах в 1946 г. он оставил университет и вернулся в Буэнос-Айрес, где стал служащим в Книжной палате.

Тогда же в журнале «Летописи Буэнос-Айреса», издаваемом Х.Л. Борхесом, которого Кортасар считал своим наставником, вышли две новеллы писателя «Захваченный дом» и «Бестиарий», а в ученых записках университета Куйо статья об античных мотивах в поэзии Д. Китса. С первых произведений писатель задал одну из главных своих тем – призрачность и хрупкость привычного мира повседневности, в который как молния врывается нечто таинственное и ирреальное.

Сдав экстерном (за девять месяцев) трехгодичные курсы устного перевода (с английского и французского), Кортасар стал много заниматься переводами. Впервые под собственной фамилией напечатал драматическую поэму «Короли». Написал два романа «Дивертисмент» и «Экзамен», отвергнутый издательствами. Они вышли уже посмертно. В молодости Хулио жил бирюком, избегал публичности, не метил в литературные мэтры. Жизнь затворника и обитателя пыльной провинции не способствовала его известности и готовности издательств публиковать его сочинения.

После выхода в 1951 г. книги новелл «Бестиарий», оставшейся незамеченной, Кортасар получил литературную стипендию французского правительства и уехал в Париж, как оказалось, навсегда. К французской столице адаптировался долго и болезненно. Работать устроился переводчиком в ЮНЕСКО. В 1953 г. женился на переводчице Ауроре Бернардес. Всего он был женат трижды.

В течение нескольких лет писатель опубликовал два сборника новелл «Конец игры» и «Тайное оружие», а в 1960 г. в Буэнос-Айресе роман «Выигрыши», в котором он раскрыл проблему ненасытной человеческой неудовлетворенности, приводящей к гибели или оставляющей в дураках.

Вышедшие затем «Истории о хронопах и фамах» и роман «Игра в классики» имели шумный успех. Критика расценила «Игру» как «первый великий латиноамериканский роман». Особенность этой необыкновенной книги заключалась в том, что в ней было еще несколько романов, которые читатель самостоятельно или по подсказке автора мог прочесть, следуя определенной последовательности глав.

В 1966 г. М. Антониони снял в Великобритании по мотивам новеллы Кортасара «Слюни дьявола» знаменитый фильм «Blow Up» («Фотоувеличение»). Рассказ начинается с того, что герой сфотографировал одну сцену, а проявив и увеличив снимок, получил другую. И втянутый помимо своей воли из своей реальности в чужую, оказался, в конце концов, ее жертвой.

Кортасар – признанный мастер новеллы, опубликовал в 1970-х гг. много сборников: «Все огни – огонь», «Тот, кто здесь бродит», «Некто Лукас», «Мы так любили Гленду», «Вне времени» и др. Любой рассказ, говоря его же словами, выигрывал не по очкам, как роман, а побеждал нокаутом. При этом славу себе Кортасар снискал прежде всего как романист, создатель «нового латиноамериканского романа».

В 1968 г. увидели свет роман «62. Модель для сборки» и книга-коллаж «Последний раунд». Писатель в очередной раз

показал, что он виртуоз в игре словами, мыслями, образами, но в отличие от многих авторов-интеллектуалов не покидает грешную землю и не отрывает своих героев от земных страстей. Все его персонажи – самые что ни на есть простые люди с улицы, которые живут в фантастически непознаваемом мире. Ткань же повествования, как лоскутное одеяло, сшита из обрывков газет, случайных записей на салфетках, подслушанных разговоров, манускриптов, цитат, перифраз, фрагментов других мастеров.

Писатель много ездил по свету: США, Мексика, Аргентина, Перу, Эквадор, Чили, Никарагуа, Панама, Куба. Читал лекции о латиноамериканской литературе и собственных книгах, участвовал в работе Международной комиссии по изучению преступлений военной хунты в Чили, широко использовал «местный» материал при написании своих произведений, опубликовал роман «Книга Мануэля», несколько сборников новелл, очерков, публицистики, эссе.

Кортасар был убежден, что западный мир выбрал ошибочный путь, ведущий прямиком к финальной катастрофе. «В любом случае нас ждет уничтожение – война, загрязнение окружающей среды, усталость, коллективное самоубийство, что угодно», – утверждал он. И в своем творчестве показывал неизбежность этого краха, но при этом не лишал человека надежды на победу, быть может, иллюзорную, которая позволяла ему хотя бы со свечой в руке прожить свой черный век.

«Есть люди, которые пишут книги, полагая это своим вкладом в дело преображения действительности. Я уверен: преображение действительности – бесконечно долгий и трудный процесс. В этом смысле от моих книг толку мало».

Во второй половине жизни и ближе к закату его нашли многие награды и звания: премии Кеннеди (Аргентина) и Медичи среди зарубежных писателей (Франция); кавалер Золотого Орла на фестивале в Ницце; кавалер орденов Независимости культуры Р. Дарио (Никарагуа) и М. Твена; член-корреспондент Академии литературы ГДР; почетный доктор университетов Мехико, Пуатье (Франция) и М. Пелайо (Испания).

В 1981 г. Кортасар получил французское гражданство. И тогда же врачи диагностировали у него лейкемию.

12 февраля 1984 г. Кортасар скончался, похоронен на парижском кладбище Монпарнас.

В нашей стране Кортасар известен с 1970 г., когда в «Иностранной литературе» были напечатаны две его новеллы. На русский язык его переводили Л. Синявская, В. Андреев, В. Багно, Р. Герман, А. Борисова.

РЭЙ БРЭДБЕРИ (1920)

«Жюль Верн – мой отец.

Г.Г. Уэльс – мой многомудрый дядя.

Эдгар Аллан По – мой кузен, у него перепончатые крылья, как у летучей мыши, он жил у нас на чердаке.

Флэш Гордон и Бак Роджерс – мои друзья и братья.

Теперь вы знакомы с моей родней.

После всего этого уже совершенно очевидно, что Мэри Уолстонкрафт Шелли, которая написала "Франкенштейна", – моя мать.

С такой родословной я мог стать только фантастом, автором самых непостижимых, умопомрачительных сказок, кем же еще?»

Признаться, этой биографии Брэдбери веришь больше, чем реальной, так же как и фантасту Брэдбери веришь, больше чем иному реалисту. Сюда еще можно добавить, что Рэй в детстве считал себя правнуком колдуньи, якобы сожженной в XVII в.

Рэймонд Дуглас Брэдбери родился 22 августа 1920 г. в Уокигане (штат Иллинойс) в семье электромонтера Леонарда Сполдинга Брэдбери, потомка англичан, приплывших в Америку в 1630 г., и Мари Эстер Моберг, шведки по происхождению. Второе имя новорожденному дали в честь знаменитого актера Дугласа Фэрбенкса.

Рос Рэй в атмосфере любви. Эта атмосфера наполняет все его автобиографические произведения – от повести «Вино из одуванчиков», написанной более полувека назад, до романа уже этого века – «Из праха восставшие».

Сильнейшие впечатления детства – магия смерти и магия книги. В шесть лет мальчик потерял дедушку и годовалую сестренку, и так и не смог смириться с этой потерей. «Смерть! Я буду бороться с ней моими произведениями, моими книгами, моими детьми, которые останутся после меня». Тогда же он впервые услышал от взрослых, а потом и сам прочитал книги Л.Ф. Баума о чудесной стране Оз, Э. По, Э.Р. Бэрроуза. С восьми лет Рэй уже навсегда пленник «страны фантазии». В 20 лет он увлекся Ф.М. Достоевским. Произведения русского писателя стали для юноши литературной школой и образцом для подражания. Обладая уникальной памятью, Брэдбери, по его словам, запоминал всё, что читал или видел, чуть ли не с момента появления на свет.

Во время Великой депрессии в 1932 г. семья дважды пересекала страну, пока через два года не обосновалась окончательно в Лос-Анджелесе (штат Калифорния). Там писатель живет и по сей день. Насмотревшись по дороге автомобильных катастроф, Рэй дал зарок никогда не водить машину, которому следует и сегодня, хотя в его рабочем кабинете к стене и прибит автомобильный номер «F-451».

В 18 лет Брэдбери окончил городскую школу. На выпускной вечер пошел в чужом костюме, т. к. денег не хватало даже на еду. В 12 лет приняв решение стать профессиональным писателем, Рэй с завидным упорством ему следовал: пропадал в библиотеках и книжных магазинах, приобрел печатную машинку, напечатал в газете свое первое стихотворение «Памяти Вилла Роджерса», а в лос-анджелесской «Антологии студенческих стихов за 1937 г.» – стихотворение «Голос Смерти», вступил в Лос-Анджелесскую лигу научной фантастики, опубликовал свой первый рассказ «Дилемма Холлербохена». Уже с первых произведений Брэдбери следовал собственному лозунгу: «Стиль – это правда». Участвовал Рэй и в самодеятельных театральных постановках и поэтических вечерах. Большую помощь оказали начинающему писателю супруги Хайнлайны – Роберт и его жена Леслин.

После школы в колледж поступить не удалось. Свое образование Брэдбери получил, читая Б. Шоу и Дж. К. Честертона, Ч. Диккенса и Р.Л. Стивенсона, О. Хаксли и У. Шекспира. В 1971 г. вышла его статья под названием «Как вместо колледжа я закончил библиотеки, или Мысли подростка, побывавшего на луне в 1932-м».

Четыре года Брэдбери продавал газеты на улице. На военную службу его не взяли из-за близорукости. Подготовив четыре выпуска журнала «Футуриа фантазия» и опубликовав несколько рассказов, с 1943 г. Рэй начал карьеру профессионального писателя. Однако успех пришел не сразу. Прошло четыре года, прежде чем публикация сборника рассказов «Темный карнавал» принесла ему известность, а радиопьеса «Луг» получила признание как одна из лучших одноактных пьес сезона. В последующие годы его сочинения неоднократно включались в антологии лучших американских рассказов, а также вошли в сборники рассказов, удостоенных премии им. ОТенри. В 1949 г. Брэдбери был назван лучшим писателем года. Настоящий же успех пришел к нему в 1950 г. после выхода в свет сборника «Марсианские хроники».

Публикации стали приносить ему вполне приличные гонорары. До этого он довольствовался 250 гонорарными долларами в месяц. Чуть больше зарабатывала его жена. В 1947 г.

Рэй женился на Маргарэт Сусане Маклюр (Мэгги), с которой познакомился в книжном магазине. Мэгги обладала редкостным обаянием и тонким чувством юмора. Жена сразу же освободила его от поисков заработков и сама работала, давая возможность Рэю целиком отдаваться творчеству. Первый экземпляр «Марсианских хроник» был набран ее руками. Ей же и была посвящена эта книга. Со временем она выучила четыре языка и стала истинным знатоком литературы. Вместе они прожили всю жизнь (Маргарэт умерла 24 ноября 2003 г.). В семье Брэдбери родились 4 дочери.

В 1951 г. была опубликована повесть «Пожарный», ставшая прологом к знаменитому роману писателя «451˚ по Фаренгейту». После опубликования его в первых номерах журнала «Плейбой» Брэдбери познал мировую славу. Этот «роман-предупреждение» стал одной из самых сильных написанных в прошлом и начале этого века антиутопий. В нем писатель, следуя своему определению «фантастика – это наша реальность, доведенная до абсурда», предугадал уничтожение мировой культуры массовой. Очень быстро он был переведен на все основные языки мира.

После этого успеха каждая книга писателя становилась явлением в современной литературе: «Вино из одуванчиков», «Что-то страшное грядет», «Смерть – удел одиноких», «Надвигается беда».

Рассказы – его конек. Многие – настоящие перлы не только фантастики, а «просто» прозы. В первую очередь именно за рассказы (их у него более четырехсот) писателя признали мэтром литературы. Именно – литературы, а не только фантастики,

поскольку писатель, являясь основоположником многих традиций фантастики, по большому счету, с первых же своих произведений вышел за рамки жанра, став писателем «большой» литературы, одним из целой плеяды выдающихся писателей, пишущих в фантастике, – Артура Кларка, Роберта Шекли, Айзека Азимова. Это воистину фантастическое поколение!

Мудрый сказочник с сердцем ребенка, Брэдбери всю жизнь ратовал за духовные ценности, за фантазию и творчество, за человечность. Он превратил фантастику в серьезный жанр – именно в ней, как в философии, читатели на распутье середины прошлого века нашли ответ на волнующий их вопрос, куда пойдет цивилизация, что ожидает нас. Фантастика о будущем, по словам писателя, помогает «жить в настоящем. Ведь будущее рождается из настоящего. Будущее создается нами и сейчас. В каждую минуту, которую мы проживаем, нам дана возможность творить его».

В 1970 г. Брэдбери приветствовал Первый Всемирный симпозиум по научной фантастике, проходивший в Японии, своей поэмой «Плыви, Человек!». В Токио было поставлено театрализованное представление.

Ныне писатель – почетный доктор литературы колледжа Уиттьер (штат Калифорния); лауреат премий О Генри, Б. Франклина, премии Американской академии, премии Э. Радклифф, премии «Гэндальф». В 1988 г. он был удостоен титула «Гранд-мастер», год спустя получил премию Б. Стокера «за достижения всей жизни».

Много сил Брэдбери отдавал борьбе за мир, за мирный космос, за сохранение Земли.

Писатель продолжает писать и издавать свои произведения и в XXI в.: роман «Из праха восставшие» (на его создание ушло более полувека), сборники рассказов «На посошок», «Кошкина пижама», «Сборник ста лучших рассказов», сборник стихов «Когда слоны последний раз во дворике цвели».

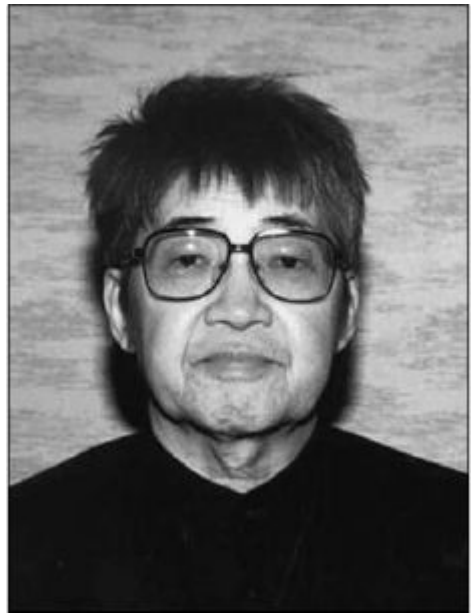
На русский язык Брэдбери переводили Н. Галь, Л. Жданов, Т. Шинкарь, А. Хорунжий, Е. Каманина, П. Вязников, А. Оганян, С. Анисимов и многие другие.

КОБО АБЭ (1924–1993)

У Абэ есть пьеса о том, как человек после смерти превратился в палку, т. е. стал тем, кем и был при своей жизни. Был бездушной палкой, ни на что не пригодной, ею и остался. Казалось бы, что такого? Мало ли людей живут, как песчинки, как палки, без лица и без души? Оказывается, не просто мало, а их с каждым годом все больше – жалуется Служитель ада. Если продолжить его рассуждения – скоро все станут палками еще при жизни, а значит, жизнь превратится в ад. Прошло полвека с тех пор, и, похоже, все так и произошло. Человечество наломало изрядно дров, чтобы главной ценностью у него стало топливо. Все творчество писателя насквозь символично, как этот отрывок из его наследия. И насколько творчество его неожиданно и противоречиво, настолько проста и почти линейна его биография (внешняя, разумеется).

Кимифуса Абэ родился 7 марта 1924 г. в Мукдене (Китайская провинция Маньчжурия). Его отец работал на медицинском факультете Мукденского университета. По-китайски Кимифуса звучало, как «Кобо» – это имя и стало позднее псевдонимом писателя. Жизнь в китайской провинции необыкновенно расширила кругозор Абэ и позволила ему уже в первых его произведениях смотреть на мир под разными углами зрения. В 1940 г. юноша окончил среднюю ступень школы. С началом Второй мировой войны он продолжил обучение в школе высшей ступени Сэдзё.

Через три года Абэ по настоянию отца уехал в Японию, где поступил на медицинский факультет Токийского Императорского университета. Во время учебы он женился на художнице Мати, главном иллюстраторе его книг и оформителе театральных декораций.



В 1948 г. Абэ окончил университет, однако практикующим врачом не стал. Дело в том, что уже с второго-третьего курса он очаровался мировой литературой и основное внимание уделял знакомству с лучшими ее образцами. Лучшими из лучших будущий писатель считал Ф.М. Достоевского и особенно Н.В. Гоголя: «Переплетение вымысла и реальности, из-за чего реальность предстает предельно ярко и впечатляюще, появилось в моих произведениях благодаря Гоголю, научившему меня этому». Университетские годы Абэ искал денег на учебу и главную тему творчества – взаимоотношение человека с враждебным ему миром. Свой первый поэтический сборник «Анонимные стихи» Кобо напечатал сам на мимеографе. Он был написан одновременно с первой крупной вещью писателя романом «Глиняные стены» о молодом японце, попавшем в плен к одной из маньчжурских банд. Через год роман был выпущен издательством «Синдзэнбися» под новым названием «Указатель в конце дороги». Писатель был замечен. В 1950 г. за рассказ «Красный кокон» Абэ был удостоен премии для авторов послевоенной литературы.

Повесть о неустроенности и одиночестве человека «Стена, Преступление S. Кармы», опубликованная в журнале «Современная литература», принесла молодому автору известность и признание критики, а в 1951 г. высшую литературную награду Японии – Премию Акутагавы. Добавив к повести еще две части «Барсук с вавилонской башни» и «Красный кокон», писатель выпустил ее под названием «Стена». Именно это произведение определило писательскую судьбу Абэ. Через несколько лет Кобо был награждён присуждаемой авторам

драматургических произведений премией Кисида за пьесу «Привидение – здесь».

В 1950 е гг., стоя на позициях литературного авангарда, Абэ примкнул к объединению «Народная литература», а затем вступил в «Общество новой японской литературы». Привлеченный идеей всеобщего равенства, писатель 8 лет состоял членом Коммунистической партии Японии, но из-за трений с партийным руководством был исключен из партийных рядов и впоследствии потерял всякий интерес к политике.

В 1960 г. вышел роман Абэ «Женщина в песках», лаконичный и необычайно ёмкий. Герой романа оказался в деревушке, окруженной песками. Остался переночевать в жилище, устроенном в песчаной яме. И попал в эту яму, как муравей, как герой русской литературы. Община нуждалась в мужчинах, отгребавших наступающий песок от тонущего в песках селения. Пленнику дали безмолвную и покорную судьбе женщину, с которой он должен был коротать свой муравьиный век. В конце концов, герой смирился со своей участью настолько, что когда ему представилась возможность бежать из ямы, он остался в ней, т. к. только в ней он чувствовал себя хозяином своей судьбы.

Роман был удостоен премии газеты «Йомиури» в 1963 г.

В трилогии «Чужое лицо», «Сожженная карта» и «Человек-ящик» писатель подтвердил славу мастера психологического романа. Герои его новых произведений, находясь в мире повседневности, переполненном аллегориями, тщетно пытались избавиться от чувства одиночества и в то же время яростно отстаивали свое право на индивидуальность. Абэ один из первых уловил неминуемость гибели личности под прессом высоких технологий, в бешеном ритме жизни, в вакууме индивидуализма и равнодушия друг к другу. Романы в форме притчи, иносказания нашли горячий прием у читателей всего мира.

В 1973 г. писатель создал театр «Студия Абэ Кобо» из 12 человек (к 1980 г. – 25). Труппа обосновалась в театре «Сэйбу». Около десяти лет театр ставил новаторские спектакли, в том числе и пьесы самого Абэ – «Крепость», «Охота на рабов», «Призраки среди нас», «Друзья». Экспериментальный коллектив не раз гастролировал за рубежом, где получил высокую оценку критики и зрителей. В 1980 г. театр побывал в США, дав представления в крупнейших городах, включая Нью-Йорк, Вашингтон и Чикаго. Японские критики новации Абэ чаще всего игнорировали.

В начале 1980-х гг. Абэ был покорен творчеством Нобелевских лауреатов по литературе Э. Канетти и Г.Г. Маркеса. Произведения этих писателей Абэ с большим энтузиазмом

популяризировал в своих произведениях и на телевидении.

После издания романа «Вошедшие в ковчег», написанного в 1984 г., писатель 7 лет ничего не публиковал. Действие последнего романа Абэ – «Записки кенгуру», вышедшего в 1992 г., происходит в больнице, где смертельно больной главный герой путешествует в своих ночных кошмарах по некоему Диснейленду.

Помимо премий за первые свои произведения, Абэ был награжден премией Танидзаки за пьесу «Друзья»; за «Женщину в песках» был награжден во Франции премией, присуждаемой автору-иностранцу за выдающееся художественное произведение; был удостоен премии Йомиури за пьесу «Зеленый чулок». В 1975 г. Абэ получил ученую степень почетного доктора наук от Колумбийского университета (США); в 1977 г. стал почетным членом Американской академии искусств и наук; в 1986 г. получил серебряную медаль за изобретение цепи противоскольжения на 10-й международной выставке изобретателей. Да-да, Абэ был не только писателем; он прослыл человеком разнообразных способностей и дарований, прекрасно разбирающимся в классической музыке, языковедом и фотографом. Он первым из японских писателей стал набирать свои тексты в текстовом процессоре и первым использовал синтезатор в профессиональных целях.

Абэ вел замкнутый образ жизни, сторонился посторонних людей, журналистов, жил уединенно в районе горного курорта Хаконэ. Друзей у него тоже не было. «Не люблю людей. Я – один. И преимущество мое в том, что в отличие от многих я хорошо это понимаю».

В 1992 г. писателя выдвинули кандидатом на Нобелевскую премию по литературе. Поздней ночью 25 декабря во время работы над очередным сочинением он потерял сознание от кровоизлияния в мозг и был госпитализирован. После выписки из больницы 20 января 1993 г. состояние здоровья резко ухудшилось, и 22 января писатель скоропостижно скончался от остановки сердца. Смерть лишила Абэ возможности получить Нобелевскую премию, но дала ему славу вечную. Кэндзабуро Оэ, лауреат этой премии 1994 г., заявил, что, проживи Абэ дольше, он непременно получил бы ее.

Сегодня в Японии у Абэ репутация скорее писателя элитарного, чем популярного. В России же произведения писателя идут наравне с русской классикой.

Многие произведения Абэ перевел на русский язык В. Гривнин. Переводили писателя также А. Стругацкий, С. Бережнов и др.

ЮКИО МИСИМА (1925–1970)

«У мужчины жажда стать красивее совсем иной природы, чем у женщины: у мужчины это всегда желание смерти» – написал Мисима за 11 лет до своей смерти. Он родился в Стране восходящего солнца и сам стал светилом японской культуры, ослепительно-кратким и ослепительно-черным. Своей яростной жизнью Юкио доказал, что человек может всё, что захочет. За четверть века он написал более ста томов филигранной прозы, эссеистики и драматургии. И это была только часть его жизни. С его вулканической жаждой самореализации спорить некому. Он в жизни добился всего, чего хотел, даже собственной смерти. По мнению известного японоведа Д. Кина, «наиболее совершенным произведением искусства Мисимы стал он сам».

Кимитакэ Хираока родился 14 января 1925 г. в семье крупного государственного чиновника Адзуса Хираока и его супруги Сидзуэ. Семинедельного малыша забрала к себе властная и истеричная бабушка. До двенадцати лет мальчик воспитывался в аристократических традициях и полной изоляции от внешнего мира и своих сверстников. Ему запрещались прогулки и лишь изредка, как осужденному, разрешались свидания с родными. Не удивительно, что он рос бледным, хилым и болезненным.

В 16-летнем возрасте Хираока под псевдонимом Юкио Мисима написал свое первое произведение – романтическую

повесть «Цветущий лес», в которой заявил, что красота и смерть – и есть сущность жизни. В 1944 г. Юкио с отличием окончил привилегированную школу, и император Хирахито вручил ему серебряные часы.

По желанию отца юноша поступил на юридический факультет Токийского университета, где изучал немецкое право. Во время учебы увлекся литературой немецкого романтизма, а позднее Т. Манном и Ф. Ницше. Надо отметить, что Юкио прекрасно знал всю классическую литературу и Востока, и Запада.

В 1945 г. Мисима из-за слабого здоровья избежал призыва в армию. На следующий год он показал два своих рассказа классику японской литературы Я. Кавабата. Тот посодействовал публикации рассказа «Сигарета» в журнале «Человек». Начинающий писатель принял участие в неформальных встречах известных литераторов О. Дадзая и К. Камэи, на которых заявил о себе как о вызывающе дерзком и эпатажном человеке.

Окончив университет, Мисима служил в Министерстве финансов. Совмещая чиновничью работу с литературной, написал свое первое крупное произведение «Вор». Через год писатель примкнул к объединению «Современная литература». Получив от издательства «Кавадэсёбосинся» заказ на роман, Мисима ушел со службы. В 1949 г. роман «Исповедь маски» увидел свет, был высоко оценен критиками и стал сенсацией из-за описания нетрадиционных отношений и апологии смерти.

Следующие два романа – «Жажда любви» и «Запретные удовольствия» имели громкий успех. После них за Мисимой закрепилась репутация мастера психологической прозы, и он вошел в обойму литературных лидеров Японии. ЮНЕСКО включило «Жажду любви» в список коллекции шедевров японской литературы.

В качестве специального корреспондента газеты «Асахи симбун» Мисима девять месяцев находился в кругосветном путешествии (всего он совершил семь «кругосветок»), откуда вернулся другим человеком. Мрамор Греции возродил в нем скульптора – он задумал превратить самого себя в живое изваяние атлета или бога. «Создать прекрасное произведение искусства и стать прекрасным самому – одно и то же» – написал он. Решив «создать из себя полную свою противоположность», как физически, так и духовно, Юкио занялся плаванием, бодибилдингом, тяжелой атлетикой, фехтованием на саблях кэндо, каратэ и достиг поразительных успехов как в каждом виде спорта и боевых искусств, так и в «строительстве своего тела». В 1963 г. в энциклопедической статье о культуризме была

помещена его фотография. Много снимаясь в фильмах и позируя для фотоальбомов, Якио стал искусным манипулятором СМИ и общественного сознания и одним из первых поп-идолов послевоенной эпохи.

В «строительстве» литературы он тоже сменил свой стиль, сориентировав его на классическую японскую традицию и на Т. Манна. «Золотой храм», увидевший свет в 1956 г., стал воистину храмом японской литературы. Это сегодня самый читаемый в мире японский роман.

Далее последовала череда творческих удач писателя – «Шум прибоя», «Долгая весна», «Пошатнувшаяся добродетель». Единственный светлый и безмятежный «Шум прибоя», на который писателя вдохновила история Дафниса и Хлои, пользовался колоссальным успехом у читателей. Многие бестселлеры были экранизированы.

В те же годы Юкио стал писать и ставить свои пьесы, исполняя в них иногда главные роли. В истории японского театра Мисима – крупнейший драматург. С 1953 г. он каждый год писал по большой пьесе, не считая одноактных. Писал за 1–3 ночи. Театр Мисимы, зачастую провокационный, – это эпатаж, завернутый в классику. Шок зрителей и скандалы «грели» автора.

В 1959 г. Мисима опубликовал роман «Дом Кёко», как альтернативу «Золотому храму», в которой он предпринял попытку отразить сущность современной эпохи. Мнение читающей публики разделилось. Одними роман был воспринят как шедевр, другими – как провал. После десятилетнего триумфа писатель попал под «холодный дождь» критики.

К этому времени Мисима был женат на Ёко Сугияма, дочери известного мастера классической японской живописи Я. Сугияма. Вскоре Мисима получил угрозы с обещанием физической расправы от правых радикалов за его прокоммунистические взгляды. Несколько месяцев дом Мисимы охраняла полиция. Это были месяцы мучительных раздумий писателя над правильностью выбранной им политической ориентации.

В 1960-е гг. произведения Мисимы стали переводить на европейские языки. Вышли новые романы «Весенний снег» и «Несущие кони» (первые две части тетралогии «Море изобилия»), пьесы «Маркиза де Сад», «Патриотизм». Трижды Мисиму выдвигали на соискание Нобелевской премии по литературе, трижды прокатывали, трижды он впадал в глубокую депрессию, не без основания считая себя достойным ее претендентом. Именно его назвал лучшим японским писателем второй половины XX в. Я. Кавабата, лауреат Нобелевской премии 1968 г.

С детства глубоко почитая самурайский дух, писатель в 1960

е гг. заразился идеей возрождения самурайских традиций. Это отвечало его представлению о совершенном человеке, в котором этика поведения неотделима от эстетического начала. Будучи монархистом и сторонником традиционных ценностей, противником конституции, по которой Япония не имела права иметь свою армию, а только Силы самообороны, Мисима публично заявил о своей солидарности с праворадикалами, вступил в эти Силы и совершил показательный полет на истребителе. Вскоре он создал собственную военизированную студенческую организацию «Общество щита».

В 1968 г. были опубликованы «Храм на рассвете», третий том тетралогии, и пьеса «Мой друг Гитлер». Во время студенческих волнений Мисима посетил захваченный студентами Токийский университет, где принял участие в ожесточённой дискуссии о месте императора и государственном устройстве.

Свою смерть Мисима написал, поставил и сыграл. Утром 25 ноября 1970 г. он отослал редактору рукопись романа «Падения ангела» – последнего тома тетралогии. Поставив точку в литературе, через несколько часов он поставил точку и в своей жизни. Под предлогом официального визита, Якио с четырьмя членами «Общества щита» прибыл на базу сухопутных войск Сил самообороны в Итигая. Взяв в заложники командующего округом генерала К. Масите, Мисима с балкона обратился к солдатам с призывом совершить государственный переворот. Однако его призывы к самурайскому духу не были услышаны, поскольку этого духа у солдат не было, после чего Мисима покончил с собой, совершив сэппуку (харакири – это неудачно проведенный ритуал), чем продемонстрировал высший полет духа и верность своему сюзерену-императору.

Смерть Мисимы вызвала всеобщее недоумение, а также мощную волну выступлений ультраправых по всей стране. «Да он просто свихнулся», – заявил премьер-министр Сато. Было ли это так, или протестом против «утраты Японией самурайского духа», или личным стремлением к смерти, совпавшим у него с ощущением конца японской культуры и распада традиционных ценностей, – нам сегодня можно только гадать. Одно неоспоримо: это был эпилог самой грандиозной пьесы, которую когда-либо разыгрывали на земле, под названием «Юкио Мисима».

Проза Мисимы свежа и сегодня. Его пьесы не сходят с подмостков японских театров, а также театров Европы и США. В России в 1990-е гг. были поставлены «Мой друг Гитлер», «Маркиза де Сад», «Парчовый барабан».

Мисиму на русский язык переводили Е. Стругова, Г. Чхартишвили (Б. Акунин), С. Ильин, А. Вялых, Т. Юркова.

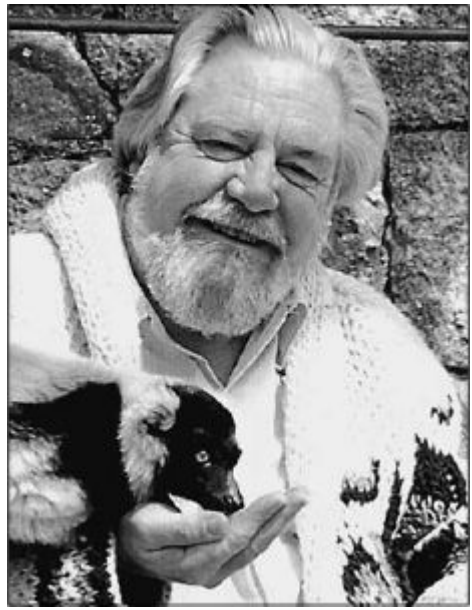
ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ (1925–1995)

Если кому и завидовать из писателей, так это Даррелу – писать о животных так, что людям становится завидно! Газета «Таймс» подтверждает это: «Если бы звери, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых своих Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».

Джеральд Малкольм Даррелл родился 7 января 1925 г. в английской семье инженера-строителя Сэмюэля Даррелла и Луизы Флоуренс, проживающей в индийском городе Джамшедпуре. У Джерри были два старших брата и сестра. Первым его словом было «zoo» (зоопарк). В три года мальчик потерял отца. Семья вернулась в Англию, но детям было трудно приспособиться к английскому климату, и тогда Даррелы поселились на острове Корфу в Средиземном море. Щедрое солнце родило поэта фауны. Излишне говорить о любознательности мальчика, с двух лет набивавшего карманы курточки улитками, а спичечные коробки скорпионами. Его любимым развлечением было простаивание у клеток с животными. В шесть лет он поведал матери о своей мечте создать собственный зоопарк. Первые познания по зоологии Джерри получил от натуралиста Т. Стефанидеса.

Вернувшись с началом Второй мировой войны в Англию, подросток стал продавцом в зоологическом магазине. Это был подарок судьбы. Весь день Джерри проводил с животными, в колледже и библиотеках.

Окончив колледж, Даррелл нанялся «мальчиком на позверюшках» в пригородный лондонский зоопарк Уипснейд. Круг общения стал шире, обязанности сложнее, риск больше – приходилось заниматься содержанием, кормлением, разведением, в том числе и опасных зверей. За 20 лет до создания «Красной Книги» он начал собирать сведения о редких и исчезающих видах животных. Одно угнетало впечатлительного юношу – животным было тесно в вольерах. И тут новый подарок судьбы: ему предложили заняться отловом животных для зоопарка в Камеруне (Западная Африка).



Прибыли экспедиция не принесла, Даррелл оказался безработным. Какое-то время жил и питался при зверинце курортного города Маргейт. Старший брат Даррелла, писатель Лоуренс, посоветовал ему написать «книгу о животных». Рассказ «Охота на волосатую лягушку» имел успех, автор даже читал его по радио. Гонорар подстегнул его к написанию новых рассказов. Книгу «Перегруженный ковчег» в три дня смели с прилавков. Даррелл стал знаменит.

Камерун послужил спусковым крючком – писатель после него много путешествовал по миру: Африка, Южная Америка, снова Африка. Из поездок привозил книги. «Гончие Бафута», «Земля шорохов», «Под пологом пьяного леса», «Зоопарк в моем багаже» – их уже читал весь мир. После книги «Моя семья и другие звери», которая только в Великобритании переиздавалась 30 раз и 20 раз в США, критики в один голос заговорили о возрождении английской литературы, а произведения Даррелла были включены в программу выпускных школьных экзаменов по литературе.

Даррелл привязывался к отловленным животным как к собственным детям. Расставание с ними всякий раз омрачало его душу. Избавить от этого мог только собственный зоопарк.

Издатель Руперт Харт-Девис, поняв, что Даррелл принесет солидную прибыль, выдал ему кредит в 10 тысяч фунтов стерлингов. Так Даррелл стал владельцем зоопарка в поместье Огр на острове Джерси (Нормандские острова). На содержание и пополнение зоопарка шел весь гонорар от его книг.

К середине XX в. многие виды животных были на грани

исчезновения. Даррелл спасал их: небольшую казарку с Гавайских островов – нене, зубра, американского журавля, розового голубя, маврикийскую пустельгу, толстоклювого попугая и т. д. Гордостью зоопарка стали редчайшие обезьяны Южной Америки и Мадагаскара: львиные тамарины, золотистые, золотоголовые и золотистозадые игрунки, мармозетки, лемуры, мадагаскарские руконожки. Даррелл был в числе пионеров, озабоченных созданием всемирного «банка» редких животных.

Чтобы погасить образовавшиеся за четыре года долги зоопарка, Международный фонд охраны животных и Общество охраны животных создали на базе зоопарка Джерсийский трест сохранения диких животных. Английская принцесса Анна стала почетным президентом треста, а его директором избрали Даррелла. Основная идея Даррелла заключалась в разведении редких животных в условиях зоопарка и дальнейшем расселении их в места естественного обитания.

В 1972 г. в Джерси состоялась первая конференция, которая подвела итоги международных усилий по созданию в зоопарках резерва редких животных. Вступительную речь произнес Даррелл.

Натуралист Даррелл оказался выше проблем сугубо зоологических, а писатель Даррелл шире проблем общечеловеческих. Одними питомниками судьбы животных не изменить, утверждал он, – «младших братьев» мало любить, их надо спасать от людей.

Совершив в 1962 г. по поручению Международного фонда охраны животных поездку в Новую Зеландию, Австралию и Малайю, он написал книгу «Путь кенгуренка» и показал серию телепередач, в которых пенял людям за их неуемную жадность и предостерегал их от опасности превратить Землю в одну лишь пустыню. Никакие национальные парки и заповедники не спасут животных от алчности дельцов, ради запасов нефти или золота готовых уничтожить саму Землю. Нужны гарантии, настаивал натуралист, от хищнического подхода человека к общему для всех миру.

Книги о животных привлекли читателей не только своей публицистической направленностью. Даррелл стал родоначальником нового жанра. За ним последовала целая когорта «натуралистов», зараженных скорее магией его слова, а не сутью проблем, не говоря уж о том, что далеко не все были профессионалами в этой непростой области человеческого знания. Именно в этом жанре, как ни в каком другом (ну разве что еще в детской литературе, которую вообще-то бессмысленно вычленять из «взрослой»), проявилась человеческая суть писателя. Доброту и милосердие не скроешь ни за умными

рассуждениями, ни за всякими литературными бантиками. Он любил животных просто за то, что они есть на свете. Филологи не раз отмечали, что у писателя «счастливым образом сочетались умение видеть и умение рассказывать». В изображении животных Даррелл – истинный мастер-портретист, а трагедию вымирания рода он описывает с мастерством писателя-реалиста. У него нет «отрицательных» персонажей, нет «уродов», нет «героев нашего времени», они все «положительные», все чудо как хороши, и если им и грозит что-то, так это стать «потерянным поколением». Юмору писателя позавидовал бы сам Диккенс. Об огромной познавательной ценности его книг, которыми можно пользоваться как справочниками, писать излишне.

Всего Даррелл написал более 30 книг, переведенных на десятки языков, снял 35 фильмов. В 1984–1985 гг. он объездил нашу страну от Таймыра до Бухары, от Калмыкии до Байкала и снял тринадцатисерийный фильм об охране природы в СССР – «Даррелл в России». Фильм был показан по Первому каналу ТВ.

Даррелл награжден орденом Британской империи.

Писатель умер 30 января 1995 г. после неудачной операции на печени.

Ныне в его зоопарке живет более полутора тысяч животных, размещены несколько лабораторий и специализированных центров, центр образования для школьников, зоомузей. Рядом находится Международный центр подготовки специалистов по охране и размножению редких видов в неволе. Все крупные зоопарки мира идут в русле, проложенном Дарреллом: занимаются разведением редких видов животных. В честь Даррелла названы несколько видов и подвидов животных.

В 2006 г. власти Корфу переименовали парк Боскетто в своей столице в честь Джеральда и Лоуренса Дарреллов.

В нашей стране все сочинения писателя (в переводе Л. Жданова, А. Макаровой, М. Мушинской, Н. Рахмановой, Л. Деревянкина и др.) были настольными книгами.

КАРЛОС КАСТАНЕДА (1925, или 1931, или 1935–1998)

Хотя между ним и Пифагором разница в 25 веков, о Кастанеде известно меньше, чем о великом греке. Известно, что Пифагор был философ, математик, маг. Вот и о Кастанеде известно – антрополог, писатель, маг. А еще мистификатор. Быть может. После прочтения его книг поражаешься способности этого человека не только ощущать, но и пребывать в другой реальности. (Реальности ли?) А когда начинаешь сомневаться в этом и думать, что это очередная чертовщина, поражаешься таланту писателя, заставившему поверить в нее. И невольно разводишь руками: магия!

Биографы Кастанеды, словно наевшись галлюциногенных грибов, наплели о нем такого, что мама родная не распутает. Согласно им, Карлос Цезарь Сальвадор Арана Кастанеда родился 25 декабря 1925 г. (1926 г.) в древнем городе инков Кахамарке (Перу) либо 25 декабря 1925 г. (1931 или 1935 г.) в городе Сан-Паулу, Бразилия; он был перуанец (бразилец, итальянец)… Для ясности примем, что он перуанец и родился в Кахамарке в 1925 г., 25 декабря – эта знаковая дата одинаково мила всем биографам. Что же касается его мамы и папы, кое-какие сведения сохранились. Сезар Арана Кастанеда Бурунгари, часовщик и золотых дел мастер, отцом сподобился стать в 17 лет. Матушке, Сусанне Кастанеде Навоа, и вовсе было только 15. Она умерла, когда Карлосу исполнилось не то 22, не то 24 года.

Биография Кастанеды – его собственный компот, мюнхгаузениана, если угодно; ее черпают из его книг, в ней зерна не отделены от плевел. По нескольким интервью (в т. ч. журналу «Тайм»), он не раз кончал жизнь самоубийством, погибал в автокатастрофе – однако каждый раз возрождался. Он тасовал даты, страны, имена, не фотографировался (несколько фотографий запечатлели его случайно) – только лишь затем, чтобы сберечь тайну своей личности.

Мальчик с детства был приобщен как к земным делам, так и к мистическим. В отцовской мастерской он работал с бронзой и золотом, а общаясь с курандерос – местными шаманами и целителями, что-то перенял от них и запредельное.

Проучившись три года в местной школе, Карлос переехал с родителями в Лиму, где в Национальной школе изящных искусств изучал живопись и скульптуру. Вел богемный образ жизни. Подогреваемый примером дяди Освальдо Аранха – посла Бразилии в США и председателя Генеральной Ассамблеи ООН, эмигрировал в США и получил американское гражданство.

Поступил в Лос-Анджелесский общественный колледж, где помимо основных занятий посещал лекции по журналистике и семинары по литературному мастерству, писал картины, занимался скульптурой. Опубликовал в журнале «Колледжиан» стихотворение, удостоенное премии. Подрабатывал на фабрике детских игрушек художником и вообще не гнушался никаким заработком.

Из увлечений того периода (помимо обычных увлечений молодости) стоит отметить любовь Карлоса к Маргарет Руниан, бывшей на пять лет его старше (она стала позже его женой и родила сына), к творчеству Достоевского, советскому кино и к Н.С. Хрущеву.

В курсовой работе второго курса Кастанеда развил тему – о влиянии галлюциногенов на сознание человека, почерпнутую им в книге английского писателя О. Хаксли «Врата познания», а также нашел свою – роль языковой традиции в общении людей.

Закончив колледж, Карлос получил диплом Ассоциации

Искусств в области психологии и поступил в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе на антропологию. Студентом разрабатывал тему использования галлюциногенных растений в индейских ритуалах, для чего не раз ездил в Аризону и Мексику.

В 1960 г. Кастанеда в Мексике познакомился с доном Хуаном Матусом, старым индейцем-брухо из племени яки, магом и целителем, который стал его духовным учителем и 12 лет вел его «по пути воина и мага», передавая сокровенные знания своего племени. После ряда испытаний индеец разрешил ученику записывать их беседы. Уйдя с головой в свой труд, стремясь постичь суть глубинного погружения в мистерии древних культов, Карлос отрешился от мира, и все время отдавал полевым записям в Мексике и печатной машинке в Лос-Анджелесе. Отдалился от друзей, жены, сделал себе стерилизацию. Когда денег на учебу не осталось, он оставил университет, работал кассиром в магазине женской одежды, таксистом. Руниан, уставшая от такой жизни, переехала с сыном в Вашингтон.

В 1965 г. Кастанеда раздал профессуре рукопись «Учение дона Хуана. Путь индейцев из племени яки», состоящую из методической разработки и художественного описания. Три года мэтры изучали сей труд. Их мнения разделились, но в одном они были едины – книга получилась захватывающе-неординарной. Это возобладало, и книгу напечатали в университетском издательстве, как учебное пособие. За два года разошлись 300 тысяч экземпляров. Кастанеда активно участвовал в раскрутке книги, встречаясь с читателями и давая интервью. Книгу перевели на 17 языков, специалисты до хрипоты спорили, что это такое – эзотерика, литературно-философская мистификация или чистой воды сюр. А еще – реальный ли тип дон Хуан или придумка автора. Сказать, что «Дон Хуан» стал бестселлером – ничего не сказать. Это был поистине культурологический взрыв, потрясший нашу грешную землю и ее обитателей, воочию убедившихся в реальности других (не Царствия Небесного) миров. Воочию – потому что Кастанеда смог «показать» невидимое. Мистика ведь в том и заключается, что ее нет, а все в ней пребывают.

Карлос открыл золотую жилу. После еще двух книг, изданных миллионными тиражами, он стал миллионером, получил степень доктора философии по антропологии. СМИ разрывали его на части.

В четвертой книге дон Хуан таинственно исчез – «растаял подобно туману». Вместе с ним растаяли и попытки кастанедоведов найти прототип индейца, чересчур круто замешанный на экзистенциализме, феноменологии и

современной психотерапии. Кастанеда изменился. Развелся с женой, оставил сына, отошел от друзей, купил себе особняк возле университета, устроил в нем резиденцию эзотериков, навел вокруг себя туману и стал гуру. Стирая личную историю, как пыль, Кастанеда выбил ее в граните.

В последующих шести книгах и томе комментариев, написанных в 1970–1990 х гг., писатель, иногда повторяясь, до тонкостей изложил учение дона Хуана и поведал о тяжкой судьбе трудящегося мага в XX столетии. Помимо интриги (Агата Кристи там отдыхает!) и прекрасного стиля, а также гигантской автобиографии самого Кастанеды, десятитомная эпопея представляет собой уникальный учебник для выстраивания отношений пары ученик – Учитель. Читатель получил ответ на вопрос, как можно, поучившись чему-нибудь и как-нибудь, превзойти Учителя. Самый же большой авторский крючок состоял в том, что учение дона Хуана обещало счастье не в конце пути или в другой жизни, а подталкивало читателя к поиску своего подлинного предназначения и обретения пути в этом мире. Юнгианский аналитик Д.Л. Уильямс считает, что Кастанеда как Колумб открыл белым людям древнюю мудрость красных аборигенов Америки. Популярность Кастанеды в 1980-х гг. была столь высока, что Ф. Фелини задумал экранизацию «Учения Дона Хуана», приехал в Лос-Анджелес, но Карлос с ним на контакт не пошел.

Помимо книг Кастанеда создал целую (в основном женскую) школу магов, где он и «ведьмы» занимались перераспределением своих энергий, магическими пассами, писали пособия, вели курсы, записывали видеокассеты, пока не превратились в раскрученный бренд и торговую марку, чем несколько снизили апогей духовной орбиты. К концу жизни Кастанеда основал компанию «Cleargreen» и учредил «Фонд Орла», которому перешли права на его наследие.

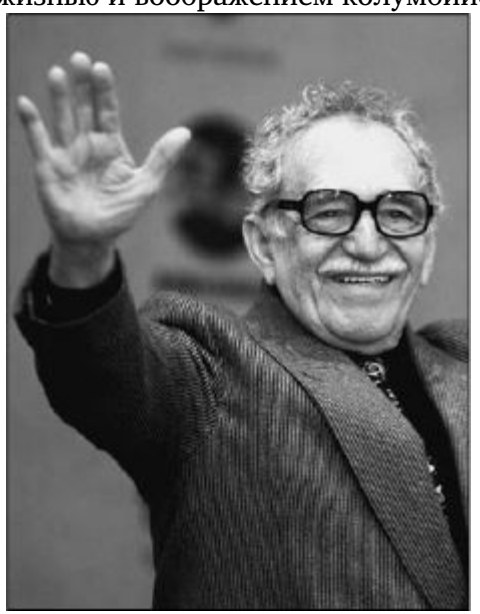
18 июня 1998 г. появилось сообщение о том, что 27 апреля этого же года Кастанеда умер от рака печени; после кремации его прах отправили в Мексику. Говорили, что он то ли «растаял» в вечности, то ли «сгорел» сам в себе. Предположительно, четыре его ученицы ушли вслед за ним, покончив с собой, – их трупы были найдены пять лет спустя.

Учение дона Хуана породило массу последователей и фанатов во всем мире, в том числе и в России. Они собираются в общества, проводят сессии, ездят на семинары «великого Нагваля» в Америку. Лопнул нарыв зажравшегося «белого» общества всеобщего потребления, и общество получило путь, уводящий от самого себя, причем внутрь.

В СССР произведения Кастанеды впервые появились в самиздате в 1980-е гг. На русском языке они издавались не менее ста раз. Переводили Кастанеду К. Семенов, Д. Палец, С. Грабовецкий, Н. Шлет, Л. Руддат, И. Старых, Б. Останин, А. Пахомов, С. Ильин и многие другие.

ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС (1927 или 1928)

В рассказе Маркеса «Самый красивый утопленник в мире» на морской берег выносит не тронутый тленом труп мужчины, громадного, как Пантагрюэль. Женщины очищают его от ракушек и тины, дабы совершить похоронный обряд – сбросить с прибрежных скал в море, как это принято у них в селении. Очистив, они поражаются красотой и мужественностью утопленника. «По его лицу видно, что его зовут Эстебан», – говорит самая старая женщина. Далее на двух страничках повествуется о жизни этих женщин, их мужей, убогой жизни вообще. Текст звучит как молитва Богом забытых людей перед прекрасным лицом-иконой утопленника. Души женщин светлеют, в них пробиваются ростки иной прекрасной жизни. Этот рассказ, как и все прочие произведения Маркеса, создан двумя волшебными палочками: фантастической реальностью и реальной фантастикой, – жизнью и воображением колумбийского писателя.



Габриэль Хосе Гарсиа Маркес родился 6 марта 1928 г. (по словам отца – 1927 г.) в банановом порту Аракатака (департамент Магдалена). Чета Маркесов, телеграфист Габриэль Элихио Гарсиа и Луиса Сантьяго Игуаран, в поисках лучшей доли переехали в другой город, где позже родили еще пятнадцать детей, а первенца оставили на воспитание родителям матери. Дом стариков был переполнен суевериями и народными поверьями, историями о

призраках и привидениях. Бабушка Транкилина рассказывала внуку народные сказки, мифы и легенды, а дед Николас, полковник в отставке, таскал его в цирк, кино и вспоминал битвы молодости, когда Колумбия была в пороховом угаре гражданских войн.

После смерти деда восьмилетнего Габито отдали в школу-интернат в Барранкилле. В 1940 г. Маркес выиграл стипендию на обучение в иезуитской школе для одаренных учеников в городке Сипакира, недалеко от Боготы. Там он основал журнал «Литература» и впервые попробовал писать.

В девятнадцать лет по настоянию родителей юноша поступил в Колумбийский университет на юридический факультет. Прочитав «Метаморфозы» Ф. Кафки, загорелся сам создать что-нибудь эдакое; написал несколько стихотворений и рассказов. В боготской газете «Наблюдатель» опубликовал свой первый рассказ «Третий отказ», а потом еще десять.

В один из приездов к родителям Маркес был представлен 13-летней девочке по имени Мерседес Барча Пардо. Вскоре он сделал ей предложение. Та дала согласие, но с отсрочкой до окончания школы. Однако поженились они только через 14 лет. У них родились два сына.

В 1948 г. из-за беспорядков в стране университет закрыли, и Маркес переехал в Картахену, где устроился репортером в «Геральд». Затем перебрался в Барранкиллу, вступил в литературный клуб, увлекся Хемингуэем, Джойсом, Вулф, Фолкнером, Софоклом.

Через шесть лет Габриэль вернулся в столичный «Наблюдатель». В своих статьях вскрыл факты перевозки контрабанды колумбийскими военными кораблями. Разразился скандал. Редакция командировала Маркеса от греха подальше в Рим и Париж. Но газету вскоре закрыли. Маркес остался в Европе без работы.

К этому времени Маркес стал известным писателем. В 1955 г. он опубликовал повесть «Палая листва», в которой впервые появился небольшой город Макондо, главный житель которого – одиночество. Затем свет увидели рассказы, киносценарии, повесть «Полковнику никто не пишет», написанная еще в Париже в 11 вариантах – ее отдали в печать друзья писателя.

В 1958 г. Маркес нелегально посетил Колумбию, женился на Мерседес и вывез ее в Каракас, а затем в Гавану. Габриэль освещал события на Кубе, помог создать филиал новостного агентства Ф. Кастро в Боготе, Пренса Латина.

В 1962 г. появился сборник рассказов «Похороны Мама-Гранде». Друзья убедили Маркеса принять участие в

литературном конкурсе «Эссо» в Боготе. Писатель с романом «Недобрый час» выиграл его. Книгу о фатальной связи насилия и одиночества издали в Мадриде. Редакторы изуродовали роман до неузнаваемости, так что автор отказался от него. В авторской редакции он вышел только через пять лет.

Пять следующих лет всё шло не шатко не валко, пока писатель не опубликовал в 1967 г. роман-притчу «Сто лет одиночества», названный чилийским поэтом П. Нерудой «величайшим откровением на испанском языке со времен «Дон Кихота». Первое издание разошлось за неделю и вызвало настоящее «литературное землетрясение» (так определил это событие перуанский писатель В. Льоса). За три с половиной года было продано более полумиллиона экземпляров, что для Латинской Америки стало сенсацией, а в мире заговорили о новой эпохе в истории романа и реализма. Увы, эта эпоха, похоже, на этом романе и закончилась.

Макондо в романе предстал вековой историей Латинской Америки, судьбой шести поколений рода вечно одиноких Буэндиа, забывающих своих предков и обреченных быть забытыми своими потомками. Синтез реального и ирреального позволил критикам определить стиль прозы Маркеса, как новое барокко или магический реализм. На написание 1300 страниц рукописи ушло 18 месяцев затворничества, 3000 пачек сигарет, а также все средства. Писатель продал машину, заложил все, что можно было заложить, и задолжал больше 10 000 долларов.

Роман перевели на 24 языка; он получил премию Чаянчано в Италии, был назван лучшей зарубежной книгой во Франции; стал одной из 12 лучших книг года в США; получил награду Ромуло Галлегоса и Ньюштадтскую премию.

Переехав в Барселону, писатель опубликовал там «Невероятную и печальную историю о простодушной Эрендире и её бессердечной бабушке». Всестороннее исследование проблемы власти блестяще воплотилось в романе «Осень патриарха», опубликованном в 1975 г. В нем автор предложил читателям самим сделать выбор между порядком диктатуры и анархией демократии. Роман был плохо принят критиками, однако с годами к нему пристало определение «шедевр».

Следующий роман «Хроника объявленной смерти», новаторский по форме, повествующий об убийстве, по-разному воспринятом различными очевидцами, справедливо считается одним из самых блестящих и самых «магических» детективов современности.

В 1981 г. Маркеса наградили орденом чести французского региона, а на родине обвинили в финансировании партизанской

группировки М-19. Писателю дали политическое убежище в Мексике. На следующий год новый президент Колумбии Бетанкур пригласил Маркеса в Боготу и лично проводил его в Стокгольм для получения Нобелевской премии в области литературы.

10 декабря 1982 г. король Швеции Карл-Густав вручил Маркесу эту премию «за романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента». При награждении было отмечено, что «Гарсиа Маркес не скрывает своих политических симпатий, он стоит на стороне слабых и обездоленных, против угнетения и экономической эксплуатации».

После этого Маркес опубликовал два романа: «Любовь во время чумы» и «Генерал в лабиринте». В 1990-е гг. писатель перенес несколько сложных операций в Мексике и США по удалению раковой опухоли в легких и лимфомы. Это были годы литературного затишья, хотя в 1994 г. и был напечатан роман «Любовь и демоны».

В 2000 г. Маркес написал стихотворение «Марионетка» – свое творческое завещание. Через два года издал первую книгу из запланированной биографической трилогии – «Жить, чтобы рассказать о жизни», ставшую в испано-язычном мире бестселлером.

Из публикаций этого века стоит отметить роман Маркеса «Вспоминая моих грустных шлюх», вышедший в 2004 г. Миллионный тираж улетел вмиг.

Ныне Маркес работает над пятой редакцией очередного романа о любви. С годами он не растерял свой пыл: «Если бы я не стал писателем, я хотел бы быть тапером в баре. Так я помогал бы влюбленным еще сильней любить друг друга».

В 2006 г. мэр городка Аракатака предложил переименовать поселение в Макондо. Более 90 % проголосовавших высказались за переименование, но город переименован не был, поскольку не был собран кворум.

Писатель живет в Мехико, бывает в Картахене и на Кубе, где видится со своим другом Ф. Кастро.

Маркеса на русский язык переводили М. Былинкина, А. Борисова, С. Сальникова, Н. Бутырина, Р. Рыбкин, А. Шишков, Л. Синявская, В. Столбов.

notes

Примечания

1

Перевод В.В. Вересаева.